

A close-up portrait of a woman with light skin and blue eyes, looking slightly to the right. She is wearing a dark, textured garment. In the foreground, a single red rose with green leaves is visible. The background is a solid teal color.

Джессика Грегори

ВЕЧНАЯ принцесса

Новая книга
автора
бестселлера
"Надеждо
рози Колетт"

Annotation

Филиппа Грегори, одна из самых популярных писательниц в современной Англии, завоевала читательскую любовь благодаря серии исторических романов. Особый успех выпал на долю книг, посвященных эпохе короля Генриха VIII, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и был экранизирован. В главных ролях снялись звезды Голливуда Натали Портман, Скарлетт Йоханссон и Эрик Бана.

«Вечная принцесса» — удивительная история Екатерины Арагонской, первой жены короля Генриха VIII. Каталине, дочери Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, судьбой было предначертано стать королевой Англии. И она ею стала, но вот какой ценой?

- [Принцесса Уэльская](#)
- [Дворец Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года](#)
- [Лондон, ноябрь 1501 года](#)
- [Замок Ладлоу, январь 1502 года](#)
- [Ладлоу, март 1502 года](#)
- [Замок Ладлоу, 2 апреля 1502 года](#)
- [Ожидание](#)
- [Апрель 1503 года](#)
- [Уайтхолл, июнь 1503 года](#)
- [Снова принцесса](#)
- [1509 год](#)
- [Гринвичский дворец, 11 июня 1509 года](#)
- [Лето 1509 года](#)
- [Екатерина, королева Англии](#)
- [Осень 1509 года](#)
- [Вестминстерский дворец, январь 1510 года](#)
- [Весна 1510 года](#)
- [Гринвичский дворец, май 1510 года](#)
- [Весна 1511 года](#)

- [1 января 1512 года](#)
 - [Весна 1513 года](#)
 - [Лето 1513 года](#)
 - [Вальсингам, осень 1513 года](#)
 - [Блэкфрайерс-холл](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Принцесса Уэльская

Гранада, лето 1491 года

Раздался вопль, огонь жадно лизнул шелковое полотнище, тут и там слышались крики. Пламя перебегало от палатки к палатке, пожирая стяги, взбегая вверх по украшенным флажками веревкам, сквозь муслиновые входные завесы врываясь в шатры. Встревожились, заржали лошади, испуганные люди пытались их успокоить, однако ужас, звучащий в их командах, пугал животных еще пуще, и наконец вся равнина осветилась тысячей всполохов. Ночное небо затянуло клубами дыма, воздух задрожал от женского визга и грубых окриков.

— Мадре! Мадре! — тоненько позвала разбуженная шумом девочка. — Мавры? Это что, мавры?

— Спаси нас Господь! — всполошилась спросонья нянька. — Они подожгли лагерь! Надругаются надо мной, ироды, а тебя саблями порубят!

— Мама! — заплакала девочка, сползая с постели. — Где моя мама?

Путаясь ногами в рубашке, она кинулась из шатра, полотнища которого уже занялись огнем, и в ужасе замерла: вокруг тысячами костров пылали тысячи палаток. Веселым фейерверком взлетали в ночное небо искры, неся беду все дальше и дальше.

— Мама!

Тут из языков пламени появились два огромных коня, двигавшиеся в лад, как невиданные, сказочные звери, черные-пречерные на фоне пожара. С высоты к трепещущей от страха девочке склонилась мать.

— Оставайся с нянькой и держись молодцом! — приказала женщина, в голосе которой совсем не слышалось страха. — Мы с твоим отцом должны показаться войску.

Девочка протянула к матери руки:

— Возьми меня с собой, мама! Я тут сгорю! Меня мавры схватят!

Огонь отражался на нагруднике доспеха, в который была закована мать девочки, и на богато украшенных чеканкой ножных латах.

Казалось, вся она была из металла, из серебра с позолотой. Снова наклонясь, она строго сказала:

— Если я не выеду к людям, они разбегутся. Ты же не хочешь этого?

— Мне все равно! — вскричала девочка. — Мне никто не нужен, кроме тебя! Возьми меня в седло!

Натянув поводья, ее мать направила коня прочь, бросив через плечо:

— Я вернусь за тобой. Жди здесь. Так нужно.

Девочка беспомощно смотрела, как родители удаляются.

— Мадре! Мадре! Пожалуйста... — захныкала она, но мать даже не обернулась.

— Мы тут сгорим! — раздался голос Мадиллы, ее служанки-арабки. — Побежали! Нужно спрятаться!

— Ты-то помалкивай! — с внезапно вспыхнувшим гневом обернулась к ней девочка. — Если меня, саму принцессу Уэльскую, можно оставить в пылающем лагере, уж ты-то, мориска, и подавно не пропадешь!

Она смотрела, как два всадника мелькали тут и там среди горящих палаток. Всюду, где они появлялись, стихали вопли, в лагере восстанавливался порядок. Солдат выстроили в ряд до самого оросительного канала, чтобы из рук в руки передавали ведра с водой. Генерал, лупя плашмя саблей, метался меж людьми, собирал из тех, кто только что со всех ног несли куда глаза глядят, оборонительный отряд на случай, если мавры, заметив со своих укреплений пожар и решив воспользоваться царящей в лагере суматохой, пойдут в атаку. Но мавры в эту ночь не напали. Они сидели за высокими стенами своей крепости и гадали, какую еще каверзу затеяли хитрые христиане.

Вернувшись к дочке, мать нашла ее собранной и спокойной.

— Каталина, ты как? — Изабелла Испанская соскочила с коня.

От того, чтобы опуститься перед девочкой на колени и прижать ее, свою самую младшую и самую любимую дочь, к сердцу, она себя удержала. Нежностями не вырастить из ребенка воительницу во имя Христа. Не дело — поощрять слабость в принцессах.

Та между тем держала спину прямо, как мать.

— Я справилась.

— Ты не боялась?

— Нет, совсем нет.

Королева одобрительно кивнула.

— Это хорошо, — сказала она. — Этого я и жду от испанской принцессы.

— И принцессы Уэльской, — прибавила девочка.

Это я, та девочка, пяти лет от роду, присевшая на сундук с сокровищами, с лицом белым, как мрамор, и синими, распахнутыми в страхе глазами, не позволяю себе дрожать, кусаю губы, чтобы удержаться от крика. Это я, зачатая в походной палатке родителями, которые не только любили друг друга, но и соперничали между собой, родившаяся дождливой зимой в момент краткого передыха от битв, возвращенная сильной женщиной, носившей доспехи, все детство проведенная в военных лагерях, самой судьбой предназначенная сражаться за свое место в мире, защищать свою веру против чужой, отстаивать свое слово против чужого. Я — Каталина, принцесса Испанская, дочь самых великих монархов, каких только знал мир, — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Их имена вызывают трепет от Каира до Багдада, от Константинополя до Индии, но пуще всего их боятся мавры, как бы они ни назывались: турки, индийцы, китайцы, — это наши соперники, наши смертельные враги. Сам Папа Римский благословил Фердинанда и Изабеллу, нарек их королями — защитниками нашей веры, они величайшие в христианском мире крестоносцы и первые короли Испании, а я — их младшая дочь Каталина, принцесса Уэльская и будущая королева Англии.

В три года меня обручили с принцем Артуром, сыном короля Генриха, и, когда мне исполнится пятнадцать, меня посадят на красивый корабль, на самой высокой мачте которого будет развеваться мой штандарт; я поплыву в Англию и там стану женой Артура, а потом — королевой. Страна его прекрасна и изобильна, там много фонтанов, в которых поет вода, деревья осыпаны согретыми солнцем плодами, цветы многочисленны и ароматны, и, раз это будет моя страна, я хорошо о ней позабочусь. Договоренность о браке была достигнута едва ли не сразу, как я родилась; я всегда знала, что так оно будет, и,

хотя мне жаль покинуть матушку и родной дом, я рождена принцессой, мне предназначено царствовать, и я знаю, в чем состоит мой долг.

Я стану королевой Англии, потому что это Господня воля и приказ матушки. И, как все в нашем мире, я верю, что Господь и матушка единокороче и волю их следует исполнять.

Утром лагерь у стен Гранады выглядел свалкой залитого водой, дотлевающего мусора, почернелого тряпья, обгорелых лохмотьев, в которые превратились ковры и палатки. Куда ни глянь, пепелище, и все из-за одной беспечно зажженной свечки! Что оставалось делать, кроме как отступить? Лагерь испанской армии, гордо вставшей осадой под стенами столицы последнего в Испании королевства мавров, сгорел дотла. Да, придется отступить и начать сначала.

— Нет, отступать не будем, — непреклонно заявила Изабелла Католическая.

Годом старше своего мужа, красивая, умная королева отличалась энергией, упорством и самонадеянностью. Не уступая Фердинанду в честолюбии, она в противоположность ему была искренна и скромна, не любила полумер и гнушалась безнравственных средств. Несмотря на резкие различия в характерах, супруги жили в полном согласии, благодаря сходству политических стремлений и такту, с которым вела себя Изабелла.

— Ваше величество, ничего не попишешь, — отмахиваясь от наглых мух, которые жадно роились над пожарищем, почтительно заговорил один из генералов, собравшихся на совет под обгорелым навесом. — Дело не в гордости и не в недостатке воли. Несчастливая случайность лишила нас крова и всех припасов. Придется отойти, подготовиться и снова начать осаду. Ваш супруг, — он сделал поклон в сторону темноволосого представительного мужчины, который стоял чуть в стороне от основной группы, но внимательно слушал все речи, — он с этим согласен. Мы все с этим согласны. Подготовимся, снова начнем осаду и победим. Хороший военачальник всегда знает, когда следует отступить.

Все закивали. Здравый смысл подсказывал, что иного пути нет. Год пропал, да, но решающая битва подождет. Уже семь веков она дожидается своего часа. Год за годом христианские короли приращивают свои земли. С каждой новой битвой мавританские

правители Андалузии отступают все дальше на юг. Что за беда — лишний год потерпеть. Маленькая принцесса, прислонясь спиной к опорному шесту влажного, пропахшего мокрой золой шатра, внимательно смотрела на мать, у которой на лице не дрогнул ни один мускул.

— Нет, генерал, это вопрос именно гордости, и только так, — возразила та. — Мы сражаемся с врагом, для которого гордость важнее всего на свете. Если мы сейчас покажем им спину, уползем прочь в своих промокших платьях, с обгорелыми коврами под мышкой, они будут хохотать над нами — да так, что смех их услышат даже на небесах, в их мусульманском раю. Я такого допустить не могу. Но дело даже не в этом. Господь велит, чтобы мы победили мавров, Господь велит, чтобы мы двигались вперед. Следовательно, мы так и сделаем.

Король Фердинанд отвернул голову, тая чуть насмешливую улыбку, но смолчал и, только когда члены военного совета обратили свои взоры к нему, произнес:

— Королева права. Королева всегда права.

— Но мы остались без лагеря!

— Что ты скажешь на это? — обратился он к королеве.

— Мы построим новый, — сказала она.

— Ваше величество, опустошена вся местность на много миль кругом. Смею сказать, не найдется из чего сшить даже плащ для маленькой принцессы. Нет ткани. Нет парусины. Нет источников воды, нет хлеба. Мы разрушили местные оросительные каналы, разорили деревни, потоптали поля. Мы разграбили все окрест, но от этого нам же хуже.

— Значит, будем строить из камня. Уж камень-то у нас, насколько я понимаю, есть?

Свой смешок король обратил в покашливание.

— Вокруг пустыня, любовь моя, — сказал он. — Если здесь что и есть, так это камень.

— Значит, построим, и не лагерь, а город из камня.

— Это неосуществимо! — раздалось вокруг.

Она повернулась к мужу:

— Осуществимо. Такова воля Господа и моя.

— Осуществимо, — кивнул он и улыбнулся мельком, одной только королеве. — Это мой долг — проследить, чтобы воля Господа

была исполнена, и моя отрада — претворить в жизнь твою волю, любовь моя.

Армия, потерпев поражение от огня, обратила свои усилия к земле и воде. Подобно рабам, люди трудились в дневной зной и ночной холод. Как крестьяне, пахали поля, которые прежде считали себя вправе топтать. Все: офицеры, кавалеристы, генералы, могущественные вельможи, кузены короля, — все должны были тяжело трудиться под палящим солнцем днем и спать на холодной земле ночью. Мавры, глядя с неприступных стен своей Красной крепости, высившейся над Гранадой, пришли к выводу, что, пожалуй, в стойкости христианам не отказать. Вместе с тем всякий знал, что усилия их обречены на провал. Нет такой армии, которой под силу захватить Альгамбру, это не удалось никому за два века. Крепость из красного камня выстроена высоко на скале. Напасть на нее внезапно никак нельзя, а стены так высоки, что взобраться на них никаким скалолазам не под силу.

Возможно, найдется предатель. Да только разве найдется такой болван, который бы прочному и надежному правлению мавров, за которыми весь цивилизованный мир и единственно праведная вера, предпочел невежество, фанатизм и безумие христианских королей, владеющих всего лишь клочком гористой Европы, и к тому же вечно ссорящихся! Кто решится покинуть этот чудесный мавританский сад, воплощение рая, разбитый в стенах самого прекрасного дворца в Испании, ради бесправия и раздора, царящего в замках и крепостях Кастилии и Арагона?

Подкрепление придет из Африки, у мавров родня и союзники повсюду — от Марокко до Сенегала, поддержит мавров и Багдад с Константинополем. Гранада, может быть, не так уж и велика по сравнению с городами, уже захваченными Фердинандом и Изабеллой, но за ней лежит величайшая империя в мире, империя пророка, да благословенно будет его имя.

Однако же день за днем, неделя за неделей, медленно, вопреки неласковой природе, христиане сделали то, что казалось невероятным. Сначала возникла часовня, круглая, как мечеть, потому что местным строителям было привычней так строить, а их торопили. Потом небольшой домик с плоской крышей и внутренним двориком — для

королевы Изабеллы, короля Фердинанда и королевской семьи: сына и наследника, инфанта, и четырех девочек: Исабель, Марии, Хуаны и младшенькой, Каталины. Королева только и просила, чтобы были стены и крыша; привычная к войне, на роскошь она не рассчитывала. Дальше построили с дюжину каменных лачуг, где неохотно расселились самые знатные военачальники. Затем, поскольку королева была женщина суровая и думала, прежде всего, о деле, появились конюшни и пороховые склады для хранения взрывчатых веществ, купленных, кстати, у венецианцев на личные драгоценности ее величества. Потом, и только потом, были устроены бараки и кухни, лавки и харчевни. Короче говоря, там, где стоял палаточный лагерь, теперь возник городок. Никто и не мыслил, что такое осуществимо, однако же вот он, стоит, и назвали его Санта-Фе. Изабелла снова одержала победу над злой судьбой, и осада Гранады продолжалась.

Пятилетняя Каталина, принцесса Уэльская, гуляя, набрела на группу перешептывающихся испанских грандов.

— Что это вы тут затеваете, дон Эрнандо? — спросила она с уверенностью всеобщей любимицы.

— Ничего особенного, инфанта, — ответил ей кабальеро Эрнандо дель Пульгар, улыбкой поощряя девочку продолжить расспросы.

— Нет, затеваете!

— Это секрет.

— Я не проболтаюсь!

— Нет, принцесса! Проболтаетесь, непременно! Это очень, очень большой секрет. Слишком большой для маленькой девочки!

— Честное слово, никому не скажу! — И, немного подумав, прибавила: — Клянусь Уэльсом!

— Уэльсом? Вашей страной?

— Всей Англией!

— Всей Англией? Вашим достоянием?

Она кивнула:

— Уэльсом, Англией и Испанией в придачу!

— Ну что ж... Раз уж вы дали такую страшную клятву, я вам скажу. Но вы точно не побежите к матушке?

Она кивнула опять, затаив дыхание, распахнув синие глазки.

— Мы вот что: мы сегодня отправимся в Альгамбру. Я разузнал туда ход, боковую дверцу, которая, сдается мне, не слишком хорошо охраняется, мы сможем пробиться. И вот мы туда войдем, и знаете, что мы сделаем?

Она потрясла головой так, что светлые косички заплясали под покрывалом, как щенячьи хвостики.

— Мы помолимся в их мечети! И еще я оставлю там молитву Святой Деве, пригвоздив кинжалом листок бумаги к двери. Что вы на это скажете?

Она была слишком мала, чтобы понять, что они идут на верную смерть. Откуда ей знать, что стража стоит начеку у каждого хода, что ярость мусульман безгранична. Синие глаза заискрились восторгом.

— А когда вы пойдете туда?

— Сегодня! Этим же вечером!

— Я не засну, пока вы не вернетесь!

— Нет, лучше помолитесь за меня и усните, а утром я сам приду, чтобы рассказать, как все было, вам и вашей матушке-королеве.

Она все-таки решила, что не уснет, и долго лежала, стараясь не спать, в своей кроватке, тогда как нянька металась и ворочалась на ковре у двери. Наконец веки сомкнулись, пухлые ручки разжались, и Каталину сморил сон.

Однако утром Эрнандо не пришел, его коня в конюшне не оказалось, друзей его тоже отыскать не смогли. Понемногу на девочку снизошло осознание того, какой опасности он себя подверг, смертельной опасности, — и все ради славы, ради того, чтобы упомянули его в какой-нибудь из баллад.

— Где же он? — беспокоилась она. — Где Эрнандо?

Нянька Мадилла упорно молчала, и девочка насторожилась.

— Он ведь вернется? — спросила она с внезапно вспыхнувшим сомнением. — Вернется?

Ужасная мысль посещает меня: наверно, больше я его не увижу, в жизни все не так, как в балладах, где надежды всегда оправданны, а юные красавцы неподвластны смерти. Но если он, Эрнандо, мог потерпеть поражение и умереть, значит, и мой отец тоже может? Я глубоко озадачена этим открытием. Если мы правы в своих стремлениях — а я уверена, что мы правы! — если правы эти brave

молодые воины — в это я тоже верю! — если Господь за нас и мы с нашим правым делом под защитой Божьей, то как можно нас победить?

Но вдруг я что-то не понимаю, вдруг что-то не так, и все мы на деле смертны, тогда, пожалуй, нас могут и победить... Даже красавца Эрнандо с его веселыми друзьями, даже моих мать и отца... Если Эрнандо смертен, то смертны и мать с отцом. Если матушка может умереть, словно простой солдат, словно мул, который тянет тележку с припасами, — а я видела, как умирают мулы, — как же этот мир существует? Как может существовать Бог?

А потом пришла пора ее матери принимать просителей и друзей, и вдруг как по волшебству он объявился в толпе придворных — нарядный костюм, борода аккуратно причесана, глазами играет — и рассказал всю историю: как они обрядились в арабское платье, чтобы в темноте сойти за горожан, как, подкупив продажного горожанина и воспользовавшись тайной калиткой в стене, проникли в город, как прокрались к мечети, где, преклонив колени, вознесли молитву Пресвятой Деве и рукояткой кинжала прибили к воротам дощечку с надписью «*AVE MARIA*», преобразовав таким образом мечеть в христианский храм и посвятив его Деве Марии, а потом, застигнутые охраной, силой пробили себе дорогу по узкой улочке назад, к калитке, и исчезли в ночи прежде, чем прозвучала тревога, ни одного человека не потеряв. На все дело ушло всего несколько минут. Подлинный триумф христиан и пощечина мусульманам!

Это была отличная шутка, смешней не придумаешь, — оставить христианскую молитву в святой святых арабов! Отличный способ унижить мусульман! Королева была в восторге, и король тоже, а принцессы во все глаза смотрели на дона Эрнандо, словно он — оживший герой старых романсеро. Каталина хлопала в ладоши и требовала, чтобы он пересказывал эту историю снова и снова. Однако же в глубине души никак не таял холодок, охвативший ее, когда она представила, что он не вернется.

Что ж, оставалось ждать, как ответят на этот демарш мавры. В том, что ответят, сомневаться не приходилось. Выходка дона Эрнандо и его друзей не могла не быть воспринята как вызов, и ответ не заставил себя ждать.

Королева с детьми поехала в Субию, деревушку недалеко от Гранады, чтобы самой посмотреть вблизи на неприступные стены Альгамбры. Они отправились в путь под охраной армии гвардейцев. Испанцы уже находились на деревенской площади, когда прискакал командир и закричал, что из ворот Красной крепости выступают конные мавры — их целое войско, и они готовы к атаке. О том, чтобы вернуться в лагерь, не могло быть и речи — в любом случае мавры на их быстрых арабских скакунах догонят королеву с четырьмя принцессами, а спрятаться было решительно негде.

Королева огляделась и, таща за руку маленькую Каталину, по ненадежной, осыпающейся лестнице спешно взобралась на плоскую кровлю ближнего дома. Старшие принцессы бегом поднялись сами.

— Мадре, ты делаешь мне больно!

— Тихо, дитя. Нужно посмотреть, что они намерены делать.

— Это они за нами? — проскулила девочка сквозь ладошку, которой зажимала себе рот.

— Может быть. Сейчас увидим.

Нет, то была не вся армия, а только отряд мусульманской конницы. Прекрасно вооружены, одеты в блестящие одежды, попоны коней украшены золотом и вышивкой. Во главе отряда скакал некто огромный, темнокожий, и был он как ночь на своем черном коне-великане, и конь этот страшно скалил большущие зубы, словно злой сторожевой пес.

— Мадре, кто этот человек? — прошептала принцесса, не сводя с всадника глаз.

— Это мавр по имени Тарфе, дочка, и боюсь, явился он по душу твоего друга Эрнандо.

— Какой страшный у него конь! Вот-вот укусит!

— Ему отрезали губы, этому коню, чтобы на него страшно было смотреть. Но нас так легко не испугаешь, нет. Мы не пугливые дети!

— А может, лучше нам убежать? — пробормотало очень даже испуганное дитя. Однако мать, занятая парадом мавров, не расслышала этих слов. — Ты ведь не позволишь ему навредить Эрнандо, да, madre?

— Эрнандо сам бросил ему вызов. А Тарфе — человек чести, и он на этот вызов ответил. Придется принять бой! — ровным голосом сказала мать.

— Какой же Тарфе человек чести, если он еретик? Мавр!

— Среди них встречаются весьма достойные люди, Каталина, хоть они и не нашей веры. А этот Тарфе, он у них самый сильный. Настоящий герой.

— И как же нам поступить? Как спастись? Ведь он великан!

— Я помолюсь, — сказала Изабелла, — а наш лучший рыцарь Гарсиласо де ла Вега примет вызов Тарфе.

И так же спокойно, как сделала бы это в своей часовне в Кордове, Изабелла преклонила колени на крыше крестьянского дома, жестом приказав дочерям поступить так же. Хуана, хоть и неохотно, подчинилась первой, за ней последовали Исабель и Мария. Каталина, подглядывая сквозь сомкнутые ресницы, видела, что Мария дрожит от страха, а Исабель в своем черном вдовьем наряде (муж ее, португальский принц, недавно умер) бледна как смерть.

— Отец Небесный, мы молимся за наше спасение, за наше дело, за нашу армию. — Королева Изабелла подняла взор к ярко-синему январскому небу. — В этот час испытаний мы молимся за победу нашего рыцаря Гарсиласо де ла Веги...

— Аминь, — выдохнули принцессы и вослед матери посмотрели на ряды застывших в напряженном ожидании испанских гвардейцев.

— Но если Господь за нас... — начала было Каталина.

— Тихо, — остановила ее мать. — Пусть рыцарь делает свое дело, Господь — свое, я — свое... — И закрыла глаза в молитве.

Тогда Каталина потянула за рукав Исабель:

— Послушай, ежели он под защитой Господа, то как же он может быть в опасности?

— Господь посылает испытания, чтобы испытать нас. Те, кого Господь любит больше всех, больше всех и страдают. Мне ль этого не знать. Мне, потерявшей единственную любовь в своей жизни! Да и ты это знаешь. Вспомни Иова, Каталина.

— Тогда как же мы победим? — удивилась девочка. — Если это так, то раз Господь любит madre, значит, Он пошлет ей худшие испытания? И как же мы тогда победим?

— Тихо, — угомонила их мать. — Смотрите и молитесь всем сердцем.

Противники выстроились рядами друг против друга, готовые вступить в бой, — испанские гвардейцы против отряда арабских конников. Великан Тарфе выступил вперед на своем черном строевом

коне, на кончике черного блестящего хвоста которого болталось что-то белое. Испанцы, стоявшие в первом ряду, взвыли от возмущения, распознав, что это такое. То была та самая дощечка с надписью «*AVE MARIA*», которую дон Эрнандо пригвоздил рукояткой кинжала к воротам гранадской мечети.

Самым оскорбительным образом Тарфе привязал дощечку к хвосту своего коня и теперь ездил взад-вперед перед рядами христиан, довольно ухмыляясь всякий раз, как они взывали от ярости.

Де ла Вега поскакал к маленькому оливковому деревцу, росшему рядом с домом, на крыше которого находились королева с принцессами. Со всех сторон дом был плотно окружен гвардейцами охраны. У деревца рыцарь осадил коня, снял свой шлем и посмотрел на королеву. Курчавые волосы его были черны, лицо сверкало каплями пота, темные глаза горели гневом.

— Ваше величество, прошу позволения ответить на вызов!

— Ступайте с Богом, де ла Вега! — не дрогнув, ответила королева.

— Великан убьет его, — пробормотала Каталина, крепко вцепившись в руку матери.

— Да свершится воля Господня, — ровным голосом ответила Изабелла и прикрыла свои голубые глаза, чтобы сосредоточиться на молитве.

— Мадре! Государыня! Он же великан! Он убьет нашего рыцаря!

Королева, вздохнув, опустила взгляд на разгоревшееся волнением лицо готовой заплакать дочери.

— Будет так, как хочет Господь, — твердо сказала она. — А нам остается только верить, что мы исполняем Его волю. Иногда бывает трудно понять происходящее, но, если ты неуклонно следуешь Ему, никогда не сделаешь того, что идет вразрез с честью. Запомни это, Каталина. Победим мы в этом поединке или проиграем, значения не имеет. Мы — солдаты Христа. И ты — солдат Христа. Эта битва — битва Господня. Он пошлет нам победу — не сегодня, так завтра. И кто бы ни победил сегодня, мы не сомневаемся, что в любом случае победит Господь, и мы вместе с Ним.

— Но де ла Вега... — дрожа нижней губкой, возразила принцесса.

— Никто не знает, угодно ли Господу сегодня прибрать его к Себе, — спокойно сказала королева. — Нам должно молиться за него.

Хуана скорчила рожицу, глядя на сестру, но, когда мать вновь преклонила колени, девочки взялись за руки, утешая друг друга. Исабель, самая старшая, и Мария опустились рядом. Сквозь прикрытые ресницы они смотрели на равнину, где гнедой жеребец де ла Веги гарцевал перед рядами испанцев, тогда как перед сарацинами гордо выступал черный конь мавра.

Королева не открывала глаз и была так погружена в молитву, что даже не слышала, как противники заняли исходную позицию, опустили забрала и изготовили копья к бою.

Каталина вскочила на ноги, перегнулась через низкий парапет крыши, чтобы лучше видеть де ла Вегу, конь которого уже мчался на врага. Мавр на своем черном скакуне столь же прытко скакал ему навстречу. Когда противники столкнулись, до зрительниц донесся громкий лязг, оба бойца с грохотом вылетели из седел и рухнули наземь, древки копий переломились, нагрудные доспехи помялись. Ничего похожего на те церемонные турниры, которые велись при дворе! Целью этой грубой, варварской стычки была отнюдь не демонстрация ловкости и боевого умения. Бой был не на жизнь, а на смерть — требовалось сломать противнику шею, выбить из него дух.

— Ах, он упал! Он умер! — вскрикнула Каталина.

— Нет, оглушен всего лишь, — поправила ее мать. — Смотри, он уже встает.

Шатаясь от страшного удара, испанец нетвердо поднялся на ноги. Мавр, крупнее и выше ростом, был уже наготове, шлем и нагрудник сдвинулись набок, огромная сабля обнажена и сверкает заточенным, как бритва, клинком. Эрнандо вытащил из ножен свою саблю. И вот они сошлись и, сцепив лезвия, изо всех сил пытаются повергнуть врага наземь. Ни у кого из наблюдающих схватку не возникло сомнения, что у мавра несомненное превосходство в силе. Зритель не мог не видеть, что де ла Бега понемногу сдает: мавр давил на него всей своей мощью, и тут де ла Бега, споткнувшись, упал. Черный рыцарь немедля пригвоздил его, навалясь сверху, не давая встать. Рука испанца сомкнулась на рукоятке меча, но поднять его он не мог. Мавр же, готовясь нанести смертельный удар, занес свою саблю над горлом противника. Лицо его было сосредоточенно, зубы обнажены в оскале. И вдруг, когда все, замерев, ждали страшного конца, он коротко вскрикнул и упал навзничь. Де ла Вега меж тем перекатился на грудь и

резким толчком тела, как пес, встал на колени. В левой руке он сжимал обогранный кровью короткий кинжал. Похоже, в последнюю минуту каким-то чудом ему удалось достать из ножен клинок и вонзить его в грудь мавра, попав между пластин доспеха.

Поверженный Тарфе лупил рукой по нагруднику, пытаясь ощупать грудь. Сабля его валялась рядом. Ценой нечеловеческого усилия он поднялся на ноги, повернулся спиной к христианину и, шатаясь, направился к своим.

— Я побежден, — пробормотал он товарищам, кинувшимся его поддержать, — мы проиграли.

Гарсиласо торжествовал. Он наколол дощечку с надписью «AVE MARIA» на острие своего меча и под ликующие крики испанцев стоял, высоко подняв его над головой.

Тут как по сигналу ворота Красной крепости распахнулись, оттуда хлынуло войско. Хуана вскочила на ноги.

— Матре, надо бежать! — крикнула она. — Они идут! Все пропало!

Изабелла не поднялась с колен, даже когда ее дочь бросилась к лестнице, ведущей вниз.

— Хуана, вернись! — приказала она голосом, прозвучавшим, словно удар хлыста. — Дети мои, молитесь.

Она подошла к парапету и сначала посмотрела на то, как ее армия под команды офицеров перестраивает свои ряды, занимая позиции, необходимые для отпора, меж тем как мавров с ужасающей скоростью прибывало — они рекой текли из ворот крепости. И только потом она глянула вниз, где Хуана выглядывала из-за садовой стены в нерешительности: то ли бежать к лошади, то ли вернуться к матери.

Изабелла, ничего не сказав Хуане, снова встала на колени и со словами «Будем молиться» закрыла глаза.

— Нет, ну даже не посмотрела! — никак не могла успокоиться Хуана, когда, вернувшись в лагерь, они переодевались у себя в комнате. — Мы оказались прямо посреди битвы, а она закрывает глаза!

— Матушка знает, что разумней и полезней хорошенько воззвать к Богу, чем бегать и реветь, — возразила старшая, Исабель. — Один ее

вид, то, что она стоит на коленях и молится у всех на глазах, придавал солдатам уверенности!

— А если б в нее попала стрела или копье?

— Не попала же! И в нас не попала. И мы выиграли сражение. А ты, Хуана, вела себя как полоумная простолюдинка. Мне было стыдно за тебя.

День за днем мавры теряли присутствие духа. Стычка у деревушки Субия получила среди христианских воинов название «Перестрелка королевы». Она оказалась последней попыткой сопротивления. Самый могучий воин погиб, город окружен, мавры голодали на земле, которую их предки сделали плодородной. Хуже того, обещанная поддержка из Африки не пришла ни от правителя Египта, ни от эмиров Марокко; турки хотя и клялись в дружбе, но подвели, султан не решился послать помощь, поскольку сын его находился в заложниках у христиан. Под стенами же стояли испанские короли, Изабелла и Фердинанд, поддерживаемые всей мощью христианства. И вот уже была объявлена священная война. Движение крестоносцев при первом дуновении победы стало вовсю набирать силу. Итак, после «Перестрелки королевы» Боабдил, эмир Гранады, согласился на условия перемирия, и несколько дней спустя, в ходе церемонии, задуманной с присущими испанским маврам тактом и пониманием важности момента, он пешим вышел из кованых ворот города, держа в руках шелковую подушку с ключами от Альгамбры, и преподнес их католическим королям. Это означало капитуляцию — полную и безоговорочную.

Таким образом, Гранада и всяющаяся над ней крепость, а также восхитительный дворец, кроющийся за ее стенами, стали собственностью Фердинанда и Изабеллы.

Наряженные в великолепные шелка, полученные от поверженного врага, в тюрбанах и шлепанцах, картинные, как калифы, испанские короли всем семейством вошли в Гранаду. Извилистой, круто взбирающейся вверх дорожкой взойдя с родителями в самый прекрасный дворец в Европе, инфанта Испанская и принцесса Уэльская Каталина спала той ночью в гареме, стены которого были украшены красивейшими изразцами, и проснулась под журчание воды в мраморных фонтанах.

Это стало моей жизнью с самого дня победы. Рожденная в военном лагере, следуя за армией от осады к осаде, от битвы к битве, я видывала такое, что не пристало видеть ребенку, ежедневно сталкивалась со страхами и тревогами взрослых. Бывало, едучи верхом, видела тела убитых солдат, разлагающиеся на весеннем солнце, потому что похоронить их не было времени. Видела мулов, тащивших по горным перевалам пушки моего отца, и мулы те были исполосованы кнутами до того, что, живые, они выглядели освежеванными. Видела, как однажды моя мать дала пощечину солдату, который плакал от усталости. Слышала, как рыдали дети, такие же, как я, когда их родителей жгли на кострах как еретиков. Но с того момента, как, наряженные в вышитые шелка, мы вошли в Красную крепость Гранады, а потом и в ворота Альгамбры, с того момента я стала настоящей принцессой.

Я стала жить в самом красивом дворце христианского мира, защищенном стенами самой неприступной крепости в Европе, под сенью Божьего благословения. Вера моя в Бога, приведшего нас к победе, и без того огромная, была теперь непререкаема, и я твердо поверила в свою судьбу, судьбу любимейшего создания Господа и любимейшей матушкиной дочки.

В моих глазах Альгамбра явилась доказательством того, что Божественное провидение покровительствует мне так же, как покровительствует оно моей матери. Я — избранное дитя Господа, мой дом — дивный дворец, и мне предназначена высокая, самая высокая участь.

В сопровождении свиты и гвардии — все разряжены с восточной пышностью — испанская королевская семья вступила в крепость через ворота, именуемые вратами Правосудия, над которыми высилась огромная квадратная башня. В тот момент, когда тень первой арки пала на лицо Изабеллы, раздался нестройный вопль труб, подобный тому, каким Иисус Навин разрушил стены Иерихона, — вопль, предназначенный прогнать таящихся в темноте духов неверных. Тут же отозвалось эхо — устрашающий, вызывающий дрожь звук, и люди, собравшиеся на встречу христианских величеств, вжались спинами в золоченые стены. Женщины в широких платьях с полузакрытыми

прозрачными шарфами лицами, мужчины, высокие, гордые, статные, молчаливо, настороженно ждущие, как завоеватели поступят дальше. Каталина, глядя поверх голов, заметила летящие арабские письма на тусклом золоте стен.

— Что там написано? — спросила она свою няньку Мадиллу.

Та, взглядевшись, хмуро ответила:

— Не знаю. — Она вечно прикидывалась, что знать не знает ни о маврах, ни об их образе жизни, хотя родилась и выросла в арабской семье, а крестилась, по утверждению Хуаны, только потому, что сочла это выгодным для себя.

— Скажи, или мы тебя зашпьем! — ласково пригрозила Хуана.

Мориска нахмурилась:

— Тут говорится: «По воле Аллаха да защитим устои ислама в этих стенах!»

Каталина примолкла, заслышав в голосе служанки ту же глубокую убежденность, которой отличалась ее мать, а Хуана резко сказала:

— Не вышло! Аллах покинул Альгамбру. Здесь теперь Изабелла! И если б вы, мавры, знали Изабеллу, как знаем ее мы, вы бы поняли, что слабый уступил сильному!

— Спаси Господь королеву, — торопливо отозвалась Мадилла. — Мне ли ее не знать!

В это время распахнулись огромные створки из черного дерева с черными шляпками гвоздей, снова оглушительно взвыли трубы, и король с королевой проследовали во внутренний двор.

Слаженно, точно исполняя хорошо заученный танец, испанские гвардейцы один за другим, топя в лад, вбежали внутрь крепости и начали обход вдоль стен справа и слева, проверяя, все ли безопасно, не таится ли где отчаявшийся мусульманский воин, готовый нанести последний удар и умереть, сражаясь. Великая крепость Алькасаба, выстроенная, как нос корабля, плывущего над долиной Гранады, стояла слева, и испанцы кинулись туда. Они обежали по периметру стены, поднялись на башни, и, наконец, королева Изабелла, зазвенев золотыми мавританскими браслетами, прикрыв глаза от солнца, взглянула вверх и засмеялась в голос при виде того, как на месте мусульманского полумесяца затрепетал на легком ветерке стяг святого Иакова с серебряным крестом.

Вернувшись взором на землю, она увидела, что к ней приближается процессия дворцовой челяди. Победенные шли медленно, со склоненными головами. Во главе их выступал великий визирь в развевающихся одеждах, которые подчеркивали статность его высокой фигуры. Проницательным взором черных глаз он охватил ее, Изабеллу, отметил стоящего рядом короля и детей, выстроившихся за ее спиной, — четырех принцесс и инфанта. Царственная семья была разряжена с необыкновенной пышностью: король и наследный принц в расшитых золотом халатах, королева с принцессами — в традиционных длинных, ниже колен, рубахах-камизах из лучшего шелка и белых льняных шальварах, а на головах — покрывала с заколками из золотой скани.

— Ваше королевское величество, для меня высокая честь приветствовать вас в Альгамбре, — произнес он так, словно это было обычнейшее из дел — преподнести ключи от дворца эмиров завоевателям-христианам.

Король с королевой обменялись коротким взглядом.

— Показывайте дорогу, — сказала Изабелла.

Великий визирь поклонился и пошел вперед.

— Пойдемте, дети, — через плечо приказала королева и первой направилась по аллеям сада, окружающего дворец, вниз по ступенькам, прямо к неприметной дверце в стене.

— Это что, главный вход? — спросила она.

— Да, государыня, — поклонился визирь.

Изабелла промолчала, но Каталина видела, как она скептически вскинула бровь.

Неприметная дверь оказалась чем-то вроде замочной скважины в шкатулку с драгоценностями, когда, заглянув в один ящичек, видишь дверцу в другой, а оттуда — в третий, и визирь вел нас по ним, как слуга — по сокровищнице. Одни названия чего стоили! Золотая палата, Миртовый дворик, Посольский зал, Львиный дворик, зал Двух сестер. Понадобятся недели, чтобы запомнить, как лестницами, двориками и переходами пройти из одной выложенной изразцами комнаты в другую. Месяцы, чтобы привыкнуть к журчанию мраморных водостоков, проведенных в комнаты, откуда чистейшая горная вода стекает в белые чаши фонтана, всегда полные, всегда

льющиеся через край. И никогда не устану я от зрелища расстилающейся внизу долины с горами вдаль, синего неба и золотистых холмов. Каждое окно, украшенное каменным кружевом неправдоподобно тонкой работы, словно рама картины, приглашает остановиться, взглянуть, восхититься...

Нас с сестрами поселили в гареме, сочтя его самым удобным для нас помещением. Прохладными вечерами слуги зажигают жаровни, подсыпая на угли ароматные травы... Дома мы всегда в мавританском платье, и во время государственных приемов тоже, так что жизнь идет под шорох шелков и шлепанье туфель без задников по мраморному полу, словно во дворце ничего не поменялось. Наши классные комнаты — там, где была читальня наложниц, мы гуляем по садам, разбитым для того, чтобы услаждать взор любимых жен эмира. Мы едим те же фрукты, что и они, нам нравится вкус шербета, мы тоже плетем венки из цветов, чтобы украсить себя, и бегаем по дорожкам, наполненным густым запахом жимолости и роз.

Нас моют в хамаме, бане, и делается это так: мы стоим тихо, как вкопанные, а служанки нас мылят, с головы до пят, чудесным мылом, которое пахнет цветами. Потом они обливают нас горячей водой из золотых кувшинов, тоже с головы до ног, пока пена не смывается. Потом, умащенные розовым маслом, завернутые в тонкие простыни, полусонные от удовольствия, мы лежим на теплом — его подогревают — мраморном столе, который занимает почти всю комнату, под золотым потолком с проделанными в нем звездчатыми отверстиями, что впускают в тенистую, покойную комнату дразнящие лучи света. Одна молоденькая прислужница приводит в порядок пальчики на ногах, другая — на руках, придает ногтям форму, выводит на них тонкие, затейливые узоры хной. Пожилая служанка выщипывает нам брови, красит ресницы. Нам служат, как султаншам, к нашим услугам все богатства Испании, вся роскошь Востока. Мы всецело, полностью отдаемся дворцовой неге. Она побеждает нас, берет в плен. Зачарованные, мы целиком и полностью подчиняемся ей.

Даже к Исабель, которая горюет по своему мужу, вернулась улыбка. Даже вечно надутая Хуана, кажется, умиротворена. А я — я становлюсь любимицей всего двора: меня балуют и садовники, позволяют срывать те персики, которые я хочу, и в гареме, где меня

учат петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, и на кухне, где позволяют смотреть, как готовятся восточные сладости.

Отец встречается с иностранными посланниками в Посольском зале, еще они иногда, как принято у эмиров, беседуют в бане. Матушка, по-турецки скрестя ноги, сидит на троне Насридов, которые правили здесь веками, — голые ступни в мягких шлепанцах из сафьяна, рубаха-камиза свободными складками драпирует тело. В зале, облицованной цветным изразцом с изящными арабесками и летящими надписями, она выслушивает посланников самого Папы. Матушка здесь как дома, ведь она выросла в мавританском дворце Алькасар в Севилье. Мы бродим по их садам, моемся в их банях-хамамах, носим их надушенные сафьяновые туфли... В целом наше существование здесь столь изысканно и роскошно, что в Париже, Лондоне или Риме о такой жизни могут только мечтать. Мы живем сладостно и грациозно. Так, как всегда стремились: как мавры. Собратья-христиане в горах пасут коз, молятся Мадонне в придорожных часовнях, тела их страдают от болезней, они невежественны, полны суеверий, живут в грязи и умирают молодыми. А нам преподают мусульманские ученые, нас лечат их врачи, мы заучиваем названия звезд в небе, которым они дали имена, ведем счет, пользуясь цифрами, которые они придумали, начиная с магического нуля, вкушаем выращенные ими сладчайшие фрукты и наслаждаемся водой, протекающей по хитро построенным ими акведукам. Возведенные ими строения радуют взор своей красотой. Былое могущество мавров нам на пользу: Алькасаба и впрямь неуязвима для новой атаки. Мы читаем стихи их поэтов, играем в придуманные ими игры... Мы победили, но они показывают нам, как должно правителям жить. Порой я думаю, что мы варвары, подобные тем, что пришли после римлян и греков. Те силой врываются во дворцы, а потом садились на трон, как мартышки, и наслаждались прекрасным, не понимая его.

Но, по крайней мере, мы не сменили своей веры. Самый последний слуга во дворце обязан хотя бы сделать вид, что исповедует христианство. Голоса муэдзинов, созывающие правоверных к молитве, больше не звучат с минаретов. Это приказ моей матери. Не хочешь подчиниться — уезжай в Африку. Не хочешь уезжать — либо немедля крестись, либо сгоришь на костре инквизиции. Удобная, покойная жизнь не смягчила наших сердец, мы помним, кто тут победитель и

что победа далась нам силой оружия и Господней волей. При заключении перемирия мы торжественно обещали бедному Боабдилу, что его подданные-мусульмане будут столь же покойно жить при нашем правлении, как жили христиане, когда правил он. Мы обещали обеспечить сосуществование, и он поверил, что мы создадим такую Испанию, где все — мавр, христианин или иудей — смогут жить в мире и согласии, поскольку все они являются «людьми Книги». Ошибка Боабдила состояла в том, что он свято верил в условия перемирия, а мы, как выяснилось, нет.

Всего три месяца держали мы свое слово, а потом выдворили евреев и принялись угрожать мусульманам. Каждый должен обратиться в истинную веру, и, если он сделает это, но в искренности его намерений возникнет хоть тень сомнения, дело святой инквизиции с ним разобратся. Только единая вера создаст нацию, единый народ из пестрого разнобоя, населяющего Андалузию. Моя мать устроила часовню в зале Совета, и там, где висела арабская вязь, гласящая: «Войди и спроси. Не бойся искать правосудия, ибо здесь ты найдешь его», она молится суровому, более грозному, чем Аллах, Богу; за правосудием сюда больше не ходят.

Но изменить природу дворца невозможно. Даже сапоги наших солдат, грохочущие по мраморным плитам пола, не в силах поколебать царящий здесь вековой покой. Я прошу Мадиллу прочесть для меня надписи, вьющиеся по стенам каждой комнаты, и самая моя любимая — не про обещание правосудия. Та, что мне нравится, находится в зале Двух сестер и вопрошает: «Видывал ли ты сад прекраснее этого?» — и сама же отвечает себе: «Нет на свете сада прекрасней, изобильней плодами, слаще и благоуханней».

Это даже не совсем дворец, он не такой, как те, где мы жили в Кордове или Гренаде. Это и не замок, и не крепость. Он строился изначально прежде всего как сад, а комнаты здесь, со всей их роскошью, для того, чтобы было где жить в саду. Это цепочка двориков, устроенных так, чтоб удобно было и цветам, и людям. Это воплощенная в жизнь мечта о красоте: стены, изразцы, колонны представляют собой подобие растительного мира, все оплетено цветами, ползучими растениями, ветками фруктовых деревьев и травами. Истратив за столетия огромные средства, мавры создали этот рай на земле.

Да, и я его люблю. Даже девочкой я понимаю, что это необыкновенное место, что никогда в жизни мне не найти ничего прекрасней. Но я знаю, что остаться здесь мне нельзя. Это воля Господа и моей матери — я покину мой тайный дворец, мой сад, мой рай. Такова моя участь. Мне было суждено в шесть лет от роду найти самое красивое место на земле, а потом, в шестнадцать, покинуть его с той же тоской в сердце, какая мучила Боабдила. Моему счастью и покою не суждено длиться долго.

Дворец Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года

— Говорю вам, сэр, сюда нельзя! Да будь вы хоть сам король Англии, все равно нельзя!

— Я и есть король Англии, — без тени юмора приговорил Генрих Тюдор. — И пусть она немедленно явится, не то я войду к ней сам, и мой сын следом за мной!

— Инфанта уже отправила письмо королю, где уведомила, что не может его принять, — испепеляя его взглядом, сказала дуэнья. — Дворянин из свиты ее высочества поскакал ко двору его величества, дабы объяснить, что испанской принцессе до свадьбы полагается жить уединенно. Неужто вы полагаете, сэр, что король Англии сядет на коня и примчится, когда инфанта отказалась его принять? Что он за человек, по-вашему?

— Вот такой он человек! — рявкнул король и к самым ее глазам поднес кулак так, чтобы она увидела массивный золотой перстень.

Тут в комнату вбежал граф де Кабра, сразу признавший короля в поджаром сорокалетнем мужчине, который, простирая кулак, наседавал на дуэнью. Однако и дуэнья успела разглядеть на перстне новый герб Англии, сочетавший в себе розы Йорка и Ланкастера. Граф склонился в низком поклоне и голосом, сдавленным оттого, что голова его уткнулась в колено, прошипел:

— Мадам, это же король!

Дуэнья тихо ахнула и сделала самый глубокий реверанс.

— Встаньте, — коротко приказал король, — и приведите ее!

— Но, ваше величество, она испанская принцесса, — встав из поклона, но не подняв, из почтения, головы, возразила упрямая дуэнья. — Полагается, чтобы ее высочество оставалась в уединении до самого дня свадьбы. Ее нельзя видеть. Придворный кабальеро как раз и отправился к вам, чтобы это объяснить. Таков обычай.

— Это ваш обычай, не мой. А поскольку она моя будущая невестка, находится в моей стране и под покровительством моих законов, то пусть изволит следовать моим обычаям!

— Ее высочество воспитана в самых строгих правилах...

— В таком случае ее высочеству наверняка будет крайне неприятно обнаружить в своей опочивальне незнакомого мужчину. Мадам, еще раз настоятельно прошу вас немедленно привести принцессу.

— Увольте, ваше величество. Я выполняю приказы ее величества королевы Испании, и мне велено проследить, чтобы инфанте были оказаны все подобающие почести, а поведение ее безупречно...

— Мадам, приказы здесь отдаю я. Говорю вам, довольно медлить, приведите принцессу, не то, короной клянусь, я пойду к ней сам и, если застаю голой в постели, заметьте, она будет отнюдь не первой дамой, которую я застал в таком положении. Но пусть помолится, чтобы оказалась самой хорошенькой!

От нанесенного оскорбления дуэнья переменялась в лице.

— Ну, выбирайте! — твердо сказал король.

— Привести инфанту я не могу, — упрямо ответила она.

— Господи, боже ты мой! Ну, значит, скажите ей, чтобы ждала гостей!

Рассерженной вороной дуэнья кинулась в покои принцессы. Король выждал не более полуминуты и последовал за ней.

Комната была освещена свечами и огнем в очаге. Покрывала на постели откинута так, словно с нее вскочили в испуге. От присутствия в девичьей опочивальне — простыни еще теплые, аромат юного тела витает в воздухе — Генрих почувствовал знакомое волнение в крови. Сама принцесса стояла у кровати, вцепившись беленькой ручкой в резной столбик полога. Успела-таки накинуть на плечи темно-синий плащ, у ворота выбились тонкие кружева белой ночной рубашки, густые золотистые волосы заплетены на ночь в косу, закинутую на спину, лицо полностью спрятано черной кружевной мантильей.

— Ваше величество, это инфанта. — Донья Эльвира заслонила собой принцессу. — Под вуалью она будет до самого дня свадьбы.

— Ну уж нет, — сухо отозвался король. — Я должен знать, как выглядит невеста моего сына.

Он сделал шаг вперед. Дуэнья в отчаянии только что не бросилась на колени:

— Прошу вас пощадить скромность ее высочества...

— У нее что, какой-то изъян? — резко сказал он, облакая в слова пугавшую его мысль. — Родимое пятно? Или изъязвлена оспой, а от

меня это скрыли?

— Нет! Клянусь вам!

Девушка молча поднесла руку к кружевной оборке вуали. Дуэнья ахнула, протестуя, но ничего не предприняла, и принцесса, подняв мантилью с лица, откинула ее за спину. Ясные голубые глаза, не мигая уставились на морщинистую, сердитую физиономию Генриха Тюдора. Король окинул ее взглядом и перевел дух.

Настоящая красавица! Округлое лицо с чистой кожей, длинный прямой нос, пухлые, чувственные губы. Подбородок чуть вздернут, взгляд вызывающий. Ничуть не скромница, не трепетная лань. Настоящая прирожденная принцесса, из тех, кто не теряет достоинства даже в столь неловком, неблагоприятном положении, как сейчас.

Склонившись в поклоне, он представился:

— Я — Генрих Тюдор, король Англии.

Принцесса присела в реверансе.

Он сделал шаг вперед, к ней, и почувствовал, как она силой воли удерживает себя, чтобы не отшатнуться. Твердо взял за плечи и поцеловал, сначала в одну теплую щеку, потом в другую. А когда от запаха ее волос и жара молодого женского тела у него застучало в висках, торопливо отступил, отпустил ее.

— Добро пожаловать в Англию, — сказал он и покашлял, прочищая горло. — Вы должны простить мне мое нетерпеливое желание вас увидеть. Мой сын следует за мной.

— Это я прошу прощения у вашего величества, — ледяным тоном ответила принцесса на церемонном, велеречивом французском. — О том, что ваше величество настоятельно удостаивает нас чести этого неожиданного визита, меня поставили в известность лишь минуту назад.

Генрих даже поежился:

— У меня есть право...

Очень по-испански она пожала плечами:

— Разумеется. У вас есть все права на меня!

От дерзкого ответа, который в интимной атмосфере девичьей спальни — кровати под балдахин, маняще откинутых одеял, подушки, еще хранящей отпечаток ее головы, — прозвучал довольно вызывающе, его снова окатило желанием. То была сцена, пригодная скорее для оболыщения, чем для знакомства двух царственных особ.

— Я подожду вас в приемной, — резко сказал он, словно это по ее вине не мог избавиться от мысли — каково было бы сжать в объятиях юную красотку... Каково было бы купить ее для себя, не для сына?

— Сделайте одолжение, — холодно отозвалась она.

Он развернулся и вышел из комнаты так резко, что едва не столкнулся с принцем Артуром, который неуверенно топтался в дверях.

— Осел, — буркнул король.

Принц, бледный от волнения, нервно откинул упавшую на лоб светлую прядь и промолчал.

— Чертову дуэнью отошлю прочь, едва появится случай, — сказал король. — И всех остальных тоже. Нечего мне тут Испанию разводить! Народ этого не потерпит, да и я, черт побери, тоже!

— Народ вроде не против. Похоже, простому люду принцесса нравится, — вяло возразил Артур. — Люди из эскорта говорят...

— Это потому, что она носит эту дурацкую шляпу. Потому что зрелище непривычное. Как же, испанка! Потому что молоденькая и... — он запнулся, — и хорошенькая!

— Правда? — оживился принц. — Хорошенькая?

— Разве я только что не вошел туда, чтобы это проверить? Однако ни один англичанин, сын мой, не потерпит этих испанских глупостей, едва они потеряют свою новизну. И я, понятно, не потерплю. Цель этого брака — закрепить союз между нашими странами, а потому, нравится испанка кому-нибудь или нет, ты на ней женишься. И лучше бы ей уже выйти, не то она мне не понравится, а это единственное, что может иметь значение!

Да, придется выйти. Я выиграла только краткую передышку и знаю, что он ждет за дверью в мою опочивальню, только что показав всем, и с большим апломбом, что, если я не выйду к нему, гора пойдет к Магомету, и тогда я снова окажусь в ужасном положении.

Я отстраняю донью Эльвиру, дуэнья мне больше не защита, и иду к двери. Слуги мои остолбенели, окаменели, словно рабы в арабской сказке. Они изумлены неслыханными манерами английского короля. Сердце мое стучит так, что отдается в ушах, и я в этот миг не только девица, страшась выйти на люди, но и солдат, рвущийся в бой,

сгорающий от жгучего зова опасности, желающий не бежать от нее, а оказаться перед ней лицом к лицу.

Генрих Английский желает, чтобы я встретила с его сыном в присутствии его дорожного конвоя, без церемоний, не соблюдая приличий, словно мы горстка крестьян. Что ж, быть по сему. Принцесса Испанская не допустит, чтобы кто-то заметил ее страх. Я сжимаю зубы и улыбаюсь так, как учила меня мать.

Киваю герольду, который сбит с толку не меньше других:

— Объявляй мой выход!

Сам не свой, он распахивает двери и заученно возглашает:

— Инфанта Каталина, принцесса Испанская и Уэльская!

Это я. Настал миг моего торжества.

И я делаю шаг вперед.

Инфанта Испанская, с лицом открытым всякому взору, замерев на мгновение в темном дверном проеме, проследовала в комнату, и лишь алый румянец, загоревшийся на щеках, выдавал, чего это ей стоит. Принц Артур, стоявший подле отца, перевел дух. Оказалось, она в тысячу раз красивей, чем он ожидал, и в миллион раз надменней. На ней платье из черного бархата, с разрезом, в котором виднелась красная юбка, квадратный вырез лифа не скрывал увешанной нитками жемчуга пышной груди. Золотистые волосы пышной волной спускались по спине. На головке черная кружевная мантилья, демонстративно закинута за плечи. Грациозная, как танцовщица, принцесса низко склонилась в реверансе и поднялась с высоко вскинутой головой.

— Прошу простить, что оказалась не готова приветствовать ваше величество, — произнесла она по-французски. — Знай я о вашем приезде заранее, непременно бы подготовилась.

— Странно, что вы не слышали шума, — ответил король, — ведь мы добрых десять минут спорили у самых ваших дверей.

— Да, но я думала, это бранятся слуги! — парировала она.

Артур невольно открыл рот, услышав такую дерзость, однако отец его смотрел на невестку с улыбкой, словно одобряя в ней присутствие духа.

— Отнюдь. Это я осаждал вашу камеристку. Еще раз прошу меня извинить за вторжение.

Она наклонила голову:

— Это моя дуэнья, донья Эльвира. Сожалею, что она вызвала ваше неудовольствие. Ее английский не очень хорош. Возможно, она не уразумела, что именно вам угодно.

— Мне угодно было увидеть мою невестку, а моему сыну было угодно увидеть свою невесту, и я полагал, что английская принцесса будет вести себя как английская принцесса, а не как девица, возвращенная в гареме, черт его побери! Мне-то казалось, ваши родители победили мавров. Кто б мог подумать, что они возьмут этих нечестивцев за образец для подражания!

Она пропустила оскорбление мимо ушей.

— Очень надеюсь, что ваше величество научит меня хорошим манерам, как их понимают в Англии. Уверена, лучше вас мне учителя не найти... — И, повернувшись к принцу Артуру, отвесила ему реверанс, который причитается королям: — Милорд!

Дивясь на то, как безмятежно она держится, принц слегка замешкался с ответным приветствием. Потом полез в карман за приготовленным для невесты подарком, повозился, вытягивая мешочек с драгоценностями, уронил, поднял и наконец, чувствуя себя полным дураком, резко протянул ей.

Она приняла дар, наклонила голову в благодарность, но посмотреть, что там в мешочке, не стала.

— Вы уже ужинали, ваше величество?

— Поужинаем здесь, — отрезал король. — Я уже распорядился.

— Тогда не позволите ли предложить вам питье? Или предпочтете помыться и сменить платье? — И сверху вниз окинула его взглядом: бледное лицо в брызгах дорожной грязи, пыльные сапоги. Надо признать, англичане чистоплотностью не отличаются, ни в одном доме из тех, где они останавливались, даже таком роскошном, как этот, нет ни пристойной бани-хаммама, ни даже проведенной воды. — Или, может статься, вы не любите мыться?

Король фыркнул:

— Прикажите налить мне эля, и пусть в мои покои пришлют смену одежды и горячей воды! — И добавил, жестом отменяя то, что она могла бы сказать: — Только не принимайте это за комплимент. Я перед ужином всегда моюсь.

Артур заметил, как мелкие белые зубки закусил нижнюю губку, словно принцесса удержала себя, чтобы не съязвить.

— Да, ваше величество, — любезно отозвалась она. — Как вам будет угодно.

И, подзвав придворную даму, вполголоса по-испански распорядилась. Выслушав, та присела в поклоне и пошла вперед, показывая королю дорогу.

Принцесса повернулась к Артуру.

— А вы? — спросила она по-латыни.

— Я? Что я? — растерялся он и почувствовал, что она сдерживает вздох нетерпения.

— Не угодно ль и вам помыться с дороги?

— Я уже мылся, — бездумно сказал он и чуть не провалился сквозь землю.

Ну, прямо дитя, которое отчитывает нянька! Надо ж такое брякнуть! «Я уже мылся!» Может, руки ей еще протянуть, пусть проверит, нет ли грязи под ногтями?

— Тогда, может быть, стакан вина? Или эля? — И повела рукой в сторону стола, где слуги спешно выставляли напитки.

— Вина, пожалуй.

Одной рукой она подняла бокал, другой — бутылку, и стекло со звоном столкнулось: «дзинь!», а потом «дзинь-дзинь-дзинь!» снова. В изумлении он осознал, что у нее дрожат руки. Она торопливо налила вина, протянула ему бокал. Оторвав взгляд от ее рук, он посмотрел в лицо своей нареченной.

Она не потешалась над ним, нет. Ей было неловко. Грубость, проявленная его отцом, подстегнула в ней гордость, но наедине с ним, Артуром, это была просто девочка, пусть несколькими месяцами старше его, и дочь самых могущественных монархов в Европе, но все равно — девочка, у которой сейчас от волнения дрожат руки.

— Не надо бояться, — тихо сказал он. — Я сожалею, что все так вышло.

Сожалеет, имел он в виду, что моя попытка избежать этой встречи не удалась, сожалеет о бестактности отца и о своей неспособности удержать его или смягчить и более всего прочего сожалеет о том, что вся эта история для меня сущее наказание.

Она опустила глаза. Он смотрел на чистую белую кожу, на золотые ресницы, на светлые, чуть заметные брови.

И тогда она взглянула ему прямо в лицо:

— Все в порядке. Бывала я в переделках пострашней этой, видывала места неприглядней, знавала людей похуже твоего отца. Не тревожься обо мне. Я решила ничего не бояться.

Никто никогда не узнает, чего мне стоило улыбаться, стоять перед твоим отцом и не трястись, как осиновый лист. Мне нет еще шестнадцати, я вдали от матери, в чужой стране. Я не владею здешним языком, никого здесь не знаю. У меня нет друзей, со мной только свита, но от слуг моих нечего ждать защиты, они сами ждут ее от меня.

Я знаю, какова моя участь. Мне придется быть испанской принцессой для англичан и английской принцессой — для испанцев. Придется делать хорошую мину при плохой игре, изображать уверенность, когда внутри все дрожит от страха. Конечно, ты мой муж, но я не могу даже разглядеть тебя, я не чувствую твоего плеча рядом. У меня не было времени в тебе разобраться, все мои силы уходят на то, чтобы выглядеть той принцессой, которую твой отец купил, а моя мать продала, принцессой, которая олицетворяет собой прочность мирного договора между Англией и Испанией.

Никто не усомнится в том, что я воплощенное спокойствие, уверенность и грация. Конечно, мне страшно, но я никогда, ни за что этого не покажу.

Король, умывшись и выпив еще до ужина пару стаканов эля, дабы загладить первое впечатление, держался с принцессой дружелюбно. Раз или два она поймала его на том, что он искоса ее разглядывает, этак оценивающе, и тогда она повернулась к нему всем телом, вопросительно вскинув золотистую бровь.

— Что такое? — удивился он.

— Прощу прощения, — как ни в чем не бывало отозвалась она, — я думала, вашему величеству что-то нужно. Вы на меня смотрели.

— Да, и думал о том, что ты не слишком похожа на свой портрет.

Она порозовела. Портреты пишутся для того, чтобы польстить модели, а когда эта модель — принцесса на рынке невест, то тем более.

— В жизни ты красивей, — односложно прибавил Генрих, чтоб успокоить ее. — Моложе, мягче, милее.

Она не поддавалась на похвалу, как он надеялся, только кивнула, словно приняла такое объяснение.

— Как прошло путешествие? Нелегко? — спросил он.

— Очень нелегко, ваше величество, — кивнула она и повернулась к принцу Артуру, включая его в разговор. — Наш корабль отнесло к берегу, когда в августе мы вышли из Корунны, так что пришлось пережить сезон бурь. Когда ж, наконец, снова отправились в путь, море по-прежнему штормило, и в конце концов мы были вынуждены пристать в Плимуте. В Саутгемптон было не дойти. Никто не сомневался, что мы затонем...

— Что ж, посуху было не дойти, — сухо ответил Генрих, думая о распри с Францией и недружелюбном настрое французского короля. — Из тебя получилась бы бесценная заложница, если бы нашелся король столь бессердечный, чтобы захватить тебя в плен. Благодарение Богу, ты не досталась врагам.

— Надеюсь, этого не случится, — ответила она, со значением на него глянув.

— Что ж, теперь твои злоключения позади, — заключил Генрих. — В следующий раз ты вступишь на борт королевского корабля, чтобы спуститься вниз по Темзе. Что думаешь о том, чтобы стать принцессой Уэльской?

— По правде сказать, государь, принцессой Уэльской я считаю себя с тех пор, как мне исполнилось три года, — поправила она. — Меня так и звали всегда, инфанта Каталина, принцесса Уэльская. Я знала, что это моя судьба. — Она бросила взгляд на Артура, который по-прежнему молча глядел в стол. — Всю мою жизнь я знала, что нам суждено пожениться. Вы были очень добры, принц, что писали мне письма так часто. Благодаря этому я думала, что мы не вполне чужие...

Принц Артур покраснел.

— Мне приказывали вам писать, — неловко выпалил он. — Это входило в мои домашние задания. Но мне нравилось получать ваши ответы.

— Господи милосердный, парень, ты и в самом деле не слишком остер! — одернул его отец. — Принцесса предпочла бы думать, что ты

писал ей по собственному почину!

— Это не важно, — спокойно ответила Каталина. — Я тоже писала по приказу. И, говоря по чести, я предпочла бы, чтобы мы всегда говорили друг другу правду.

Король хмыкнул.

— Ну, и года не пройдет, как ты передумаешь, — предсказал он. — Станешь сторонницей вежливой лжи. Ибо лучшее средство сохранить брак — это находиться во взаимном неведении.

Артур послушно кивнул, но Каталина ограничилась улыбкой, говорившей, что его замечание, хотя и не лишено интереса, не обязательно истинно. Генрих почувствовал укол досады, особенно болезненный оттого, что огонь возбуждения, разожженный ее милοвидностью, никак не гас.

— Возьму на себя смелость предположить, что твой отец не докладывает твоей матушке обо всем, что придет ему в голову, — сказал он, стараясь обратить ее взор на себя.

Это ему удалось. Голубые глаза принцессы одарили его долгим, внимательным взглядом.

— Возможно, ваше величество правы — и так оно и есть, — признала она. — Я этого знать не могу. Однако докладывает ли он матушке, нет ли, ей все равно все известно.

Он рассмеялся. Достоинство, с которым держалась эта девочка, макушкой не достававшая ему до груди, было просто очаровательно!

— Она что, ясновидящая, твоя мать? У нее дар провидения?

Принцесса не улыбнулась в ответ.

— Она мудрая, — просто сказала она. — Она самый мудрый монарх в Европе.

Он решил, что, во-первых, глупо смеяться над дочерними чувствами. Королева Испании и в самом деле женщина необыкновенная. Вся Европа знает, что жизнь ее проходит либо в походах, где, сидя на боевом коне, она нередко сама командует отрядами, либо в кабинете, за государственными бумагами. А во-вторых, бестактно указывать принцессе на то, что матушка ее хоть и объединила Кастилию и Арагон, но в Испании еще очень далеко до мира. О чем говорить — даже путешествие Каталины в Лондон чуть не помешали восстания мавров и евреев, поднятые против тирании католических королей. Генрих переменял тему.

— Почему бы тебе не показать нам, как ты танцуешь? — предложил он. — Или в Испании это запрещено тоже?

— Раз уж я английская принцесса, мне следует перенять ваши обычаи, — отозвалась Каталина. — Что вы скажете, государь, станет английская принцесса танцевать для короля посреди ночи после того, как он силой вошел в ее покои?

Генрих расхохотался:

— Станет, если у нее есть голова на плечах!

Она ответила ему сдержанной полуулыбкой.

— В таком случае я станцую с моими придворными дамами, — решила она.

Поднявшись с места, принцесса спустилась с возвышения, на котором стоял пиршественный стол, встала в центре комнаты и позвала Марию де Салинас. Хорошенькая темноволосая девушка бойко вышла вперед и встала рядом с принцессой. Подчеркнуто демонстрируя робость, что говорило о скрытом желании себя показать, выступили и три другие девицы.

Генрих с интересом их осмотрел. Он особо просил короля и королеву Испании, чтобы с принцессой прислали хороших придворных дам, и теперь с немалым удовлетворением отмечал, что, каким бы грубым и безвкусным ни показалось им его требование, они все-таки ему подчинились. Все девушки были хороши, но ни одна не затмевала принцессу, которая теперь, после того как постояла, замерев, чтобы настроиться на танец, хлопком в ладоши приказала музыкантам начать игру.

Он сразу понял, что двигается она с грацией чувственной женщины. Танцевали они медленную, церемонную павану. С улыбкой на устах Каталина ступала, покачивая бедрами, полуприкрыв глаза. Нет спору, ее хорошо выучили, эту принцессу из страны, где танцы, пение и поэзия значат больше всего другого; однако же, она танцевала так, словно позволяла музыке вести себя, а Генрих, у которого имелся некоторый опыт, полагал, что женщина, чуткая к музыке, отзывчива и на ритмы страсти.

И тут удовольствие, с которым он наблюдал павану, омрачилось мыслью о том, что эту редкую штучку, эту испанскую красотку, уложат в холодную постель Артура. Вряд ли его заучившийся, неповоротливый сынок сумеет возбудить и раздражить страсть в ней,

созревшей, чтобы стать женщиной. Скорее всего, Артур будет неловок, нелеп и, наверно, причинит ей боль, а она, сцепив зубы, выполнит свой долг, как положено женщине и королеве, а затем, отчего нет, умрет родами; и всю процедуру поиска невесты Артуру придется претерпевать снова, безо всякого для него, Генриха, проку — потому что желание, которое она так явно в нем возбуждает, останется неутоленным. Да, она желанна, ничего не скажешь, и это отменное качество при дворе, украшением которого она станет. Но как же некстати, что она желанна ему самому!

Он отвел глаза от танцорок и утешился мыслью о приданом принцессы, от которого прок уж будет наверняка, и прок именно ему, Генриху, не то что от этой невесты, которая, похоже, так и будет его дразнить, но принадлежать его сыну. Однако в свадебном обозе за ней следует ее приданое, и это — целое состояние. Сразу после свадьбы казначей Каталины передаст ему первую выплату, чистым золотом. Через год поступит вторая — золотом, серебром и камнями. Генрих ценил деньги больше всего на свете, даже выше, чем трон, — ведь, имея деньги, трон можно купить, — и куда выше, чем женщин, потому что тех-то можно купить задешево. И уж конечно, он ценил деньги несравнимо выше, чем улыбку девственницы-принцессы, с которой та, завершив свой танец глубоким реверансом, сейчас к нему приближалась.

— Ну что, ваше величество довольны? — раздумываясь, чуть запыхавшаяся, спросила она.

— Да, вполне, — ответил он, твердо решив, что Каталине никоим образом не следует знать, какие желания она возбуждает в нем. — Однако уже поздно, вам следует быть в постели. Завтра утром мы немного проводим вас, а потом поскачем вперед, в Лондон.

Резкость его ответа неприятно поразила Каталину. Она снова взглянула на Артура, словно надеясь, что тот воспротивится планам отца — к примеру, выкажет желание провести с ней последний отрезок пути, раз уж его отец так бахвалится отсутствием церемоний при английском дворе. Однако принц промолчал.

— Как будет угодно вашему величеству. — Она решила быть вежливой.

Король кивнул, поднялся из-за стола и направился к выходу, провожаемый низкими поклонами придворных. «Похоже, не такой уж

ты противник церемоний, — думала Каталина, глядя, как английский король, высоко подняв голову, принимает положенные ему почести. — Распинаешься о походных манерах и солдатских привычках, однако настаиваешь на полном подчинении и выражении почтения... Впрочем, как и следует королю», — добавила дочь Изабеллы.

Артур последовал за отцом, бросив ей на прощание «Спокойной ночи!». Через минуту все мужчины, состоявшие в свите, вышли из комнаты, оставив принцессу с дамами.

— Какой поразительный человек, — заметила она своей наперснице Марии де Салинас.

— Вы ему понравились, ваше высочество, — сказала та. — Он очень пристально наблюдал за вами. Определенно понравились, да.

— Ну, так что ж в этом удивительного? — отозвалась Каталина с врожденным высокомерием девочки, выросшей в самом могущественном из королевских домов Европы. — Впрочем, даже если б и не понравилась, все уже решено и ничего не попишешь. Все уже давным-давно решено...

Да, он не такой, как я ожидала, этот король, который дорогу к трону пробил себе силой, а корону свою поднял из грязи на поле битвы. Я думала, он будет похож на воителя, на великого солдата, такого, например, как мой отец. Но нет, он похож скорее на купца, который сидит в лавке и ломает голову, как бы побольше заработать, совсем не на воина, доблестным мечом добывшего себе королевство и королеву.

Наверно, я рассчитывала увидеть идальго вроде дона Эрнандо, героя, которого могла бы уважать, которого с гордостью звала бы отцом. Но этот король худ и бледен, как писарь... нет, он совсем не рыцарь, герой баллад.

И двор его, думалось мне, будет не такой. Я-то ждала, что устроят официальную церемонию встречи, с бесконечной процессией придворных, с длительными приветствиями и изысканными, витиеватыми речами, как принято у нас в Альгамбре. Нет, слог у него резкий, отрывистый, на мой взгляд, попросту грубый. Да, придется приспособиться к этой северной манере действовать бойко и бесцеремонно, выражаться кратко, шероховато, приказы отдавать не чинясь. Надеяться на хорошие или хотя бы приличные манеры не

стоит. Придется на многое закрыть глаза — пока я не стану королевой и не смогу изменить правила.

Как бы то ни было, вряд ли имеет значение, по сердцу мне король или нет, как и то, впрочем, по сердцу ли ему я. Он заключил с моим отцом договор, согласно которому мы с его сыном обручены. Так что какая разница, что я о нем думаю или что он думает обо мне. Нам вряд ли придется так уж много общаться. Я буду жить в Уэльсе и править там, он — жить в Англии и распоряжаться ею, а когда он умрет, на его трон сядет мой муж, мой сын станет следующим принцем Уэльским, а я — королевой.

Что до моего будущего мужа... О, тут мои впечатления совсем иные! Он такой красивый! Я и думать не могла, что он окажется таким красавцем... Белокурый, изящный, как мальчик-паж с миниатюр к рыцарским романам! И имя у него королевское, взято из романов о рыцарях Круглого стола... Так и вижу, как он всю ночь напролет стоит на посту или поет под окнами замка. У него бледная, сияющая, почти что серебряная кожа, густые светлые волосы, и при этом он выше меня, стройный и сильный, юноша на пороге зрелости...

У него удивительная улыбка, которая загорается как бы против его воли, а разгоревшись, ослепительно сияет. И еще: он добр. Это великое достоинство в муже. Доброту было видно, когда он принял от меня стакан вина, видел, что я дрожу, и попытался меня успокоить.

Интересно, что он думает обо мне? Ах, до чего интересно, что же он думает обо мне...

Как и решил король, поутру они с Артуром спешно вернулись в Виндзор, тогда как обоз Каталины с ее паланкином, который везли мулы, с приданным в больших походных сундуках, придворными дамами и штатом испанских слуг, а также с солдатами, охранявшими ее добро, неторопливо двинулся по грязной дороге в Лондон.

Принца она не видела до самого дня свадьбы, однако обоз, добравшись до деревушки Кингстон на Темзе, остановился там, чтобы встретиться с двумя грандами королевства: молодым Эдуардом Стаффордом, герцогом Бэкингемским, и герцогом Йоркским, вторым сыном короля, так же как отец носящим имя Генрих. Молодым джентльменам следовало сопровождать испанскую принцессу во дворец Ламбет.

— Я выйду к ним навстречу, — торопливо сказала Каталина, выбралась из паланкина и быстро пошла мимо остановленного обоза, желая избегнуть еще одной ссоры со строгой дуэньей, охотно негодующей по поводу юных дам, которым до свадьбы видеться с молодыми людьми не пристало. — Молчите, донья Эльвира! Мальчику всего десять лет. Даже матушка не назвала бы это неприличным.

— Накиньте хотя бы вуаль! — взмолилась добрая женщина. — Этот герцог Бук... Бук... ну, как там его зовут, он тоже там. Накиньте вуаль, инфанта, если вам дорога ваша репутация!

— Бэкингом, — подсказала принцесса. — Герцог Бэкингемский. А меня называйте принцессой Уэльской, донья Эльвира. И вы знаете, что я не могу быть в вуали, потому что он здесь для того, чтобы обо всем докладывать королю. Вы же помните, что говорила о нем матушка: он находится под опекой матери короля, ему возвращено семейное состояние, и нам подобает оказывать ему все знаки уважения.

Дуэнья, поджав губы, покачала головой, но Каталина решительно проследовала дальше с открытым лицом, сама не своя от собственной смелости. На дороге она увидела людей герцога, выстроившихся в боевом порядке. Перед ними стоял мальчик.

Первой мыслью ее было — до чего же он не похож на своего брата. Если Артур был светловолос, хрупок, бледен, кареглаз и очень серьезного вида, то этот выглядел весельчаком, так, словно его не заботило ничто на свете. Уродился он явно не в отца, по его виду судя, все давалось ему играючи, легко. Рыжий, круглолицый, по-детски пухлый, он улыбнулся Каталине, и его улыбка казалась искренней, дружеской и открытой, а яркие голубые глаза сияли, словно мир, в котором он жил, был добр и светел.

— Сестра! — радостно сказал он, гремя доспехами, спрыгнул с коня и склонился в поклоне.

— Брат Генрих! — ответила она реверансом точно отмеренной глубины, рассудив, что он всего лишь второй сын короля Англии, а она — инфанта Испанская.

— Я так рад тебя видеть, — заговорил он на беглой латыни с сильным английским акцентом. — Я так надеялся, что его величество позволит мне встретить тебя до того, как я повезу тебя в Лондон в день твоей свадьбы. Я подумал, как это будет неловко — вести тебя по

церкви, чтобы передать в руки Артура, перед этим даже не поговорив! И зови меня Гарри. Меня все так зовут.

— Мне тоже приятно тебя видеть, брат Гарри, — вежливо ответила Каталина, слегка оглушенная таким бурным приемом.

— Приятно! Да тебе плясать следует от радости! — воскликнул он. — Потому что отец разрешил нам привести тебе кобылу, которая входит в твои свадебные дары, так что мы сможем поскакать вместе в Ламбет. Артур сказал, нужно, чтобы ты подождала до дня свадьбы, а я сказал — с чего это ей ждать? В день свадьбы ж она покататься не сможет, будет занята. Но если я привезу ей лошадку сейчас, мы поедем верхом!

— Ты так добр!

— Да я вообще не обращаю никакого внимания на Артура, — живо сказал он.

Каталина подавила смешок:

— В самом деле?

Он скорчил рожицу и покачал головой:

— Он такой вечно серьезный... это ужас, прямо надутый! И очень ученый, хотя способностей у него нет. Способности есть у меня, так все говорят, я способный, особенно к языкам, и к музыке тоже. Мы можем говорить по-французски, если захочешь. Для моих лет я говорю очень бегло. А потом, я еще играю на разных инструментах. И, конечно же, я охотник. А ты охотишься?

— Нет, — ошеломленно ответила Каталина. — То есть я просто следую за охотниками, когда у нас травят кабана или волков.

— Волки? У вас есть волки? Хотел бы я поохотиться на волков! А медведи у вас есть?

— Да, в горах.

— Ох, как было бы здорово завалить медведя! А на волков вы ходите пешими, как на кабана?

— Нет, верхом. Они такие быстрые, что нужны самые лучшие гончие, чтобы загнать их. Это ужасная охота.

— А мне бы понравилось, — сказал он. — Мне как раз нравится такое. Все говорят, я очень смелый как раз вот в таких вещах.

— Я в этом совершенно уверена, — улыбнулась Каталина.

Тут выступил вперед и поклонился красивый молодой человек лет двадцати пяти.

— О, это Эдуард Стаффорд, герцог Бэкингем, — торопливо произнес Гарри. — Могу я его представить?

Каталина протянула руку, и молодой человек снова склонился перед ней. Его умное лицо освещала теплая улыбка.

— Мы приветствуем вас на вашей земле, — на безупречном кастильском наречии сказал он. — Я надеюсь, путешествие вас не утомляет? Я могу быть чем-то полезен?

— Все превосходно устроено, благодарю вас, — ответила Каталина, вспыхнув от удовольствия, что слышит родную речь. — И люди, которые встречают нас на всем пути нашего следования, очень добры ко мне.

— Посмотри, вот твоя новая лошадь! — вмешался Гарри, потому что как раз сейчас грум подвел к ним красивую черную кобылу. — Ну, тебе, конечно же, к прекрасным лошадям не привыкать! У вас там как, предпочитают берберских коней?

— Моя матушка настаивала на их использовании в кавалерии.

— О! — выдохнул он. — Это потому, что они быстрые?

— Потому что их можно выучить в боевых коней. — Она подошла к лошади и погладила ей морду.

Мягким языком та облизала ей ладошку, нежно закусил кончики пальцев.

— Как боевых? — не отставал Гарри.

— У сарацин есть кони, которые бьются наравне с хозяевами, и берберских можно выучить так же. Они встают на дыбы и передними копытами обрушиваются на пешего воина, а еще умеют отбиваться, лягаться задними ногами тоже. А у турок водятся кони, которые могут поднять с земли саблю и подать ее всаднику. Матушка говорит, одна добрая лошадь в битве стоит десяти воинов.

— Ах, как бы мне хотелось такого коня... — мечтательно сказал принц Гарри. — Интересно, будет он у меня когда-нибудь? — И помолчал, но она не схватила наживку. — Вот если бы мне кто-нибудь его подарил, я бы его объездил, — прозрачно намекнул он. — Ну, скажем, на мой день рожденья или еще лучше на будущей неделе, потому что ведь это не я женюсь, и мне не полагается никаких подарков... Потому что я не у дел и чувствую себя брошенным, никому не нужным...

— Ну, посмотрим, — сказала Каталина, которой случалось наблюдать, как ее собственный брат добивался своего именно таким методом.

— Надо, чтобы меня научили верховой езде по всем правилам, — продолжал он. — Отец дал слово, что, хотя я обещан церкви, мне позволят участвовать в скачках. Однако миледи, мать короля, говорит, мне нельзя биться на турнирах. И это, знаешь ли, просто нечестно! Они должны мне это позволить! Будь у меня настоящий конь, уверен, я всех бы победил!

— Не сомневаюсь, — сказала она.

— Ну что, поедем? — предложил Гарри, догадавшись, что берберский конь ему пока что не светит.

— Увы, скакать верхом я сейчас не могу. Надо сначала распаковать мою амазонку.

— А в чем ты есть — разве нельзя? — спросил он, немного подумав.

Каталина рассмеялась:

— Нет, в бархате и шелке нельзя.

— А-а-а... Так, может, ты тогда поедешь в своем паланкине? Только это, наверно, ужасно медленно?

— Да, именно так. Мне положено ехать в паланкине, — сказала она. — С опущенными занавесками. Не думаю, что даже твой батюшка одобрит, если я стану скакать по стране с подвернутой юбкой.

— О чем речь, конечно же, принцесса не может ехать верхом, — заявил герцог Бэкингем. — Я же тебе говорил.

Гарри пожал плечами:

— Ну, я же не знал. Никто не сказал мне, в чем ты будешь одета. Тогда можно мне поехать вперед? Мой конь скачет быстрее, чем тащатся мулы.

— Конечно, можешь ехать вперед, только держись на виду, — разрешила Каталина. — Раз уж ты у меня в эскорте, ты должен быть рядом со мной.

— Совершенно справедливо, — тихо сказал Бэкингем, обменявшись улыбками с принцессой.

— Хорошо, я буду дожидаться вас у каждого перекрестка, — пообещал Гарри. — Я сопровождаю тебя, запомни. И в день твоей

свадьбы буду сопровождать тебя к алтарю. У меня уже есть белый наряд с золотой отделкой.

— Ты будешь очень нарядным, — сказала она, и он вспыхнул от удовольствия.

— Ну, не знаю...

— Уверена, каждый при виде тебя заметит, какой красивый ты мальчик...

— Все всегда одобрительно кричат, когда я появляюсь, — признался он. — И мне очень приятно, что люди любят меня. Отец говорит, единственный способ сохранить за собой трон — это добиться любви народа. Отец говорит, король Ричард ошибся, когда не учел этого.

— А моя матушка говорит, что сохранить трон можно, только исполняя волю Господню.

— Да? — равнодушно отозвался он. — Ну, в разных странах это по-разному, полагаю.

— Что ж, будем путешествовать вместе, — сказала она. — Я скажу людям, что мы готовы тронуться в путь.

— Я сам им скажу! — заявил Гарри. — Это ведь я тебя эскортирую! Я буду отдавать приказы, а ты — отдыхать в своем паланкине. — Он искоса бросил на нее взгляд. — И знаешь что? Когда мы приедем в Ламбет, я сам приду за тобой, помогу тебе выйти, а ты обопрись на мою руку, ладно?

— Превосходная мысль, — кивнула она, и он снова жарко, до ушей, вспыхнул.

Принц Гарри поспешил прочь — распорядиться, а герцог с улыбкой склонился перед Каталиной, отдавая должное ее умению разговаривать с детьми.

— Очень смысленный мальчик, очень живой, — сказал он. — Вы должны простить ему эту восторженность. Его страшно балуют.

— Что, любимец матери? — спросила она, вспомнив, как обожала своего единственного сына ее мать.

— Еще хуже, — улыбнулся герцог. — Мать-то любит его ровно так, как нужно, однако же он — свет очей своей бабки, матери короля, а при дворе командует именно она. К счастью, он добрый мальчик, толковый и воспитанный — слишком хорош, чтобы его можно было бы испортить, к тому же бабка, балуя его, не забывает и об учении.

— Насколько я поняла, она добрая женщина?

— Ну, добра она только к своему сыну, — хмыкнул он. —
Остальные находят ее скорее... скорее величественной, чем доброй.

— А скажите, герцог, мы сможем еще поговорить в Ламбете? —
спросила Каталина, которой не терпелось как можно больше узнать о
семействе, в которое она попала.

— И в Ламбете, и в Лондоне я буду счастлив служить вам, —
глядя на нее с восхищением, произнес Бэкингем. — Вы можете
полностью мной располагать.

Мужайся, Каталина. Ты дочь храброй женщины, и ты готовилась к
этому всю жизнь. С какой стати ты прослезилась, услышав любезные
речи, с которыми обратился к тебе молодой герцог? Одна мысль о
слезах недопустима. Я должна высоко держать голову и улыбаться.
Матушка говорила, если улыбаться, никто не узнает, что мне страшно
и я скучаю по дому. Я буду улыбаться и улыбаться, какой бы пугающе
чуждой ни казалась мне Англия сейчас.

А потом я привыкну. Эта страна станет мне домом. Чужие обычаи
станут моими, а самые невыносимые, те, что никогда принять не
смогу, я изменю, став королевой. Как бы то ни было, все равно мне
больше повезло, чем моей сестре Исабель. Она побыла замужем всего
несколько месяцев, а затем овдовела и была вынуждена вернуться
домой. Моя участь лучше, чем участь и моей сестры Марии, которая
вослед Исабель отправилась в Португалию, лучше, чем участь Хуаны,
которая до безумия влюблена в своего мужа Филиппа, а он ей изменяет
направо и налево. Лучше, чем участь моего брата Хуана, который, едва
обретя счастье, умер. И уж конечно, моя участь всегда, с самого
начала, была лучше участи моей матушки, все детство которой прошло
в опасности, на острие ножа.

Конечно, моя история будет совсем иной. Я родилась в куда более
спокойные времена. Я надеюсь прийти к согласию и с моим мужем
Артуром, и с его странным громкоголосым отцом, и с его славным
братцем Гарри. Я надеюсь, что его мать и бабушка меня полюбят или
хотя бы научат меня, как быть принцессой Уэльской, королевой
Англии. Мне не придется, как маме, скакать по ночам от одной
осажденной крепости к другой. Мне не придется закладывать свои
драгоценности, как делала она, чтобы заплатить наемным солдатам.

Мне не придется закованной в доспехи выезжать к войску, чтобы воодушевить его. Как ей, мне не будут угрожать лукавые французы с одной стороны и еретики-мавры — с другой. Я выйду замуж за Артура, и, когда умрет его отец — что, видимо, будет скоро, потому что Генрих стар и ужасно раздражителен, — мы станем королем и королевой. Моя матушка будет править Испанией, а я — Англией, и мы с ней проследим за тем, чтобы союз Англии с Испанией был нерушим.

Лондон, ноябрь 1501 года

Утром в день свадьбы Каталину подняли рано, да она и не спала почти, ворочаясь в постели с тех пор, как в бледном небе зажглось холодное зимнее солнце. Для нее приготовили настоящую ванну — камеристки пересказали ей, что англичане просто поражены тем, что она затеяла мыться перед самой свадьбой, и полагают, что она играет со смертью. Каталина, выросшая в Альгамбре, где бани были самыми нарядными и оживленными помещениями дворца — там всегда звучал смех, рождались и умирали сплетни и слухи, а воздух был пропитан ароматом душистого мыла, — была поражена, что знатные англичане считают достаточным мыться лишь от случая к случаю, а бедняки делают это вообще лишь раз в году.

Она уже поняла, что под ароматом мускуса и серой амбры, просочившимся в ее покои с появлением там короля и принца Артура, прячется запах пота и конского навоза, и что до конца своих дней она будет жить среди людей, которые из года в год не меняют белья. Она решила относиться к этому как к еще одной особенности местной жизни, которую ей следует научиться терпеть, как терпит лишения ангел, спустившийся с небес на землю.

— Пожалуй, здесь всегда так холодно, что это не имеет значения, — неуверенно сказала она донье Эльвире.

— Для нас имеет, — отрезала дуэнья. — И вы должны мыться, как подобает инфанте Испанской, даже если всем кухаркам на кухне придется бросить свои дела, чтобы согреть для вас воду.

Донья Эльвира приказала принести из кухни огромный котел, в котором ошпаривали мясные туши, велела трем поварьям хорошенько его вымыть, выстелить изнутри льняными простынями и до краев наполнить горячей водой, в которую бросила розовых лепестков и влила розового масла, привезенного с собой из Испании. Любовно она наблюдала за тем, как Каталине моют длинные белые ноги, подрезают и подтачивают ногти, чистят зубы и, наконец, трижды ополаскивают волосы. Раз за разом ошеломленные английские горничные неслись к дверям, чтобы принять от избежавшихся пажей еще один кувшин с кипятком и опрокинуть его в самодельную ванну, дабы не позволить воде остыть.

— Если б у нас была баня, как подобает! — горевала донья Эльвира. — С водопроводом, бассейном и чистым мраморным полом! С горячей водой всегда наготове и ванной, куда вы могли сесть. Уж мы бы вас потеряли, как следует!

— Не ворчите, — сонно пробормотала Каталина, выбираясь из ванны с помощью служанок, которые затем промокнули ей тело согретыми и надушенными полотенцами, а одна, отжав воду с ее волос, осторожно обернула их красным шелком, пропитанным маслом, чтобы усилить их блеск и цвет.

— Ваша матушка была бы довольна, — сказала донья Эльвира, провожая инфанту к гардеробной, где ее, слой за слоем, начали одевать в сорочки и платья. — Затяни шнуровку потуже, девушка, юбка должна лечь ровно. Это день ее величества Изабеллы, так же как и вам, Каталина. Она сказала, вы должны выйти за него, чего б это ей ни стоило.

Да, но матушка заплатила не самую высокую цену. Я знаю, они купили мне эту свадьбу за огромный куш в виде моего приданого и провели изнурительно долгие переговоры, а я претерпела самый ужасный вояж, какой только можно себе вообразить, да, но есть ведь и другая цена, которую приходится заплатить, верно? О цене этой не принято говорить, но мысль о ней не отпускает меня сегодня, как не отпускала во время путешествия посуху и по воде с тех самых пор, как я впервые о ней узнала.

Был один человек, лишь двадцати четырех лет от роду, Эдуард Плантагенет, граф Уорик, герцог Кларенс, сын английских королей, у которого, если уж говорить начистоту, было побольше оснований претендовать на престол, чем у моего свекра. Он был принц, племянник короля, королевской крови. Уорик не совершал преступлений, не сделал ничего плохого, но его арестовали — ради меня, заточили в Тауэр — ради меня и, наконец, убили, обезглавили на плахе — и тоже ради меня, чтобы мои родители были уверены: на трон, который мне куплен, других претендентов нет.

Отец самолично заявил королю Генриху, что не отошлет меня в Англию, пока граф Уорик жив, и потому я не что иное, как сама Смерть, с косой и песочными часами. Когда родители приказывали

готовить корабль, который повезет меня в Англию, Уорик был уже покойником.

Говорят, он был страшно наивен и даже не понимал, что находится под арестом, — думал, в Тауэре его поселили, чтобы оказать почести. Ведь он был последним из Плантагенетов по мужской линии, а Тауэр не только тюрьма, но и королевский дворец. Когда арестовали одного ловкача, который выдавал себя за принца крови, и посадили его в комнату по соседству с беднягой Уориком, тот подумал, что это для того, чтоб ему было веселей. Когда же ловкач предложил ему бежать, несчастный решил, что это отличная мысль и, по невинности своей, толковал о своих планах на сей счет так, что услышала стража. Это использовали как предлог, чтобы выдвинуть против него обвинение в измене. Потом его обезглавили, и никто не выступил в его защиту.

Стране нужен мир и власть короля, права которого не вызывают сомнений. Королевские подданные, лишь плечами пожмут, услышав, что тот или иной претендент мертв. От меня ждут, что и я отзовусь так же. Конечно, я не буду рыдать, как маленькая, на людях. И ни с кем не поделюсь своими мыслями. Однако, однажды вечером, когда солнце село, оставив мир прохладным и благоуханным, я шла, скрывшись от всех в садах Альгамбры, вдоль длинного канала, до краев наполненного тихой водой, и думала: нет, никогда больше не смогу я гулять в тени деревьев и наслаждаться шелестом листвы, не вспоминая об Эдуарде, графе Уорике, — ведь казнили его ради меня, чтобы я прожила жизнь в богатстве и роскоши. И я молилась: Боже, прости мне смерть невинного человека...

Мои отец и мать объединили Кастилию и Арагон и вдоль-поперек проехали всю Испанию, дабы справедливость торжествовала в каждой деревне, в самой убогой из хижин, чтобы никакому испанцу не угрожало по чьей-то прихоти умереть. Даже самый могущественный сеньор не вправе убить крестьянина: сначала должен быть суд. Но когда дело коснулось меня и Англии, они забыли обо всем. Они забыли, что мы живем во дворце, по стенам которого вьется надпись, приглашающая: «Войди и спроси. Не бойся искать справедливости, ибо здесь ты найдешь ее». Просто написали королю Генриху, что не отошлют меня, пока Уорик жив, и тут же, по их желанию, его убили.

И порой, позабыв, что я инфанта Испанская и принцесса Уэльская, оставшись просто девочкой Каталиной, я по-детски

спрашиваю себя, не сделала ли моя могущественная мать ужасной ошибки? Не переступила ли она границ, выполняя Господню волю? Ибо может ли свадьба эта, окропленная кровью, стать началом доброго брака? Разве не должна она, как ночь следует за закатом, обратиться кровавой трагедией? Будем ли мы с Артуром счастливы, когда счастье наше куплено такой ценой? И если все-таки будем, не будет ли оно, это наше счастье, греховным.

Принц Гарри, десятилетний герцог Йоркский, до того гордый своим нарядом из белой парчи, что едва замечал Каталину, пока они шли к западным дверям собора Святого Павла, у храма к ней повернулся и посмотрел ей в лицо, прикрытое белым кружевом мантильи. От главного входа собора к алтарю вел помост длиной шестьсот церемониальных шагов. Устланный красной тканью, прибитой золотыми гвоздиками, он был поднят на высоту человеческого роста — на радость лондонцам, собравшимся поглазеть на свадьбу. Перед алтарем стоял бледный от волнения принц Артур.

Каталина улыбнулась мальчику. Гарри восторженно засиял в ответ. Ее рука твердо, не дрожа, лежала в его ладони. Он помедлил в дверном проеме, пока каждый из тех, кто заполнил огромный собор, не понял, что невеста готова начать свое торжественное шествие к жениху. Наступила тишина, и вот тут, в точно рассчитанный, почти театральный момент, они шагнули вперед.

Ступая по помосту, выстроенному по приказу короля Генриха, чтобы всем было видно, как испанский цветок сочетается браком с розой Англии, Каталина с каждым своим шагом слышала шепот, клубящийся вокруг нее. Принц Артур, повернувшийся ей навстречу, на мгновение был ослеплен злостью — его брат вел Каталину так, словно это он сам жених, словно это он тут главный, словно это на него тут все пришли посмотреть.

Наконец они приблизились к алтарю, и Гарри пусть неохотно, но пришлось отступить, а жених и невеста предстали перед архиепископом и вместе преклонили колени, опустившись на расшитые специально для свадьбы подушечки из белой парчи.

«Вот уж не было на свете пары более женатой, чем эта, — с тоской размышлял Генрих VII, стоя между женой и матерью в королевском ряду. — Ее родители доверяли мне не больше, чем

скорпиону, а уж отец, по мне, так всегда был почти что мавр и сущий барышник. Девять раз мы обручали детей. Девять раз! Такой брак ничем не разрушишь. И отец ее теперь не отвертится, даже если б и передумал. Этот брак мне защита от Франции, одна мысль о нашем союзе заставит Францию заключить со мной мир, а сейчас нет ничего важнее, чем мир...»

Он покосился на жену. Со слезами на глазах смотрела она, как архиепископ соединяет руки сына и его невесты. Лицо жены, прекрасное и взволнованное, не пробудило никаких чувств в короле. Кто знает, какие мысли кроются за этой красивой маской? О чем она думает? О своем собственном браке, союзе Йорка и Ланкастера? Или же о человеке, которого предпочла бы в мужья? Король насупился. Нет, жену в расчет брать нельзя. Он давно уже взял за правило вовсе не принимать ее во внимание.

Чуть выше королевы Елизаветы с каменным лицом стояла его мать, Маргарита Бофор. Она смотрела на молодую пару с улыбкой в глазах. Это триумф Англии, триумф ее сына, но прежде всего и в первую очередь это ее триумф, ведь именно она, Маргарита, вытасила происходящее от бастарда семейство ^[1] из забвения, она бросила вызов Йоркам, она победила правящего короля, она вопреки всем обстоятельствам захватила трон Англии. Это она придумала в нужный момент вернуть сына из Франции, чтобы он потребовал для себя трон. Это ее союзники дали ему войско. Это она разработала план битвы при Босуорте, в которой узурпатор Ричард потерпел поражение. Победу в той битве она праздновала каждый день своей жизни. А брак, который они сейчас заключают, есть кульминация всей ее долгой борьбы за власть. Новобрачная принесет ей внука, короля Англии, испанских и тюдоровских корней, а тот родит сына, а тот — своего. Так будет заложена великая династия Тюдоров.

Каталина повторяла слова брачного обета, чувствуя холод кольца на своем пальце. Подчиняясь приказу, как во сне повернула голову к молодому мужу и приняла его нежаркий поцелуй. А когда шла назад по этому нелепому помосту, видя улыбающиеся лица от своих ног направо и налево — до самых стен собора все лица и лица, — стала понимать, что дело сделано, все позади. И когда они ступили из прохладной темноты кафедрального собора на яркое зимнее солнце и

услышали рев толпы, выкрикивающей их имена, имена принца и принцессы Уэльских, она осознала, что целиком и полностью выполнила свой долг. С раннего детства она была обещана Артуру, и сейчас, наконец, они женаты. С трехлетнего возраста именуемая принцессой Уэльской, она, наконец-то, законно обрела это имя, заняла свое место в мире. Каталина улыбнулась, и толпа, довольная дармовым вином, красотой молоденькой принцессы и обещанием прочного мира, разразилась приветственными криками.

Они стали мужем и женой, но за весь день обменялись лишь парой слов. Состоялся официальный обед, и, хотя они сидели бок о бок, говорить было некогда: то и дело провозглашались тосты, произносились речи, звучала музыка. После длинной трапезы в несколько перемен последовал дивертисмент: выступления поэтов и певцов, представление живых картин. В Англии еще не бывало, чтобы свадьба стоила таких денег. Празднество было грандиозней, чем свадьба самого короля и даже чем его коронация. Таким образом, провозглашалось нечто новое для английского королевства, а именно что брак между молодым Тюдором и испанской принцессой — одно из важнейших событий нового времени. Две новые династии заявляли о себе этим союзом: Фердинанд с Изабеллой, ковавшие новую страну из мавританской Андалузии, и Тюдоры, подмявшие под себя Англию.

Музыканты заиграли испанские танцы. Королева Елизавета по кивку свекрови наклонилась и тихо сказала Каталине:

— Ты доставишь всем огромное удовольствие, если станцуешь для нас.

Каталина, сдержанная и невозмутимая, встала с места и направилась в центр зала, где уже собрались ее дамы. Они встали в круг и взялись за руки. Снова танцевали павану, которую Генрих уже видел в Догмерсфилде, и снова, сузив глаза, он смотрел на невестку. Без сомнения, она самая соблазнительная женщина в этом зале. Жаль, что сынок Артур не сумеет открыть для нее радости, которые кроются меж простынями. Если позволить им уехать в замок Ладлоу-Касл, она умрет там с тоски, станет холодной и безразличной. С другой стороны, если оставить при дворе, она будет радовать его взор, украшать двор. А он сможет смотреть, как она танцует. Он тяжело вздохнул. Пожалуй, духу не хватит...

— Очаровательна, — заметила королева.

— Будем надеяться... — кисло сказал король.

— Милорд?

— Да нет, ничего. Ты права, в самом деле, очаровательна. И на вид будто здорова. А как ты думаешь?

— Вполне здорова, и ее мать уверяла меня, что она регулярна в своих привычках.

— Да уж эта дама скажет что угодно, — кивнул он.

— Ну что ты! Она не стала бы вводить нас в заблуждение! Да еще в деле такой важности!

Он кивнул еще раз. Добросердечность и доверчивость его жены неизменны. Поскольку никакого влияния на политику она не имеет, к ее мнению можно не прислушиваться.

— А Артур? — спросил он. — Как он? Матерееет и набирается сил? Хотел бы я, чтобы он обладал темпераментом своего брата.

Оба они посмотрели на юного Гарри. Тот стоял, глядя на танцующих, красный от возбуждения, сияя глазами.

— О, Гарри! — засветилась любовью королева. — Не было на свете принца красивей и веселей, чем наш Гарри!

Испанский танец завершен, король хлопнул в ладоши.

— А теперь — Гарри с сестрой! — скомандовал он.

Король не хотел, чтобы Артур танцевал перед новобрачной.

Тот делал это слишком старательно, как писарь, сосредоточенно, путаясь в ногах. А Гарри так и горел желанием танцевать, миг — и он уже ведет за собой свою сестру, принцессу Маргариту. Музыканты, которые хорошо знали склонности юных особ королевской крови, бойко заиграли веселую мелодию гальярды. Гарри, пустившись в пляс, на ходу сбросил камзол и остался в одной сорочке, как простолюдин.

Испанские гранды и грандессы осуждающе поджали губы при виде такой бесцеремонности, тогда как английский двор, во главе с королем и королевой, приняли ее, умиляясь энергии и темпераменту Гарри. Когда пара танцоров завершила свое представление кружением и галопом, все, смеясь, с удовольствием захлопали в ладоши. Только принц Артур весь танец старательно смотрел в никуда, лишь бы не видеть брата. Он очнулся, когда мать накрыла его ладонь своей.

— Дай-то Бог, чтобы он замечтался о брачной ночи, — заметил его отец, обращаясь к леди Маргарите. — Однако же сомневаюсь...

Та издала резкий смешок:

— Не могу сказать, что невеста мне по душе.

— Разве? — удивился король. — Вы же читали договор!

— Меня устраивает цена, но товар оставляет желать лучшего, — с обычным своим злоязычием пошутила она. — Изящная штучка, но непрочная, верно?

— А вы бы предпочли крепкую молочницу?

— Я бы предпочла девушку с широкими бедрами, чтобы рожала сыновей, — попросту сказала она.

— На мой взгляд, она достаточно хороша, — резко произнес Генрих.

Нет, никому не сможет он признаться, до чего она, на его взгляд, хороша. Даже себе самому...

В брачную постель Каталину уложили ее камеристки, Мария де Салинас, которая поцеловала ее на ночь, и донья Эльвира, благословившая ее, как мать; однако Артуру пришлось еще долго прощаться с друзьями, которые хлопали его по плечу и скабрёзно острили, прежде чем проводить к дверям опочивальни. Там они оставили его в постели рядом с принцессой, которая тихо и молчаливо лежала, пока чужие и незнакомые мужчины, смеясь, желали им доброй ночи, а потом еще явился архиепископ обрызгать простыни святой водой и помолиться рядом с молодыми. Вся процедура была настолько публична, что оставалось лишь распахнуть двери спальни да пригласить жителей города Лондона поглазеть, как новобрачные лежат рядышком в кровати, бок о бок, сущие чучела, набитые соломой. Казалось, прошла вечность, прежде чем последнее смеющееся лицо исчезло — его обладатель закрыл за собой дверь, и они остались вдвоем, опираясь спиной на высоко взбитые подушки, оробелые, одеревенелые, как куклы.

Молчание прервал Артур.

— Не хочешь ли стакан эля? — севшим от волнения голосом спросил он.

— Мне не очень нравится эль...

— Это особый эль, для новобрачных. Он подслащен медом и пряностями. Говорят, придает мужества, — прибавил он, чуть улыбнувшись.

Она тоже улыбнулась:

— А что, мы в нем нуждаемся?

Подбодренный ее улыбкой, он встал с постели и направился за питьем.

— Еще бы! Ты чужестранка, вдали от родины, а я никогда не знал женщин помимо сестер... нам обоим надо многому научиться.

Она взяла у него стакан горячего пряного эля и сделала глоток:

— Вкусно!

Артур залпом выпил стакан, потом другой и вернулся к постели. Поднять одеяло и лечь рядом казалось каким-то... вторжением, а уж мысль о том, чтобы задрать девушке ночную рубашку и улечься на нее, просто не умещалась в его голове.

— Задую-ка я свечу, — заявил Артур.

Густая тьма поглотила их, рдели лишь угли в очаге.

— Ты очень устала? — спросил он с тайной надеждой услышать «да», чтобы она призналась, что слишком утомлена и не в силах исполнить свой долг.

— Совсем нет, — вежливо ответил голос, из-за темноты кажущийся бесплотным. — А ты?

— И я нет. Хочешь спать?

— Я знаю, что нужно делать, — сказала она вдруг. — Все мои сестры были замужем. Они рассказывали.

— Я тоже знаю! — обиделся он.

— Я не о том, что ты не знаешь. Я о том, что ты можешь не бояться и приступить. Я знаю, что мы должны сделать.

— Я и не боюсь, просто...

К совершенному своему ужасу, он почувствовал, как ее рука поднимает ему рубаху, прикасается к голому животу.

— ...просто я не хочу пугать тебя, — договорил он слегка дрожащим голосом, чувствуя, как нарастает желание и вместе с ним удушающий страх оказаться не на высоте.

— Я не боюсь, — ответила дочь Изабеллы. — Я никогда в жизни ничего не боялась.

В молчании и темноте она нашла его и крепко сжала, вызвав в нем своим прикосновением такой взрыв ощущений, что он испугался, как бы не пролить семя прямо ей в руку. Тогда с низким стоном он перевалился на нее, обнаружив, что она уже до пояса подняла свою

рубашку, повозился неловко, напирая чреслами, пытаюсь как-нибудь применить, и по тому, как она вздрогнула, понял, что ей больно. Вообще вся эта процедура выглядела совершенно невозможной, и не было никакого способа узнать, что в таких случаях полагается делать мужчине, ничего, что могло бы помочь ему, направить его, разобраться с таинственной географией женского тела. Но тут вдруг она тихонько вскрикнула и задавила крик, зажав рот рукой. Он понял, что дело сделано, и от этого сразу стало так легко, что семя тут же исторглось, принеся с собой короткое, острое, болезненное наслаждение вкупе с мыслью, что пусть себе и отец, и братец Гарри думают о нем, что хотят, но дело сделано, и он, Артур, мужчина и муж, а принцесса, его жена, больше не девственница.

Каталина подождала, пока он заснет, а потом встала и пошла помыться в свою личную уборную. Кровило, но она знала, что это скоро пройдет, да и боль оказалась не сильной, как она и ожидала; сестра Исабель говорила, это не страшней, чем упасть с лошади, и оказалась права. А невестка-то Марго какова! Распевала, что это неземное блаженство! Что за вздор! Разве может быть блаженством столь глубокое унижение и неудобство! Скорее всего, Марго, как с ней частенько бывало, порядком преувеличила.

Вернувшись в опочивальню, Каталина не легла в постель, а уселась на пол перед очагом и долго сидела так, обняв колени и глядя на тлеющие в золе угольки.

«Неплохой был денек», — сказала я себе и улыбнулась, потому что это матушкины слова. Мне так хочется услышать ее голос, что я даже выражаюсь ее словами. Часто, когда я была совсем маленькая, она, проведя долгий день в седле за проверкой передовых отрядов или, напротив, отправляясь поторопить отставший в пути обоз, входила в шатер, сбрасывала сапоги, опускалась на подушки, разбросанные по роскошным мавританским коврам, поближе к огоньку, пылавшему в бронзовой жаровне, и вздыхала:

— Неплохой был денек!

— А бывают плохие деньки? — однажды поддразнила ее я.

— Нет, если выполняешь Господню волю, — серьезно ответила она. — Бывают дни, когда это легко, а бывают, когда трудно. Но если делаешь то, что велит Господь, плохих дней не бывает.

Ни одной минуты не сомневаюсь я в том, что выполняю Господню волю, деля с Артуром брачное ложе, касаясь его и направляя в себя. Это воля Господа, чтобы между Испанией и Англией установился нерушимый союз. Только имея в надежных союзниках Англию, Испания сможет приостановить растущее влияние Франции. Только имея за спиной могущество Англии, в особенности английский флот, мы, испанцы, сможем пойти войной против нечестивых арабов, добраться в самое сердце нечестивых мусульманских империй, прийти в Турцию, в Африку. Итальянские принцы в борьбе честолюбий ссорятся между собой. Французы — наказание для соседей. Остается лишь Англия, только она присоединится к Испании в священной войне с неверными, будь то черные африканцы, которыми стращали меня в детстве, или светлокожие арабы из ужасной Оттоманской империи. А когда мы победим мавров, крестonosцы пойдут дальше, в Индию, на Восток, всюду, куда потребуется, чтобы бросить вызов мусульманской скверне — и победить ее. У меня есть опасения, что сарацинские земли повсюду, тянутся бесконечно, до самого края земли, а ведь даже Христофор Колумб не знает, где это.

— А что, если они вернуться? — однажды спросила я матушку, когда, облокотясь на прогретые солнцем камни парапета, мы смотрели, как покидает Гранаду очередной караван мавров: мулы тяжело гружены тюками с пожитками, женщины в голос рыдают, мужчины поникли головой, стяг святого Иакова гордо реет над крепостью, заняв место мусульманского полумесяца, овевавшегося местным ветерком на протяжении семи столетий, и колокола звонят к мессе там, где сзывал к молитве Аллаху крик муэдзина. — Что, если они сейчас уйдут в Африку и, поднабравшись сил, через год придут снова?

— Вот потому-то ты должна быть смелой, моя принцесса Уэльская, — ответила мне матушка. — Потому-то ты должна быть готова бороться с ними, когда бы они ни пришли. Ведь этой войне длиться до конца времен, пока сам Господь не завершит ее. Они будут возвращаться снова и снова, и тебе в Уэльсе надо быть готовой к этому так же, как готовы мы здесь в Испании. Я выносила тебя с тем, чтобы ты была воинственной принцессой, как я — воинственная королева. Мы с твоим отцом определили тебя в Англию, как Исабель — в Португалию, а Хуану — к Габсбургам в Нидерланды. Дело всех наших дочерей — защищать земли мужей и поддерживать их союз с

Испанией. Твое дело, Каталина, — беречь Англию и готовить ее к войне с неверными.

Вскоре после полуночи Каталина проснулась оттого, что Артур осторожно возился меж ее ног. Скрыв отвращение, она позволила ему завершить затеянное, потому что знала, что именно так можно зачать сына и укрепить союз между странами. Некоторым принцессам, таким, как ее мать, суждено биться на поле боя, чтобы защитить свое королевство. Но большинство принцесс, и она, Каталина, из их числа, ведут свои битвы в темноте опочивальни. Много времени это испытание не заняло, а потом он снова уснул. Каталина застыла, как камень, только бы не разбудить его снова.

Артур спал крепко, пока на рассвете не забарабанили в дверь его постельничие. Он вскочил, чуть смущенно пожелал ей доброго утра и вышел. Придворные приветствовали новобрачного, как триумфатора, и шумно проследовали в его апартаменты. Каталина слышала, как он заявил, вульгарно и хвастливо: «Сегодня ночью я побывал в Испании!» — слышала раскаты ответного смеха. Донья Эльвира до небес взметнула свои тонкие брови: уж эти англичане с их манерами!

— Не представляю, что сказала бы на это ваша мать...

— Сказала бы, что слова значат меньше, чем воля Господа, а воля Господа свершилась, — твердо ответила Каталина.

Хотя в матушкином случае все было совсем иначе. Она с первого взгляда влюбилась в моего отца и с великой радостью вышла за него замуж. Когда я стану постарше, я начну понимать, что брак их был не только сотрудничеством двух правителей — оба испытывали желание обладать друг другом. Отец мой мог заводить себе любовниц, однако он нуждался в жене и был счастлив только с ней. А для матушки другие мужчины просто не существовали. Из всех королевских дворов Европы только испанский не имел традиций любовной игры, флирта, подбострастного обожания королевы. И когда прекрасные кабальеро, вздыхая, говорили матушке, что у нее не рот, а роза, а глаза голубые, как небеса, она только смеялась и бросала: «Вот вздор-то!»

Расставаясь, мои родители ежедневно писали друг другу, отец и шага не делал, не оповестив ее и не спросив совета. А, зная, что он в опасности, мать не смыкала глаз.

Он не мог пересечь Сьерра-Неваду, если она не посылала ему сопровождение, военный отряд и команду землекопов — выровнять для него дорогу. В строительстве королевства, деле, которому он отдавался со страстью, кроме нее, он не доверял никому. А она... Только для него она покоряла горы. Только он был достоин ее поддержки. Обманчиво было представление о том, что брак их — удачный союз двух расчетливых политических игроков. Она была великой королевой потому, что так она зажигала в нем желание. Он был великим воителем, чтобы стоять вровень с ней. Именно любовь, именно страсть двигала ими — почти в той же мере, что и Господь.

Страстность — это наша семейная черта. Когда моя сестра Исабель, упокой ее душу Господь, вернулась из Португалии вдовой, она заявила, что столь сильно любила своего супруга, что замуж больше не выйдет. Хотя брак продлился всего шесть месяцев, тем не менее, жизнь без супруга потеряла для нее всякий смысл. Другая моя сестра, Хуана, до того влюблена в своего мужа Филиппа, что не в состоянии выпустить его из поля своего зрения; узнав, что он заинтересовался другой женщиной, она устраивает скандал и клянется, что отравит соперницу; в общем, просто с ума сошла от любви... А мой брат... мой любимый брат Хуан от любви попросту умер. Он и его красавица жена Марго были так полны страсти, так упоены друг другом, что его здоровье оказалось подорвано и он умер через полгода после свадьбы. Ну есть ли на свете история печальней, чем эта? В общем, страстность у нас в роду... Но как же я? Суждено ли мне влюбиться когда-нибудь?

Во всяком случае, в своего неуклюжего супруга я не влюблюсь никогда. Да, сначала он мне понравился, но теперь это далеко позади. Он слишком робок, чтобы поговорить со мной, он мямлит и притворяется, что не находит слов. Из-за этой его докучной робости я вынуждена была принять на себя командование в постели, и как стыдно, что первое движение пришлось сделать мне. Из-за него я становлюсь женщиной, лишенной стыда, как на рыночной площади, тогда как я хочу, чтобы за мной ухаживали, как за дамой из романа. Однако не подтолкну я его, что бы он тогда делал? Я чувствую себя ужасно и виню его в своем унижении. «В Испании он побывал», как же! Без моей помощи он добрался бы разве что в Индию... глупый щенок.

При первой встрече мне показалось, что он красив, как принц из сказки, как трубадур, как поэт. У него даже имя из романов о рыцарях Круглого стола. Думала, я стану для него дамой в башне, и он будет петь под моим окном, добиваясь моей любви. Но оказалось, что он, притом, что у него внешность поэта, не в силах связать и двух слов, и я начинаю думать, что роняю себя, пытаюсь добиться его расположения.

Конечно, я никогда не забуду, в чем состоит мой долг, и буду терпеть этого Артура. Надеюсь, мне удастся зачать сына и уберечь Англию от мавров. Я выполню свой долг. Будь что будет, но я стану королевой и буду заботиться о двух странах: Испании, где родилась, и Англии, куда выдана замуж.

Скованно, не перемолвываясь ни словом, Артур и Каталина стояли рядышком на носу королевской барки, возглавлявшей флотилию из нарядно раскрашенных кораблей, идущую вверх по Темзе к Бейнард-Каслу, который станет им домом на несколько следующих недель. Огромный прямоугольный замок стоял над рекой, окруженный садами, которые спускались к самой воде. Лорд-мэр Лондона Рид, члены городского совета и весь двор следовали за королевской баркой, и под звуки музыки наследники трона поселились в самом сердце столицы.

Каталина обратила внимание на то, как часто присутствуют при дворе посланники Шотландии. Деятельно велись переговоры о замужестве сестры ее мужа, ее невестки принцессы Маргариты. Король Генрих пользовался своими детьми, как пешками в шахматной игре, призом в которой была власть, — как, впрочем, и следует королю. Артур закрепил собой важный союз с Испанией. Маргарита, хотя ей всего двенадцать лет, добудет в друзья Шотландию, с которой Англия враждует уже в течение многих поколений. Принцесса Мария тоже в свой час будет обручена, либо со злейшим врагом своей страны, либо с ближайшим другом, которого следует поощрить. Каталина с раннего детства знала, что станет следующей королевой Англии. Это облегчило ей горесть расставания с родиной и семьей...

Она заметила, что Артур весьма сухо приветствовал шотландских лордов, встретив их перед совместным обедом в Вестминстерском дворце.

— Шотландцы — наши злейшие враги, — по-кастильски шепнул ей Эдуард Стаффорд, герцог Бэкингем, когда они стояли в передней,

дожидаясь очереди занять свои места за столом. — Король надеется, что этот брачный союз подружит нас, навеки привяжет шотландцев к Англии. Однако каждый англичанин с самого детства знает, что нет у нас на севере врага более постоянного и зловердного.

— Но ведь это всего лишь маленькое и бедное королевство, — сказала Каталина. — Какой вред оно способно нанести нам?

— Они подпевают Франции. Стоит нам начать войну с французами, как они заключают между собой союз — и шотландцы вторгаются в наши северные пределы. И пусть Шотландия мала и бедна, но это ворота, через которые с севера к нам могут войти французы. Полагаю, ваше высочество по опыту своей родины знает, как опасна может быть самая маленькая страна, если она лежит на границе.

— Ну, у мавров, в конце концов, остался только Гранадский эмират, — согласилась она. — Мой отец всегда говорил, что мавры как болезнь. Пусть всего лишь мелкая ссадина, но саднит всегда.

— А наша чума — шотландцы, — подхватил Бэкингам. — Примерно раз в три года они вторгаются к нам и устраивают маленькую войну, и мы либо отдаем им акр нашей земли, либо забираем его назад. И каждое лето они совершают набеги на приграничные графства и воруют все то, чего они не выращивают или не умеют изготавливать сами. Нет на севере фермера, который не пострадал бы от них. Но король твердо намерен заключить мир.

— Как вы думаете, будут ли шотландцы добры к принцессе Маргарите?

— По-своему, видимо, да, — улыбнулся он. — Но не так, как мы к вам, инфанта.

Каталина улыбнулась в ответ. В самом деле, ее тепло приняли в Англии. Лондонцам понравилась испанская принцесса, им нравились и пышность ее кортежа, и непривычный наряд, и то, что она улыбалась людям. Каталина усвоила от своей матери, что народ нужно уважать, и она никогда не отворачивалась, заслышав приветственные крики. Махала рукой, улыбалась и, если поднимался особенно большой шум, даже приседала в небольшом реверансе.

Она посмотрела туда, где принцесса Маргарита, тщеславная и не по годам развитая девочка, разглаживала складки на платье и поправляла головной убор перед тем, как войти в пиршественный зал.

— Скоро ты выйдешь замуж и уедешь из дому, как уехала я, — любезно обратилась к ней Каталина по-французски. — Я надеюсь, ты будешь там счастлива.

Девочка ответила ей дерзким взглядом:

— Но не так, как ты. Ведь ты приехала в самую лучшую страну в Европе, тогда как мне придется ехать в изгнание.

— Возможно, Англия кажется тебе самой лучшей, но для меня она по-прежнему чужая, — ответила Каталина, пропуская грубость мимо ушей. — И если б ты видела мой дом в Испании, ты бы поразились тому, какой у нас там дворец.

— Нет места лучше, чем Англия, — сказала Маргарита с невозмутимой убежденностью избалованного ребенка. — Но быть королевой очень неплохо. Вот ты будешь еще принцессой, а я уже — королевой. Я буду ровней моей матери. — Подумала и прибавила: — В самом деле, я буду ровней и твоей матери.

Каталина вспыхнула:

— Вот этому никогда не бывать! Какая глупость даже предположить такое!

Маргарита открыла рот от удивления.

— Прошу вас, ваши высочества, — быстро вмешался Бэкингом, — ваш батюшка вот-вот займет свое место. Не угодно ли пройти в зал?

Маргарита развернулась и упорхнула.

— Она еще так молода! — продолжил герцог. — И хотя никогда в этом не признается, ужасно боится покинуть мать и отца и уехать в такую глушь.

— Значит, пусть учится, — сквозь зубы ответила Каталина. — Усвоит манеры, подходящие королеве, если уж собирается ею быть!

Повернувшись, чтобы идти в зал, она обнаружила рядом с собой Артура, готового вести ее второй парой следом за королем Генрихом и королевой Елизаветой.

Королевская семья заняла места за пиршественным столом. Король и двое его сыновей сидели на возвышении под балдахином с гербом, озирая весь зал, по правую руку от них расположились королева с принцессами. Миледи мать короля, Маргарита Бофор, сидела между сыном и королевой.

— Маргарита и Каталина в дверях перекинулись парой слов, — с мрачным удовлетворением заметила она королю. — Я так и думала, что инфанта вызовет раздражение у нашей принцессы. Маргарита терпеть не может, когда внимание оказывается не ей, а кому-то другому, а с Каталиной все носятся.

— Маргарита скоро уедет, — лаконично сказал Генрих. — Там у нее будет свой двор и свой медовый месяц.

— Каталина стала центром притяжения при нашем дворе, — пожаловалась его мать. — Дворец переполнен людьми, пришедшими посмотреть, как она вкушает обед. Все хотят ее видеть.

— Ну, она здесь в новинку. Чудо на неделю. И я хочу, чтобы ее видели.

— У нее есть обаяние, — кивнула миледи.

Особый паж поставил перед ней золотую чашу, наполненную душистой водой, Маргарита смочила в ней пальцы и вытерла их салфеткой.

— Я нахожу, что она очень привлекательна, — сказал Генрих, в свой черед вытирая пальцы. — За всю свадьбу она не сделала ни единой ошибки, и народ ее любит.

Его мать отмахнулась:

— Ее раздражает тщеславие. Ее воспитывали не так, как я бы воспитала свое дитя. Ее воля не сломлена, она не умеет подчиняться. И думает, что она особенная.

Он посмотрел на принцессу. Наклонив голову, она слушала, что говорит ей самая младшая из тюдоровских принцесс, Мэри, потом улыбнулась и что-то ответила.

— Знаешь, матушка, я тоже думаю, что она особенная.

Празднования длились день за днем, а затем двор переехал во дворец в Ричмонде, только что отстроенный посреди огромного прекрасного парка. Каталине, кружащейся в вихре новых лиц и впечатлений, стало казаться, что она центр бесконечного праздника, королева, веселить и забавлять которую радостно готова вся страна. Однако через неделю все это завершилось — к принцессе явился король и указал, что ее испанским подданным пришла пора отправляться восвояси.

Каталина всегда знала, что приданный ей небольшой двор, свита сопровождения, сопутствовавшая ей из Испании во всех треволнениях путешествия по воде и суше, после свадьбы и выплаты первой доли приданого должна ее покинуть, однако два унылых дня, когда отъезжающие собирались в дорогу и прощались со своей госпожой, дались нелегко. Ей оставили в услужение совсем небольшой штат: духовника, нескольких дам-камеристок, управляющего, казначея и самых приближенных слуг. Остальные возвращались на родину. С отъезжающими она отправила поклоны всем в Испании и письмо матушке.

«От дочери Каталины, принцессы Уэльской, ее величеству королеве Кастилии и Арагона.

Дражайшая матушка!

Как поведают тебе эти господа, у нас с принцем хороший дом вблизи реки. Называется он Бейнард-Касл. Это настоящий дворец, только что выстроенный. Там нет бань ни для дам, ни для кабальеро. Я знаю, тебе трудно в это поверить, но это так.

Потом, и в это тоже трудно поверить, здесь совсем нет садов с цветниками, ручьев и фонтанов. Все выглядит так, словно еще не достроено. В лучшем случае имеется крошечный дворик, где можно гулять по кругу, пока не закружится голова. Еда невкусная, а вино кислое. Они едят только сушеные фрукты и, кажется, даже не слышали об овощах.

Но ты не должна думать, матушка, что я жалуясь. Я хочу, чтобы ты знала — несмотря на эти мелкие трудности, я твердо намерена оставаться принцессой. Принц Артур проявляет ко мне доброту и внимание, когда мы встречаемся, что бывает, как правило, во время трапез. Он подарил мне красивую кобылу, помесь берберских и английских кровей, я каждый день на ней езжу. Мой рыцарь на турнирах здесь не принц, а герцог Бэкингем, который очень

ко мне добр, поясняет тонкости дворцовой жизни и дает советы, как поступать в том или ином случае. Мы часто ужинаем в английском стиле, мужнины и женщины вместе. У женщин есть свои комнаты, однако мужчины, и гости, и слуги, свободно входят туда, словно это общие помещения. Единственное место, где я с уверенностью могу побыть одна, если запру дверь, — это нужник, во всех прочих комнатах всегда люди.

Королева Елизавета — дама тихая и спокойная и весьма добра ко мне. Мне нравится ее общество. Миледи матушка короля ко мне холодна, однако, думаю, она такова со всеми, за исключением короля и принцев — в сыне и внуках она души не чает. Она командует при дворе, как настоящая королева. Очень набожна и сурова. Во всех отношениях достойна всяческого почитания.

Без сомнения, ты бы хотела знать, не понесла ли я. Пока никаких признаков нет. Ты будешь рада узнать, что по два часа каждый день я читаю Библию и святые книги, как ты велела, трижды в день хожу на мессу и причащаюсь каждое воскресенье. Отец Алессандро Джеральдини находится в добром здравии и служит мне духовником и советником в Англии так же, как делал это в Испании. Донья Эльвира держит моих дам в повиновении, и я слушаюсь ее так же, как слушалась бы тебя. Мария де Салинас и здесь моя лучшая подруга, как было в Испании, но я не могу выносить, когда она заговаривает о доме.

Я буду такой принцессой, какой ты хотела бы меня видеть. Я не подведу ни тебя, ни Господа. Я буду королевой и защищу Англию от мавров.

Прошу тебя, напиши мне поскорей и сообщи, что здорова. Ты выглядела такой печальной, когда мы расставались. Надеюсь, теперь тебе лучше. Уж конечно, Господь не допустит, чтобы ты печалилась,

ведь ты всегда была его любимицей? Я молюсь за вас с батюшкой каждый день. В моих ушах постоянно звучит твой голос, направляя меня. Прошу тебя, напиши своей дочери, которая так тебя любит!

Каталина

Р. S. Хотя я рада, что замужем и призвана исполнить свой долг перед Испанией и Богом, все равно мне очень тебя недостает. Знаю, что ты, прежде всего, королева, а уж потом мать, но все равно я буду бесконечно рада твоему письму. К.».

Проводы испанского двора были обставлены весело и сердечно, но Каталина с трудом находила в себе силы улыбаться, вести любезные разговоры, махать рукой на прощание. Они подняли якоря и отчалили, а она осталась на берегу, чтобы проводить взглядом удаляющийся паруса. Там и нашел ее король Генрих, неотрывно глядящую вдаль, словно она и сама была бы не прочь уехать.

Он слишком хорошо знал женщин, чтобы праздно полюбопытствовать, в чем дело. Одиноко ей, тоскует по дому, что более чем естественно для девушки, которой не стукнуло еще и шестнадцати. Он сам, почти всю жизнь проведя вдали от Англии, в изгнании, хорошо знал, как порой, когда откуда-то вдруг повеет чем-то родным, охватывает душу тоска по родине. Спроси ее сейчас, отчего она так печальна, вызовешь поток слез и ничего не добьешься. Нет, лучше он возьмет ее под руку, вон, ладошка совсем озябшая, и скажет, что сейчас самое время осмотреть его новую библиотеку, которую совсем недавно так красиво и удобно обустроили во дворце, и что она всегда может выбрать там для себя книгу. Через плечо Генрих приказал что-то одному из своих пажей и повел принцессу в библиотеку. Там они обошли все полки, в самом деле, красивые, резные, и он показал ей не только книги классических авторов и труды по истории, к которой особенно лежала у него душа, но и романы о любовных подвигах и героях, которые, на его взгляд, лучше всего могли развлечь тихую девочку.

«Не жалуется, — отметил он с удовлетворением, — и насухо вытерла глаза, как только увидела, что я направляюсь к ней». Хорошо

воспитана и школу прошла суровую. Изабелла Испанская, жена воина и воин сама, не попустительствовала своим дочерям. Пожалуй, нет в Англии девушки, которая сравнилась бы с Каталиной по силе духа. Однако под голубыми глазами принцессы лежали тени, и, поблагодарив его за предложенные книги, она не улыбнулась.

— Нравится ли тебе разглядывать карты? — поинтересовался он.

— Разумеется, государь, — кивнула она. — В библиотеке моего отца есть карты со всего мира, и Христофор Колумб изготовил для него карту Америк.

— А много ли книг в собрании твоего отца? — спросил король, ревниво заботившийся о своей репутации книгочей.

Последовала вежливая заминка, сказавшая ему все: библиотека, которой он так гордился, не шла ни в какое сравнение с книжной коллекцией испанского владыки.

— Конечно, надо иметь в виду, что множество книг попало туда, так сказать, по наследству, — тактично ответила она. — В собрании моего отца много книг восточных авторов, доставшихся ему от мавританских ученых. Вам, государь, известно, что арабы перевели греческих авторов задолго до того, как тех переложили на французский, итальянский или английский языки, и сохранили научные знания, утраченные христианским миром. В библиотеке отца в арабских переводах имеются Аристотель, Софокл и многие, многие другие...

Страсть к книгам сжигала его, как голод.

— Так много ли там книг?

— Тысячи, — сказала она. — На иврите, латыни, на всех христианских языках. Но все он сам не читает, для этого есть ученые арабы.

— А карты?

— Для этого есть навигаторы и картографы, тоже арабы. Он пользуется их советами. Они путешествуют повсюду и знают, как прокладывать путь по звездам. Пересечь море для них — то же самое, что перейти пустыню. Они говорят, водная гладь мало отличается от песчаной равнины — те же звезды светят над головой, та же луна.

— И что, как твой отец предполагает, много проку будет от новооткрытых земель? — с любопытством спросил король. — Мы

наслышаны о великих вояжах Колумба и сокровищах, которые он привез из своих странствий.

Он отметил, как, взмахнув ресницами, она спрятала оживленно блеснувший взор, и отдал должное ее дипломатическим способностям.

— Не могу сказать, государь, — обдуманно проронила она. — Но моя матушка находит, что открылась бесценная возможность обратиться ко Христу великое множество душ.

Генрих раскрыл перед ней большую папку, в которой хранилась его коллекция географических карт. На многих листах по углам резвились красочно исполненные морские чудища. Используя палец как указку, король проследил береговую линию Англии, границы Священной Римской империи, различные области Франции, недавно расширенные пределы Испании и папские земли в Италии.

— Видишь, почему мы с твоим отцом должны быть друзьями? Нам обоим грозит Франция. Мы даже торговать напрямую не можем, пока не выдворим ее из проливов.

— Если сын Хуаны унаследует земли Габсбургов, под его началом окажутся два королевства, — заметила Каталина, — Испания и Нидерланды.

— А твой сын получит всю Англию, в союзе с Шотландией, и все наши земли во Франции, — подхватил он, взмахнув над картой рукой. — Влиятельные будут кузены!

Каталина улыбнулась, мечтательно и горделиво, что Генрих расценил как признак честолюбия.

— А что, хотела бы ты, чтобы твой сын правил доброй половиной христианского мира?

— Какая бы женщина не хотела! — усмехнулась Каталина. — А ведь тогда наши с Хуаной сыновья смогут победить мавров, загнать их подальше за Средиземное море!

— Или же найдут способ жить с ними в мире, — предположил король. — Уж конечно, одно то, что кто-то зовет Господа Аллахом, а кто-то — Богом, не повод для вражды между верующими!

Не раздумывая, она покачала головой.

— Нет, я думаю, война эта продлится вечно. Матушка говорит, это великая битва между Добром и Злом — и конца ей нет.

— Но это означает, что ты будешь в вечной опасности, — начал было он, но тут в высокую дверь постучали.

Это оказался тот самый паж, которого Генрих послал куда-то еще на пирсе. Он привел с собой запыхавшегося старичка, придворного ювелира.

— А теперь, — обратился Генрих к невестке, — у меня для тебя подарок!

Она подняла на него глаза.

«Добрый Господь, — подумал он, — да надо быть из камня, чтобы не закипела кровь при виде этакого цветочка! Но как бы то ни было, мне по силам заставить ее улыбнуться, и видит Бог, это мне в радость».

— Правда? — ровным голосом сказала она.

Король сделал знак ювелиру, тот вытянул из кармана кусок малинового бархата, расстелил его на столе, а потом вытряхнул на бархат содержимое мешка на тесемках. На яркую ткань хлынули драгоценные камни и золотые украшения. Затаив дыхание, широко распахнутыми глазами смотрела на сверкающий поток Каталина.

— Ну, выбирай! — мягко произнес Генрих. — Это тебе мой подарок, чтобы вернуть улыбку на твое личико.

Едва слыша, что он ей говорит, принцесса вмиг оказалась у стола, и ювелир принялся показывать ей свои изделия, поднимая одно за другим на свет, расписывая его достоинства, а король с явным удовольствием эту картину наблюдал. Вот, пожалуйста вам, чистопородная принцесса, в жилах которой течет кровь кастильских королей, и он, внук простолюдина, может ее купить, как любую другую. И благодарение Господу, у него есть чем прельстить ее!

— Серебро? — спросил он.

Раскрасневшееся личико повернулось к нему.

— Нет, не серебро, государь.

Тут Генрих вспомнил, что у ног этой девочки лежало золото инков:

— Значит, золото?

— Да, золото я люблю больше.

— Жемчуг?

Она дернула губкой. Ах, что за рот, подумал он. Так и просится поцеловать!

— Что, жемчуг не годится? — спросил он вслух.

— Ну, я не очень его люблю, — с улыбкой призналась она. — А какой камень предпочитаете вы, государь?

«Господи, да она кокетничает со мной, — оторопел он. — Вертит, как старым дядюшкой. Подсаживает на крючок».

— Ну, тогда изумруды?

— Нет, — улыбнулась она. — Вот это.

И, безошибочно выбрав самое дорогое из того, что принес ювелир, указала на ожерелье из синих сапфиров, к которому прилагались серьги. Поднесла украшение к глазам, подобно мусульманской женщине, закрыв им нижнюю половину лица. Это было очаровательно. Сапфир как нельзя лучше оттенял цвет ее глаз. Она шагнула вперед, чтобы он смог рассмотреть поближе, и король услышал запах ее волос, аромат цветущих апельсиновых деревьев из садов Альгамбры. Да, вся она благоухала, словно чужедальний цветок.

— Ну как? Подходят они к моим глазам?

Каталина была так соблазнительна, что у него перехватило дыхание.

— Очень подходят. Что ж, они твои, — сделав над собой усилие, выговорил он. — И они, и еще выбери что-нибудь. Только покажи... пальчиком.

Ах, как она на него поглядела...

— А мои дамы?

— Да. Зови своих дам, пусть тоже выбирают.

Она засмеялась от удовольствия и побежала к дверям. Пусть себе, подумал он. От греха подальше, лучше не оставаться с нею один на один. И поспешно вышел в коридор, где столкнулся со своей матерью, которая шла с мессы.

Король преклонил колени, и миледи, благословляя, коснулась его головы:

— Сын мой...

— Матушка...

Поднялся, и мать мигом заметила, что лицо у него горит, а сам он взволнован и с трудом держит себя в руках.

— Тебя что-то беспокоит, сын мой?

— Нет, матушка!

— Что, опять королева? — устало вздохнула миледи. — Елизавета? Опять ноет из-за шотландской помолвки Маргариты?

— Нет. Я ее сегодня даже не видел.

— Елизавете надо смириться, — заявила мать короля. — Принцессы не могут выбирать, за кого им выходить замуж, и решать, когда покидать дом. Она бы это знала, если б ее правильно воспитали.

Он дернул ртом, усмехаясь:

— Ну, это вряд ли ее вина...

— Да какое потомство может быть у такой матери, — сурово заметила его мать. — Никудышный род, Вудвилли...

На это король смолчал. Он никогда не защищал жену перед матерью, неприязнь той была столь велика и непоколебима, что нечего было и пытаться ее переубедить. И мать перед женой не защищал тоже, в том не было нужды: королева Елизавета никогда не жаловалась ни на трудный нрав свекрови, ни на требовательность супруга, относясь к нему, к его матери и к его самовластию как к стихийному бедствию, неприятному и неизбежному, как плохая погода.

— Не допускай, чтобы она тебя беспокоила, — велела мать.

— Да не беспокоит она меня, — отозвался он с мыслью о принцессе, которая как раз его очень беспокоила.

Теперь я уверена, что король Генрих ко мне благоволит даже больше, чем к своим дочкам, и мне это приятно. Я привыкла быть самой любимой, балованной дочкой. Мне нравится быть любимицей короля. Мне нравится, что меня выделяют.

Когда он заметил, что мне грустно оттого, что мой двор отбыл в Испанию, он провел со мной несколько часов, показал свою библиотеку, побеседовал о географических картах, а потом подарил роскошный сапфировый гарнитур. Позволил самой выбирать, что мне по вкусу, и подтвердил, что сапфиры отлично идут к моим глазам.

Поначалу он мне не очень понравился, но потом я понемногу привыкла к его отрывистой речи и вспыльчивости. Он из тех, чье слово и при дворе, и во всей стране — закон, и он никому ничем не обязан, за исключением, может быть, своей матушки. Близких друзей у него нет, никаких приближенных, кроме матушки и тех солдат, которые воевали с ним и которые теперь занимают важные посты при дворе. Он не проявляет нежности к жене, неласков с дочерьми, но ко мне он внимателен, и мне это приятно. Возможно, когда-нибудь он станет мне как отец. Я уже и так рада, что он меня выделяет. При таком дворе, как

этот, где все и вся зависят от его одобрения или неодобрения, я, в самом деле, чувствую себя принцессой, когда он хвалит меня или проводит со мной время.

Если бы не он, мне, наверно, было бы еще более одиноко, чем сейчас. Супруг мой принц относится ко мне так, словно я не больше чем стол или стул. Никогда не ищет меня взглядом, никогда мне не улыбнется, никогда не начнет разговора. Его хватает только на то, чтобы кое-как сложить слова для ответа. Какая дурочка я была, когда нашла, что он похож на трубадура! На недотепу он похож, вот на кого, и это чистая правда! Никогда не поднимет голоса, вечно мямлит, никогда не скажет ничего забавного или интересного. Владеет французским, латынью, еще полдюжиной языков, а что толку, раз сказать нечего! Мы живем, как чужие, и, если бы раз в неделю, словно по расписанию, он не являлся в мою опочивальню, я бы забыла, что замужем.

Я показала сапфиры его сестре Маргарите, и теперь она сгорает от зависти. Придется мне каяться в грехе тщеславия и гордыни. Зря я это, не стоило дразнить ее ожерельем, однако, будь она ко мне добрей, хоть на словах, я бы так не поступила. Мне хотелось, чтобы она знала: ее отец меня ценит, даже если она сама, ее бабушка и ее брат относятся ко мне совсем иначе. Однако я этим поступком своим добилась только того, что разозлила ее и поставила себя в невыгодное положение, не говоря уж о том, что теперь придется каяться и искупать грех.

Хуже всего то, что мне отказало достоинство, с которым во всех обстоятельствах следует держаться испанской принцессе. Конечно, Маргарита повела себя как суцкая торговка на рынке, но мне следует быть умнее. Двор пляшет вокруг короля, как будто в мире ничего нет важней, чем его благосклонность, и мне нужно помнить об этом и держаться в стороне. Не стоит равняться на девчонку четырьмя годами моложе меня и всего лишь английскую принцессу, пусть даже она при всяком удобном случае величает себя королевой Шотландии.

Завершив свой визит в Ричмонд, молодые принц и принцесса Уэльские устроили себе королевский двор во дворце Бейнард-Касл. Каталина со свитой — испанец-капеллан, придворные дамы и дуэнья — заняли покои с видом на парк и реку, тогда как Артур со своими

капелланом, наставником и штатом слуг расположились в помещениях с окнами, выходящими в город. Встречались оба двора только формально, раз в день за ужином, причем сидя по противоположным стенам зала и взирая друг на друга с подозрением. Не семья, а скорей враги во время вынужденных переговоров о перемирии.

Жизнь во дворце текла согласно указаниям, издаваемым миледи матерью короля. Дни праздников и дни поста, развлечения и распорядок будней — все регламентировалось ею. Даже ночи, когда Артуру следовало посещать опочивальню жены, тоже устанавливала мадам — дабы проследить, чтобы молодые люди не истощали себя, но и своими обязанностями отнюдь не пренебрегали. Поэтому раз в неделю принц вечером в сопровождении свиты торжественно вступал в покои жены и оставался там до утра. У молодых супругов этот ритуал по-прежнему вызывал неловкость и острое смущение. Артур ничуть не набрался опыта, а Каталина, как могла, вежливо сносила его молчаливый наскок. Однако же в свой срок, в начале декабря, у нее начались месячные, и она сообщила об этом донье Эльвире, а та немедля оповестила постельничего принца, что на неделю визиты его высочества к принцессе желательно отложить, поскольку ее высочество недомогает. Не прошло и получаса, как все, от короля в Уайтхолле до последнего посыльного в Бейнард-Касле, знали, что у принцессы Уэльской месячные, а значит, она не понесла, и все, от короля до посыльного, задались вопросом: раз уж новобрачная здорова, крепка и, очевидно, плодовита, может, это принцу Артуру не по силам исполнить свой долг?

В середине декабря, когда двор вовсю готовился к пышному двенадцатидневному празднованию Рождества, король вызвал сына к себе и приказал подумать о переезде в замок Ладлоу-Касл.

— Полагаю, тебе захочется взять с собой жену, — с улыбкой заметил король, стараясь, чтобы слова его звучали непринужденно.

— Как желаете, сир, — осторожно ответил Артур.

— А сам-то ты чего хочешь?

После недельного запрета на посещение жены, когда все и каждый шушукались между собой, что ребенка не получилось, хотя, конечно, прошло совсем мало времени и никто, наверно, не виноват, Артур чувствовал себя униженным и подавленным. С тех пор он так ни разу и не посетил ее спальни, а она за ним не посылала. Он и не

ждал приглашений, знал, что это смехотворно, не подобает принцессе Испанской приглашать к себе мужа в постель, однако Каталина совсем не улыбалась ему и никоим образом его не поощряла. Сколько обычно длится это таинственное недомогание, он не имел представления, спросить было некого, и он терялся в догадках, что же ему делать.

— Она выглядит не очень веселой, — заметил он.

— Да скучает по дому! — отрезал отец. — Это твое дело — развлечь ее. Возьми ее с собой в Ладлоу. Дари ей подарки. Она же женщина! Превозноси ее красоту. Шути с ней. Ухаживай!

— На латыни? — растерялся Артур.

— Да хоть на валлийском, парень! Если у тебя смеются глаза и в штанах порядок, она поймет, что у тебя на уме. Поверь мне, она из тех женщин, которые прекрасно понимают мужчин!

— Да, сир, — вяло ответил сын.

— А впрочем, если не хочешь, в этом году можешь оставить ее здесь. Ведь так и было задумано, что вы поженитесь и первый год проведете врозь.

— Но мне тогда было всего четырнадцать!

— Всего лишь год назад.

— Да, но...

— Так ты хочешь взять ее с собой или нет?

Принц вспыхнул. Отец смотрел на него с сочувствием.

— Хочешь, но боишься, что она выставит тебя дураком?

Светловолосая голова покивала, поникнув.

— И думаешь, что, когда рядом не будет придворных и меня, она над тобой посмеется?

Опять кивок.

— И все ее дамы. И ее дуэнья.

— И тебе некуда будет девать время.

Мальчик, воплощенное несчастье, поднял глаза.

— И она будет злиться, томиться и превратит ваш замок в сущую тюрьму для вас обоих.

— Если я ей не нравлюсь... — тихонько проговорил принц.

Генрих положил тяжелую руку на плечо мальчика:

— Сын мой! Не важно, что она думает о тебе. Ведь не я выбирал твою мать. И твоя мать не выбирала меня. Когда дело касается трона,

сердце на втором месте — ну, если вообще о нем кто-то думает. Она знает, что должна делать, и это главное.

— Еще как знает! — сорвавшись, обиженно выкрикнул принц. — У нее нет...

— Нет чего? — подождав немного, спросил отец.

— Никакого стыда у нее нет!

У Генриха перехватило дыхание.

— Нет стыда? Так она что, страстная? — сдержанно спросил он, постаравшись не выдать голосом внезапно вспыхнувшего желания, возникшего перед глазами образа невестки — обнаженной, бесстыдной, охваченной страстью.

— Нет! Она делает это примерно так же, как конюх запрягает лошадь.

Генрих подавил смешок.

— Но все-таки делает. Тебе не приходится умолять ее, уламывать. Ну-ну. Значит, знает, что делать, да?

Артур отвернулся к окну и посмотрел вниз, на холодные воды Темзы.

— По-моему, я ей не нравлюсь. Ей нравятся только ее испанцы, и Маргарита, и еще Генрих, пожалуй. С ними она смеется, танцует, как будто ей весело. Щебечет со своими приближенными, со всеми любезна и улыбочива, а я почти с ней не вижу... Да и видеться-то не хочу...

Генрих потрепал сына по плечу:

— Мой мальчик, да она просто не знает, что о тебе думать! Слишком занята своими платьями и украшениями да своими сплетницами-испанками, будь они неладны! Чем скорее вы останетесь наедине, тем скорее узнаете друг друга. Короче говоря, вези ее в Ладлоу!

Принц кивнул, без особой убежденности.

— Да, если такова ваша воля, сир, — формально ответил он.

— Ну как, спросить мне ее, хочет ли она ехать?

Юноша покраснел до ушей:

— А если она откажется?

Его отец рассмеялся.

— Не откажется! — пообещал он. — Вот увидишь.

Генрих не ошибся. Каталина была слишком принцесса, чтобы ответить королю «да» или «нет». Когда он поинтересовался, не угодно ли ей будет поехать в Ладлоу с принцем, она сказала, что готова выполнить пожелание его величества.

— А могу я узнать, государь, леди Маргарет Пол по-прежнему живет в замке? — спросила она чуть напряженно.

Он нахмурился. Леди Маргарет Пол была теперь, слава богу, замужем за сэром Ричардом Полом, его военным соратником, ныне смотрителем Ладлоуского замка. Однако леди Маргарет Пол была урожденная Маргарет Плантагенет, любимая дочь герцога Кларенса, кузина короля Эдуарда и сестра Эдуарда Уорика, чьи притязания на английский престол были весомей, чем у самого Генриха.

— И что из этого?

— Да... так, — уронила принцесса.

— Тебе нет никаких оснований избегать ее, — мрачно сказал он. — Что сделано, то сделано — от моего имени, по моему приказу. Ты ни при чем, на тебе вины нет.

Она вспыхнула, словно речь шла о чем-то постыдном.

— Ты же понимаешь, я не могу допустить, чтобы мои права на трон подвергались сомнению, — брюзгливо сказал он. — Слишком много претендентов. Йорки, Бофоры, Ланкастеры... Ты не знаешь этой страны. Мы все женаты-переженаты между собой, ни дать ни взять кролики в клетке. — Он остановился посмотреть, не засмеется ли она, но нет, она сосредоточенно морщилась, чтобы поспеть за его быстрым французским. — Я не допущу, чтобы кто-нибудь вздумал заявить права на то, что я завоевал в битве. — И, помолчав, прибавил: — И новой битвы не допущу.

— Я полагаю, государь — настоящий и подлинный король^[2], — осторожно промолвила она.

— Сегодня так оно и есть, — отрезал он. — Все остальное не важно.

— И власть ваша освящена святой церковью? — неуверенно спросила она.

— Да, я миропомазан, — с мрачной улыбкой кивнул он.

— И вы королевской крови?

— В моих жилах течет кровь королей, — жестко сказал он. — Измерять, сколько ее там, нет нужды. Я поднял мою корону на поле

битвы. В самом прямом смысле, она лежала в грязи у моих ног. Я не колебался, и все, все вокруг знали, все видели, что Господь даровал мне победу, что воистину я избранник Божий. И архиепископ миропомазал меня, потому что и он это тоже знал. Я король не хуже любого другого в христианском мире, а может, и даже лучше других, потому что не младенцем в колыбели наследовал власть, завоеванную кем-то другим, — Господь дал мне ее, когда я был зрелым мужчиной. Я получил корону по заслугам.

Каталина склонила голову перед силой его убежденности и тихо промолвила:

— Вы правы, сир.

Ее покорность, и гордость, которая крылась под этой покорностью, привели Генриха в восторг.

— Может быть, ты предпочитаешь остаться здесь со мной? — спросил он, зная, что не должен этого спрашивать, и надеясь, что она скажет «нет», заглушив этим его тайное к ней вожеление.

— Но, государь, мои желания суть желания вашего величества, — спокойно сказала она.

— Полагаю, тебе хотелось бы побыть с Артуром? — настаивал он, подзадоривая ее сказать, что нет у нее такого желания.

— Как вам будет угодно, сир.

— Ответь мне, чего бы хотелось тебе самой — поехать в Ладлоу с Артуром или остаться здесь со мной?

Чуть улыбнувшись, она не схватила наживки.

— Вы король, — мягко сказала она. — Мой долг повиноваться вашему величеству.

Он знал, что неразумно держать ее при своем дворе, но так велико было искушение хотя бы поиграть с этой мыслью. Переговорив с ее наставниками-испанцами, он обнаружил, что мнения их насчет отъезда противоположны, а сами они погрязли в ссорах. Испанский посол, душу положивший на то, чтобы составить неслыханно сложный брачный контракт, настаивал, что принцессе следует ехать за мужем, поскольку все и каждый должны видеть в ней замужнюю женщину. Исповедник Каталины, единственный, кто испытывал к девушке отцовскую нежность, поддерживал эту точку зрения, считая, что молодые должны быть неразлучны. Однако дуэнья, величественная и неуживчивая донья Эльвира, предпочла бы не покидать Лондон. Она

слышала, что до Уэльса далеко, что страна эта горная, каменистая, неприятная, что делать там нечего. А вот если Каталина останется в Бейнард-Касле одна, без Артура, они устроят в самом сердце английской столицы маленький испанский анклав, где будет царить дуэнья, непререкаемо правя и принцессой, и ее двором.

Королева Елизавета говорила, что в середине декабря Уэльс покажется Каталине холодным и неприветливым, и не разумней ли молодоженам пожить в Лондоне до весны.

— Да ты попросту хочешь держать Артура при себе, вот и все, — отмахнулся король. — Нет, ему надо ехать, Артуру ведь предстоит быть королем, и нет лучшего способа научиться править Англией, чем поуправлять провинцией.

— Он еще так молод и робеет...

— Значит, должен научиться править и женой тоже.

— Им придется учиться, как ладить.

— Вот пусть и учатся вместе, а не поврозь.

Дело, в конце концов, решила мать короля.

— Отошли ее, — жестко посоветовала она. — Нам нужен ребенок. Она не понесет, если останется одна в Лондоне. Отошли ее в Ладлоу с Артуром. — И хмыкнула: — Видит Бог, больше там заниматься нечем...

— Елизавета тревожится, что Каталине будет там скучно и одиноко. А Артур боится, что они не поладят.

— Ну и что за беда? Поладят, не поладят... Важность какая! Они женаты, вот и должны жить вместе и родить наследника.

— Но ей всего шестнадцать, — заметил король. — Она скучает по дому, по матери. Ты не делаешь скидок на ее молодость...

— Меня выдали замуж в четырнадцать, и родила я тебя в том же году, — отрезала Маргарита Бофор. — Мне скидок не делал никто. И все-таки я выжила.

— Сомневаюсь, что ты была счастлива.

— Я и не была. Но разве это имеет значение?

Донья Эльвира советует отказаться от поездки в Ладлоу. Отец Джеральдини считает, что мой долг — следовать за мужем. Доктор де Пуэбла настаивает на том же и говорит, что матушка моя, вне всякого сомнения, хотела бы, чтобы я жила с мужем и делала все, дабы брак

наш был полноценным. Артур, безнадежный мямля, молчит, а его батюшка вроде хочет, чтобы я решила сама, но он король, и я ему не верю.

Если бы можно было на самом деле сказать, чего я хочу, я бы ответила: домой, в Испанию. Здесь, живи мы в Лондоне или Уэльсе, все равно холодно, и все время льет дождь, даже воздух промозглый и пропитан влагой, да и еда невкусная, а еще я не понимаю ни слова на местном языке.

Я знаю, что я принцесса Уэльская и будущая королева Англии. Но что-то это меня больше совсем не радует.

— Мы должны ехать в мой замок в Ладлоу, — с неловкостью проговорил принц Артур, сидя рядом с Каталиной за ужином.

Весь зал перед ними и галерея, его опоясывающая, были заполнены людом, собравшимся со всего города бесплатно развлечься, поглазев, как пируют при королевском дворе. Большинство явилось нарочно ради принца Уэльского и его молодой жены.

Наклоном головы Каталина дала понять, что слышит, но на мужа не посмотрела.

— Это приказ твоего отца?

— Да.

— Тогда я с радостью подчинюсь.

— Мы будем там одни, только мы да смотритель замка и его жена, — добавил он. В этих его словах звучала надежда, что ей это по сердцу, что ей не будет там скучно, что она не будет тосковать или, хуже того, на него злиться.

Она посмотрела на него без улыбки:

— И что?

— Я надеюсь, тебе понравится, — пробормотал он.

— Как будет угодно его величеству, — ровно сказала она, словно напоминая Артуру, что они пока лишь принц и принцесса и никаких прав и никакой власти у них нет.

Он покашлял, чтобы прочистить горло, и провозгласил:

— Сегодня вечером я приду к тебе.

Она взглянула на него взором таким же синим и жестким, как сапфиры, которые обвивали ей шею, и невыразительно промолвила:

— Как пожелаешь.

Вечером, когда он явился, она уже была в постели, и донья Эльвира с каменным лицом — осуждение в каждом жесте — впустила его в опочивальню. Каталина сидя смотрела, как постельничий принца снимает с него накинутый на плечи халат и, поклонившись, выходит, неслышно закрыв за собой дверь.

— Вина? — предложил Артур, побаиваясь про себя, что голос дрожит.

— Нет, спасибо.

Неуверенным шагом, робея, молодой человек подошел к кровати, откинул одеяла и улегся рядом с женой. Она повернулась к нему, и он, покраснев под ее испытующим взглядом, кинулся поскорей гасить свечу, чтобы Каталина не увидела, до чего же ему не по себе. Кровать скрипнула, это Каталина откинулась на спину и повозилась, задирая свою рубашку, чтоб не мешала. Он понял, что он для нее не человек, а вещь, причем вещь не важная, нечто, что нужно перетерпеть, чтобы стать королевой Англии.

Отбросил одеяла, соскочил с кровати и отрывисто сообщил:

— Я здесь не останусь. Я пойду к себе.

— Что?!

— Я здесь не останусь. Мне тут не рады...

— Не рады? Я никогда не говорила, что...

— Да это же очевидно! Один твой вид...

— Здесь темным-темно! Откуда ты знаешь, какой у меня вид? И потом, ты сам выглядишь так, словно тебя пригнали сюда силой!

— Я?! Разве это я послал записку, из которой весь двор узнал, что мне не следует сюда приходить!

Каталина ахнула:

— Я не говорила, что тебе не следует приходить... Мне пришлось сказать им, чтобы они сказали тебе... — и в смущении запнулась, ища слова, — что это мое время... ты должен был знать...

— Твоя дуэнья сказала моему груму, что я не должен к тебе приходить. Как я, по-твоему, после этого себя чувствовал? Как, по-твоему, выглядел перед всеми?

— А как еще я могла тебе об этом сказать? — растерялась она.

— Да сказать мне самому, а не всему свету сразу! — разъярился он.

— Да как я могла! Да разве об этом говорят! Я бы умерла от смущения!

— Ну да, пусть лучше я выгляжу дураком!

Каталина соскользнула с постели, прошла к изножью и встала там, для устойчивости держась за высокий резной столбик балдахина.

— Милорд, я приношу свои извинения, если обидела вас. Я не знаю, как такие вещи делаются здесь, у вас... В будущем я буду вести себя в согласии с вашими пожеланиями...

Он промолчал.

Она ждала.

— Я ухожу, — сказал он и решительно направился к двери звать своего грума.

— Не надо! — почти против своей воли вскричала она.

— Что? — обернулся он.

— Все узнают, — в отчаянии сказала она. — Узнают, что между нами что-то произошло. Ведь ты только что пришел! Если уйдешь сразу, все подумают...

— Нет, здесь я не останусь! — закричал он.

У Каталины разыграла гордость.

— Ты опозоришь нас обоих! Что подумают люди? Что я тебе противна или что ты бессилен?

— Но если и то и другое правда? — Он еще громче забарабанил в дверь.

Она онемела, привалясь спиной к столбику кровати.

— Ваше высочество? — раздалось от дверей, створки распахнулись, и в спальню вошли постельничий принца, пара пажей, а следом еще и донья Эльвира с камеристкой.

Каталина гордо проследовала к окну и встала там спиной к вошедшим. Артур помедлил, взглядом попросив у нее помощи, какого-то знака, что все-таки ему можно не уходить, остаться.

— Какой стыд! — воскликнула донья Эльвира и мимо Артура кинулась прикрыть принцессу, накинуть ей на плечи халат.

Теперь, когда в комнате находилась эта женщина, обнявшая Каталину и взиравшая на него пристально и свирепо, вернуться к жене было уже никак нельзя. Он переступил порог и направился в собственные апартаменты.

Я его не переношу. Я не переношу эту страну. Я не смогу жить здесь до конца моих дней. Как он посмел сказать, что я ему противна! Как вообще он посмел со мной так разговаривать! Он что, спятил, как эти их отвратительные собаки, которые, куда ни глянь, всюду пыхтят, высунув лиловые языки... Он забыл, с кем разговаривает! Он забыл, кто он такой!

До того я на него зла, что хоть бери кривую турецкую саблю да руби ему голову! Дай он себе труд подумать хотя бы минуту, то понял бы, что теперь весь дворец, весь Лондон, а может быть, даже вся страна будет над нами хохотать. Скажут, что я уродина и не умею ублажить мужа.

Я плачу от злости, не от горя. Я прячу лицо в подушку, чтобы никто не услышал и не стал потом говорить, что принцесса плакала, пока не уснула, потому что муж не хочет с ней спать. Мне так тошно, что я давлюсь слезами и злостью.

Некоторое время спустя я перестаю плакать, вытираю лицо, сажусь в кровати. Я принцесса, по рождению и по браку. Я не должна поддаваться. Я сохранию остатки достоинства, пусть даже он его потеряет. Ведь он совсем еще юн, и притом англичанин — откуда ж ему знать, как себя вести? Я думаю о родном доме, вспоминаю, как каменная резьба светится и мерцает, вспоминаю стены из желтого камня, выкрашенные в кремовый цвет. Как бы мне хотелось быть сейчас там!

Было время, в садах гарема я любовалась тем, как отражается в водах пруда большая желтая луна, и как дурочка мечтала поскорей выйти замуж...

Юная чета выехала в Уэльс за несколько дней до Рождества. На людях они общались между собой самым учтивым образом, бывая же наедине, упорно не замечали друг друга. Королева просила, чтобы они задержались хотя бы до Крещения, на все двенадцать святочных деньков, однако миледи матушка короля постановила, что Рождество наследникам должно встречать в Оксфорде, дабы народ поближе увидел своих будущих властителей, а слово матушки короля было закон.

Каталина сидела в паланкине, который немилосердно трясло на заледенелой дороге, и мерзла, несмотря на все свои шали и меха.

Мулы хромали на колдобинах и ухабах. Матушка короля запретила ей ехать верхом, из страха, что не дай бог принцесса упадет. Под этим крылась невысказанная надежда, что Каталина беременна. Та ничем этих надежд не подтверждала и не опровергала, а Артур был сама скрытность.

Всю дорогу они ночевали в отдельных комнатах, и так же было в колледже Магдалены, где они разместились, прибыв в Оксфорд. На редкость гостеприимный Оксфорд был наготове развлекать и веселить гостей, однако принц с принцессой были холодны и скучны под стать декабрьской погоде.

Обедали они вместе, восседали за длинным столом лицом к залу, и жители славного города Оксфорда — столько, сколько могла вместить опоясывающая зал галерея, — занимали места, чтобы поглазеть, как принцесса подносит ко рту малюсенькие кусочки пищи и норовит отвернуться от супруга, тогда как он оглядывает зал в поисках собеседников, словно сидит за столом один.

Выступали танцоры и акробаты, мимы и лицедеи. Принцесса очаровательно улыбалась, но не засмеялась ни разу; все участники представления получили из ее рук кошельки с испанскими дублонами, но она так и не обратилась к супругу, чтобы узнать, доволен ли он происходящим. Принц прошелся по залу, обмениваясь любезностями с представителями городской знати. Говорил он исключительно по-английски, и его испанке-супруге приходилось ждать, когда кто-нибудь обратится к ней по-французски или по-латыни. Но нет, все окружили принца и принялись болтать, шутить и смеяться, почти так, будто смеются над ней и не хотят, чтобы она поняла, в чем соль разговора. И Каталина сидела одна, прямая на своем жестком резном стуле, держала высоко голову, и с уст ее не сходила вызывающая улыбка.

Наконец наступила полночь, мучительно долгий вечер подошел к концу. Каталина поднялась с места, все присутствующие склонились в поклонах. Донья Эльвира стояла у нее за спиной. Как учили, она сделала мужу глубокий испанский реверанс и ясным голосом произнесла по-латыни, очень четко выговаривая слова:

— Желаю вашему высочеству доброй ночи.

— Благодарю вас, мадам, однако не прощаюсь. Я приду в вашу комнату, — оповестил он ее, вызвав одобрительный шепот: людям нравится, когда принц крепок, энергичен и полон желаний.

От столь откровенного заявления принцесса залилась краской. Сказать было нечего, отказать нельзя, но то, как она вскинула подбородок и вышла из комнаты, не предвещало супругу теплого приема. Свита принцессы откланялась и поспешила следом, словно пестрый шлейф платья. Придворные прятали улыбки и переглядывались, отмечая присутствие темперамента у новобрачной.

Через полчаса явившись в апартаменты принцессы, разгоряченный выпитым, подстегиваемый обидой, Артур обнаружил, что жена полностью одета, сидит у очага рядом с дуэньей, комната ярко освещена, пылают свечи, а придворные дамы играют в карты и трещат, словно это не полночь, а полдень. Принцесса явно еще не собиралась укладываться в постель.

— Ваше высочество! — воскликнула она при виде его, встала с места и сделала реверанс.

Артур, который предполагал сразу лечь и явился в ночной рубашке и накинутом на плечи халате, почувствовал себя самым нелепым образом. Каталина, напротив, выглядела вполне парадно. Все ее дамы повернулись и неодобрительно уставились на него. Нестерпимо захотелось выскочить вон, но он сдержал порыв, сказав:

— Я полагал, вы уже в постели.

— В самом деле, давно пора, — с ледяной вежливостью ответила Каталина. — Уже поздно, не так ли? Я как раз собиралась отправиться в постель, но тут ваше высочество во всеуслышание объявили, что собираетесь посетить меня, и я подумала, что вы придете сюда со свитой. Мне показалось, вы приглашаете всех в мои комнаты. Иначе, зачем заявлять об этом в полный голос?

— Я не заявлял в полный голос!

Вскинув бровь, она не стала противоречить.

— Я остаюсь на ночь, — упрямо сказал он и решительно направился к дверям в опочивальню, мимоходом бросив: — Вашим дамам тоже пора, в самом деле, поздно уже, — а потом кивком отпустил своих: — Оставьте нас. — Вошел в опочивальню и закрыл за собой дверь.

Каталина проследовала за мужем, отпустив своих дам. В спальне, стоя на пороге, она смотрела, как Артур сбрасывает халат, рубашку и голышом, не торопясь, укладывается в постель: взбивает подушки,

подкладывает их под спину, устраивается поудобней, скрестив руки на голой груди, как делают, предвкушая забаву и развлечение.

Настала ее очередь смутиться.

— Ваше высочество...

— Ты бы лучше разделась, — колко сказал он. — Сама же говоришь, уже поздно.

Она глянула вправо, влево:

— Пожалуй, я пошлю за доньей Эльвирой.

— Сделай милость. И за теми, кто там тебя раздевает. Можешь не обращать на меня внимания.

Она закусила губу. Он видел, что она в смятении. Мысль о том, что придется раздеваться у него на глазах, была отвратительна. Развернувшись, она вышла из комнаты.

Раздался стрекот сердитой испанской речи. Принц ухмыльнулся, догадавшись, что это она прогоняет свиту, чтобы разоблачиться в соседней комнате. В самом деле, когда дверь вновь распахнулась, Каталина появилась в белой рубашке, отороченной кружевами, с заплетенными в длинную косу волосами. Теперь это была девочка, а не та капризная принцесса, как минуту назад, и Артур почувствовал не только разгорающееся желание, но и нечто совсем новое — нежность.

Она посмотрела на него исподлобья:

— Мне нужно помолиться.

Прошла к своей скамеечке для коленапреклонения, встала на колени, сложила руки для молитвы, склонила голову, зашептала. От этого зрелища его раздражение улетучилось, и, как когда-то, он подумал, каково ей приходится — куда хуже, чем ему самому. Что по сравнению с тем, что она чувствует, его страхи и неловкость, ведь она одна в чужой стране, отдана в полную власть мальчишке несколькими месяцами моложе себя. Без настоящих друзей, без родных, вдали от всего, к чему привыкла.

В постели было тепло. Вино, которое он для храбрости выпил, расслабило, нагоняло сон. Он откинулся на подушки. Ох, долгонько же она молится, но, с другой стороны, это неплохо, когда у тебя благочестивая жена. Ресницы его сомкнулись. Вот она сейчас придет, ляжет рядом, и он возьмет ее — уверенно, но нежно. Сегодня Рождество, следует быть добрым. Ей одиноко, она испугана... Он будет добр к ней... Да, правильно, добр, нежен, как заботливый,

любящий супруг, и тогда она почувствует к нему благодарность... Может, со временем они научатся радовать друг друга, может, ему удастся сделать ее счастливой... Он задышал глубже, ровнее... по-детски причмокнул губами... и уснул.

Дочитав молитву, Каталина оглянулась через плечо и расцвела победной улыбкой. Потом тихохонько прокралась к кровати, забралась под одеяло и, позаботясь о том, чтобы даже подол ее рубашки не коснулся спящего рядом мальчика, устроилась почивать.

Что, решил смутить меня перед моими дамами, перед всем двором? Решил, что можешь унижить меня и торжествовать? Так нет же! Я, принцесса Испанская, видывала и слыхивала такое, чего ты в своей мирной стране даже во сне не увидишь! Я инфанта, я дочь могущественных монархов, которые сумели отразить самую страшную опасность, грозившую когда-либо христианству. Семьсот лет мавры владели Испанией, империей посильнее Римской, и кто же их выгнал? Моя мать! Мой отец! Так что не смей думать, что я боюсь тебя, тебя, принца из Йоркских розовых лепестков, или как там они тебя называют. Нет, я, принцесса Испанская, не стану ни мелочной, ни злобной, но, если ты бросишь мне вызов, я тебя не пощажу.

Утром он, нянча свою уязвленную мальчишескую гордость, не сказал ей ни слова. Сначала она унизила его в Бейнард-Касле, публично отказав в супружеских правах, а теперь сделала это с глазу на глаз. Ему казалось, что она заманила его в ловушку, выставила дураком, даже сейчас смеется над ним. Артур поднялся в угрюмом молчании и ушел. Во время мессы ни разу на нее не взглянул, а потом уехал охотиться на весь день. Вечером тоже не разговаривал. Смотрели представление, сидели рядом, и все молча. Так и прожили целую неделю в Оксфорде, хорошо если обменявшись за день десятком слов, не больше. С истовой серьезностью он дал себе страшную клятву, что в жизни больше с нею не заговорит. Он сделает ей ребенка, если сможет, и будет принижать ее всеми доступными ему способами, но никогда в жизни не обратится к ней напрямую, и никогда, никогда, никогда в жизни не станет спать в ее постели.

Когда же ранним утром пришел час выезжать в Ладлоу, небо затянуло тучами, сулившими скорый и обильный снегопад. Каталина,

едва переступив порог колледжа, отпрянула под напором ледяного влажного воздуха. У носилок она помедлила. Словно узница, вдруг подумал Артур, которая не решается забраться в повозку, чтобы ехать к позорному столбу, а поделаться ничего не может, ехать все равно надо.

— Что, очень сегодня холодно? — спросила она.

Он повернулся к ней с непримиримым видом:

— Привыкай! Ты не в Испании.

— Да уж вижу...

Она раздвинула занавеси паланкина. Внутри лежал ворох шалей, чтобы она укуталась, и подушки — положить на сиденье. Выглядело не очень удобно.

— Это что! Будет еще хуже, — жизнерадостно пообещал принц. — Похолодает, начнутся дожди, снегопады, гололед. За весь февраль выпадает в лучшем случае два солнечных дня, а так все время ледяные туманы, из-за которых день кажется ночью и все серым-серо...

Каталина подняла взор на мужа:

— Не могли бы мы остаться еще на день?

— Ты согласилась ехать, — ядовито напомнил он. — Я бы с радостью оставил тебя в Гринвиче.

— Я сделала так, как мне велели.

— Вот мы и здесь. Путешествуем, как велели.

— Но ты-то хотя бы можешь двигаться и не мерзнуть, — жалобно сказала она. — Нельзя ли и мне верхом?

— Миледи матушка короля сказала, нельзя.

Она скорчила рожицу, но смолчала.

— Впрочем, если хочешь, можешь остаться здесь, — отрывисто сказал он так, словно ему недосуг со всем этим разбираться.

— Нет, — вздохнула она, — конечно же, нет. — Каталина забралась в паланкин и отдалась в руки служанок, которые укутали ее платками и одеялами.

Принц, кланяясь и улыбаясь горожанам, собравшимся по обочинам, чтобы приветствовать наследника, выехал из Оксфорда во главе обоза. Каталина же задернула занавески, спасаясь от холода и любопытных взоров, и народу не показалась.

Пообедать они остановились в замке, случившемся по пути, и Артур направился к входу в дом, даже не подойдя справиться, как она,

помочь ей выбраться из носилок. Хозяйка замка, взволнованная приездом гостей, поспешила поздороваться с принцессой и, видя, что та еле держится на ногах, что лицо у нее белое до голубизны, а глаза покраснели, воскликнула:

— Ваше высочество, да вы здоровы ли?

— Я окоченела, — с самым несчастным видом сказала Каталина, — промерзла до самых костей. Никогда в жизни мне не было так холодно!

За обедом она почти не ела, и выпить вина ее уговорить не сумели. Выглядела же принцесса так, словно сейчас упадет от усталости, однако ж, едва все встали из-за стола, Артур приказал трогаться в путь, поскольку до ранних зимних сумерек требовалось преодолеть еще двадцать миль.

— Разве нельзя остаться? — шепотом, торопливо спросила Мария де Салинас.

— Нельзя, — коротко сказала принцесса и поднялась с места. Но когда растворили высокую дверь, ведущую во внутренний дворик замка, резкий порыв ветра занес внутрь стайку снежинок, и те закружились, заплясали вокруг отъезжающих, воскликнула, пошатнувшись: — Боже, дорогу заметет, мы заблудимся!

— Не заблудимся, я знаю дорогу, — отрезал принц и, выйдя во двор, решительно направился к своему коню.

Хозяйка замка послала слугу в кухню, чтобы тот сбегал за раскаленным камнем — положить его в носилки к ногам Каталины, сама усадила принцессу в паланкин, укутала одеялами и укрыла меховой полостью.

— Я уверена, ваше высочество, принцу не терпится поскорей показать вам свой замок Ладлоу, — сказала хозяйка, пытаясь представить ситуацию в наиболее выгодном свете.

— Замучить меня поскорей — вот что ему не терпится, — отозвалась Каталина, позаботившись, впрочем, произнести это по-испански.

Створки ворот со стуком закрылись. Теплый, обжитой замок остался позади, а они повернули на запад. Было всего два часа пополудни, но под тяжелыми снеговыми тучами в косых лучах белесого солнца казалось, что холмистый ландшафт излучает зловещее сероватое сияние. Дорогу, две бурые колеи, змеившиеся по бурым

полям, на глазах заметало. Артур, напевая, скакал впереди. Паланкин Каталины тащился следом. При каждом шаге мулов ее бросало из стороны в сторону, и, чтобы не упасть, синими, одеревеневшими пальцами она держалась за боковину. Занавески, худо-бедно спасавшие от снега, не спасали от ветра. Отвернув уголок, чтобы взглянуть на окрестности, она видела лишь белое мельтешение снежинок и низкое, темнеющее с каждой минутой небо. Снеговые тучи сгущались над маленькой кавалькадой, прокладывающей себе путь по белой земле под серым небом.

Лошадь Артура бодро шла галопом, принц уверенно сидел в седле, руки в перчатках, в одной поводья, в другой кнут. Под коротким камзолом из толстой кожи — теплая шерстяная поддевка, на ногах — мягкие, удобные кожаные сапоги. Трясаясь в своем паланкине, Каталина смотрела, как он скачет, до того замерзшая и несчастная, что не было сил даже его презирать. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы он подъехал сейчас и сказал, что они почти что приехали, почти дома.

Прошел час, мулы брели по дороге, низко опустив головы, встречая лбом западный ветер. Снег усилился. Каталина свернулась клубком под одеялами, прижав к животу уже остывший камень, нырнув с головой под меховую полость. Ноги совсем ооченели, в прорези занавесок вривался ветер, и то и дело она ежилась от его ледяных укусов.

Вокруг мулов с носилками, в которых заживо замерзала Каталина, гарцевали всадники, перекрикивались, посмеивались над погодой, предвкушая, как плотно поужинают, когда доберутся в городок Бурфорд. Казалось, голоса их доносятся откуда-то издалека. От холода и усталости Каталина проваливалась в сон.

Из тяжелой дремоты выбралась она, когда паланкин опустили на землю и раздвинули занавеси. Волна холодного воздуха ударила в лицо, она недовольно вскрикнула и накрылась с головой.

— Инфанта? — забеспокоилась донья Эльвира. Дуэнья, ехавшая на своем муле, ничуть не замерзла. — Благодарение Богу, наконец, мы на месте!

Каталина не шевельнулась.

— Что такое? — раздался голос Артура. Он видел, что носилки опустили на землю, что над ними склонилась дуэнья. Видел, что груда

тряпья и мехов в носилках не подает признаков жизни. Мелькнула неприятная мысль, что принцесса, может быть, заболела. Мария де Салинас бросила на него укоризненный взгляд. — В чем дело?

— Все в порядке, — выпрямилась донья Эльвира, заслонив собой паланкин и Каталину. Принц соскочил с лошади и направился к ним. — Принцесса просто уснула. Сейчас она приведет себя в порядок.

— Я хочу ее видеть.

Уверенной рукой принц отстранил дуэнью и встал на колени перед носилками.

— Каталина, — тихо позвал он.

— Я замерзла, — тоненьким голосом отозвалась она, подняла голову, и он увидел, что лицо у нее белое как снег, а губы посинели. — Я т-так з-замерзла, что умру, и тогда ты будешь счастлив. Похоронишь меня в этой ужасной стране и женишься на какой-нибудь глупой, толстой англичанке... а я никогда, никогда не увижу... — И залилась слезами.

— Каталина! — пробормотал он в изумлении.

— Никогда не увижу матушку... Но она поймет, что ты замучил меня в своей ужасной стране...

— Я тебя не мучил! — взвился он, совсем не думая о том, что вокруг люди. — Ради бога, Каталина, это не я!

— Ты жестокий, — посмотрела она ему прямо в глаза. — Ты жестокий, потому что...

Но ее залитое слезами, несчастное белое лицо было красноречивей всяких слов. Сейчас она была такой же, как одна из его сестер, когда ее отчитывала бабушка, мать короля. Сейчас она выглядела не как оскорбительно надменная задавака, испанская принцесса, а совсем как девочка, которую довели до слез, и принц понял вдруг, что до слез ее довел именно он. Это он заставил ее весь день ехать в холодных носилках, в то время как сам гарцевал и радовался тому, что ей плохо.

Он отыскал в тряпье ее маленькую ледяную руку. Виновато поднес голубоватые пальчики к губам, поцеловал, а потом принялся греть их своим дыханием.

— Прости меня Господь! Я забыл, что я муж. Да я и не знал, что такое быть мужем. Даже не понимал, что из-за меня ты можешь

заплакать. Никогда больше не допущу этого.

Она сморгнула. Голубые глаза плавали в непролитых слезах.

— Что?

— Я был неправ. Я злился, но был неправ. А теперь позволь, я отнесу тебя в дом, мы согреемся, и я повинюсь и скажу тебе, что всегда буду к тебе добр.

Она сразу затрепыхалась в своих покровах, и Артур откинул полость, помог ей освободиться. Окоченелую, ее не держали ноги. Не обратив внимания на сдавленные протесты дуэньи, Артур подхватил жену на руки и, словно новобрачную, перенес через порог замка.

Перед очагом принц опустил ее на ноги, мягким движением откинул на спину капюшон плаща, развязал тесемки у ворота, растер руки. Отмахнувшись, прогнал слуг, сбежавшихся услужить, и сам налил ей вина, в общем, сделал так, что вокруг них образовался кружок мира и покоя, и понемногу краски вернулись на ее бледные щеки.

— Прости меня, — от всего сердца сказал он.

— Уже простила, — прошептала Каталина с улыбкой, осветившей ее лицо.

— Я вел себя как ребенок, причем ребенок испорченный. Я поступил бездумно. Я забыл, что должен заботиться о тебе. Но теперь все будет иначе. Я никогда тебя не обижу.

— Это хорошо. Но и ты должен меня простить. Я тоже тебя обижала.

— Разве?

— Да. В Оксфорде, — еле слышно прошептала она.

— И что ты мне хочешь сказать?

Она бросила на него быстрый взгляд снизу вверх. Он не разыгрывал из себя обиженного. Просто он был мальчик с неизжитым еще мальчишеским представлением о справедливости. Перед ним нужно по всем правилам извиниться.

— Прости меня, пожалуйста, — искренне сказала она. — Это было не очень красиво, и утром я об этом сожалела, но признаться тебе никак не могла...

— А сейчас не пойти ли нам лечь вместе? — прошептал он ей в самое ухо.

— А можно?

— Ну, если я скажу, что ты больна...

Она молча кивнула.

— Принцесса утомлена дорогой и нуждается в покое, — объявил он вслух, — донья Эльвира сопровождает ее в опочивальню, и позже мы с ней вдвоем там поужинаем.

— Однако собрались люди, чтобы увидеть ваши высочества, — взмолился хозяин. — Они приготовили выступления и желают устроить диспут...

— Я сейчас же встречу с ними здесь в зале, и мы останемся еще и на завтра. Но принцесса проведет вечер в своей комнате.

Началась суматоха, придворные дамы во главе с доньей Эльвирой собрались вокруг принцессы, чтобы ее проводить, и тут она повернулась к Артуру и четко произнесла, чтобы все слышали:

— Дорогой супруг, я жду вас к себе на ужин.

Это было именно то, чего он добивался: услышать, как она при всех заявляет о своем желании его видеть. Это примирило его с самим собой. Он поклонился в ответ, направился в большой зал, там потребовал бокал эля и повел себя очень любезно по отношению к полудюжине гостей, собравшихся, чтобы его повидать, а затем извинился и отправился в ее комнату.

Она ждала его, сидя у очага. Каталина отпустила всех придворных дам и слуг, некому было даже прислуживать за столом. Артур страшно удивился, увидев пустую комнату: принцы Тюдоры никогда не оставались одни. Но принцесса дуэнью и ту прогнала. Она сама принарядила комнату, сама накрыла на стол. Набросила на простую деревянную мебель легкие шали ярких цветов, даже стены украсила гобеленами, чтобы они не выглядели так голо, и комната стала похожа на восточный шатер.

Еще она приказала укоротить ножки стола, отпилив их так, что стол стал не выше скамеечки для ног. Поставила этот смехотворный столик на ковры, постеленные у горящего очага, по обеим сторонам, напротив, положила большие подушки, будто ужинать они будут возлежав у костра, словно язычники. Всюду горели свечи, и пахло сладко, как в церкви в праздничный день.

Он чуть было не посмеялся вслух над странной идеей отпиливать ножки у мебели, но потом передумал. Наверно, это не просто девичья

причуда. Наверно, таким образом она пытается ему что-то сказать...

Наверняка так, тем более что и Каталина была в самом необыкновенном наряде. На голове — высокой короной в несколько слоев намотанный шелковый шарф, один конец которого свободно свисал сбоку, так что она могла при желании закрыться им как вуалью. Взамен приличествующего случаю платья — широкая прямая рубаха из легчайшего, тончайшего, почти прозрачного дымно-голубого шелка. У Артура сердце забилось, когда он понял, что под рубахой она совсем голая — ну, если не считать длинных штанов, вроде мужских, но совсем на них не похожих, потому что, поддерживаемые на тоненькой талии шнурком из золотой нити, они пышными складками ниспадали до самых щиколоток, где их тоже подхватывал шнурок, а голые ступни прятались в изящных, алых, вышитых золотом шлепанцах. Он изумленно переводил взгляд с варварского тюрбана на турецкие туфли, с ног на голову и обратно, и не находил слов.

— Тебе не нравится, — грустно сказала она.

— Да нет, просто я никогда такого не видел, — пробормотал он. — Это что, такое арабки носят? Покажись!

Она повертелась перед ним на носочках, поглядывая через плечо.

— В Испании все так ходят, — сказала она. — И матушка тоже. Так удобней, чем в тесном платье. И это можно стирать, не то что бархат и дамаск.

Он кивнул, прислушиваясь к легкому запаху розовой воды, который исходил от шелка.

— И днем, когда жара, так прохладней.

— Они... — «варварские», хотел сказать он, но спохватился и сказал: — Восхитительны. — И сразу обрадовался, что спохватился, потому что глаза ее радостно вспыхнули.

— Ты, правда, так думаешь?

— Да.

Она ликующе вскинула руки и еще перед ним повертелась, чтобы он посмотрел, как трепещут складки шальвар и как легка рубашка.

— Ты в этом спишь?

— Мы носим их почти все время, — рассмеялась Каталина. — Матушка надевает их под доспехи, они удобней, чем что-либо еще, и не наденешь же кольчугу на платье!

— Да уж...

— Когда мы принимаем посланников христианских стран, или когда какое-нибудь государственное событие, или когда при дворе праздник, мы носим платья и мантии, особенно на Рождество, потому что тогда холодно. Но в личных апартаментах и, уж конечно, летом, и тем более во время военных кампаний мы всегда в мавританском платье. У такой одежды бездна достоинств — ее легко шить, легко стирать, легко возить за собой и легко носить!

— Здесь это не пройдет, — улыбнулся он. — Мне очень жаль, но миледи матушка короля будет в гневе, если только узнает, что ты привезла это с собой.

— Я знаю, — кивнула она. — Моя матушка предупреждала меня. Но мне хотелось, чтобы что-то напоминало мне родной дом, и тогда я решила, что буду хранить это в сундуке, и никто не узнает. А сегодня захотела показать тебе — показать себя, какой я была дома.

Каталина отступила в сторону и сделала жест рукой, приглашая его к столу. Чувствуя себя большим и неловким, он нагнулся и стянул сапоги, прежде чем ступить ногами на толстый ковер. Она одобрительно кивнула и знаком попросила его присесть. Артур осторожно опустился на вышитую золотой нитью подушку. Каталина, в свой черед чинно усевшись напротив, протянула ему чашу с надушенной водой и белую льняную салфетку. Он окунул пальцы в воду, вытер. Улыбнувшись, она предложила ему откусать. На столе была та самая еда, к которой принц привык с детства: жареные цыплячьи ножки, жареные почки с острой подливой и белый хлеб — незатейливый, но сытный английский ужин. Однако привычные блюда Каталина разложила по золотым тарелкам маленькими порциями, постаравшись сделать это с фантазией, принарядив сбоку дольками яблок, ломтиками редких сортов вяленого мяса со специями, кусочками засахаренной сливы. Ей хотелось, чтобы он хоть сколько-то представил себе, что такое еда в Испании, что такое тонкий и изысканный мавританский вкус.

Предубеждения Артура были поколеблены.

— Это... это красиво! — не сразу нашелся он. — Похоже на картину. И ты... ты тоже похожа на... — растерялся, что не знает ничего, с чем можно ее сравнить, а потом вспомнил: — Да, ты напоминаешь мне картинку на расписной тарелке, которую я видел у

матушки. Это ее сокровище. Ты такая же. Странная, незнакомая, но очень, очень красивая.

От похвалы она засветилась.

— Я хочу, чтобы ты понял, — сказала она, тщательно подбирая латинские выражения. — Я хочу, чтобы ты понял, что я такое. Cuiusmodi ego.

— Прости?

— Я твоя жена, — кивнула она. — Я принцесса Уэльская. Я буду королевой Англии. Но помимо того, я еще и инфанта Испанская, Каталина Арагонская.

— Но я это знаю!

— Ты знаешь и при этом не знаешь. Ты не знаешь, что такое Испания, ты не знаешь, какая я. Я хочу объяснить тебе то и другое, насколько смогу. Я любимица отца. Когда мы едим в своем кругу, мы делаем это так, как мы с тобой сейчас. Когда армия выходит в поход, мы живем в шатрах и греемся примерно перед такими же жаровнями, как в этом очаге, а в поход, надо тебе сказать, мы ходили каждый год, пока мне не стукнуло семь лет.

— Но ведь у вас христианская страна, — удивился Артур. — У вас не может не быть стульев, нормальных стульев, вы должны есть за столом, как все.

— Только во время банкетов, — сказала она. — Когда мы едим в наших личных апартаментах, обстановка как раз такая, совсем как у мавров. О, конечно же, мы произносим благодарственную молитву перед едой, но живем мы совсем не так, как тут у вас в Англии. У нас повсюду прекрасные сады с фонтанами и журчащей водой. Наши комнаты облицованы цветной керамической плиткой и исписаны золотыми буквами, изрекающими мудрые истины поэтическим языком. У нас есть бани с горячей водой и парные с густым и душистым паром. Есть погреба, в которые зимой привозят лед с гор Сьерры, и потому летом нам подают охлажденные напитки и фрукты.

Ох, как соблазнительно это звучало...

— Похоже на сказку, — неохотно признал он.

— Знаешь, я только сейчас поняла, до чего мы с тобой чужие друг другу, — сказала она. — Там, дома, я думала, что твоя страна будет примерно как Испания, однако здесь все по-другому. Теперь мне кажется, что мы, испанцы, скорее арабы, чем вестготы. Наверно, и ты

думал, что я буду похожа на твоих сестер, но знаешь, я совсем, совсем другая.

— Да, — кивнул он. — Нам придется знакомиться сизнова, привыкать друг к другу...

— Не тревожься, я всему выучусь. Стану совсем как англичанка. Но мне хочется, чтобы ты знал, какая я была дома.

Он снова кивнул.

— Что, очень ты замерзла сегодня?

Странное, неведомое прежде ощущение поселилось в нем, какая-то тяжесть внизу живота, болезненная при мысли о том, что она несчастна.

Она впрямую встретила его взгляд:

— Да. Очень. Потом я подумала, что была недобра к тебе, и мне стало стыдно. А потом я подумала, как далеко меня занесло от родного дома — от солнца и тепла — и от моей матушки, и мне стало тоскливо. Это был ужасный день, правда.

— Я могу чем-то тебя утешить? — потянулся он к ней.

— Уже утешил. — Она вложила пальчики в его ладонь. — Когда на руках принес меня к огню и попросил прощения. Знаешь, я научусь верить, что ты никогда меня больше не обидишь.

Артур притянул ее к себе. На подушках было мягко, удобно. Он уложил ее рядом, тихонько потянул за конец шарфа, намотанного вокруг головы. Шелковая ткань легко соскользнула с шелка волос, высыпались густые рыжие пряди. Он прижался к ним губами, потом легонько поцеловал сладкий, чуть дрожащий рот, глаза в обрамлении светлых ресниц, рыжеватые брови, голубую венку на виске, ушко. Желание разгорелось, он приник губами к ямке у основания шеи, быстрыми поцелуями осыпал тонкие ключицы, теплую плоть от шеи к плечу, сгиб локтя, горячую ладонь, волнующе пахнущую подмышку, а потом через голову стянул с нее рубаху. Нагая Каталина — его жена, его любящая жена — лежала в его руках. Наконец-то!

Я люблю его. Я не думала, что это возможно, но я люблю его. Я в него влюбилась. Я смотрю на себя в зеркало в изумлении, словно я изменилась, как изменилось все остальное вокруг. Я — женщина, влюбленная в своего мужа. Я, Каталина Испанская, влюблена. Я хотела ее, этой любви, я думала, она невозможна, и я ее получила. Я

влюблена в своего мужа. Мы будем править Англией. Кто усомнится теперь, что в Его неизреченной милости я избрана Богом? Он сберег меня в превратностях войны и привел в прекрасные сады Альгамбры, а теперь дал мне Англию и любовь юноши, который будет королем.

Захваченная наплывом чувств, я сжимаю ладони и молюсь: «Прошу Тебя, Господи, позволь мне любить его вечно, не отнимай нас друг у друга, как отнял Хуана у Марго, в их первый год любви. Позволь нам состариться вместе!»

Замок Ладлоу, январь 1502 года

Багровое солнце низко висело над округлыми холмами, когда они достигли ворот в высокой городской стене. Артур, который ехал рядом с паланкином Каталины, прокричал, чтобы она услышала его сквозь грохот копыт по мостовой:

— Вот и Ладлоу, наконец!

— Дорогу принцу Уэльскому! — возгласил впереди герольд, тяжелые створки ворот распахнулись, и люди высыпали из домов поглазеть на проезжающую мимо процессию.

Перед Каталиной предстал городок, красивый, как вышивка на гобелене. Деревянные дома живописно карабкались вверх по мощеным улочкам, их вторые этажи уютно нависали над первыми, в которых располагались процветающие, судя по их виду, лавки и мастерские. Жены торговцев, сидевшие на скамеечках у дверей, подскакивали с места, чтобы поклониться Каталине, и она улыбалась и махала рукой в ответ. Из верхних окошек домов с вывесками перчаточника, башмачника или золотых дел мастера высовывались, выкликая ее по имени, Дочки и сыновья, подмастерья и служанки. Каталина испугалась, когда один мальчишка от возбуждения чуть было не вывалился из окна, но его с хохотом подхватили.

Проехав большой рынок с потемневшим от времени постоялым двором, они услышали, как зазвонили колокольни полудюжины церквей, часовен, колледжей и больниц Ладлоу, приветствуя приезд принца и его новобрачной домой, в Уэльс.

Каталина, вытянув шею, чтобы рассмотреть свой замок, отметила неприступные стены, за которыми прятался внешний двор. Процессия въехала туда через настежь распахнутые ворота, где ее уже ждала вся городская верхушка: мэр, церковные старосты и старейшины влиятельных торговых гильдий.

Артур осадил своего коня и вежливо выслушал долгую приветственную речь, сначала по-валлийски, потом по-английски.

— А кормить когда будут? — по-латыни шепнула ему Каталина и заметила, что Артур изо всех сил старается сдержать улыбку. — А когда спать отпустят? — не унималась она и с удовлетворением отметила, как дрогнула от желания его рука, сжимавшая повод коня.

Каталина тихонько хихикнула и спряталась за занавеской, пока не иссякли бесконечные приветствия; и королевская свита смогла наконец проследовать во внутренний двор замка.

Замок был ладный, крепкий, не хуже пограничных крепостей в Испании. Высокая стена надежно защищала внутренний двор, а необычный розовый камень, из которого ее выстроили, придавал мощным стенам ощущение тепла и домашнего уюта.

Наметанным глазом Каталина окинула крутой склон холма и взбирающиеся по нему стены, колодец во внутреннем дворе, другой — во внешнем, то, как одна зона обороны перетекает в другую; осада может длиться годами. Но замок был маленький, словно игрушечный, такие ее отец строил, чтобы защитить речную переправу или торговый путь. Такой замок мог бы быть только у самого низкородного испанского гранда.

— Это все? — прямо спросила она, думая о том, что в стенах ее родной Альгамбры размещается целый город с садами и террасами и на обход укреплений у караульных уходит целый час. А тут, в Ладлоу, такой обход займет всего несколько минут. — Это все?

Он даже отшатнулся:

— А ты ожидала большего? Скажи мне, чего же ты ожидала?

Он так встревожился, что, не будь вокруг столько народу, она погладила бы его по щеке. Нет, нельзя.

— Ну что ты, я просто сболтнула глупость. Подумала о Ричмонде и сболтнула.

Ни за что на свете она не призналась бы, что думала об Альгамбре.

Он улыбнулся:

— Любовь моя! Ричмонд — замок совсем новый, его только что выстроили, он отрада и гордость моего отца. Лондон — великая столица, Ричмонд ему под стать, а Ладлоу просто город, для Уэльса значительный, конечно, но... Однако ты увидишь, он процветает, и охота здесь отличная, и живут тут добрые люди. Тебе понравится!

— Я в этом не сомневаюсь, — заверила его Каталина, стараясь хотя бы на время забыть о дворце, выстроенном ради красоты, о дворце, создатели которого думали о том, куда упадет свет и что будет отражаться в водной глади мраморных бассейнов.

Ее внимание привлекло удивительное, круглое, словно башня, сооружение посередине внутреннего двора.

— Что это? — спросила она, с помощью Артура выбираясь из носилок.

— А, так это наша круглая часовня, — небрежно ответил он, оглянувшись через плечо.

— Круглая? — удивилась она.

— Да, как в Иерусалиме.

И Каталина, как старую знакомую, признала традиционную форму мечети, устроенную так, чтобы ни один молящийся не занял места лучше других, ибо перед Аллахом все равны и славить его волен и бедный, и богатый.

— Очаровательно!

Он удивленно на нее посмотрел. Для него это была просто круглая башня, выстроенная из розоватого местного камня. Сейчас, в закатном свете, часовня излучала мир и покой, но его это мало интересовало.

— Ну да. А теперь взгляни вот сюда. — Он указал на большое здание, к раскрытым дверям которого вела красивая лестница. — Это холл. Налево — палаты Совета Уэльса, над ними — мои комнаты. Направо — помещения для гостей и апартаменты управляющего замком, сэра Ричарда Пола, и леди Маргарет, его супруги. Твои комнаты располагаются на верхнем этаже.

— Она сейчас здесь? — живо спросила Каталина, и он это отметил.

— Нет, сейчас ее в замке нет.

Каталина кивнула.

— А за Холлом есть здания?

— Нет. Он встроен прямо во внешнюю стену. Там больше ничего нет.

Она позаботилась о том, чтобы улыбка не сходила с лица.

— Во внешнем дворе есть еще помещения для гостей, — горячо сказал он, защищая любимый замок от возможных упреков. — И еще постоянный двор. Это живое место, веселое. Ты полюбишь его.

— Ну конечно, — засияла она. — И где же мои комнаты?

Он указал на самые высокие окна:

— Вон те окна наверху. Такие же, как мои, но отделены Холлом.

— И как же ты будешь приходить ко мне?

Взяв жену за руку, улыбаясь направо и налево, он повел ее к широкой парадной лестнице. Придворные, под приветствия и поклоны хозяев, выстроились в процессию и последовали за ними.

— Миледи матушка короля приказала мне четыре раза в месяц формально, со свитой, являться в твои комнаты через холл, — проговорил он, ведя ее по ступенькам вверх.

— Вот как? — огорченно выдохнула она.

Он улыбнулся ей сверху вниз и прошептал, наклонясь ближе:

— А во все прочие вечера я буду приходить к тебе по стене. В твоих комнатах есть дверца, ведущая на винтовую лестницу, которая опоясывает здание с внешней стороны. По ней можно обойти весь замок. В моих комнатах тоже есть выход на эту лестницу. Мы будем навещать друг друга втайне от всех!

И он с удовольствием увидел, как радостно загорелись ее глаза.

— Значит, мы сможем быть вместе сколько угодно?

— Мы будем счастливы здесь.

Да, я буду счастлива здесь. Не стану тосковать по прекрасным садам моей родины, причитая, что без них мне нет жизни. Не стану говорить, что эти горы словно пустыня, лишенная оазисов. Привыкну к Ладлоу, научусь жить в Уэльсе, а потом — в Англии. Моя матушка, королева в доспехах, научила меня выполнять свой долг. Мой долг — приспособиться, быть довольной, не жаловаться.

Наверно, не носить мне доспехов, не сражаться за свою страну, но есть много способов послужить ей, и один из них — стать добронравной, достойной уважения королевой. Не обязательно воевать. Можно служить стране, издавая справедливые законы. Как бы то ни было, всей душой я постараюсь стать Англии настоящей королевой.

Было за полночь. Пламя очага бросало отблески на счастливое лицо Каталины. Они лежали в постели, сонные, но не насытившиеся друг другом.

— Расскажи еще что-нибудь.

— Я уже столько тебе рассказала...

— Расскажи еще. Расскажи, как Боабдил преподнес испанским королям золотые ключи на шелковой подушке и удалился в слезах.

— Эту ты уже слышал. Я вчера ее рассказывала.

— Тогда Расскажи о Ярфа и как его конь скалился на христиан.

— Ты как дитя! И звали его Гарфе.

— Но ты сама видела, как его убили?

— Я была там, но, как он умер, не видела.

— Как ты могла этого не увидеть?!

— Ну, отчасти потому, что молилась, потому что так велела мне матушка, а отчасти потому, что я девочка, а не кровожадный мальчишка!

Он бросил в нее подушкой. Перехватив ее на лету, она ответила тем же.

— Ну, Расскажи хотя бы, как твоя матушка заложила свои драгоценности, чтобы заплатить наемным солдатам!

Она опять рассмеялась и потрясла головой, отчего золотистые ее локоны заплясали.

— Давай я Расскажу тебе о своем доме?

— Давай! — Он подтянул пурпурное одеяло, поуютней укрыл их обоих и приготовился слушать.

— Вот тыходишь в Альгамбру... И поначалу оказываешься в совсем маленькой комнатке. Твой отец, к примеру, счел бы ниже своего достоинства вступить в нее.

— Значит, вход не величественный?

— Размером с лавку какого-нибудь купца здесь, в Ладлоу!

— А потом?

— А потом тыходишь во внутренний дворик, а оттуда — в Золотую палату...

— Это уже лучше!

— Палата вся наполнена светом, но размером она по-прежнему невелика. Стены там облицованы яркой цветной плиткой, сверкают позолотой, и еще там есть высокий балкон...

— И куда мы попадаем оттуда?

— Сегодня давай повернем направо и попадем в Миртовый дворик.

Он прикрыл глаза и сосредоточился, стараясь припомнить, что она уже рассказывала про это место.

— Ага! Прямоугольный дворик, окруженный высокими зданиями из золотистого камня...

— ...с огромным порталом из темного дерева, изнутри охваченным аркой из яркой плитки...

— ...и посреди там пруд простой прямоугольной формы, по узким сторонам которого живая изгородь из благоуханных миртов...

— И это не та изгородь, как у вас здесь, — пробормотала она, вспомнив неровные кусты, огораживающие валлийские поля, чтобы спастись от сорняков и колючек.

— А какая ж тогда? — открыл он глаза.

— Ровная, как стена. Подстриженная по бокам и сверху так, будто это блок из зеленого мрамора, живого и ароматного. И портал в дальнем конце двора отражается в пруду, и арка вокруг него, и то здание, в которое он ведет. Получается, что это картина, которая отражается в живом, волнующемся зеркале у твоих ног. А стены украшены легкими перемычками из гипса, прозрачными, воздушными, как бумага, как вышивка белым по белому... И еще там птицы...

— Птицы? — удивился он, потому что раньше она птиц не упоминала.

— Да... — Она помолчала в поисках слова и нашла латинское: — Volucris?

— Стрижи?

Она кивнула:

— Они выются над головой, как текущая вода в водовороте, кругом и кругом, облетают узкий дворик, с криком пикируют вниз и снова взмывают... Весь долгий день они так выются, пока не погаснет солнце в пруду... А ночью...

— Ночью?

Она мягко взмахнула руками, как волшебница, когда та колдует.

— Ночью они исчезают. Ты никогда не увидишь, чтобы они сели на ветку или в гнездо. Просто исчезают, и все, словно улетают за горизонт вместе с солнцем... Но утром они опять здесь, как река, как водный поток... — Она помолчала. — Знаешь, объяснить это трудно, но я все время их вижу...

— Скучаешь! — сухо сказал он. — Как бы я ни старался сделать тебя счастливой, ты всегда будешь скучать...

— Конечно. Это ведь так естественно — скучать по дому... Однако никогда в жизни я не забуду, кто я такая, каково мое назначение в жизни.

Он молчал, выжидая.

— Я принцесса Уэльская, — улыбнулась она, сияя голубыми глазами. — Принцесса Уэльская — с тех пор как себя помню!

Он улыбнулся в ответ, привлек ее к себе, уложил рядом так, что ее голова оказалась у него на плече, а темно-золотые волосы укрыли ему грудь.

— И я знал, что женюсь на тебе, почти с самого моего рождения, — мечтательно отозвался он. — всю мою жизнь я был обручен с тобой. Едва научившись писать, писал тебе письма и носил их учителю, чтоб исправил ошибки.

— Какая удача, что я тебе нравлюсь теперь, когда я здесь!

— Еще большая удача, что я нравлюсь тебе!

— Но я все равно стала бы тебе хорошей женой. Даже без этого...

Он взял ее руку и потянул под шелковые простыни, туда, где у него снова росло и отвердевало.

— Без этого, ты хочешь сказать? — хмыкнул он.

— Без этой... радости... — вздохнула она и закрыла глаза, предвкушая его прикосновение.

Слуги разбудили их на рассвете, и Артура с церемониями выпроводили из ее спальни. Снова они увиделись во время мессы, но там они сидели по разным сторонам круглой часовни, каждый во главе своей свиты, и разговаривать не могли.

Я знаю, что месса — главное событие дня и должно умиротворять меня, приносить в душу покой. Однако на самом деле во время службы мне всегда одиноко. Конечно, я молюсь Богу и благодарю Его за Его милости, но само пребывание в этой часовне, круглой, как маленькая мечеть, болезненно напоминает мне матушку. Благовония навевают воспоминания об ее аромате, и трудно поверить, что я не стою рядом с ней на коленях, как делала четырежды в день почти всю свою жизнь. Говоря: «Богородица славься, Господь с тобой», вижу перед собой решительное лицо матушки. А когда прошу, чтобы хватило мужества выполнить свой долг в этой чужой стране, где живут суровые, сдержанные люди, то прошу матушкиной силы.

Следует вознести благодарность за то, что мне дарован Артур, но я не смею и думать о нем, когда молюсь. Боюсь впасть в грех похоти.

Представить его себе — уже святотатство, уже языческое удовольствие. Боюсь, совсем не в этом суть святых радостей супружества. Такое острое наслаждение наверняка грех. Да, сам архиепископ благословил нас в нашей постели, однако столь страстные совокупления по сути своей животны и напоминают мне то, как свиваются в целое две согретых солнцем змеи. Ту телесную радость, что я черпаю от Артура, я таю ото всех, даже от Бога.

Никому нельзя довериться, даже если бы захотелось. Нам строго-настрого запрещено бывать вместе, когда нам этого хочется. Его бабушка, миледи матушка короля, запретила это. Она командует всем и повсюду, даже здесь в Уэльсе. Она постановила, чтобы он приходил в мои комнаты лишь раз в неделю, за исключением тех дней, когда у меня месячные, приходил в десять вечера и уходил в шесть утра. Мы подчиняемся, разумеется, все подчиняются ей. Раз в неделю, как она повелела, он проходит в сопровождении свиты, церемонно, через большой зал ко мне в спальню — вежливый, послушный, обязательный, а наутро без слов покидает меня — паинька, выполнивший заданный урок, отнюдь не восторженный влюбленный, чьи ласки всю ночь не давали мне заснуть. Когда они приходят за ним, он никогда не распространяется, как провел ночь. А в другие дни, когда на небе зажигаются звезды, мы встречаемся на крепостной стене и, словно тайные любовники, идем либо в мои комнаты, либо в его и попадаем в наш, и только наш, маленький мирок, наполненный нашим счастьем. Так что в этом замке, кишашем досужими пронырами и шпионами матушки короля, никто не знает, как сильно мы любим друг друга.

После мессы супруги отправляются завтракать — отдельно, хотя предпочли бы вместе. Замок Ладлоу, маленькая копия английского двора, живет по указке матери короля, а значит, принц после трапезы занимается с наставником, совершенствуется в науках или в спорте, если позволяет погода; а Каталина, соответственно, занимается со своим наставником, читает или гуляет в саду.

— Сад! — поводила плечиком Каталина, стоя посреди лоскутка травы с жалким бордюром и промоченной дождями скамьей. — Да видывала ли она когда-нибудь настоящий сад!

После обеда им дозволялся совместный выезд верхом — супругам разрешалось поохотиться в окрестных лесах. Местность вокруг красивая, с быстрой рекой посреди широкой долины и древними лесами, растущими по склонам холмов. Каталина полагала, что сумела бы полюбить эту реку — она называется Тим — и то, как смыкается на горизонте линия холмов с небом. Однако в разгар зимы все вокруг черно, серо и бело, суровый ландшафт лишь изредка оживляется солнцем, изморозью да снегопадом. Большой же частью погода такова, что принцесса вовсе не выезжала — она не выносила влажных туманов и колючего мелкого дождя. Артур тогда охотился без нее.

— Если я даже останусь, все равно мне не позволят быть с тобой, — мрачно говорил он. — Наверняка там в списке заготовлено какое-нибудь для меня занятие...

— Так вперед! — улыбалась она, хотя до ужина было бесконечно далеко и делать ей было нечего.

Раз в неделю происходил выезд в город, на мессу в церкви Святого Лаврентия либо помолиться в маленькой часовне у крепостной стены, почтить своим присутствием обед, организованный какой-нибудь гильдией, поглазеть на петушинные бои, травлю быков, представление заезжих актеров. Ухоженный, славенький городок производил доброе впечатление — он счастливо избежал разорительных последствий войны между Йорками и Ланкастерами, войны, которую завершил Генрих Тюдор, отец Артура.

— Нет ничего важнее для королевства, чем мир, — в ночной беседе заметила как-то Каталина.

— Ну, единственный враг, который грозит нам сейчас, — это шотландцы, — ответил Артур. — Йорки — мои предки, Ланкастеры — тоже, так что старое соперничество на мне кончается. Только и нужно, что защитить северную границу.

— И государь считает, что добьется этого благодаря браку твоей сестры Маргариты?

— Будем уповать, что он окажется прав, но шотландцы коварны, верить им нельзя. Когда я стану королем, я буду стеречь границу, а ты будешь давать мне советы, и вместе мы позаботимся о том, чтобы приграничные замки были хорошо укреплены.

— Это правильно, — согласилась она.

— Конечно, ты лучше меня знаешь, что нужно делать, ведь ты все детство провела на войне.

Она улыбнулась:

— Я рада оказаться тебе полезной. Мой отец вечно шутил, что матушка воспитывает из нас амазонок, а не принцесс.

На закате они вместе ужинали, и, благодарение Господу, в это время года закаты не заставляли себя ждать. Наконец-то Каталина и Артур могли сидеть бок о бок за высоким столом в большом зале, у боковой стены которого пылал огромный очаг. Артур всегда усаживал Каталину по левую руку, поближе к огню, и, хотя она была в подбитом мехом плаще и под нарядным платьем на ней было несколько льняных сорочек, все равно она мерзла, выходя из своих натопленных комнат в дымный парадный зал. Испанских придворных дам во главе с доньей Эльвирой усаживали за один стол, английских — за другой, прочая свита располагалась за третьим. Лорды — члены Совета, сэр Ричард Пол, смотритель замка, епископ Уильям Смит из Линкольна, доктор Бирворт, лекарь Артура, его казначей сэр Генри Верной, лорд-камергер сэр Ричард Крофт, лорд-камердинер сэр Уильям Томас из Камартена, а также вся знать Уэльса были рассажены по всему залу. А на галерею пускали народ, и любой валлийский зевака мог поглядеть, как трапезничает испанская принцесса, и посплетничать, ладит ли она с мужем.

Да кто его знает, ладит или нет. Скорее всего, в постели у них ничего не получается. Да сами взгляните! Инфанта сидит скованно, как деревянная кукла, даже не улыбнется своему суженому. А принц заговаривает с ней время от времени, но так, словно только ради протокола. Они почти не смотрят друг на друга. По слухам, ходить-то в ее комнаты он ходит, но лишь раз в неделю и никогда по своей воле. Надо полагать, не слюбились они, нет. Что тут скажешь, совсем молодые, не созрели, видно, для брака!

И кто бы мог подумать, что Каталина в этот момент до боли сжимает руку в кулак, чтобы не прикоснуться к мужу, а он, всякий раз обращая к ней свой по видимости безразличный взгляд, шепчет так тихо, что слышит только она: «Хочу тебя!»

После ужина устраивались танцы либо разнообразные зрелища, выступления мимов или актеров. Порой с высокогорья спускались местные певцы-сказители, на своем языке рассказывали стародавние

были, которые Артур и сам с трудом понимал, но старательно, хоть и коряво, переводил для Каталины.

— «С долгим желтым летом к нам приходит победа, распускаются паруса Бретани, с жарой является лихорадка и знаменья того, что мы победим».

— И что это значит? — спрашивала она.

— «Долгое желтое лето» — это когда мой отец решил вторгнуться сюда из Бретани. Эта дорога привела его к победе при Босуорте.

Она кивнула.

— Лето тогда выдалось особенно жарким, и войска поразила потливая лихорадка, новая болезнь, которая теперь каждое лето наступает и Англию и Европу.

Она кивнула. Еще один поэт вышел вперед, взял аккорд на своей арфе и запел.

— А эта о чем?

— Эта о красном драконе, который летает над Уэльсом. Он убивает кабана.

— И что это значит?

— Дракон — Тюдоры, то есть мы. Ты видела красного дракона на нашем знамени. А кабан — это узурпатор трона, захватчик, Ричард. Это похвала моему отцу, корни которой кроются в старом мифе. Ведь эти песни — очень старинные. Наверно, пели их еще в ковчеге. — Он ухмыльнулся. — Песни Ноя.

— И что, спасение от потопа тоже относят на счет Тюдоров? Ной, надо полагать, тоже был Тюдор?

— Ну почему бы и нет? Моей бабушке, к примеру, вполне можно доверить управление самим Эдемом! Это Уэльс, наш род идет от Оуэна Тюдора из Глендовера^[3], мы с честью примем ответственность за все!

Когда огонь в очаге утих, в зале зазвучали старые валлийские песни о давних волшебных деяниях, случившихся в глуби дремучих лесов, свидетелем которым не мог быть ни один человек. Певцы пели о битвах и радостных победах, добытых благодаря военному мастерству и отваге. На странном своем языке вели они рассказ об Артуре и Камелоте, о волшебнике Мерлине и Джиневре, королеве, предавшей мужа ради грешной любви.

— Я умру, если у тебя будет любовник, — прошептал он, когда паж, наливая им вина, закрыл их от чужих взглядов.

— Я никого не вижу, когда ты рядом, — уверила она его. — Пусть прекрасный юноша встанет прямо передо мной, я буду видеть только тебя.

Развлечения при дворе устраивались каждый вечер. Матушка короля приказала, чтобы у принца был веселый дом — это награда верному Уэльсу, который помог посадить на трон ее сына Генриха. Внук должен порадовать людей, когда-то спустившихся с гор, чтобы воевать на стороне Тюдоров, и напомнить им, что он принц-то уэльский и, когда станет править Англией, будет по-прежнему рассчитывать на их поддержку, пусть они даже такой народ, на поддержку которого рассчитывать трудно. Если Уэльс примкнет к Англии, на пару им будет под силу обороняться от шотландцев и справляться с ирландцами.

Порой музыканты играли медлительные, церемонные испанские танцы, и тогда Каталина танцевала с какой-нибудь из своих дам, чувствуя на себе взгляд Артура, старательно держа на лице маску невозмутимости, как мим, когда он изображает почтенного человека. На самом-то деле ей хотелось крутиться-вертеться перед ним, покачивая бедрами, как одалиска в серале, как мавританская рабыня, танцующая перед султаном, и заманить его, заставить присоединиться к танцу. Однако шпионы матушки короля повсюду, они не преминут сообщить хозяйке, что принцесса ведет себя нескромно, неподобающе. И порой, искоса бросив на мужа взгляд и видя, что он смотрит на нее глазами сторающего от любви, Каталина прищелкивала пальцами, словно это требовалось по танцу, а на деле, чтобы предупредить его, что бабушке такой взгляд понравится вряд ли, и тогда Артур отворачивался с деланным равнодушием и с кем-нибудь заговаривал.

Даже когда музыка замолкала и участники представления уходили, юные супруги не могли остаться вдвоем. Всегда рядом был кто-то, кому требовался Артур. Люди искали милостей, земли или влияния, подходили к нему и вполголоса толковали о чем-то на английском, которым Каталина овладеть еще не успела, или на валлийском, которым, на ее взгляд, овладеть было невозможно. Зачастую речь шла о том, что закон не имеет силы в приграничных землях, каждый землевладелец правит на своих землях как вздумается.

В долинах рек и на приморских землях хозяйничают несколько мелких лордов, а в горах люди живут кланами, как дикие племена. Многие там даже не знают, что на троне уже не Ричард, не понимают английский, не подчиняются никаким законам.

Артур всех выслушивал, в меру своего разумения отвечал: возражал, хвалил, наставлял, что вражду следует позабыть, а посягательства пресечь и что гордым валлийским вождям лучше бы объединиться и сделать свою землю такой же процветающей, как соседняя Англия, не растрачивая силы на зависть. Он твердо верил, что сумеет установить первенство закона во всей стране.

— Каждый должен знать, что закон над всеми, что он главнее, чем местный лорд, — в ночных разговорах соглашалась с ним Каталина. — Это то, чего мавры добились в Испании, и мои родители действуют так же. Мавры не навязывали людям ни своей религии, ни своего языка, они просто принесли мир и процветание и внедрили главенство закона.

— Хорошая половина моих лордов сочла бы твои речи ересью, — усмехнулся он. — А твои отец и мать внедряют единоверие, они уже изгнали евреев, а потом придет черед мавров.

— Я знаю, — нахмурилась Каталина. — Это вызвало много страданий. Однако поначалу они хотели даровать людям право придерживаться своей веры. Таково было их обещание, когда они взяли Гранаду.

— А ты разве не согласна с тем, что люди должны быть одной веры, чтобы страна объединилась? — спросил он.

— Нет, — решительно сказала она. — И никто бы не согласился, если б видел Андалузию, когда там в мире и дружбе жили вместе мавры, евреи и христиане.

Каталина смотрела, как Артур беседует то с тем, то с другим, а потом, по знаку доньи Эльвиры, делала реверанс супругу и покидала зал. У себя в комнатах она некоторое время беседовала со своими дамами, а потом говорила донье Эльвире:

— Можете идти, сегодня я буду спать одна.

— Снова? — хмурилась дуэнья. — Ваше высочество! Вы придумали спать одна с тех самых пор, как мы приехали в этот замок. Что, если вдруг проснетесь среди ночи и вам что-то понадобится?

— Нет, я лучше сплю, когда в комнате никого нет. Ступайте, донья Эльвира. Спокойной ночи.

Дуэнья и придворные дамы прощались, приходили горничные, расшнуровывали ей лиф платья, откалывали вуаль, развязывали завязки туфелек, осторожно стягивали чулки. Приносили согретую у огня ночную рубашку из льна, чепец. Каталина садилась к очагу и отсылала служанок прочь.

Замок готовился ко сну. Наступала тишина. Каталина ждала. Наконец у двери слышался легкий шаг. Каталина мигом распахивала ее, и он, с порозовевшим лицом, в плаще, наброшенном на ночную рубашку, врывается в комнату, внося с собой порыв холодного ветра, а она бросалась в его объятия.

— Расскажи мне историю.

— Хочешь послушать о том, как моя матушка была девочкой?

— Да. Наверно, она была принцессой Кастильской, как ты?

— Нет, — потрясла она головой, и локоны заплясали. — Совсем нет. Когда ее батюшка, король Хуан, умер — а он, знаешь ли, больше любил книги, чем оружие, — на престол взошел ее сводный брат, Энрике Бессильный. Он не любил мачеху и сослал ее с детьми в дальний замок. Так что матушка росла не при дворе. А потом, когда ее туда привезли, ей пришлось совсем плохо. Она была одна-одинешенька и совсем беззащитна. Жила при дворе своего брата, а тот не любил ее и свой трон завещал дочери. Однако все знали, что дочь эта не его по крови, что королева родила ее вне брака. Ее, эту дочь, вообрази себе, даже звали Хуана Бельтранеха^[4], по имени любовника королевы! Каково?

— Да уж! — с готовностью помотал он головой.

— Матушка была там почти как в тюрьме. Королева ненавидела ее, конечно, придворные сторонились, а братец хотел лишиться законных прав. Даже их мать, матушки и ее брата, не могла урезонить его.

— Почему же? — удивился он и запнулся на полуслове, увидев, как на лицо Каталины легла тень. — Ах, милая, мне так жаль! Но в чем же дело?

— Ее постигла *profunda tristeza*, черная меланхолия. Роды, когда она рожала мою матушку, были очень тяжелые, и больше она так и не

оправилась. Сидела у себя в комнатах, никуда не выходила и молчала целыми днями, уставясь в стену.

— Значит, твою матушку некому было защитить?

— Некому. И тогда король Энрике приказал ей обручиться с доном Педро Гиროном^[5]. — Она устроилась на подушках повыше и обхватила руками колени. — Говорили, что хуже человека, чем этот дон Педро, не сыскать, что он продал душу дьяволу. Матушка же верила, что Господь спасет ее, девственницу, от столь ужасной судьбы. Милосердный Господь, сказала она, не попустит, чтобы такая девушка, как она, принцесса, оказалась в руках гадкого человека, который хочет ее невинности и чистоты только для того, чтобы надругаться над ней!

Артур поймал себя на желании ухмыльнуться, с таким романтическим пылом она повествовала.

— Ух ты... Но надеюсь, все кончилось хорошо... — пробормотал он.

Она подняла руку, как трубадур, призывающий к молчанию.

— Ее ближайшая подруга и камеристка Беатрис схватилась за нож и поклялась, что убьет дону Педро до того, как он наложит свои грязные руки на Изабеллу, но матушка опустилась на колени и молилась, не вставая, три дня и три ночи, чтобы Господь взял ее под защиту.

Перевела дух и продолжила:

— Дон Педро между тем был уже на пути к невесте. Его ждали на следующий день. Он ел, пил и бахвалился перед попутчиками, что завтра будет в постели самой высокородной девственницы в Кастилии... Однако, — для пушшего драматизма голос рассказчицы упал до шепота, — однако в ту ночь он умер. Скончался, не допив своего вина. Рухнул замертво, словно Господь протянул руку с небес и вырвал из него жизнь, как добрый садовник выдергивает сорняк.

— Что, яд? — поинтересовался Артур, который, имея представление о нравах монархов, не усомнился в том, что Изабелла Кастильская способна на убийство.

— Нет, воля Господа, — серьезно ответила Каталина. — Таким образом, дон Педро узнал, что воля Господа и матушкины желания всегда совпадают. И если бы ты знал Господа и мою матушку, как знаю их я, ты бы понял, что так всегда и бывает.

Вскинув бокал, Артур осушил его за здоровье Каталины.

— Превосходная история! Жаль, ты не можешь рассказать ее при всех.

— И заметь, правдивая! Матушка сама мне ее рассказывала.

— Значит, она тоже боролась за свой трон, — задумчиво сказал он.

— Сначала за трон, а потом за то, чтобы объединить испанские земли.

— Значит, что бы нам ни говорили о нашей королевской крови, — улыбнулся он, — мы оба дети борцов, которые завоевали трон силой.

— Я королевской крови, — подняла она брови. — Матушка взошла на престол по праву.

— Да, конечно. Но не борись она за свое место, стала бы доньей... как его там, этого Педро...

— Гирона.

— Да, стала бы доньей Гирон, а ты родилась бы всего лишь его дочкой.

Она потрясла головой. Эта мысль не укладывалась в ее сознании.

— Даже если так, все равно я была бы дочерью сестры короля. Так и так в моих жилах течет королевская кровь...

— И была бы ты никто со всей своей королевской кровью, — возразил он. — Так же как я, если бы мой отец не заявил о своих правах на престол. В общем, я это к тому, что мы оба с тобой из семей, которые своего не упустят...

— Пожалуй... — нехотя согласилась она.

— Ведь наши родители предъявили свои права на то, что по закону принадлежало другим, — продолжил он.

Каталина взлетела как ужаленная:

— Ничего подобного! По крайней мере, в том, что касается моей матушки. Она была законной наследницей!

— Нет, — покачал головой Артур. — Ее брат сделал наследницей свою дочь, признав ее. Твоя матушка получила свой трон в результате противоборства. Точно так же, как мой отец получил свой.

Каталина порозовела:

— Нет! Она получила свой трон по закону. Просто защитила свои права от претендента, и все.

— Ну как ты не видишь! — воскликнул он. — Пока не победим, мы все претенденты! А когда победим, то можем переписывать

историю, заново рисовать фамильное древо, казнить соперников или сажать их в тюрьму. Но куда этого не произошло, мы всего лишь претенденты, одни из многих и даже не всегда самые убедительные...

— Что ты такое говоришь! Что я не настоящая принцесса? А ты не настоящий наследник английского трона?

Он нежно взял ее за руку:

— Нет-нет, не сердись! Я говорю о том, что у нас есть и что мы заслуживаем то, что у нас есть. Я говорю, что мы сами выстраиваем свою жизнь. Мы требуем того, что хотим, говорим, что мы принц Уэльский или королева Английская. Сами решаем, какое имя нам носить или какой титул. Точно так же, как все остальные.

— Ты неправ, — не согласилась она. — Я рождена инфантой Испанской и умру королевой Англии. Это не вопрос выбора, это — моя судьба.

Он молча поцеловал ей ладошку. Понял, что бесполезно убеждать ее в том, что, на его взгляд, люди сами, силой собственного убеждения делают свою судьбу. При этом прежде он вовсе не был так уж уверен в своей судьбе, однако теперь, когда рядом с ним была Каталина, все стало иначе. Она — сама убежденность, ее судьба состоялась, и нет никаких сомнений, что она, в самом деле, будет защищать ее до конца, до смерти.

— Каталина, королева Англии, — сказал он, целуя ей пальцы, и на ее лицо вернулась улыбка.

Ах, как я его люблю! И не представляла, что смогу кого-нибудь так полюбить! Я чувствую, как благодаря этой любви множатся во мне силы и терпение. Даже тоска по дому и та не так теперь тяжела. Мне кажется, рядом с ним я становлюсь лучше. Я хочу, чтобы он всегда радовался, что женился на мне. Хочу, чтобы мы всегда были счастливы, как сегодня. У меня нет слов рассказать о нем... просто нет слов...

Посыльный прибыл из Лондона, привезя с собой подарки для новобрачных: пару оленей из Виндзорского леса, связку книг для Каталины, письма от королевы Елизаветы и миледи матушки короля. Последней стало известно, хотя уму непостижимо, как именно, что, преследуя лис, охотничья партия принца поломала несколько

изгородей, так что пусть Артур позаботится, чтобы изгороди восстановили, а землевладелец получил компенсацию.

С этим письмом в руке он пришел к Каталине:

— Как это получается, что она все знает?

— Наверно, этот человек написал ей, — предположила Каталина.

— Но почему он не пришел прямо ко мне?

— Может, потому, что он ее знает? Возможно, он ее ленник?

— Возможно. Похоже, у нее целая сеть доносчиков по всей стране, словно паутина паука.

— Надо поехать повидаться с ним, — решила Каталина. — Мы можем вместе поехать. Повезем подарок, мяса какого-нибудь, и заплатим, что положено.

— Да, давай вместе. Нет, но как она ухитряется все знать? — поражаясь бабушке, покачал головой Артур.

Каталина улыбнулась.

— Так и должно править, разве нет? — сказала она. — Устроить дела так, чтобы до тебя в подробностях доходило все, что происходит в стране, и чтобы каждый со своими печалью шел к тебе. Подданным прививается привычка к послушанию, а сам ты привыкаешь распоряжаться...

Артур хмыкнул:

— Помоги мне Господь! Похоже, я женился на второй Маргарите Бофор!

— Должна предупредить тебя, — рассмеялась Каталина. — Я дочь сильной женщины! Даже мой отец всегда делает, как она говорит...

Артур отложил письмо и сгреб жену в объятия:

— Весь день я мечтал о тебе...

Легким движением она коснулась его рубашки, раздвинула разрез горловины, чтобы прижаться щекой к его груди.

Согласным движением они сделали шаг к кровати.

— О, любовь моя...

— Расскажи мне историю...

— Какую же сегодня?

— Расскажи мне о том, как поженились твои родители. Был ли этот брак устроен для них, как наш?

— О нет! — воскликнула Каталина. — Ничего похожего! Матушка была очень одинока, и, хотя от дона Педро Господь ее избавил, ей все-таки угрожала опасность. Она знала, что ее брат, король, выдаст ее за первого встречного, лишь бы тот пообещал, что не подпустит ее к трону. Это были трудные для нее годы. Со своей матушкой она говорить не могла — та была вся погружена в свои печали. Беседовать с ней было все равно, что с мертвой. Единственной надеждой матушки был ее двоюродный брат, наследник трона соседнего королевства, Фердинанд Арагонский. И вот однажды ночью он явился к ней в чужом обличье. Без слуг, без охраны прискакал в замок, где она тогда обитала, силой заставил слуг впустить его и только тогда снял шляпу, чтобы она смогла его узнать. И она его сразу узнала^[6].

— Неужели? — поразился Артур.

— Правда, похоже на рыцарские романы? Матушка говорит, что влюбилась в него с первого взгляда, совсем как сказочная принцесса! Он тут же попросил ее руки, и она сразу согласилась. Да, на моих родителях благословение Божье. Господь пробудил в них любовь. Они очень разные по характеру, но прекрасно ладят, потому что сердца их движимы общими интересами.

— Господь приглядывает за королями Испании, — полушутя произнес Артур.

Каталина кивнула.

— Твой отец поступил мудро, ища нашей дружбы. Мы строим свое королевство, объединяя Андалузию, земли мавров, Кастилию и Арагон. Теперь мы взяли Гранаду и на этом не остановимся. Я знаю, что батюшка поглядывает на Наварру и Неаполь тоже у него в планах. Думаю, он не успокоится, пока не завоюет весь юг и западные области Франции. Вот увидишь. Границ Испании он даже еще не очертил.

— Значит, они поженились тайно? — спросил он, поражаясь тому, что царственная пара взяла судьбу в собственные руки.

Каталина слегка замялась:

— Ну, они ведь двоюродные, так что требовалось разрешение от Папы. Отец сказал, что разрешение у него есть, и боюсь, слукавил.

— Что, неужто твой расчудесный батюшка солгал своей безгрешной жене? — удивился Артур.

С печальной улыбкой она слегка пожала плечами:

— Видишь ли, он такой человек... В самом деле, готов на многое, лишь бы добиться своего... Ты быстро понимаешь это, когда имеешь с ним дело... Он всегда думает на два-три шага вперед. Он знал, что матушка — преданная католичка и без разрешения Папы руку свою ему не отдаст. И тогда: оле! Пожалуйте! Вот она, бумага, со всеми печатями!

— Но потом они все сделали как полагается?

— Да, конечно. И хотя отец батюшки был недоволен, а брат матушки впал в гнев, они поступили тогда правильно.

— Разве это правильно? Подвести свою семью? Ослушаться отца? Это грех. Нарушение заповеди. Смертный грех. Папа Римский не мог благословить такой брак!

— На то была воля Господа, — твердо сказала она. — Никто не знал, что это так, а моя матушка знала. Она всегда знает, в чем состоит воля Господня.

— Да откуда же? И как она может быть в этом уверена? Особенно тогда, когда была совсем девочкой?

— Ну, Господь и моя матушка всегда действуют заодно, — тихо засмеялась она.

Улыбаясь, он накрутил ее локон себе на палец.

— Во всяком случае, она не ошиблась, прислав тебя ко мне.

— Да. И мы не ошибемся, правя этой страной.

— У меня на этот счет такие планы...

— Да? И что же мы сделаем?

Он замялся:

— Боюсь, ты сочтешь меня ребенком... Но знаешь, у меня столько разных идей, которые я почерпнул из книг...

— Ну, пожалуйста, скажи!

— Знаешь, мне хотелось бы создать Совет, вроде того, какой был при дворе короля Артура. Не такой, как у моего отца, где просто сидят друзья, воевавшие на его стороне, а настоящий Совет рыцарей, представляющих все графства страны. И выбирать их буду вовсе не я, из соображений, что мне нравится их компания. Нет, выбирать их будет каждое графство — лучших людей, достойных представлять его интересы. И они будут собираться у меня за столом и рассказывать, что где происходит. Таким образом, к примеру, если где-то плох

урожай, мы будем знать загодя и предотвратим голод, вовремя посплав помощь.

— Они будут нашими советчиками! — живо подхватила Каталина. — Нашими глазами и ушами.

— Да. И еще я поручил бы им строительство укреплений, особенно на севере и по морским берегам.

— И еще военные учения раз в год, тогда у нас всегда будет готовое к бою войско. — И добавила: — Они ведь придут, ты знаешь.

— Мавры?

Она кивнула:

— В Испании они потерпели поражение, но в Африке сильны, как никогда, и на Святой земле, и в Турции, и дальше. Когда им станет тесно на своих землях, они вернутся в христианский мир. Раз в год, весной, оттоманский султан выступает войной, подобно тому, как другие народы идут пахать. Мавры пойдут на нас. Мы не знаем когда, но нельзя сомневаться, что так и будет.

— Я велю, чтобы выстроили укрепления вдоль всего южного берега, противостоящего Франции, и против мавров, — кивнул Артур. — Целый ряд крепостей с сигнальными башнями между ними, так чтобы, когда на нас нападут, скажем, в Кенте, мы в Лондоне знали об этом и приняли меры.

— Еще тебе понадобятся корабли, — сказала она. — Моя мать заказала свои боевые корабли на верфи в Венеции.

— У нас есть свои верфи. Корабли мы построим сами.

— А где мы возьмем денег на все эти крепости и корабли? — озаботилась дочь практичной Изабеллы.

— Частью — из подушных налогов, — с готовностью ответил Артур, — частью — из налогов на торговлю и морские порты. Купцы заплатят, безопасность дороже. Я знаю, что люди ненавидят налоги, но это потому, что они не знают, на что тратятся их деньги.

— Тогда нам понадобятся честные сборщики податей, — рассудила Каталина.

— Придется найти людей, которым мы сможем верить, — размышлял вслух Артур. — Пока что дело обстоит так, что всякий, кто хочет сколотить состояние, добывает себе должность сборщика податей. Но они должны работать на нас, а не на себя. Надо платить

им твердое жалованье, чтобы они не забирали себе, сколько им вздумается.

— Такого не делал никто, кроме мавров, — ответила Каталина. — Андалузские мавры построили школы и даже университеты для сыновей бедноты, и тогда у них появились честные чиновники. И все высшие должности у них при дворе занимали молодые ученые, порой даже младшие сыновья короля.

— Не завести ли мне сотню жен, чтобы заполнить все вакансии при дворе? — преувеличенно серьезно поинтересовался Артур.

— Даже не думай!

— И все-таки нам нужны честные люди, — задумчиво сказал он. — Верные слуги, обязанные короне своим благополучием. В противном случае они работают на себя, берут взятки, а их семьи приобретают слишком много влияния.

— Тут могла бы помочь церковь, — предложила она. — У мавров заведено, что имам, мусульманский священник, учит детей. Если при каждой церкви будет школа, если каждому священнику вменят в обязанность учить детишек чтению и письму, тогда мы сможем основать новые колледжи при университетах, чтобы способные мальчики могли продолжить там учебу.

— Это возможно? Это не пустая мечта?

Каталина кивнула:

— Это осуществимо. О, разве создать страну — не самая великая, не самая достойная из задач? Мы создадим королевство, которым сможем гордиться, так же как мои мать с отцом создали Испанию. А каким оно будет, мы решим сейчас, и обязательно добьемся, чтобы планы наши осуществились.

— Камелот, — просто сказал он.

— Камелот, — радостно повторила она.

В феврале целую неделю шел снег, потом началась оттепель, и снег обратился в грязь, а потом полил дождь. Я не могу гулять в саду, не могу кататься верхом, даже съездить в город на муле и то не могу. Этот дождь совсем не похож на тот, какой бывает у нас в Испании, когда капли падают на горячую землю, приминая пыль, и от земли поднимается теплый, пряный дух, а растения жадно пьют воду. Тут

ледяная вода льется с небес на оледенелую землю, и никаких ароматов, а только лужи повсюду, схваченные коркой темного льда.

В такие дни я скучаю по дому, и от тоски у меня все болит внутри. Когда я рассказываю Артуру про Испанию и Альгамбру, мне страстно хочется, чтобы он увидел все сам и познакомился с моими родителями. Мне хочется, чтобы они узнали его и порадовались нашему счастью. Помечтать, чтобы король Генрих позволил Артуру выехать из страны, конечно, не грех, но понятно, что мечты это пустые. Ни один король в здравом уме не выпустит из страны драгоценного сына и наследника.

Потом я начинаю раздумывать, а может, мне удастся самой съездить домой, хотя б ненадолго. Не могу представить себе ни единой ночи в разлуке с Артуром, но, если не поехать в Испанию, я никогда не увижу матушку, не прильну губами к ее руке, не почувствую ее прикосновения к своим волосам — и эта мысль меня ужасает.

Всегда, всю свою жизнь, я радовалась тому, что я принцесса Уэльская и будущая королева Англии, не думая — хотя, конечно же, это было очень глупо и неосмотрительно с моей стороны, — что мне придется жить в Уэльсе и навсегда покинуть Испанию.

Уезжая, я надеялась, что, по крайней мере, мы будем обмениваться письмами. Однако и со мной матушка поступает так же, как прежде поступала с Исабель, Марией и Хуаной: передает свои указания с послом, а по-настоящему теплые материнские письма приходят от нее крайне редко.

Не знаю, как мне к этому относиться. Такого поворота я никак не ожидала. Исабель, овдовев, вернулась домой, а потом снова вышла замуж и снова уехала. Хуана пишет, что собирается с визитом к родителям вместе с мужем. Нечестно — ей можно поехать, а мне нельзя. Мне всего лишь шестнадцать. Я еще не готова жить без матушкиных наставлений.

Королева Елизавета, матушка моего супруга, не имеет при собственном дворе никакого веса и не может стать мне наставницей. Всем командует миледи матушка короля, Маргарита Бофор, и она, дама добродетельная, но суровая, тоже не заменит мне мать. Она чтит только своего сына — надо полагать, потому, что благодаря ему стала матушкой короля, — но любить его она не любит, в ней нет нежности. Она и Артура не любит, а уж если женщина не любит Артура, то,

значит, у нее совсем нет сердца. Что касается меня, мне кажется, я ей не по душе, хотя, право, не могу сказать почему.

В любом случае я уверена, что матушка скучает по мне так же, как я скучаю по ней. Наверняка вскорости она напишет королю Генриху и попросит его отпустить меня ненадолго домой. Пока не настали еще худшие холода... Хотя, кажется, сейчас мокро и холодно так, что хуже уже некуда... Я не вынесу этой бесконечной зимы. Наверняка заболею. Я уверена, матушка хочет, чтобы я вернулась домой...

Сидя за столом у окна, в скудном свете февральских сумерек Каталина писала Изабелле Кастильской письмо, в котором почтительно интересовалась, нельзя ли ей приехать в Испанию, хоть ненадолго... Потом, аккуратно сложив листок вдвое, медленно рвала его пополам, а потом еще и еще и бросала клочки в огонь. Она и раньше уже писала такие письма, но никогда их не отсылала. Нет, если хорошенько подумать, не может она подвести матушку, не может испугаться серых небес, сыплющих дождем и снегом, и сбежать от людей, говорящих на странном, непостижимом языке, — от этих англичан с их таинственными печальями и радостями.

Откуда ей было знать, что, даже если бы она отослала письмо с просьбой позволить ей приехать домой испанскому послу в Лондон, чтобы тот переправил его в Испанию, лукавый дипломат непременно прочел бы принцессино послание и точно так же порвал бы, а потом еще и доложил бы английскому королю. Родриго Гонсалви де Пуэбла как никто знал, что брак Артура и Каталины скрепляет собой альянс между растущей мощью Испании и набирающей силу Англией против развивающейся Франции. Никто и никогда не позволит тоскующей по дому принцессе поставить этот альянс под удар.

— Расскажи мне историю.

— Я словно Шахерезада, ты хочешь от меня тысячи историй...

— О да! — подхватил он. — Тысячу, и не меньше! Сколько ты уже мне рассказала?

— По одной каждую ночь с тех пор, как мы вместе, начиная с Бурфорда.

— Двадцать девять дней, — сосчитал он.

— Значит, двадцать девять историй. Была б я и впрямь Шахерезада, осталось бы еще... сколько? Девятьсот семьдесят одна...

Он улыбнулся:

— Знаешь ли ты, душа моя, что эти двадцать девять дней — самые счастливые в моей жизни? — Она прижалась губами к его руке. — И ночи тоже!

— Да, и ночи, — тихо повторила она с глазами, потемневшими от желания.

— Я мечтаю услышать оставшиеся девятьсот семьдесят одну... А потом мы начнем следующую тысячу...

— А после той еще и еще?

— Еще и еще, и так до скончания века, пока мы живы.

Она с нежностью улыбнулась.

— Даст Бог, нам предстоят долгие годы вместе.

— Знаешь, я, пожалуй, расскажу тебе сегодня одно стихотворение, — сказала она, сосредоточенно наклонилась вперед и уставилась на полог кровати так, словно могла видеть далеко сквозь него. — Жил-был поэт. Ну, на самом деле он был арабийский принц, но на родине у него случился переворот, и его изгнали. Он оказался в Испании, очень скучал по дому и написал это стихотворение:

В Кордове, в царских садах, увидел я зеленую
Пальму-изгнанницу, с родиной пальм разлученную.

«Жребии наши, — сказал я изгнаннице, — схожи.
С милыми сердцу расстаться судилось мне тоже.

Оба, утратив отчизну, уехали вдаль мы.
Ты чужестранкой росла — здесь чужбина для
пальмы.

Утренним ливнем умыться дано тебе благо.
Кажется звездной водой эта светлая влага.

Жителей края чужого ты радуешь ныне.
Корень родной позабыла, живя на чужбине».

Он помолчал, вникая в эти простые слова.

— Совсем не похоже на нашу поэзию...

— Да, — тихо сказала она. — Люди, которые любят слово, предпочитают выразить истину просто.

Он притянул ее к себе, и она уютно устроилась в его объятиях. Артур легонько коснулся ее щеки. Щека была влажная.

— Я знаю, ты скучаешь, — тихонько сказал он, взял ее руку в свою и поцеловал ладошку. — Но ты привыкнешь к здешней жизни, за тысячу тысяч дней.

— Я счастлива с тобой, — торопливо сказала она. — Просто... — Голос ее упал. — Просто... Моя матушка... Мне так ее не хватает... Хочешь, я расскажу тебе, какая она? У нее зеленовато-голубые глаза, характерные для династии Трастамара^[8]. Цвет лица нежный, волосы золотистые, ростом она невысока, но отличается врожденным благородством и достоинством.

— В общем, ты вся в нее!

— Хотелось бы так думать... Так вот, она держала меня при себе так долго, как только могла...

— Она знала, что все равно тебе придется уехать!

— Она пережила такие трудные времена... Потеряла сына, моего брата Хуана, он был наш единственный наследник. Это так ужасно, потерять принца, ты не можешь себе представить, как это тяжело. Это не просто семейная утрата, понимаешь? Это утрата всего, что могло бы быть. Пропала не только его жизнь, пропало все, что могло бы случиться. Его правление, его королевство. Его жена не стала королевой, все, на что он надеялся, не случилось... И потом следующий наследник, маленький Мигель, умер всего двух лет. Он остался нам от моей сестры Исабель, которая, ты знаешь, сначала вышла замуж за португальского инфанта, но он вскоре умер, она вернулась домой вся в слезах, а потом ее снова отправили в Португалию и выдали замуж за дядю ее первого мужа, дона Мануэля, и там она в родах умерла... Господу было угодно прибрать и ее сыночка тоже. Другая моя сестра, Мария, бедняжка, тоже умерла вдали от нас в Португалии, уехала, чтобы выйти замуж за короля Мануэля, вдовца нашей Исабель, и больше мы ее не видели. Так что понятно, почему матушка держала меня при себе. Я была ее утешением. Я

последней из всех детей оставила дом. Не представляю, как она справляется без меня.

Он обнял ее за плечи, притянул к себе:

— Думаю, она как никто другой умеет спасаться в молитве.

— Боюсь, это не всегда получается. Я ведь рассказывала, моя бабка, ее матушка, страдала от черной меланхолии. Принцессы португальские склонны к этой загадочной хвори, а бабка привнесла ее в нашу семью. Я знаю, матушка боится, что то же случится с ней, что, глядя на мир, она станет видеть вещи столь ужасные, что, право, лучше ослепнуть. Я знаю, ей хотелось бы оставить меня при себе, чтобы я могла веселить ее. Она говорила, что я дитя, рожденное на радость, что она чувствует — я всегда буду счастлива.

— А разве твой батюшка ее не утешает?

— Ну да, утешает, — с сомнением протянула она. — Но, видишь ли, он так часто в отъезде! И потом, мне самой так хочется ее видеть! Да ты и сам знаешь, что я чувствую. Разве ты не скучал по своей матушке, когда в первый раз разлучился с ней? И по батюшке, и по сестрам и брату?

— По сестрам — да, скучаю, а по брату — нет, — отрубил Артур так решительно, что она не смогла сдержать смеха.

— Отчего же? По-моему, он забавный.

— Он хвастун, — раздраженно сказал он. — Вечно лезет вперед, выставляется. Вспомни наше венчание — все время торчал на виду. И свадебный пир тоже, когда он потащил Маргариту танцевать, да так, что все обратили внимание.

— Ну что ты! Это ваш отец велел ему танцевать, а он и рад. Ведь совсем еще мальчик!

— Он пыжится быть мужчиной изо всех сил, и это смехотворно! И ведь никто никогда его не одернул, не поставил на место! Вот ты, например, заметила, как он пялился на тебя на нашей свадьбе?

— Нет, не заметила, — искренне сказала она. — У меня все было как в тумане.

— Он вел себя так, словно влюблен в тебя, и воображал, что по-настоящему ведет тебя к алтарю!

— Ах, какой вздор! — рассмеялась Каталина.

— Он всегда был такой, с самого рождения, — с неудовольствием продолжал Артур. — И из-за того, что он общий любимчик, он ни в

чем не знает отказа и делает все, что хочет. Мне пришлось изучать право и языки, жить в Уэльсе и готовить себя к короне, а Гарри поживает себе в свое удовольствие в Гринвиче или Уайтхолле. Будто какой-нибудь посол, а не наследник, которому надо много учиться. Мне дарили коня — и ему дарили коня, хотя до того годами у меня была спокойная кобыла. Мне дарили сокола — и ему тоже, и никто не заставлял его, как меня, сначала годами обучать пустельгу, а потом ястреба-тетеревятника. А потом ему назначили моего наставника, и он стал пыжиться, чтобы во всем меня обогнать, перещеголять, затмить, где только можно. И ему это удастся! — В голосе Артура звучала горечь и глубокая обида.

— Но он всего лишь второй сын, — мягко сказала Каталина.

— Его все любят, — мрачно ответил он. — Что он ни захоти, стоит ему только попросить, и он все получает!

— Однако же не он принц Уэльский, — подчеркнула она. — Возможно, он умеет нравиться людям, но настоящего веса у него нет. Он и остается-то при дворе только потому, что недостаточно важен, чтобы послать его сюда. Твой отец имеет на него свои виды. Скорее всего, его женят и отошлют прочь. Второй сын — это все равно, что дочь.

— Он предназначен церкви, — сказал Артур. — Пойдет в священнослужители. Куда ж ему жениться? Так и останется в Англии. Скорее всего, будет архиепископом, придется мне терпеть его здесь... Ну, если, конечно, он не выбьется в Папы.

Она рассмеялась, представив себе розовощекого светловолосого мальчика в папском облачении.

— Какие мы все будем великолепные, когда вырастем! Мы с тобой — король и королева, а Гарри — архиепископ, а может, и кардинал!

— Нет-нет, Гарри никогда не повзрослеет, — настойчиво сказал Артур. — Так всегда и останется самовлюбленным мальчишкой. И поскольку моя бабушка, да и отец тоже всегда его баловали и ни в чем не отказывали, он жадный и капризный.

— Ну, может быть, все-таки с возрастом он переменится... Видел бы ты мою самую старшую сестру, бедняжку Исабель, перед тем как она впервые уехала в Португалию! Ты бы решил, что нет девочки тщеславней и суетней, чем она! Но когда ее супруг умер, она,

вернувшись домой, только и говорила, что хочет уйти в монастырь. Сердце ее было разбито.

— Ну, сердце Гарри так просто не разобьешь, — уверил ее Артур. — У него его просто нет.

— Про Исабель я думала так же, — возразила она. — Но в самый день свадьбы она влюбилась в своего мужа и больше, как говорила, не могла полюбить никого. Конечно, ей пришлось выйти замуж второй раз, но она сделала это с неохотой.

— А ты? — неожиданно поинтересовался он.

— Что я? Вышла ли я замуж без охоты?

— Нет! Влюбилась ли ты в мужа в день свадьбы?

— Ну, уж точно не в день свадьбы, — покачала она головой. — Кстати, о хвастунах! В этом смысле Гарри ничто рядом с тобой! Я тогда слышала, как наутро ты бахвалился!

Ему хватило совести принять виноватый вид.

— Ну, я, наверно, сказал что-то такое, чтобы разрядить обстановку...

— Ты сказал, что «был ночью в Испании»!

— Ох, Каталина, прости меня! Я был дураком, ты права, вел себя как мальчишка. Но теперь я мужчина. Твой супруг. И все-таки ты влюбилась в своего суженого, не отрицай этого!

— Да, но не сразу. Совсем не сразу, — смягчаясь, признала она. — Любовью с первого взгляда это не назовешь.

— Я знаю, когда это случилось, не отговаривайся. Это было тем вечером в Бурфорде, когда ты плакала, а я впервые поцеловал тебя, как полагается, и вытер тебе слезы рукавом. И той ночью я пришел к тебе, и в доме было так тихо, словно кроме нас в целом мире не было ни единой души.

Каталина теснее прижалась к мужу:

— И тогда я рассказала тебе свою первую историю. Ты помнишь, о чем она была?

— Да. О пожаре в Санта-Фе. Когда от испанцев отвернулась удача.

— Вообще-то, — кивнула она, — мы приходили как завоеватели, с огнем и мечом. Мой отец славится своей безжалостностью.

— Вот это да! Как же он рассчитывал завоевать сердца людей?

— Силой страха, — просто ответила она. — И не по своей воле он это делал. По Господней. Иногда Господь тоже безжалостен. Это ведь

была не просто война, а Крестовый поход, священная война против неверных, благословленная Папой. А во время Крестовых походов воинам Христа приходится быть жестокими.

Артур кивнул, соглашаясь.

— Вот какую песню сложили мавры о моем отце. — И, откинув голову, низким голосом пропела, на ходу переводя слова на французский: — «Всадники скачут к воротам Альвиры, вступают в Альгамбру. О, ужас! С ними король! Сам Фердинанд ведет свою армию по берегам реки. А рядом с ним Изабелла, королева с сердцем мужчины».

— Спой еще! — в восторге вскричал он.

Рассмеявшись, она повторила куплет.

— И что, они, в самом деле, величали ее «королева с сердцем мужчины»?

— Отец говорит, что, когда она в лагере, это лучше, чем два дополнительных отряда! Мы не понесли поражения ни в одной битве, в которой она участвовала.

— Вот каким должен быть король! Чтобы о нем песни слагали!

— Да уж, — сказала она. — А представь, каково это — быть дочерью героини легенд и преданий! Неудивительно, что я тоскую по ней. Нет ничего на свете, чего бы она боялась. Когда огонь уничтожил наш лагерь, она тоже не отступила. Даже когда мой отец и все советники согласились, что армии следует отойти в Толедо, перевооружиться и вернуться к боевым действиям на следующий год, матушка твердо сказала «нет».

— Интересно, она спорит с мужем при людях? — спросил он, пораженный мыслью, что жена может вести себя как ровня.

— Нет, она очень дипломатична, — задумчиво проговорила Каталина, — никогда не противоречит и не выказывает пренебрежения. Но он тут же чувствует, когда она с ним не согласна. И, как правило, поступает так, как хочет она.

Артур покачал головой.

— Я знаю, ты думаешь, что жена обязана подчиняться. Матушка и сама бы так сказала. Однако дело в том, что она всегда права, — сказала дочь Изабеллы. — Насколько я сейчас могу вспомнить, о чем бы ни шла речь, похоже, сам Господь у нее в советниках и она всегда знает, как следует поступить.

— Похоже, она необыкновенная женщина.

— Королева! — просто сказала Каталина. — Королева, и все тут. Не по браку — по праву. Не простолюдинка, которая поднялась к трону. Королева, спасенная Господом из всех передраг.

В ту ночь мне приснилось, что я птица, стриж. Легкая, стремительная, я лечу высоко над Кастилией, на юг от Толедо, минуя Кордову, и дальше, дальше на юг, к Гранаде... Земля подо мной как рыжеватый ковер, сотканный из золотого руна овец, которых пасут берберы, медный покров, прорванный бронзовыми скалами такой высоты, что даже оливы не могут уцепиться корнями за крутые их склоны. Все дальше и дальше лечу я, маленькое птичье сердце гулко бьется в груди — и вот, наконец, розовые стены неприступной крепости Алькасара и дворцы Альгамбры. Пикируя вниз, я едва минуя острую крышу Сторожевой башни, над которой когда-то развевался флаг с полумесяцем, резко снижаясь в Миртовый дворик, чтобы кружить там в теплом, душистом воздухе в окружении изящных, украшенных цветной плиткой зданий, глядясь в зеркало вод, и, наконец, вижу ту, кого я искала: мою матушку, Изабеллу Католическую. Она гуляет, вдыхая теплый вечерний воздух, и думает о своей дочке — как она там в далекой Англии...

Ладлоу, март 1502 года

— Хочу просить тебя познакомиться с одной леди. Она мне друг и хочет стать другом и тебе, — произнес Артур, тщательно подбирая слова.

Придворные дамы, как всегда умирающие от скуки, притворяясь, что поглощены рукоделием, вытянули шеи и наострили уши, тогда как Каталина сравнилась белизной с полотном, которое вышивала.

— Милорд? — встрепелась она. Утром, когда они проснулись, он об этом молчал. Более того, она не ожидала увидеть его до самого ужина. Нежданное появление принца в комнатах жены могло означать, что что-то произошло. — Леди? Кто же это?

— Возможно, ты что-то слышала о ней от других, но я прошу тебя помнить, что она искренне желает тебе добра.

Каталина вскинула голову. Горло перехватило. На мгновение, на одно страшное мгновение она подумала, что он хочет представить ей свою бывшую любовницу, хочет, чтобы она включила ее в свой штат, сделала своей придворной дамой, и тогда они, ее муж и его любовница, смогут продолжать свою связь.

Если я права, и он ведет к этому, я знаю, как сыграть свою роль. Мне ли не знать! Мне ли не помнить, как мою матушку донимали придворные красотки, перед которыми не в силах был устоять батюшка, помилуй его Господь. Снова и снова нам приходилось быть свидетелями тому, как он начинал оказывать знаки внимания новой красавице, появившейся при дворе. И всякий раз матушка вела себя как ни в чем не бывало, каждой девушке давала приданое и выдавала замуж за подходящего придворного, которого всячески подводила к мысли увезти свою новобрачную куда-нибудь подальше. Это случалось так часто, что при дворе даже шутили: если девушка хочет выйти замуж с приданым и благословением королевы и отправиться жить в какую-нибудь отдаленную провинцию, ей только и нужно, что встретиться взглядом с королем... И глазом моргнуть не успеешь, как уже едешь прочь от Альгамбры на добром коне с новым гардеробом в придачу...

Я хорошо усвоила, что разумная женщина, если случается так, что ее муж уделяет внимание другой даме, отводит глаза и с достоинством

переносит свое унижение. Чего делать ни в коем случае не следует, так это следовать примеру моей сестрицы Хуаны, которая позорит себя и всех нас заодно тем, что устраивает истерики, визжит и угрожает соперницам расправой!

— В этом нет проку, — как-то сказала мне матушка, когда один посол как-то рассказал нам об ужасной сцене, которую Хуана устроила при нидерландском дворе. Кричала при всех, что обрежет любовнице мужа волосы, кидалась на нее с ножницами в руке, потом стала грозить, что заколется сама... — Если жаловаться, становится только хуже. Ведь узы брака нерушимы. Если муж ведет себя неподобающе, тебе все равно рано или поздно придется принять его в свою жизнь и свою постель, что бы он ни натворил. Ты королева, а он король, вам приходится делать все вместе. Если он позабыл свой долг по отношению к тебе, это не причина, чтобы ты пренебрегала своим долгом. Как ни больно, ты всегда остаешься его королевой, а он — твоим супругом.

— Что бы он ни натворил? — переспросила я. — Как бы себя ни вел? Значит, он свободен, а ты в неволе?

Она пожала плечами:

— Узы брака священны. Что соединил Бог, человеку не разорвать. Муж может быть нехорош, и все-таки это муж.

— А если он захочет себе другую жену?

— Захочет другую — получит ее, или она откажет ему. Это их дело, дело их совести, — твердо сказала мать. — Твое дело — держаться с достоинством. Что бы ему ни вздумалось, что бы ей ни хотелось, все равно ты его супруга и королева.

Вспомнив этот совет, Каталина посмотрела в лицо своему мужу.

— Всегда рада знакомству с вашими друзьями, милорд, — проговорила она, надеясь, что голос ее не дрожит. — Однако вам известно, что у меня маленький штат. Ваш отец настоял на том, что у меня не может быть больше придворных, чем сейчас. Денежного содержания мне не выдают. У меня нет средств, чтобы платить еще одной даме. Короче говоря, я не в силах включить в свой штат никого, даже вашу добрую знакомую.

При упоминании о придирках короля Генриха насчет приданого Артур поморщился.

— Нет-нет, ты меня не поняла. Речь отнюдь не о том, чтобы пристроить кого-то в штат, — торопливо сказал он. — Речь о леди Маргарет Пол, которой не терпится с тобой познакомиться. Она наконец-то дома.

Святая Мария, Матерь Божья! Это даже хуже, чем если бы речь шла о его любовнице! Леди Маргарет Пол! Я знала, что мне придется столкнуться с ней когда-нибудь. Ведь это ее дом, и я втайне надеялась, что она не вернется, пока мы здесь. Я думала, она избегает меня из ненависти, как я ее — от стыда. Леди Маргарет Пол — сестра того бедного мальчика, графа Уорика, обезглавленного, чтобы очистить мне путь к престолу. Мне и моему потомству. Я с ужасом думала о том, как посмотрю ей в глаза. И всем святым молилась, чтобы этого не произошло...

Он заметил гримаску ужаса на ее лице.

— Прошу тебя! Она была в отъезде, потому что ее детям требовался уход. В противном случае она непременно была бы здесь, чтобы приветствовать нас, когда мы сюда прибыли. Я же говорил, что она вернется, вот она и вернулась и хочет поскорей выразить тебе свое почтение. Сэр Ричард — добрый друг нашего короля, мой советник и смотритель этого замка. Нам нельзя не ладить.

Она протянула к нему дрожащую руку, и он тут же подошел ближе, не обращая внимания на заинтересованные взгляды придворных.

— Я не могу! — прошептала она. — Истинный крест, не могу. Ее брата казнили из-за меня. Я знаю, что на этом настояли мои родители. Я знаю, что он был невинен, невинен, как дитя, а его держали в Тауэре, чтобы он не мог заявить о своих правах на престол. Он мог бы спокойно жить, но мои родители потребовали его смерти. Она должна меня ненавидеть.

— Да не ненавидит она тебя! — со всей искренностью сказал он. — Поверь мне, Каталина, ни за что на свете я не допущу, чтобы тебя обижали. Она не ненавидит ни тебя, ни меня, ни даже моего отца, а ведь Уорика казнили именно по его приказу. Она принцесса и не хуже тебя знает, что такое политика. Это был не твой выбор и не мой. Ей известно: твои родители хотели, чтобы путь к трону для тебя был

свободен, так же как мой отец готов любой ценой устранить всех моих соперников. Она давно смирилась.

— Смирилась? — недоверчиво переспросила она. — Как может она смириться с убийством брата, к тому же наследника престола? Как может приветствовать меня с открытым сердцем, зная, что он умер ради моего удобства? Когда мы потеряли нашего брата Хуана, для нас померк весь мир, все наши надежды рухнули. Матушка до сих пор убивается. Как может леди Маргарет, потеряв брата по моей вине, смириться с этим? Как может не ненавидеть меня?

— Она мудрая женщина и с покорностью принимает свою судьбу, — объяснил Артур. — А радость и счастье находит в своем супруге, сэре Ричарде Поле, доверенном друге моего отца, и в том, что живет здесь, пользуясь всеобщим уважением и тем, что я у нее в друзьях и ты, я надеюсь, будешь тоже. — Он взял ее за руку. — Ну же, Каталина! Будь смелой, любовь моя. Она тебя ни в чем не винит.

— Как может она меня не винить! Кровь Эдуарда Плантагенета на моих руках! На нашем браке печать его проклятья...

Артур даже отшатнулся. Он еще не видел ее такой расстроенной.

— Господи, Каталина, неужели ты считаешь нас проклятыми? Ты никогда об этом не говорила!

— Разве легко произнести такие слова?

— Но ты думала об этом?

— С того момента, как мне сказали, что его казнили из-за меня.

— Любовь моя, так ты и впрямь считаешь, что мы прокляты?

— Этот грех — на нас.

Он постарался перевести разговор в шутку:

— Ну, уж нет! Ты не можешь не знать, что мы счастливики! —

Он склонился к ней и сказал так тихо, чтобы слышала только она: — Разве утром, просыпаясь в моих объятиях, ты чувствуешь себя несчастной?

— Нет, конечно же, нет... — неохотно призналась она.

— Разве ночью, когда я вхожу к тебе, на твоей коже пылает печать греха?

— Н-нет, — вздохнула она.

— Вот видишь! Мы не прокляты, — уверенно заключил он. — Напротив, на нас благословение Божье. Каталина, душа моя, верь мне. Леди Маргарет простила моего отца, и, уж конечно, ей и в голову не

приходит винить тебя. Клянусь тебе, у нее золотое сердце. Пойдем же, я представлю ее тебе.

— Только чтобы больше никого не было, — поставила она последнее условие.

— Хорошо. Она сейчас в комнатах смотрителя замка. Мы тихонько пойдем вдвоем.

Она поднялась с кресла, оперлась на его руку.

— Мы пройдемся с принцессой, — обратился он к свите, — а вы оставайтесь здесь.

И они вышли, провожаемые недоуменными, а отчасти и недовольными взглядами, и скоро оказались на узкой винтовой лестнице. Артур шел впереди, Каталина следовала за ним, медля у каждой амбразуры в толще стены, глядя на долину, где река Тим, выйдя из берегов, серебряным озером затопила луга. Было холодно даже для марта в Уэльсе. Каталина поежилась, словно от дурного предчувствия.

— Мужайся, любовь моя, — сказал Артур, глядя на жену. — Твоя матушка держала бы голову высоко.

— Она-то это все и затеяла, — сердито отозвалась Каталина. — Думала, мне во благо. Однако из-за этого погиб человек!

— Она сделала это из любви к тебе, — не поленился он сказать ей еще раз. — И никто тебя не винит.

Теперь они оказались как раз под покоем Каталины. Недолго думая, Артур постучал в толстую деревянную дверь и, услышав отклик, вошел.

Квадратная комната окнами на долину, с деревянными панелями и гобеленами по стенам, в точности повторяла гостиную Каталины этажом выше. У огня сидела дама, которая при их появлении встала. На ней было светло-серое платье, голова прикрыта серым покрывалом. Лет ей было около тридцати, и, глянув на Каталину с дружеским интересом и мягкой, усталой улыбкой на устах, она сделала глубокий реверанс.

Несмотря на то, что пальчики Каталины судорожно вцепились в руку мужа, Артур отстранился и отступил к самому порогу. Каталина, поглядев на супруга с упреком, сделала ответный реверанс, не такой, впрочем, глубокий. Из поклона обе дамы встали одновременно.

— Я так рада нашей встрече, — любезно начала леди Пол. — Примите мои извинения, ваше высочество, что я не смогла приветствовать вас по приезду. Увы, захворал один из моих сыновей, и я не могла отойти от его постели.

— Ваш супруг проявил все возможное гостеприимство, — ответствовала Каталина, едва шевеля языком.

— Надеюсь, что это так, поскольку я оставила ему длинный список поручений. Мне так хотелось, чтобы в комнатах ваших высочеств было тепло и уютно. Прошу вас, скажите мне, если в чем-то возникнет нужда, хоть малейшая. В Испании мне бывать не привелось, так что я плохо представляю себе, что именно могло бы доставить вам удовольствие.

— Не беспокойтесь, прошу вас... все в совершенном порядке...

Леди Пол внимательно посмотрела на принцессу:

— В таком случае надеюсь, вы будете счастливы с нами.

— Я тоже... — выдохнула Каталина. — Однако...

— Да, ваше высочество?

— Известие о кончине вашего брата доставило мне огромное огорчение, леди Пол, — словно бросаясь в воду, выпалила Каталина. Лицо ее, до того белое от волнения, запылало румянцем. Уши горели, голос дрожал. — Огромное...

— Это была большая потеря — и для меня, и для всей семьи, — спокойно ответила леди Пол. — Но что поделаешь! Такова жизнь!

— Я боялась, что мой приезд сюда напомнит вам об этой потере...

— У меня и в мыслях не было, ваше высочество, полагать, что вы к этому причастны. Когда нашего дорогого принца Артура обручили, король Генрих должен был позаботиться о том, чтобы обезопасить свое наследие от возможных посягательств. Я, конечно, знала, что мой дорогой брат никогда бы не стал нарушать спокойствие Тюдоров, однако они-то этого не знали. А потом, ему попался на пути этот злосчастный и злонамеренный молодой человек, который сбил его с толку, и они затеяли глупый заговор... — Голос леди Пол дрогнул. Она помолчала, собираясь с силами. — Прошу меня простить, ваше высочество, мне все еще нелегко говорить об этом. Он был словно невинное дитя, мой братец. Этот нелепый заговор — как раз свидетельство его невиновности, а не злой воли. У меня нет сомнений, что он сейчас с Господом, с такими же невинными душами, как он

сам... — Она мягко улыбнулась. — В этом мире мы, женщины, часто оказываемся бессильны перед властью мужчин. Уверена, вы не желали зла моему брату, так же как уверена в том, что он не держал бы зла ни против вас, принцесса, ни против нашего дорогого принца Артура... Что поделаешь, моему отцу также приходилось предпринимать жестокие меры, и видит Бог, он сполна заплатил за это. Его сын, хотя невиновный, пошел путем своего отца. Упади монета другой стороной, все могло быть иначе!

Каталина слушала, приоткрыв рот.

— Я знаю, что мои отец и мать хотели удостовериться в том, что у Тюдоров нет соперников. Я знаю, что они сообщили об этом королю Генриху, — выговорила она так, словно делом ее жизни и смерти было убедить леди Пол в своей невиновности.

— И я бы сделала так, будь я на их месте, и отвечала только бы перед Богом, — ответила та. — Дорогая моя, поверьте, я не виню ни вас, ни ваших родителей. Не виню и нашего короля.

— Мне всегда казалось, что гибель вашего брата на моей совести. Леди Пол покачала головой.

— Это не так, — твердо сказала она. — Грешно винить себя за деяния других. Вашему исповеднику следовало бы сказать вам: такие мысли суть проявления гордыни. Не стоит брать на себя чужие грехи.

Тут Каталина решила поднять глаза и встретилась взглядом с леди Пол, увидела ее улыбку и неуверенно улыбнулась в ответ. На это леди Пол протянула ей руку, как сделал бы мужчина, желающий скрепить дело рукопожатием.

— Видите ли, ваше высочество, — сказала она, — я и сама была принцессой королевской крови, последней из рода Плантагенетов. С младенчества росла под покровительством короля Ричарда вместе с его сыном. Кому, как не мне, известно, что в мире происходит много такого, что нам, женщинам, неподвластно. Тут и воля твоего мужа, и твоих родителей, и твоего короля, и твоего Бога. Никто не вправе корить принцессу за деяния короля. Разве мы можем этому противостоять? Или хотя бы изменить что-то? Нет, мы можем лишь подчиняться.

Каталина, ладонь которой сжимала теплая сильная рука, окончательно успокоилась.

— Боюсь, я не всегда послушна, — призналась она.

Леди Пол рассмеялась:

— О да, надо быть дурочкой, чтобы совсем не думать о себе! Подлинное послушание мужу возможно только тогда, когда ты втайне думаешь, что на самом-то деле знаешь все лучше его, но осознанно склоняешь голову. Если же это не так, то тогда это просто податливость, которая есть свойство любой придворной пустышки. Как вы полагаете?

И Каталина — впервые за все пребывание в Англии! — рассмеялась на слова англичанки:

— Ну, я никогда не метила в придворные пустышки!

— Я тоже, — улыбнулась Маргарет Пол, урожденная Плантагенет и принцесса королевской крови, а теперь смиренная жена, прозябающая в глуши тюдоровского Уэльса. — Я всегда знала, глубоко в сердце, что я — это я, какой бы титул мне ни присвоили.

Поразительное дело! Женщина, оказаться лицом к лицу с которой я так боялась, сделала замок Ладлоу для меня настоящим домом. Теперь леди Маргарет Пол мне друг и компаньонка, замена матушке и сестрам. Сейчас я понимаю, что всегда жила в мире, в котором преобладали женщины: королева-матушка, мои сестры, наши придворные дамы, даже служанки нашего сераля. В Альгамбре мы жили почти в изоляции от мужчин, в комнатах, выстроенных так, чтобы женщинам было удобно и приятно, чтобы они могли бегать по дворикам и стоять на балконах в полной уверенности, что за ними никто не подсматривает. Конечно, мы посещали двор нашего отца и совсем не прятались от чужих взглядов, и потому знали — самые красивые комнаты и лучшие сады в Альгамбре предназначались для женщин.

Странно было, приехав в Англию, оказаться в мире, где преобладают мужчины. Конечно, мне выделены апартаменты и штат придворных, однако всякий может явиться ко мне, когда ему вздумается, и испросить аудиенции. К примеру, сэра Ричарда Пол или любой из придворных Артура приходят, не предупредив заранее, и думают при этом, что оказывают мне любезность! Кажется, англичане считают это нормальным, когда женщины и мужчины перемешаны. Я еще не видела здесь дома, где имела бы женская половина, и женщины не прячутся под покрывалом, как делали мы в Испании.

Даже путешествуя, не прячут лиц, даже среди незнакомцев! Королевская семья открыта всем взорам. Никому не известные мужчины могут разгуливать по королевскому дворцу, если им, конечно, хватило соображения уговорить стражу впустить их. Могут толпиться вблизи приемной королевы и в любое время застать ее проходящей мимо, пялиться на нее, словно они приближенные или члены семьи. Большой зал, комнаты королевы, часовня — все открыто любому, у кого есть приличная шляпа и плащ и кто может сойти за джентльмена. Дамы вольны ходить куда вздумается, лица их открыты каждому взору. Поначалу я думала, что это признак свободы, и очень этому радовалась, но потом поняла, что, хотя англичанки не прячут лиц, таких вольностей, что позволяются мужчинам, они разрешить себе не могут, им положено хранить молчание и подчиняться.

Теперь, когда леди Маргарет вернулась и заняла свои комнаты этажом ниже меня, замок, кажется, перешел в руки женщин. Вечера в большом зале стали менее воинственными, даже вкус блюд изменился. Трубадуры принялись петь больше о любви, чем о битвах, французская речь вытесняет валлийскую.

Наши комнаты расположены так, что целый день мы ходим вверх-вниз по лестнице, чтобы повидаться. Когда Артур и сэр Ричард охотятся, замок больше не кажется необжитым, ведь его хозяйка дома. В отсутствие мужчин это не пустынное место, где все томится в ожидании их возвращения, — нет, это теплый, уютный дом, деятельно занятый своей жизнью.

Мне так не доставало старшей подруги! Мария де Салинас — моя ровесница и так же глупа, как я, она подружка, а не наставница. Донье Эльвире, которую моя матушка назначила занять свое место, на мой взгляд, недостает сердечного тепла, хотя я пыталась полюбить ее. Она строга со мной, ревниво борется за свое на меня влияние, честолюбиво стремится распоряжаться всем при дворе. Они с мужем, моим дворецким, не прочь были бы командовать и мной тоже. Я усомнилась в ее рассудительности с того первого вечера в Догмерсфилде, когда она не распознала в короле короля. Да и сейчас она норовит остеречь меня от излишнего сближения с Артуром, как будто это грех — любить мужа, как будто я могу перед ним устоять! Она хочет устроить здесь в Англии маленькую Испанию, хочет, чтобы я оставалась инфантой. Но я твердо знаю, что моя задача — стать в Англии англичанкой.

Донья Эльвира не хочет совершенствоваться в английском. Притворяется, что не понимает по-французски, когда на нем говорят с английским акцентом. Валлийцев третирует с полным презрением, словно они сущие варвары. Сказать по чести, порой она ведет себя с каким-то беспримерным величием, гордости в ней больше, чем даже в моей матушке. Не могу ею не восхищаться, но любить, признаться, тоже не могу.

Леди Маргарет, которую воспитывали как племянницу короля, говорит по-латыни так же бегло, как я. Мы болтаем по-французски, она учит меня английскому, и, когда мы спотыкаемся на слове, которого нет в языках, известных нам обеим, устраиваем мимические представления, порой уморительные. Она просто рыдала от смеха, когда я пыталась изобразить несварение желудка, а когда она взялась показывать мне, как по формальному протоколу строится английская полевая охота, задействовав в этом всех придворных дам и их служанок, сбежалась охрана, решив, что на нас совершено нападение.

Каталина решила, что с леди Маргарет она может поговорить о своем будущем и о свекре, в присутствии которого всегда чувствовала себя неловко.

— Король был не в духе, когда мы уезжали, — сказала она. — Из-за приданого.

— В самом деле? — отозвалась Маргарет.

Дамы сидели у окна, ожидая мужчин с охоты. Погода стояла самая промозглая — выходить не хотелось. Маргарет сочла за лучшее оставить без ответа болезненный вопрос касательно приданого Каталины; она уже слышала от своего мужа, что испанский король преуспел в искусстве двурушничества^[9]. Он согласился дать за инфантой значительное приданое, а затем послал ее в Англию лишь с половиной денег. Вторую, предложил он, можно восполнить драгоценной посудой и сокровищами, которые она привезла с собой как домашнюю утварь. В гневе король Генрих потребовал полной выплаты обещанного. Фердинанд любезно ответил, что инфанту снабдили вещами самыми лучшими, Генрих может выбирать, что ему нравится.

Неладное это дело, так начинать супружество, которое, как ни крути, только и зиждется что на жадности, амбициях да еще на страхе

двух государей перед Францией. Каталина попала в тиски между двумя бессердечными властителями. Маргарет догадывалась, что и в замок Ладлоу Каталину с супругом послали для того, чтобы вынудить ее пользоваться своей утварью и тем самым понизить её цену. Оставь король Генрих их при дворе в Виндзоре, Гринвиче или Вестминстере, принцесса ела бы там с его блюд, и тогда ее отец мог бы утверждать, что испанская золотая посуда совсем новая и может идти в счет приданого. Но теперь они каждый вечер царапают серебряными ножами испанские золотые тарелки, и каждая царапина, нанесенная небрежным ножом, мало-помалу портит добро, снижает его стоимость... Короче говоря, Фердинанд, конечно, хитер, но и Генрих Тюдор парень не промах!

— Он сказал, что я ему как дочь, — осторожно начала Каталина. — Однако как я могу быть ему дочерью, если мой долг — повиноваться родному отцу? Мой же отец велит мне не пользоваться моей посудой и отдать ее королю в счет моего приданого. Поскольку приданое не выплачено, король посылает меня сюда без провизии, не платит мне моего содержания и не принимает добро, которое я ему предлагаю.

— А что говорит об этом испанский посол?

— От него толку нет, — скорчила рожицу Каталина. — Он мне не нравится. Он еврей, но выкрест. Испанец, но уже давно живет здесь. Сдается мне, он служит Тюдорам, не Арагону. Конечно, в свое время я напишу отцу, что де Пуэбла не надрывается у него на службе, но пока что посоветоваться мне не с кем. Что до моих придворных, то донья Эльвира и казначей не перестают вздорить. Она советует заложить посуду и драгоценности, чтобы выручить за них деньги и отдать приданое, а казначей клянется, что не выпустит их из виду, пока не передаст королю.

— А вы не спрашивали принца, как, по его мнению, следует поступить?

Каталина ответила не сразу, тщательно подбирая слова:

— Видите ли, это дело между его отцом и моим. Я не хочу, чтобы оно вставало между нами. В этой поездке принц оплатил все мои дорожные расходы. Вскоре ему придется заплатить жалованье моим придворным, а мне понадобятся новые платья. Я не хочу просить у него денег. Не хочу, чтобы он считал меня жадной.

— Вы влюблены в него, верно? — с улыбкой спросила Маргарет и увидела, как вспыхнуло личико принцессы.

— О да! Очень!

— Вот счастье-то! — мягко произнесла леди Пол. — Быть принцессой и влюбиться в мужа, за которого вышла по приказу! Да вы счастливица, Каталина!

— Я знаю. Я думаю, это знак особого Божьего ко мне благоволения.

Леди Пол помолчала, дивясь на величие притязаний, но не стала вразумлять принцессу. Радужные обольщения юности и так скоро рассеются, сами по себе.

— И что, есть уже признаки?

Каталина недоуменно вскинула бровь.

— Я о ребенке. Наследнике. Вы ведь знаете, каких признаков следует ждать?

— Да, знаю, — вспыхнула Каталина. — Матушка мне рассказывала. Но пока их нет.

— Ну, вы еще так недавно женаты, — утешила леди Маргарет. — Но если б вы ждали ребенка, думаю, вопрос с приданым решился бы сам собой. Все было бы у ваших ног, если б вы носили следующего принца Тюдора.

— На мой взгляд, мне должны платить содержание, есть у меня ребенок или нет, — заметила Каталина. — Я принцесса Уэльская и должна поддерживать свой статус.

— Сущая правда, — сухо кивнула леди Маргарет. — Но кто скажет об этом королю Генриху?

— Расскажи мне историю.

Была полночь. Замок спал. В полной тишине звучали только их тихие голоса.

— О чем же сегодня?

— Что-нибудь про мавров.

Каталина задумалась ненадолго. Он лежал, раскинувшись на кровати, но, когда она шевельнулась, чтобы набросить пеструю шаль на голые плечи, подвинул ее поближе к себе, пристроил так, чтобы ее голова легла ему на грудь, провел рукой по густым рыжим волосам, собрал их в кулак.

— Я расскажу тебе про одну оттоманскую султаншу, — сказала она. — Это не сказка. Эта подлинная история. Она жила в гареме. Ты ведь знаешь, что у мавров женщины живут отдельно от мужчин?

Он кивнул, глядя, как играет отблеск свечи на ее шее, на впадинке между ключиц.

— Она выглянула из окна. На реке был отлив, и городская ребятня возилась в воде. Дети скатывались по скользкому глинистому склону прямо в реку, кувыркались, измазанные грязью с головы до ног, и видно было, до чего им весело и привольно. Султанша хохотала, глядя на них, приговаривая, как жаль, что она сама не может поиграть так же.

— Потому что ей нельзя выйти?

— Да, никак нельзя. Ну, ее служанки сказали об этом евнухам, охранявшим гарем, те — великому визирю, великий визирь — султану, и, когда она отошла от окна и направилась в свой приемный зал... угадай, что там было?

Улыбаясь, он покачал головой:

— Что?

— Только представь. В гареме был большой зал с колоннами и полом из розового мрамора с прожилками. Так вот, по приказу султана туда принесли большие бутылки с душистым маслом. Всем парфюмерам города было велено доставить во дворец розовое масло, целые корзины розовых лепестков и сладко пахнущих трав. Все это перемешали, из масел, трав и лепестков получилась густая ароматная смесь, и эту смесь толстым слоем разлили по всему полу. Султанша и ее служанки разделись, оставшись в одних рубашках, и принялись с разбегу скользить по этой душистой «грязи», резвиться, брызгаться розовой водой, и весь вечер они шалили, как дети...

Он зачарованно слушал.

— Как это прекрасно!

Каталина довольно улыбнулась.

— А теперь твоя очередь. Теперь ты расскажи мне историю.

— Я не знаю историй. А те, что знаю, все про войны и победы.

— Именно такие ты больше всего любишь, когда я их тебе рассказываю.

— Да, кстати, твой отец снова затевает войну.

— Правда?

— А ты что, разве не слышала об этом?

Она покачала головой:

— Испанский посол иногда передает мне записки с новостями, но пока об этом ни слова. Это что, Крестовый поход?

— Экий ты кровожадный солдатик Христа! У неверных поджилки трясутся! Нет, не Крестовый. Дело куда менее героическое. Твой батюшка, нам на удивление, вступил в союз с французским королем Людовиком. Похоже, они собираются вместе войти в Италию и поделить добычу.

— С Людовиком? — удивилась Каталина. — А я-то думала, они кровные враги...

— Похоже, французский король не очень разборчив в союзниках. Сначала турки, теперь твой отец...

— Ну, уж лучше отец, чем турки, — вступилась за своих Каталина.

— Но отчего твой отец вступает в союз с нашим врагом?

— Думаю, оттого, что ему всегда хотелось заполучить Неаполь, — доверительно сказала она. — Неаполь и Наварру. И, так или иначе, он их получит. Я его знаю. Он играет с дальним прицелом и, как правило, добивается своего. А откуда у тебя это известие?

— От отца. Похоже, он опасается, что они позовут его присоединиться. Он недолюбливает французов почти так же, как шотландцев. Мы очень разочарованы, что твой отец с ними столкнулся.

— Напротив, твой отец должен быть доволен, что мой держит французов на юге. Он оказывает вам услугу.

Он рассмеялся:

— Ах ты, стратег! Что бы мы без тебя делали!

— А твой отец не хочет к ним в долю?

— Нет, насколько я знаю, — покачал головой Артур. — Его главная задача — чтобы в Англии был мир. Война — это беда для страны. Ты сама дочь солдата и знаешь это лучше меня. Отец говорит, ничего нет хуже войны.

— Да он и участвовал-то всего в одной битве! Но бывает так, что ты не можешь не воевать. Когда перед тобой враг, ты должен его разбить.

— Из-за новых земель я воевать бы не стал, — признался он. — Только чтобы защитить наши границы. И наверно, придется воевать с шотландцами, если моя сестра их не усмирит.

— А готов ли твой отец к войне?

— Он поручил Говардам^[10] сторожить север. И ему доверяют все северные лендлорды. Он укрепил замки и поддерживает Великую Северную дорогу в порядке, так что при нужде по ней могут пройти солдаты.

Каталина немного подумала и продолжила:

— Знаешь, если уж воевать, то лучше первым вторгнуться на территорию врага. Тогда король может сам выбрать время и место битвы и его труднее принудить к обороне.

— В самом деле?

— Мой отец так говорит, — кивнула она. — Самое главное, говорит он, чтобы армия уверенно двигалась вперед. Перед тобой мирная, не разоренная страна, в которой много припасов. Армия делает дневные переходы и крепка духом: солдаты видят, что дело идет вперед. И нет ничего хуже, чем неспособность решиться на битву.

— Да ты и стратег, и тактик! Жаль, что мне не выпало провести детство в военных лагерях, как тебе!

— Ты ничего не потерял, — ласково сказала она. — Потому что все, что я знаю, и все, что у меня есть, твое. И если тебе и твоей стране потребуется, чтобы я воевала, я буду воевать!

Холода становились все сильнее, и бесконечные дожди перешли сначала в град, а потом в снег. Но даже сейчас это не звонкая морозная зима, а низко стелющийся туман под покрытым тучами небом с порывами мокрого снега, который комьями налипает на ветви деревьев и стены зданий, а еще мутит воду в реке, делая ее похожей на шербет.

Когда Артур идет в мои комнаты, он скользит вдоль укреплений, как на коньках, и сегодня, когда он пошел назад к себе, мы испугались, что нас раскроют: он поскользнулся на свежем льду, упал и выругался так громко, что часовой на ближней башне высунул голову и прокричал: «Кто идет?» — и мне пришлось крикнуть в ответ, что это я вышла покормить птиц. Тут Артур засвистал, шепнув мне, что он малиновка, и мы расхохотались так, что едва унялись. Думаю, часовой

догадался, в чем тут дело, да и выходить на мороз ему совсем не хотелось.

А сегодня Артур поехал верхом взглянуть на место для новой мельницы — там река разлилась, запруженная снегом и льдом. Мы с леди Маргарет остались дома и играем в карты.

Здесь зябко и серо, воздух пропитан влагой, даже стены плачут от сырости, но я счастлива. Я люблю его, я бы жила с ним где угодно, а потом придет весна, а за ней — лето, и я знаю, что мы будем счастливы всегда.

Поздно ночью в дверь постучали. Каталина открыла:

— Ах, любовь моя! Что ж так долго?

Войдя в комнату, он сразу ее поцеловал. От него пахло вином.

— Никак не мог отделаться, три часа кряду пытался от них уйти и не мог. — Подхватил ее на руки, отнес на кровать. — Расскажи мне историю.

— А спать?

— Нет. Лучше спой мне о том, как мавры потерпели поражение под Малагой.

— Под Альгамой!^[11] — рассмеялась она. — Ладно, спою тебе несколько куплетов, а всего их там сотня, наверно.

— Спой все сто.

— Ночи не хватит!

— Этой не хватит — допоешь в другой раз, — легко вздохнул он. — Слава богу, нам предстоит еще много, много ночей.

— Это запретная песня, — сказала она. — Ее запретила сама моя матушка.

— Как же ты ее выучила? — удивился он.

— От служанки. У меня была нянька, мориска, временами она забывала, кто она и кто я, и пела.

— Что такое мориска? И почему песня запрещена?

— Мориска — это мавританка. Мы зовем так арабов, которые остались в Испании. Они не такие, как те, что живут в Африке. А когда я уехала, они стали называть себя «мидаххан» — то есть «тот, кому дозволили остаться».

— Дозволили?! На их собственной земле? — возмутился он.

— Это не их земля! Она наша. Испанская земля.

— Да они жили там семьсот лет! Вы, испанцы, еще пасли скот в ваших горах, а они уже строили дороги, замки и университеты. Ты сама мне так говорила!

— Ну и что? Теперь она наша.

Он хлопнул в ладоши, как султан:

— Спой мне, Шахерезада. И по-французски, дикарка, чтобы было понятно для меня!

Каталина в знак покорности сложила руки, как для молитвы, и низко ему поклонилась.

— Вот это мне нравится! Что, научили в гареме?

Она улыбнулась, откинула голову и запела, переводя на ходу:

Старик спрашивает калифа:

«Что за странный крик?» Увы, Альгама!

Увы, друзья мои, христиане взяли Альгаму!

Белобородый имам отвечает:

«Это твоих рук дело, о калиф!

В недобрый час казнил ты благородных
Абенсеррахов»^[12].

Увы, Альгама! Недолго осталось Гранаде, халифату,
даже самой твоей жизни!

Увы, Альгама!

Каталина умолкла.

— Так оно и случилось. Халифат пал. Кончилось тем, что бедный Боабдил вышел из Альгамбры, из Красной крепости, про которую говорили, что она никогда не падет, с ключами на шелковой подушке, склонился в поклоне перед испанскими королями, отдал им ключи и уехал прочь. Говорят, на горном перевале он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на свое прекрасное королевство, и заплакал, и его мать сказала ему: «Плачь, сын мой, как женщины плачут, над тем, что не смог удержать, как мужчина».

Артур по-мальчишески расхохотался:

— В самом деле? Так и сказала?

— И ничего смешного! — мрачно произнесла Каталина.

— Я о том, что именно так отозвалась бы и моя бабушка! — с восторгом сказал он. — Благодарение Господу, мой отец получил свою корону! Если бы не так, бабушка отбрила бы его не хуже, чем мать Боабдила. «Плачь, как женщина, о том, что не смог удержать, как мужчина!»

Каталина прыснула тоже.

— Представь, ехать в изгнание с матерью, когда она на тебя злится!

— Представь, навсегда утратить Альгамбру!

Он притянул ее к себе, поцеловал и скомандовал:

— Никаких сожалений!

— В таком случае развлеки меня! Расскажи о своих родителях.

Недолго подумав, он начал:

— Мой отец родился наследником Тюдоров, но перед ним в очереди были еще десятки охотников заполучить трон. Его отец хотел назвать его Оуэном, Оуэном Тюдором. Хорошее валлийское имя. Однако он умер еще до его рождения, пал в битве. Его матушке было всего четырнадцать, когда она его родила. Она имела на этот счет свое мнение и нарекла его Генрихом, потому что это королевское имя. Понятно, о чем она тогда думала, сама еще девочка и уже вдова... Шансы моего отца взлетали и падали с каждой битвой. То он был сыном правящего дома, то надо было бежать, спасаться... Его дядя Джаспер Тюдор^[13] — ты его помнишь — остался ему верен, а потом разразилась последняя битва, и мы проиграли, и нашего короля казнили. На трон вступил Эдуард VI, а мой отец оказался последним в роду. Ему грозила такая опасность, что дядя Джаспер тайком вывез их с бабушкой из замка, где их держали, и они бежали в Бретань.

— Там было безопасно?

— Более-менее. Рассказываю, что каждое утро, проснувшись, он ждал, что его выдадут Эдуарду. И как-то король Эдуард прислал гонца, что отец должен вернуться в Лондон, что его ждет теплый прием, что ему подыщут невесту. Отец сделал вид, что согласен вернуться, однако уже в дороге он сказался больным, и ему снова удалось бежать. Потому что в Лондоне его ждала неминуемая смерть.

— Да, он ведь тоже был претендент...

Артур ухмыльнулся:

— Я же тебе говорил! Вот почему он так не любит эту братию, претендентов. Претендент опасен, если удача на его стороне. Если б его поймали тогда, он оказался бы в Тауэре и наверняка бы погиб. Как потом бедный Уорик. Но он притворился хворым, бежал и оказался во Франции.

— Французы его не выдали?

— Вот еще! — рассмеялся Артур. — Они ему помогали! Тогда он представлял собой опасность для Англии, так что, понятное дело, они его поддерживали. В те времена французам было выгодно ему помогать, ведь он был не король, а претендент...

Каталина, дочь короля, заслужившего похвалу самого Макиавелли, согласно кивнула.

— А потом?

— Эдуард умер молодым, в расцвете лет, оставив наследником сына. Его брат Ричард сначала действовал как опекун, а потом потребовал трон для себя и заточил своих маленьких племянников, сыновей Эдуарда, в лондонский Тауэр.

Каталина кивнула, эту историю она слышала еще в Испании.

— Они вошли в Тауэр и больше из него не вышли, — мрачно сказал Артур. — Спаси их Господь, бедняжек, никто не знает, что с ними случилось. Злое деяние отвратило народ от Ричарда. Тогда призвали из Франции моего отца. То было бабушкиных рук дело, она договорилась с лордами, обрабатывая их поодиночке. Она это умеет. Они с герцогом Бэкингемом вместе подготовили почву для вторжения. Мой отец обязан им троном. Но сначала он отправил послание моей матери, в котором сообщил ей, что возьмет в жены, если завоюет престол.

— Значит, он был влюблен в нее? — с надеждой спросила Каталина. — Она такая красивая!

— Нет, он ее даже не видел никогда! Он же был в изгнании большую часть своей жизни. Это был брак по расчету, затеянный их матушками, потому что они знали, что, если поженить этих двоих, все увидят, что наследник Йорков женился на наследнице Ланкастеров, а значит, войне конец. Моя бабушка по матери к тому же понимала, что это единственный способ себя обезопасить. В общем, бабушки обделали это дело, как две ведьмы над котлом с варевом. Обе они такие, что не дай бог им поперек слово сказать...

— Так он ее не любил? — огорчилась Каталина.

— Увы, — усмехнулся Артур. — Ничего похожего на роман. И она его тоже не любила. Но они знали, как следует поступить. Когда мой отец вторгся в страну, побил Ричарда и на поле брани нашел корону Англии, он знал, что женится на принцессе, займет престол и положит начало новой династии.

— Но разве у нее было не больше прав на престол? Ведь она прямая наследница своего отца, короля Эдуарда, ее дядя погиб в бою, а братья умерли!

— Да. Она была старшей из принцесс.

— Так почему же она сама не села на трон?

— А ты бы села? Ах ты, мятежница! — рассмеялся Артур и поцеловал ее сладкие губы. — Нет, в Англии такое не проходит. Правящих королей у нас не бывает. Девочки не наследуют корону, они не могут занять престол.

— А если у короля только дочки?

Он пожал плечами:

— Это трагедия для страны. Тебе придется родить мне мальчишку, любовь моя. Иначе нельзя.

— А если будет только одна девочка?

— Она выйдет за принца, король назначит его консортом, и они будут править вместе. Как твоя матушка. Она правит наравне с мужем.

— В Арагоне — да, а в Кастилии это он правит наравне с ней. Кастилия — ее страна, а Арагон — его.

— Ну, в Англии на это никогда не пойдут, — сказал Артур.

Каталина возмущенно вскинула голову, причем притворялась только наполовину.

— Вот что я тебе скажу, дорогой мой! Если у нас родится только один ребенок и это будет девочка, то она станет королевой и будет править не хуже любого короля!

— Вот еще новости! Мы тут, знаешь ли, не верим, что королева сумеет защитить страну так, как положено королю!

— Сумеет! — горячо сказала она. — Ты бы видел мою матушку в доспехах! Я могу защитить страну. Я знаю!

С улыбкой он покачал головой:

— А если в страну вторгнется враг? Ты не сможешь командовать армией!

— Почему это не смогу? Смогу!

— Английские солдаты не станут подчиняться женщине. Это немыслимо.

— Они станут подчиняться своему командиру, — вспыхнула Каталина. — А если не станут, значит, их плохо выучили!

Он рассмеялся.

— На самом деле главное — выиграть сражение, — уже мягче продолжила Каталина. — Главное — защитить страну. Не важно, кто во главе армии. Главное, чтобы армия подчинялась.

— Ну, хорошо. Как бы то ни было, моей матушке даже в голову не пришло претендовать на трон. Она вышла замуж за моего отца и стала королевой Англии по праву его супруги. Таким образом, план моей бабки удался. Отец получил трон, завоевав его, а к нам он перейдет по наследству.

Каталина кивнула:

— Матушка говорит, это полдела — занять трон. Главное — его удержать.

— Мы удержим, — уверенно сказал он. — Мы сделаем из Англии великую страну, ты и я. Построим дороги и рынки, церкви и школы. По береговой линии поставим кольцо крепостей, выстроим корабли.

— Установим правосудие, как у нас в Испании, — подхватила Каталина, с удовольствием переходя к теме, по которой у них не было никаких разногласий. — Чтобы ни один человек не смел жестоко обращаться с другим, чтобы каждый знал, что может пойти в суд и его там услышат.

Он поднял кубок, салютуя.

— Знаешь, пора нам это все записать. И подумать о том, как приступить к делу, чтобы наши планы сбылись.

— Пройдут годы и годы, прежде чем мы взойдем на престол.

— Кто знает! Упаси Бог, я высоко чту родителей и не хочу власти раньше, чем сочтет нужным Господь. Но когда-то, со временем, мы с тобой станем королем и королевой, и отчего нам наперед не обдумать, кто войдет в круг наших придворных, кого мы изберем себе в советники, как сделать эту страну истинно великой державой. Если это мечты, то мы можем, как сейчас, по ночам обсуждать их. Но если это план, следует записать его днем, предложить на обсуждение, спросить совета, подумать, как воплотить в жизнь.

— Может, мы можем делать это после того, как окончатся наши дневные уроки? — схватилась за эту мысль Каталина. — Может, нам помогут? Твой наставник, к примеру, и мой исповедник?

— И еще мои советники, — прибавил он. — А начать можно здесь, в Уэльсе. Это ведь мои владения, и я вправе затевать всякие начинания — в разумных пределах, конечно. Можно, к примеру, построить несколько школ. Можно даже дать заказ на строительство корабля. В Уэльсе есть верфи, отчего не построить здесь оборонительные суда?

Как девочка, она захлопала в ладоши, воскликнув:

— Можно начать здесь наше правление!

— Да здравствует Каталина, королева Англии! — весело подхватил он, но при звуке этих слов сделался серьезным. — Знаешь, любовь моя, тебе предстоит часто это слышать. *Vivat! Vivat Catalina Regina!*

Это захватывающе интересно — придумывать, какую страну мы создадим, какими правителями станем. Это как приключение. Естественно, на ум нам приходит Камелот. Дома книга о рыцарях Круглого стола была в числе самых моих любимых, зачитанный ее экземпляр я нашла и в Англии, в библиотеке короля Генриха.

Я знаю, что история про Камелот — всего лишь выдумка, такая же идеальная и неправдоподобная, как о влюбленных трубадурах, о сказочных замках, о разбойниках, сокровищах и джиннах. Но есть что-то непреодолимо заманчивое в мысли о том, что можно править, опираясь на справедливость, на доверие людей. Это больше чем просто сказка.

Мы с Артуром унаследуем огромную власть, его отец позаботился об этом. Унаследуем при полном согласии народа, который короля если не любит, то уважает, и уж точно никто здесь не хочет возврата к бесконечной распре. В англичанах укоренился непреодолимый страх перед гражданской войной. Если мы взойдем на трон, отчего бы не сделать Англию великой страной...

Эта великая страна будет союзницей Испании. Наследник моих родителей — сын Хуаны, Карл. Он будет императором Священной Римской империи и королем Испании. Он мой племянник, мы будем дружить как родственники. Это будет сильный союз — Испания и

Англия. Никто не сможет нам противостоять, мы поделим между собой Францию и большую часть Европы. А потом мы выступим против мавров, поборем их, и перед нами откроется весь Восток: Персия, Оттоманская империя, Индия, даже Китай...

Порядок жизни в замке переменился. Солнце повернуло на весну, и юные принц с принцессой устроили в комнатах ее высочества кабинет, подтащили большой стол ближе к окну, в которое светили закатные лучи, развесили по стенам карты Уэльса.

— Такое впечатление, что вы затеваете военную кампанию, — смеющимся голосом сказала леди Маргарет Пол.

— Принцессе лучше бы отдохнуть, — не обращаясь ни к кому в отдельности, неодобрительно молвила донья Эльвира.

— Что, ваше высочество нездоровы? — быстро спросила леди Маргарет.

Каталина с улыбкой потрясла головой, она уже привыкла к тому, что ее самочувствие вызывает повышенный интерес. Покуда она не сможет сказать, что носит под сердцем наследника Англии, не будет ей покоя от людей, заботливо осведомляющихся, как она себя чувствует.

— Я не устала, — сказала она. — И завтра, если вы не против, мне бы хотелось проехать, взглянуть на поля.

— Поля? — изумилась леди Маргарет. — В марте? Пахать начнут не раньше чем через две недели. Да там сейчас и смотреть не на что!

— Мне нужно учиться, — пояснила принцесса. — Там, откуда я родом, летом такая сушь, что приходится копать канавы, чтобы доставлять воду от каналов к корням растений. Когда мы ехали сюда и я увидела дренажные канавы на ваших полях, я была так невежественна, что решила, будто они для того, чтобы доставлять воду! — И рассмеялась при этом воспоминании. — А потом принц сказал мне, что они, напротив, отводят воду с полей. Я поверить этому не могла! Так что лучше давайте съездим, и вы мне все расскажете.

— Королеве не обязательно рыскать по полям, — проворчала донья Эльвира. — С какой стати ей знать, что выращивают крестьяне?

— Королева должна знать все, что происходит в стране, — сердито ответила Каталина. — Как иначе ей править?

— Уверена, что вы станете отличной королевой Англии, — примирительно сказала леди Маргарет.

Каталина просияла.

— Я буду очень стараться, — кивнула она. — Стану заботиться о бедных, помогать церкви, а если мы вступим в войну, буду сражаться за Англию так же, как моя матушка сражалась за Испанию.

Планируя наше с Артуром будущее, я позабыла свою тоску по родине. Каждый день мы придумываем, что и как можно улучшить, какие законы принять. Читаем книги по философии и политической истории, обсуждаем, можно ли доверить людям свободу, следует королю быть добрым тираном или он должен отказаться от власти. Мы говорим о моей родине, о моих родителях, которые считают, что страна зиждется на одной церкви, одном языке, одном законе. Однако вдруг правы были мавры, полагавшие, что можно создать страну на основе одного закона, но при многобожии и многоязычии, верившие, что людям хватит здравого смысла выбрать лучшее.

Мы ссоримся, спорим. Иногда хохочем, порой дуемся друг на друга. Но всегда Артур — мой любимый, мой муж, а теперь еще и мой друг.

В маленьком садике замка Ладлоу, устроенном вдоль восточной стены, где на аккуратных грядках росли травы для поварских нужд и целебные растения леди Маргарет, Каталина беседовала с одним из садовников. Артур заметил ее, возвращаясь с исповеди из круглой часовни. Он свернул к садику и, подойдя ближе, понял, что она, помогая себе жестами, пытается втолковать что-то садовнику. Артур улыбнулся.

— Ваше высочество! — склонился он перед ней в формальном поклоне.

Она сделала низкий реверанс, радостно глядя ему прямо в лицо:

— Сир!

Садовник шлепнулся на колени прямо в грязь.

— Можешь встать, — разрешил принц и повернулся к жене: — Что-то я сомневаюсь, милая принцесса, что в это время года вам удастся отыскать здесь красивые цветы...

— Я пытаюсь сказать ему, что хорошо было бы вырастить салат, — ответила она. — Но он ничего не понимает!

— И я тоже не понимаю. Что такое салат?

— Moretum, — подумав, сказала она по-латыни. — Салат.

— Да что же это такое?

— Это растения, которые растут в земле. Их можно есть сразу, сырыми, — пояснила Каталина. — Я хотела попросить садовника посадить салат для меня.

— Вы едите растения сырыми? Не варите?

— Конечно. Отчего ж нет?

— Оттого, что в нашей стране, если есть еду сырой, непременно заболеешь!

— Но ты же ешь яблоки!

— Как правило, все-таки вареные или сушеные, — помотал он головой. — И потом, это ведь плод, а не листья. А какой именно овощ ты бы хотела вырастить?

— Латук-салат, — сказала она.

— Латук? Никогда о таком не слышал!

— Я знаю, — вздохнула она. — Тут, кажется, никто не слышал об овощах. Латук похож на... — Она стала рыться в памяти, вспоминая название того вареного месива, которое им как-то подали на ужин в Гринвиче. — Критмум! Морской укроп! Из того, что вы едите, это ближе всего к латуку. Но латук едят сырым, он хрустящий и сладкий.

— Овощ? Хрустит?

— Да, — терпеливо сказала она.

— И у вас в Испании это едят?

Она едва не расхохоталась, такое отвращение было написано у него на лице.

— Да. И тебе тоже понравится!

— И что, это можно выращивать здесь?

— Думаю, он как раз пытается объяснить мне, что нет, нельзя. Он о таком никогда не слышал. У него нет семян. Он не знает, где найти семена. Он не думает, что они взойдут здесь. — И она подняла глаза на голубое небо, усеянное рваными дождевыми тучами. — И наверно, он прав, — с тяжким вздохом добавила она. — Думаю, латук любит солнце.

Артур повернулся к садовнику:

— Ты когда-нибудь слышал о растении по имени «латук»?

— Нет, ваша милость, — кланяясь, сказал тот. — Сожалею, ваша милость. Наверно, это испанское растение. Звучит не по-нашему. А

что, ее королевское высочество говорит, они там едят траву? Как наши овцы?

У Артура дрогнула губа, но он сдержался.

— Нет, думаю, это растение лекарственное, но я спрошу.

Он повернулся к Каталине и взял ее за руку.

— Знаешь, летом тут иногда бывает солнечно и даже жарко. Так жарко, что приходится прятаться в тень. Правда!

Она недоверчиво окинула взглядом раскисшую землю и наливающиеся чернотой тучи.

— Нет, не сейчас, — оценил он ее скепсис. — Летом. Бывает, эта стена так нагревается, что не прикоснуться. Поверь, мы выращиваем здесь клубнику, малину и персики. Все, что растет у вас в Испании.

— Неужели все? И апельсины?

— Почему нет? — с апломбом признал он.

— Лимоны? Оливки?

— Конечно!

— Финики?

— В Корнуолле, — ответил он с каменным лицом. — Там, в Корнуолле, еще теплее...

— Сахарный тростник? Рис? Ананасы?

Артур хотел было сказать «да», продолжить игру, но не выдержал, расхохотался, и Каталина тоже согнулась от смеха и приникла к нему.

Когда они отсмеялись, он оглядел внутренний двор крепости:

— Пойдем-ка мы с тобой погуляем, пока нас не хватились, — и с этими словами повел ее вниз по ступенькам к стене, где спрятались небольшие воротца для вылазок.

Узкая тропа по склону холма сбегала от замка к реке. Несколько овец при их приближении разбрелись, пастушок лениво махал хворостиной, бредя следом. Артур обнял жену за талию, и они пошли нога в ногу.

— На самом деле мы растим персики, — говорил он, — а все другое, что ты называла, конечно, нет. Но твой латук, какой он там есть, я уверен, здесь вырастет. Только и нужно, что садовник, который привезет семена и уже имеет опыт выращивания этих чудес. Отчего бы не написать вашему садовнику в Альгамбру и не попросить его прислать тебе кого-нибудь?

— Я что, могу послать за садовником? — недоверчиво переспросила она.

— Любовь моя, ты же будущая королева Англии! Пошли хоть за батальоном садовников!

— Нет, правда?

Он счастливо рассмеялся, на нее глядя.

— Ах, это просто чудесно! Но где мы устроим сад? Там, у стены, совсем нет места, и если мы хотим выращивать фрукты и овощи...

— Да ты же принцесса Уэльская! Можешь устраивать свой сад, где твоей душеньке угодно! Забери под это хоть весь Кент, если хочешь!

— Кент?

— Там растут яблони и хмель. Я думаю, можно попробовать и латук...

— Надо же, мне и в голову не приходило послать за садовником! — смеялась от счастья Каталина. — Вот если б мне хватило ума привезти его сразу! Столько никчемных камеристок и ни одного садовника!

— Можешь обменять его на донью Эльвиру.

Она расхохоталась еще пуще.

— О, господи, вот счастье! — просто сказал он. — Как я тебя люблю! У тебя будет все, что ни попросишь, всегда. Я обещаю.

— Я напишу Хуане, — решила она. — В Нидерланды. Ее тоже, как и меня, занесло на север христианского мира. Она должна знать, что растет при здешних погодах. Пусть поделится опытом.

— И тогда мы попробуем твой латук! — Артур галантно поцеловал кончики ее пальцев. — Будем есть его целыми днями, как овцы, которые щиплют траву...

— Расскажи мне историю.

— Нет, теперь твоя очередь.

— Хорошо, но сначала расскажи еще раз, как пала Гранада.

— Расскажу, только прежде объясни мне кое-что.

Он переменил позу, сам лег поудобней и ее уложил головой себе на плечо. Щекой она чувствовала, как мерно вздымается его гладкая грудь, слышала ровное биение его сердца.

— Я тебе все-все объясню, — с улыбкой в голосе сказал он. — Я сегодня необыкновенно мудр. Ты бы слышала, как я нынче после ужина вершил суд!

— Ты такой справедливый, — признала она, — мне нравится, как ты рассуждаешь...

— Ни дать ни взять Соломон. Меня нарекут Артур Добрый...

— Артур Мудрый!

— Артур Великолепный!

Каталина хихикнула.

— Но сначала поясни кое-что, что я слышала о твоей матушке.

— Да?

— Одна придворная дама, из англичанок, рассказала, что королева была обручена с тираном Ричардом. Мы говорили по-французски, и, может быть, я что-то недопоняла.

— А, ты об этом... — мотнул он головой.

— Так это правда? Я тебя не обидела?

— Нет-нет, что ты. Слухи не утихают.

— Так это было или не было?

— Кто знает? Только матушка и Ричард могли бы сказать наверняка. Однако Ричард мертв, а матушка хранит молчание.

— Расскажешь? — робко попросила она. — Или об этом лучше не говорить?

Он повел плечом.

— Ну, есть две версии, одна — официальная, вторая — нет. Согласно первой, моя бабка с дочерьми скрылись в монастыре. Выйти оттуда они не могли, потому, что их сразу бы арестовали. Ричард заточил бы их в Тауэр, как сделал уже с младшими принцами. Люди не знали, живы ли принцы, но, поскольку никто их не видел, предполагали, что нет. Моя матушка, тогда она звалась Елизавета Йоркская^[14], написала моему отцу, — ну, то есть моя бабка заставила ее ему написать, — просила прийти в Англию с войском, спасти ее, они поженятся, и тогда Ланкастеры породнятся с Йорками, ну, ты знаешь...

— Да, ты уже рассказывал. Это отличная история. А другая версия?

Не выдержав, он хмыкнул:

— Ну, она довольно скандальная. Поговаривают, вовсе не в монастыре они были, а прибыли во дворец. Супруга короля Ричарда умерла, он искал себе другую жену. Матушка приняла его предложение. Согласилась выйти за своего дядю, тирана, человека, который убил ее братьев... [15]

— Не может быть! — вскрикнула Каталина и в ужасе зажала себе рот.

— Во всяком случае, так говорят. И будто бы было даже еще хуже. Будто бы они с Ричардом сговорились, еще когда жена его была жива, лежала на смертном ложе. Вот, дескать, почему такая неприязнь между королевой и миледи матушкой короля. Моя бабка не доверяет матушке, но никогда не признается почему.

— Как она могла? — недоумевала Каталина.

— А что ей было делать? — возразил Артур. — Встань на ее место: она принцесса Йоркская, отец мертв, мать — враг короля, скрывается в убежище, которое все равно, что тюрьма, не лучше Тауэра. Хочешь жить — ищи милости короля. Хочешь, чтобы в тебе видели принцессу, — добивайся его признания. Хочешь быть королевой Англии — отдай ему свою руку.

— Но разве она не могла... — начала было Каталина и смолкла.

— Нет, — покачал он головой. — Неужели ты не видишь? Другого выбора у нее не было. Хочешь жить — подчинишься королю. Хочешь стать королевой — выйди за него замуж.

— Она могла собрать армию и повести ее за собой!

— Это ты о себе говоришь! Матушка — она другая. И потом, это же Англия...

Каталина помолчала.

— Какое счастье, что мне, дабы стать королевой, пришлось выйти за тебя!

— И, слава Богу, мы довольны нашей судьбой! — подхватил он. — Потому что нам так и так пришлось бы жениться, и ты стала бы королевой независимо от того, нравлюсь я тебе или нет, верно?

— Да уж, — согласилась она. — У принцесс выбор весьма ограничен. Но скажи, вот твоя бабушка, миледи матушка короля, сама придумала устроить этот брак. Отчего ж потом она не простила королеву Елизавету? Она ведь сама все затеяла и знала, с кем имеет дело...

— Возможно, дело в том, что когда-то моя бабка по матери считалась самой одиозной женщиной в Англии.

— А где она сейчас?

Он пожал плечами:

— Некоторое время была при дворе. В молодости признания была красавица, кстати, та еще интриганка. Миледи матушка короля обвинила ее в плетении заговоров против отца, и отец предпочел ей поверить.

— Но ведь ее не убили? Не казнили?

— Нет. Просто отправили в монастырь, и при дворе она больше не бывает.

Каталина была ошеломлена:

— Одна твоя бабка заточила другую, мать королевы, в монастырь?!

Артур мрачно кивнул:

— Именно так. И пусть это будет тебе уроком, любовь моя. Миледи матушка короля не потерпит при дворе никого, кто вздумает покуситься на ее власть. Смотри не переходи ей дорогу!

— Да ни за что! Я боюсь ее до смерти!

— Я тоже! — расхохотался он. — И предупреждаю тебя, она не остановится ни перед чем, чтобы укрепить власть своего сына и своей семьи. Перед этим все меркнет. Она считается только с сыном. Не любит ни меня, ни своих мужей, никого — только его одного.

— Тебя не любит?!

Он покачал головой.

— Она и его-то не любит, в том смысле, какой в это слово вкладываешь ты. Он — это тот мальчик, который, по ее мнению, был рожден стать королем. Почти в младенчестве она отослала его от себя, ради его безопасности. Проследила, чтобы он не умер в детстве. Позаботилась, чтобы возмужал и потребовал себе трон. Она может любить только короля. Ну, хватит об этом. Ты должна спеть мне свою песню.

— Которую?

— А есть еще одна про падение Гранады?

— Да их десятки, я думаю.

— Спой какую-нибудь, — скомандовал он.

Подсунул себе под спину еще пару подушек, а Каталина встала перед ним на колени, тряхнула головой, откидывая назад массу рыжих волос, и тихо, сладко запела:

Плач стоял над Гранадой, когда солнце садилось.
Кто-то взывал к Троице, кто-то Аллаху молился,
Тут раскрывали Коран, там обнимали крест,
Церковный колокол и маврский горн звучали окрест.
Te Deum Laudamus! — лилась песнь над Альгамой,
Оземь летели полумесяцы с минаретов Альгамбры,
Возносили гербы Арагона, прославляли Кастильи
мощь...
Один король — победитель, другой, плача, уходит
прочь.

Артур долго молчал. Она улеглась рядом с ним, уставилась в вышитый балдахин над кроватью.

— Так всегда и бывает, верно? — заметил он. — Восхождение одного означает падение другого. Я буду королем, но только после того, как умрет мой отец. И с моей смертью взойдет на престол мой сын.

— Как мы его назовем? Артур? Или в честь твоего отца Генрихом?

— Артур — хорошее имя, — сказал он. — Отличное имя для новой королевской династии. Артур правил в Камелоте, я буду править в Англии. Зачем нам еще один Генрих? Довольно моего брата. Давай назовем его Артур, а его старшая сестра будет Мария.

— Мария? А я хотела назвать ее Изабеллой, как мою мать.

— Следующую назовем Изабеллой. Но наш первенец будет Мария.

— Первым будет Артур!

Он потряс головой:

— Сначала Мария, чтобы мы освоились с девочкой.

— Что значит «освоились»?

— Ну, все это. — Он повел рукой. — Крещение, роды, кормилица, колыбельки... Вся эта суета. Моя бабка написала целую книгу про то,

как и что полагается делать. Ужасно сложно. И если сначала появится Мария, мы поймем, как лучше устроить хорошую детскую, и, когда в следующий заход ты родишь сына и наследника, уложим его в уже готовую колыбельку.

Привстав на локоть, она повернулась к нему в шутливом негодовании:

— А, так ты намерен учиться быть отцом на моей дочери!

— Ну, ты же не хочешь, ничего еще не умея, начать сразу с сына! Он будет роза из роз Англии. Ты будешь с великим почтением обращаться с моим бутончиком, моим цветочком...

— Ну, тогда она будет Изабелла. Раз она будет первая!

— Мария, в честь Царицы Небесной.

— Изабелла, в честь королевы Испанской.

— Мария, в благодарность за то, что ты дана мне. Дар небес.

Каталина приникла к нему.

— Изабелла, — сказала она прямо ему в поцелуй.

— Мария, — шепнул он прямо ей в ухо. — И давай-ка сейчас ее сделаем.

Рассвет. Я уже не сплю. Мало-помалу распеваются птицы. Сквозь оконную решетку виден клочок голубого неба. Может, выдастся теплый денек. Может, наконец, пришло лето.

Рядом со мной ровно дышит во сне Артур. Мое сердце полнится любовью к нему. Ласково касаюсь его кудрей. Любопытно, любила ли когда-нибудь женщина мужчину так, как его люблю я. Вторую руку я кладу себе на живот. Что, если там уже таится дитя, принцесса Мария, роза Англии?

Слышу, как ходит прислуга в моей передней, приносит дрова разжечь камин, выметает вчерашнюю золу. Артур спит как ни в чем не бывало. Я нежно касаюсь его плеча.

— Вставай, соня! Слуги уже пришли, тебе пора!

Плечо у него холодное, влажное.

— Любовь моя, ты здоров?

Открывает глаза, улыбается:

— Что, неужели утро? Что-то я так устал, что проспал бы еще целый день...

— Вставай-вставай!

— Ох, что ж ты не разбудила меня раньше! Я так люблю тебя, а уже утро, и мы встретимся только вечером!

— Не мучь меня. Я тоже проспала. Мы очень поздно уснули, а теперь тебе нужно идти.

Он прижимает меня так, словно не в силах от меня оторваться, но я слышу шаги постельничего, сейчас тот принесет горячей воды. Я делаю попытку встать. Это словно сорвать с себя кожу. Внезапно до меня доходит, как горячо его тело, как сбиты простыни.

— Ты весь горишь!

— Это от желания, — улыбается он. — Придется пойти на мессу, остудиться.

Он встает с постели, набрасывает плащ на плечи. Его покачивает.

— Ты не заболел?

— Пустяки, слегка кружится голова, — отвечает он. — Ослабел от желания, и все ты виновата. Ну, увидимся в церкви. Молись за меня, душа моя.

Я тоже вскакиваю, отодвигаю задвижку с дверцы, ведущей на укрепления. Нетвердым шагом он спускается по каменным ступенькам. Выйдя на воздух, распрямляет плечи. Быстро оглядываю комнату. Нет, никто не узнает, что он был здесь. Через мгновение слышу стук в дверь. Это донья Эльвира в сопровождении камеристки, а за ней две служанки, одна с кувшином горячей воды, вторая с платьем, которое я сегодня надену.

— Долго спите, ваше высочество, переутомились, похоже, — с неудовольствием замечает донья Эльвира, однако я настроена так мирно, что не снисхожу до ответа.

В церкви они не более чем обменялись взглядом. После мессы Артур поехал кататься, а Каталина, позавтракав, отправилась к своему исповеднику. Сидя перед окном, они читали вслух послания святого Павла.

Каталина уже закрыла книгу, когда вошла леди Маргарет Пол.

— Принц просит вас прийти к нему в комнаты, — сказала та.

— Что-то случилось? — тут же поднялась Каталина.

— Боюсь, его высочество нездоров. Всех, кроме ближайших слуг, отослал прочь.

Сопровождаемая доньей Эльвирой и леди Маргарет, Каталина проследовала в гостиную принца, как всегда переполненную просителями и любопытными, и сквозь расступившуюся толпу прошла к двойным дверям, ведущим в его личные апартаменты. Артур, очень бледный, сидел в кресле у камина. Донья Эльвира и леди Маргарет остались у двери, а Каталина стремительно приблизилась к мужу:

— Что стряслось, любовь моя?

Он с усилием улыбнулся:

— Думаю, небольшая простуда. Не подходи ближе, я не хочу, чтобы ты заразилась.

— У тебя жар? — осторожно спросила она с мыслью о потливой лихорадке, которая является с жаром и уходит, забрав с собой жизнь.

— Нет, знобит.

— И неудивительно, в этой стране — всегда либо снег, либо дождь!

Он опять вымученно улыбнулся:

— Леди Маргарет, нужно послать за врачом!

— Уже послали, ваше высочество, — ответила та.

— Прошу вас не поднимать суматохи, — сердито сказал принц. — Просто я хотел поставить вас в известность, принцесса, что не смогу с вами поужинать.

Они встретились глазами. «Как нам побыть вдвоем?» — спрашивал взгляд.

— А нельзя ли нам сделать это здесь? — спросила Каталина. — Мы же можем поесть вдвоем, раз вы неважно себя чувствуете?

— Отличная мысль, — одобрил он.

— Соблаговолите сначала принять доктора, ваше высочество, — посоветовала леди Маргарет. — Пусть он скажет, что вам можно есть и безопасно ли принцессе находиться рядом с вами.

— Принц не болен! — убежденно сказала Каталина. — Он просто устал! Это все из-за холода... или сырости. Вчера было прохладно, а он полдня катался верхом!

Раздался стук в дверь, и следом голос:

— Ваше высочество, прибыл доктор Бирворт!

Артур жестом приказал впустить доктора.

— У его высочества озноб и слабость, — взволнованно кинулась к врачу Каталина, щебеча по-французски. — Он болен, да? Я так не думаю. А что думаете вы, доктор?

Лекарь низко поклонился сначала ей и Артуру, потом леди Маргарет и донье Эльвире.

— Прошу прощения, я не понимаю, — смущенно сказал он по-английски, обращаясь к леди Пол. — Что изволит спрашивать ее высочество?

В отчаянии стиснув руки, Каталина попробовала произнести то же по-английски:

— Принц...

Леди Маргарет пришла к ней на помощь.

— Принц нездоров, — сказала она.

— Могу я поговорить с его высочеством с глазу на глаз? — осведомился врач.

Артур кивнул, попытался подняться с кресла, пошатнулся. Врач поспешил поддержать его, и так, опираясь на его руку, Артур прошел к себе в опочивальню.

— Он не может быть болен, — по-испански сказала Каталина донье Эльвире. — Он прекрасно себя чувствовал прошлой ночью. Утром, правда, сказал, что ему жарковато, но это оттого, что он устал! А сейчас едва стоит на ногах! Нет, он не может быть болен!

— Отчего же не заболеть, когда вокруг такая сырость! — мрачно заметила дуэнья. — Чудо, что вы сами не простудились! Чудо, что мы вообще тут живы!

— Он не болен, — твердила Каталина. — Он просто переутомился. Очень много ездил вчера верхом. А было ветрено, и ветер холодный...

— Холодный и влажный ветер смертельно опасен...

— Прекратите! — прижала руки к ушам Каталина. — Больше ни слова! Он просто устал! Ну, может, простудился. Незачем каркать про смертельную опасность...

Леди Маргарет, выступив вперед, мягко коснулась ее руки.

— Потерпите, принцесса, — сказала она. — Доктор Бирворт хороший лекарь, он знает принца с детства. Принц — крепкий юноша, здоровье у него отличное. Беспокоиться не о чем. Если понадобится,

пошлем в Лондон за личным лекарем короля. Скоро все будет в порядке.

Каталина кивнула и села у окна. Небо клубилось тучами, солнце скрылось. Снова дождило. Каталина смотрела, как мелкие капли ползут вниз по стеклу окна, и старалась не думать о брате, который умер, не дождавшись рождения своего первенца, — проболел всего несколько дней и умер, и никто так и не сказал, что с ним случилось.

— Ничего подобного с нами не произойдет, — в страхе прошептала она. — Здесь совсем другое дело. Хуан всегда был хилый и слабенький, а Артур — нет, Артур сильный.

Доктор Бирворт пробыл в опочивальне, как показалось, нескончаемо долго, а когда, наконец, вышел, Артура с ним не было. Каталина, вскочившая с места, едва дверь распахнулась, увидела, что Артур, полураздетый, лежит на кровати и, похоже, спит.

— Предписываю постельный режим, — сказал врач. — Принц переутомился, отдых не повредит. Пусть его высочество уложат в постель, да так, чтобы не потревожить.

— Так он болен? — вмешалась Каталина, медленно говоря полатыни. — *Aegrotat?* Серьезно болен?

Лекарь развел руками.

— Его лихорадит, — с трудом выговорил он по-французски. — Я приготовлю питье, чтобы жар спал.

— Вам известна эта болезнь? — вполголоса спросила леди Маргарет. — Это ведь не потливая лихорадка, верно?

— Упаси нас Господь, нет. И в городе, насколько я знаю, подобных случаев нет. Настоятельно рекомендую полный покой и сон. Я сейчас пойду, приготовлю лекарство и сразу вернусь.

— Что он говорил? Что говорит? — не расслышав, волновалась рядом Каталина.

— Все то же, — успокоила ее леди Пол. — Что это не лихорадка и что нужен покой. Сейчас я распоряжусь, чтобы его раздели и уложили. Если станет лучше, вы сможете с ним поужинать. Ему будет приятно.

— А куда это доктор?.. Он должен остаться здесь и присматривать за принцем!

— Не волнуйтесь, ваше высочество. Приготовит снадобье и вернется. За принцем будет самый хороший уход, не сомневайтесь. Мы любим его так же, как вы.

— Это я знаю, просто... А доктор надолго ушел?

— Нет, он ведь знает, что нужен здесь. А потом, видите, принц спит. Сон — лучшее лекарство. Выспится и будет совсем здоров, и вы вместе поужинаете.

— Думаете, он поправится?

— Через несколько дней все пройдет, — уверила ее леди Пол.

— Я посижу с ним, пока он спит, ладно? — как маленькая, попросила Каталина.

Леди Маргарет, приоткрыв дверь, сделала знак свите принца, распорядилась, что следует делать, и, миновав толпу, повела принцессу к ее апартаментам.

— Пойдемте, ваше высочество. Погуляем немного во дворике, а потом я пойду, посмотрю, удобно ли устроили нашего принца.

— Нет, давайте вернемся, — возразила Каталина. — Я хочу подежурить там, пока он спит.

Леди Маргарет глянула на донью Эльвиру.

— Прошу прощения у вашего высочества, но разумнее соблюдать осторожность на тот случай, если окажется, что у принца все-таки лихорадка, — медленно произнесла она по-французски в расчете на то, что ее поймет донья Эльвира. — Не прощу себе, если с кем-то из вас что-то случится.

Донья Эльвира, поджав губы, вышла на шаг вперед. Леди Маргарет знала, что на дуэнью можно положиться.

— Но вы сказали, у него лишь небольшой жар! Значит, мне можно к нему!

— Давайте подождем, что скажет доктор, — понизила голос леди Маргарет. — Если вы понесли, дорогая принцесса, нам, ведь ни к чему, чтобы дитя заразилось, не так ли?

— Но я с ним поужинаю?!

— Если он будет в силах.

— Но он захочет меня увидеть!

— Не сомневаюсь, — улыбнулась леди Маргарет. — Полегчает ему — и непременно захочет. Проявите терпение, дорогая моя.

Каталина кивнула:

— Если я сейчас уйду, вы дадите мне слово, что будете рядом и не покинете его ни на минуту?

— Сделаем так: я немедля иду к нему, а вы прогуляетесь на свежем воздухе, а потом к себе — шить или читать. Хорошо?

— Хорошо! — как пай-девочка, послушно кивнула Каталина. — Я к себе, а вы к нему!

— Вот и отлично, — ласково улыбнулась ей леди Маргарет.

Этот садик — словно тюремный двор. Я хожу — круг за кругом, — а мелкий дождь моросит, осыпает слезами грядки с лечебными травами и все окрест. И в комнатах у меня не лучше, не выношу, когда там кто-то есть, и когда одна, тоже не выношу. Придворных выгнала в приемную, их трескотня раздражает, но одиночество тяготит. Так хочется, чтобы кто-то взял меня за руку и говорил, что все будет хорошо и Артур выздоровеет.

По узкой каменной лестнице спускаюсь к круглой часовне, где теплится огонек перед алтарем. Поглубже засовываю остывшие руки в рукава, обнимаю себя за плечи и хожу. Тридцать шесть шагов от двери до двери. Бреду, как ослик на привязи, и молюсь, но не знаю, слышит ли Бог мою молитву.

— Я Каталина, инфанта Испанская и принцесса Уэльская, — напоминаю себе. — Я Каталина, возлюбленная Господом, одаренная особой Его милостью. Со мной не может случиться плохого. Это Господня воля, чтобы я вышла замуж за Артура и объединила королевства испанское и английское. Бог не попустит, чтобы со мной случилось дурное или с Артуром. Я это знаю. Господь благоволит к нам с матушкой. Этот ужас послан мне в испытание. Нет-нет, я твердо знаю, ничего плохого случиться со мной не может...

Каталина маялась у себя в комнатах, каждый час посылая кого-нибудь справиться, не лучше ли стало ее супругу. Поначалу ей докладывали, что он еще спит, что доктор приготовил целебное питье и стоит в изголовье принца, дожидаясь его пробуждения. Позже, в три пополудни, сообщили, что больной проснулся, но жар не спал, а, напротив, усилился. Снадобье он принял, так что теперь следует ждать облегчения. Но в четыре ему сделалось хуже, и доктор предписал другое питье. Ужинать принц не будет, только выпьет немного эля да лекарства от лихорадки.

— Пойдите узнайте, могу ли с ним повидаться! — послала Каталина придворную даму-англичанку. — Поговорите с леди Маргарет. Она обещала, что я смогу с ним поужинать. Напомните ей.

Та пошла и вернулась мрачнее тучи.

— Положение ухудшилось, ваше высочество. Послали за королевским лекарем в Лондон. Доктор Бирворт недоумевает, почему жар никак не спадает. Там леди Маргарет, и сэр Пол, и сэр Уильям Томас, и сэр Генри Верной, и сэр Ричард Крофт... Все сидят в приемной, но вам туда нельзя... Говорят, принц бредит...

— Пойду, помолюсь, — решила Каталина, накинула покрывало на голову и снова направилась к часовне.

К ее неудовольствию, перед алтарем, низко склонив голову, молился духовник Артура, а вдоль стены понуро сидели представители городской знати. Каталина проскользнула в храм, опустилась на колени и, опершись подбородком на сплетенные пальцы рук, взгляделась в поникшие плечи священника, нет ли признаков, что его молитвы услышаны. Нет. Она прикрыла глаза.

«Господи милосердный, спаси Артура, спаси моего дорогого мужа. Он еще так молод! У нас совсем не было времени побыть вместе. Ты же знаешь, какое королевство мы создадим, если Ты его пожалеешь! Ты же знаешь, какие у нас планы, какой храм мы выстроим на этой земле, как устроим мавров, как защитим наши пределы от шотландцев. Господи милосердный, помилуй моего Артура, пусть он вернется ко мне! Позволь мне родить от него детей, доченьку Марию и сыночка Артура, который станет третьим римско-католическим королем из рода Тюдоров в Англии. Господи милосердный, спаси и помилуй его! Святая Дева Мария, моли Бога о нас! Добрый Иисус, помоги нам! Это я, Каталина, прошу об этом, прошу от себя и от имени матушки, Изабеллы Кастильской, которая всю жизнь верно служила Тебе, Господи! Ты любишь ее, и Ты любишь меня, я знаю! Молю Тебя, не покинь меня в вере!»

Стемнело, но Каталина молилась самозабвенно, не замечая бегущих минут. Очнулась она, когда донья Эльвира коснулась ее плеча:

— Инфанта, вам нужно подкрепиться и немного отдохнуть...

Каталина подняла к дуэнье бескровное лицо:

— Что слышно?

— Говорят, принцу хуже.

*«Господи милосердный, спаси его, спаси меня, спаси Англию.
Сделай так, чтобы он поправился...»*

Утром доложили, что ночь прошла спокойно, однако слуги вопреки тому поговаривали меж собой, будто дела плохи. Принц весь полыхает огнем, у него бред. Иногда ему кажется, что он в своей детской с сестрами и братом, иногда мнится ему венчание и сам он, весь в белом шелку, а иногда, и это самое чудное, он вроде бы бродит по этому дворцу испанских королей, как его там... Альгамбра? Бормочет про какой-то Миртовый дворик, про зеркало вод, в котором отражаются золотые строения, про то, как солнечным днем кружат над водой стрижи.

— Я должна его видеть, — в полдень заявила Каталина леди Пол.

— Ваше высочество, не исключено, что это потливая лихорадка. Не дай бог, подхватите эту заразу. Мой долг — беречь.

— Ваш долг — мне повиноваться! — вспыхнула Каталина.

Леди Пол, сама урожденная принцесса, не дрогнула.

— Мой долг — служить Англии, — сказала она. — И если вы носите наследника Тюдоров, мой долг — служить этому ребенку, равно как и вам. Не спорьте со мной, ваше высочество. Если угодно, можете взглянуть на его высочество, но на расстоянии. Не подходите близко к кровати.

— Ну, хорошо же, пойдете уже, наконец! — как маленькая, сказала Каталина. — Я только взгляну на него, и все!

Леди Маргарет поклонилась, и они направились к королевской опочивальне. Народу в приемной стало еще больше, чем раньше, поскольку по городу пронесся слух, что жизнь принца в опасности; люди стояли молча, так, словно все страшное уже случилось. Они молились за розу Англии. Признав Каталину, хотя ее лицо было скрыто под кружевной мантильей, некоторые посылали ей свое благословение. Один горожанин вышел вперед и преклонил перед ней колено.

— Благослови вас Господь, ваше высочество, — сказал он. — Даст Бог, поправится его высочество принц, и снизойдет на вас милость Божья!

— Аминь, — ледяными губами выговорила Каталина и пошла дальше.

Двойные двери во внутренние покои стояли настежь. В углу кабинета была устроена аптека: на столе стояли большие стеклянные банки, в которых держали разные целебные вещества, ступка с пестиком, весы, разделочная доска, — и рядом застыла группа людей в костюмах из грубого сукна, как полагается лекарям. Каталина огляделась, ища взглядом доктора Бирворта.

— Доктор!

Тот тотчас приблизился и опустился на одно колено. Лицо его было мрачно.

— Ваше высочество!

— Как здоровье моего мужа? — четко и медленно произнесла она по-французски.

— Сожалею, ему не лучше.

— Но и не хуже, верно? Он поправится?

Лекарь помотал головой.

— Il est très mal, — сказал он просто.

Каталина слышала его слова, но не могла уяснить себе их значение, словно забыла язык. Она повернулась к леди Маргарет:

— Он говорит, принцу лучше?

Та покачала головой:

— Говорит, хуже, ваше высочество.

— Но у них есть чем ему помочь? Есть лекарства? — И, обратясь к лекарю, повторила то же по-французски.

Тот указал на заставленный аптекарской утварью столик у него за спиной.

— Ах, если б у нас был здесь арабский лекарь! — вскричала Каталина. — Мавры — величайшие медики, им нет равных! У них были лучшие медицинские школы до того, как... Ах, если б я только догадалась привезти с собой доктора!

— Мы делаем все, что в наших силах, — сухо сказал доктор Бирворт.

Каталина попыталась улыбкой загладить свою резкость:

— Не сомневаюсь. Просто я очень испугана... Что ж! Могу я его повидать?

Леди Маргарет и лекарь обеспокоенно переглянулись.

— Взгляну, не спит ли его высочество, — сказал Бирворт и вошел в опочивальню.

Каталина терпеливо ждала. Не верилось, что только вчера утром он выскользнул из ее постели с упреком, что она не разбудила его раньше и они не успеют заняться любовью. А теперь он болен и нельзя даже коснуться его руки!

Доктор приотворил дверь.

— Соблаговолите остаться на пороге, ваше высочество, — сказал он. — Во имя вашего собственного здоровья и во имя ребенка, которого вы, возможно, носите в себе, остерегайтесь подходить ближе.

Каталина быстро прошла к двери. Леди Пол сунула ей в руку мешочек с ароматными травами. Каталина сразу поднесла его к носу. В полутемной комнате так остро пахло немочью, что слезились глаза.

Артур, в ночной рубашке, раскинулся на постели. Лицо его горело, светлые волосы потемнели, взмокли от пота. Он казался гораздо старше своих лет. Впалые щеки, глаза ввалились, подглазья черные.

— Ваша супруга пришла навестить вас, ваше высочество, — негромко произнес доктор Бирворт.

У Артура задрожали ресницы, он приподнял голову и сощурился, чтобы лучше разглядеть бледную от ужаса Каталину на фоне освещенного прямоугольника дверного проема.

— Любовь моя, — прошептал он. — Амо.

— Амо, — так же шепотом отозвалась она. — Мне не разрешают подойти ближе.

— Не подходи, — еле слышно сказал он. — Я люблю тебя.

— И я! — Изо всех сил она старалась не разреветься. — Ты поправишься?

Не в силах говорить, он покачал головой.

— Артур! — требовательно сказала она. — Ты должен поправиться!

Он бессильно откинулся на подушки:

— Я постараюсь, любимая. Буду стараться. Для тебя. Для нас.

— Может быть, ты чего-нибудь хочешь? Я могу что-то для тебя сделать? — Она огляделась вокруг.

Нет, ничего она не может. Нет ничего, что могло бы помочь. Вот если бы она привезла с собой арабского лекаря, если б ее родители не закрыли мавританские университеты, если бы церковь позволяла изучение медицины и не называла знание ересью...

— Я хочу только одного, — почти неслышно сказал он. — Жить с тобой.

Каталина подавила рыдание:

— А я — с тобой!

— Довольно, ваше высочество, принцу нужен отдых, — вмешался врач.

— Позвольте мне остаться! — шепотом закричала она. — Прошу вас! Умоляю! Позвольте мне побыть с ним!

Леди Маргарет, мягко обняв за талию, потянула ее от порога.

— Позже придете еще, ваше высочество, — пообещала она. — А сейчас пусть он поспит.

— Я вернусь! — крикнула Каталина в полумрак спальни и успела заметить легкое движение руки, сказавшее ей, что принц ее слышал. — Я буду рядом!

Она снова пошла в часовню молиться, но молитва не шла на ум. Перед ее глазами стояло его белое лицо на белых подушках. Они прожили вместе так мало дней и еще меньше ночей были любовниками... Они дали клятву, что будут вместе всю жизнь, в горе и радости, и вот она стоит на коленях и пытается молиться, чтобы он выжил...

Не может быть, только вчера еще он был здоров! Это какой-то страшный сон, ночной морок, еще минута — и я проснусь, он поцелует меня и скажет: «Глупенькая!» Так не бывает, чтоб человек был здоров, здоров и вдруг, ни с того, ни с сего, болен! Не может быть, чтобы в мгновение болезнь съела силу и красоту... Я скоро проснусь. На самом деле ничего этого нет. Молиться не получается, но это не важно, потому что на самом деле я сплю. Молитва во сне силы не имеет. И болезнь, которая снится, тоже вздор. Я не суеверная дурочка, чтобы верить снам. Я сейчас проснусь, и мы вместе посмеемся над моими страхами...

Когда колокол пробил, что пора ужинать, она поднялась с колен, окунула пальцы в святую воду, перекрестила себя и с еще влажным лбом направилась в покои принца. Донья Эльвира не отходила от нее ни на шаг.

Во всех комнатах толпился народ, людей еще больше прибавилось, и мужчин, и женщин. Никто не произносил ни звука. Перед принцессой все тихо расступались, давая дорогу. Не поднимая глаз, она прошла сквозь толпу, мимо стола с аптечной утварью, к самой двери опочивальни.

Стражник отступил в сторону. Каталина легонько постучалась и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

Лекари толпились вокруг кровати. Артур сильно кашлял — так, словно в горле его кипела вода.

— Madre de Dios, — пробормотала Каталина. — Матерь Божья, спаси его...

Доктор Бирворт услышал, обернулся. Лицо его было бледно.

— Держитесь подальше, ваше высочество! Это потливая лихорадка!

Донья Эльвира при этом устрашающем заявлении схватилась за юбку Каталины и сделала шаг назад, готовая оттащить ее от опасности.

— Отпустите меня! — Каталина вырвала платье из рук дуэньи и недрогнувшим голосом сказала: — Оставьте нас. Обещаю, что близко не подойду, но я должна с ним поговорить!

— Принцесса, он слишком слаб...

— Я сказала, уйдите!

Лекарь понял, что спорить с ней бесполезно. Низко опустив голову, он вышел из опочивальни, остальные за ним. Каталина сделала жест рукой, донья Эльвира отступила. Принцесса перешагнула порог и плотно прикрыла за собой дверь.

Артур протестующе застонал.

— Я не подойду, милый, — уверила она, — но нам необходимо поговорить!

Его лицо блестело от пота, мокрые пряди прилипли ко лбу, словно дождливым днем он вернулся с охоты. Круглое юное лицо осунулось, щеки ввалились. Болезнь высасывала из него жизнь.

— Ато, — жарко прошептал он почернелыми, растрескавшимися губами.

— Ато, — ответила она.

— Я умираю, — просто сказал он.

Она не прервала его, не возразила. Только выпрямила спину, сопротивляясь смертельному удару.

— Но ты... ты должна стать королевой Англии, — прерывисто выговорил он.

— Что?!

— Любовь моя, обещай мне! Ты дала клятву слушаться и подчиняться...

— Сделаю все, что скажешь.

— Выйди замуж за Гарри. Стань королевой. Роди наших детей.

— Что?! — У Каталины ноги подкосились и голова закружилась от шока. Она едва понимала, о чем он.

— Англии нужна великая королева, — медленно, внятно, почти по складам выговорил он. — Особенно если королем станет Гарри. Он в короли не годится. Ты должна его научить. Построй мои форты. Построй мой флот. Построй оборону против шотландцев. Роди мне дочь Марию. Роди сына Артура. Сделай так, чтобы я продолжал жить...

— Любовь моя...

— Послушай меня, — с видимым усилием шептал он. — Укрепи Англию, как я хотел... Сохрани ее для наших детей...

— Я твоя жена! — выкрикнула она. — Не его!

Он кивнул:

— Вот, я как раз об этом. Скажи им, что это не так.

— Я тебя не понимаю!

— Скажи им, я не смог этого сделать. Сделать тебя женщиной. Скажи им, я оказался бессилён. А потом выходи за Гарри.

Пошатнувшись, Каталина схватилась за ручку двери, чтобы не упасть.

— Да ты же его ненавидишь! Ты не можешь желать, чтобы я изменила тебе с Гарри! Он всего лишь ребенок! А потом, я люблю тебя...

— Послушай, он будет королем! Ты выйдешь за него и станешь королевой. Пожалуйста! Ради меня!

Дверь за спиной Каталины приоткрылась, и голос леди Маргарет произнес:

— Вы не должны утомлять его, принцесса...

— Мне нужно идти, — с отчаянием сказала Каталина, обращаясь к распростертому телу.

— Обещай мне...

— Я вернусь. Тебе станет лучше, и мы еще поговорим.

— Прошу тебя...

Леди Маргарет снова открыла дверь и взяла Каталину за руку.

— Ваше высочество... Умоляю вас... — тихо сказала она. — Ради его же блага, дайте ему отдохнуть...

Послушно повернувшись к двери, растерянная Каталина в последний миг обернулась и посмотрела на мужа. Жадно поймав ее взгляд, Артур слегка приподнял ладонь, лежавшую на парчовом одеяле.

— Обещай, — настойчиво сказал он. — Каталина. Прошу тебя. Ради меня. Обещай. Не сходя с этого места, обещай мне, любимая.

— Обещаю! — вырвалось у нее.

Со вздохом облегчения он уронил руку на постель.

Это были последние слова, которыми они обменялись.

Замок Ладлоу, 2 апреля 1502 года

Чуть позже шести, когда зазвонили к вечерне, исповедник Артура доктор Элденхем соборовал его, и вскоре Артур скончался. Все это время Каталина, поникнув головой, простояла на коленях у порога, пока ей не сказали, что отныне она вдова. Она стала вдовой в шестнадцать лет.

Леди Маргарет с одной стороны и донья Эльвира — с другой почти что волоком дотащили ее до спальни и уложили в постель. Каталина лежала на холодных простынях, тупо думая, что, сколько бы она ни ждала, не услышать ей его тихих шагов по наружной стене, осторожного стука в дверь. Никогда больше не распахнуть эту дверь, не броситься в его объятия. Никогда больше он не подхватит ее на руки, не прижмет к груди, как бы она этого ни ждала...

— Никогда! — беспомощно и безнадежно твердила она.

— Выпейте это, — велела ей леди Маргарет. — Это снотворное, доктор прислал. Поспите, я разбужу вас в полдень.

— Никогда!

— Ну же, ваше высочество, пейте!

Каталина послушалась, хотя питье оказалось горьким. Больше всего на свете ей хотелось уснуть и не просыпаться.

В ту ночь мне приснилось, что я стою на крыше высоких ворот, ведущих в Альгамбру. Над моей головой веют штандарты Кастилии и Арагона, хлопают на ветру, как паруса Колумбовых кораблей. Прикрыв ладонью глаза от слепящего осеннего солнца, я смотрю на просторы Гранады и наслаждаюсь незатейливой, знакомой их красотой: красноватая земля тут и там исчерчена тысячей узких каналов, питающих поля водой. Подо мной белостенный город; уже пять лет, как мы его взяли, но он по-прежнему выглядит как арабский: у каждого дома есть тенистый внутренний дворик, в центре которого плещется фонтан, в садах благоухают поздние розы, ветви деревьев клонятся под тяжестью плодов.

Меня ищут. «Где же инфанта?» — слышу я. И во сне отвечаю: «Я Катерина, королева Английская. Вот теперь мое имя».

Погребение Артура, принца Уэльского, состоялось в День святого Георгия, который считается первым принцем всей Англии, после непередаваемо мучительного путешествия из Ладлоу в Ворчестер, когда дождь лупил с такой силой, что погребальная процессия едва продвигалась. Дорогу затопило, прибрежные луга стояли по колени в воде, река Тим вздулась и неслась как бешеная, так что перейти ее вброд не удалось. Кони вязли в раскисших колеях, пришлось запрячь в телеги волов, и к тому времени, когда, наконец, дотащились до Ворчестера, плюмажи и черные покрывала на катафалке вымокли так, что были уже ни на что не похожи.

Сотни людей вышли на улицы проводить скорбный кортеж к кафедральному собору. Когда гроб опустили в склеп под хорами, облаченные должностями придворные переломили жезлы и бросили их обломки в могилу своего господина. Все было кончено не только для Артура. Все было кончено и для тех, кто ему служил. Рухнули надежды, связанные с молодым и многообещающим принцем. Казалось, все пропало и больше никогда не исправится.

Первый месяц траура Каталина не выходила из своих комнат. Любопытствующим леди Маргарет и донья Эльвира давали понять, что принцесса нездорова, но опасности для жизни нет. На деле же они опасались за ее рассудок. Нет, она не кричала, не плакала, не жаловалась на судьбу, не тосковала по матушке — просто лежала, ни слова не говоря, отвернувшись к стене. Каталина знала, что не смеет поддаваться слезам, потому что, начав, уже не сможет остановиться. Весь этот бесконечно долгий месяц она изо всех старалась держаться, чтобы не завопить от горя.

По утрам ее будили — она жаловалась на усталость. Ее одевали, как тряпичную куклу, — она вяло, недвижно сидела в кресле. Как только ей позволяли, снова ложилась в постель и лежала на спине, глядя на ярко вышитый балдахин, который когда-то видела глазами, полуприкрытыми в неге любви, и думала о том, что никогда больше Артур не уложит ее голову себе на плечо, никогда не услышит она биение его сердца.

Привели лекаря, доктора Бирворта, но при виде его у принцессы задрожали губы, заволоклись слезами глаза. Она отвернулась от него, быстрым шагом ушла в опочивальню и закрыла за собой дверь.

Невыносимо было видеть этого, с позволения сказать, врача, который позволил Артуру умереть, да и тех друзей, что бессильно наблюдали, как это случилось. Лучше бы они все умерли, а Артур остался бы с ней!

— Боюсь, ее высочество не в себе, — доверительно сказала доктору леди Маргарет, услышав, как щелкнула дверная задвижка. — Не разговаривает и даже совсем не плачет.

— А пищу принимает?

— Только если поставить перед ней и напомнить, что нужно есть.

— Пригласите кого-нибудь, хорошо ей знакомого, духовника например, пусть он ей почитает. Что-нибудь обнадеживающее.

— Она никого не хочет видеть.

— А не беременна ли она? — шепотом осмелился он задать тот вопрос, который неизменно волновал всех.

— Понятия не имею, доктор, — ответила леди Пол. — Ни слова не говорит.

— Ее высочество горюет по принцу, как горюет всякая молодая женщина по безвременно погибшему мужу. Что ж делать, пусть горюет, ваша светлость. Время лечит. Поедет ли она ко двору?

— Король приказал ехать, — вздохнула леди Маргарет. — И королева прислала письмо.

— Вот приедет туда, там суета, то, се, волей-неволей оправится, — философски сказал доктор. — Молодая еще совсем. Смирится. Молодые крепки сердцем. Да и на пользу ей пойдет уехать отсюда, где столько грустных воспоминаний. Если понадобится совет, зовите меня, ваша светлость, но навязывать принцессе свое присутствие я не стану. Бедное дитя!

Однако Каталина совсем не выглядит как дитя, подумала леди Маргарет. Скорее, похожа на статую, каменную аллегория скорби. Донья Эльвира одевает ее в новые траурные платья и убеждает садиться к окну, откуда видны зеленые кроны деревьев, кусты, покрытые майским цветением, залитые солнцем поля и поющие птицы. Лето пришло, как обещал Артур, теплое, но она не прогуливается вдоль реки с ним под руку, не приветствует стрижей, примчавшихся из Испании, не высаживает салатную зелень, не уговаривает его попробовать первые всходы. Лето пришло, солнце

светит, Каталина дышит, только вот Артур бездыханный лежит в темном склепе Ворчестерского собора.

Она сидела тихонько, сложив руки на коленях, покрытых черным траурным шелком, невидяще смотрела в окно, так плотно сжав губы, словно пыталась удержать рвущийся наружу поток слов.

— Ваше высочество, — осторожно начала леди Пол.

Медленно, неохотно повернулась к ней головка, укрытая тяжелым черным чепцом, раздался тусклый, безжизненный голосок:

— Слушаю вас, леди Маргарет.

— Мне нужно с вами поговорить.

Каталина наклонила голову.

Донья Эльвира неслышно отступила назад и покинула комнату.

— Дело касается вашего отъезда в Лондон. Его величество пишет, вас ждут при дворе.

В синих глазах Каталины ничто не дрогнуло, словно речь шла о доставке какого-нибудь пакета.

— Я не уверена, что вы в силах перенести это путешествие.

— Разве нельзя мне остаться здесь?

— Насколько я поняла, вы нужны королю. Мне грустно говорить вам об этом. В письме сказано, что вы можете оставаться здесь, пока не окрепнете достаточно, чтобы пуститься в дорогу.

— Что со мной будет? — с полным равнодушием осведомилась Каталина. — Я имею в виду, когда я приеду в Лондон?

— Не могу вам этого сказать, ваше высочество. — Урожденная принцесса не притворялась даже перед собой, что девушка королевской крови может распоряжаться своей судьбой. — Мне очень жаль. Мой муж получил приказ готовиться к вашему переезду.

— А как вы думаете, что может произойти? — чуть оживившись, спросила Каталина. — Когда умер португальский принц, супруг моей сестры, ее прислали домой. Она вернулась в Испанию.

— Вполне может стать, что и вас отошлют тоже.

Каталина отвернулась, невидяще посмотрела в окно. Леди Маргарет молча ждала.

— У принцессы Уэльской есть какой-нибудь дом в Лондоне? — спросила, наконец, Каталина. — Где я буду жить? В Бейнарде?

— Простите, ваше высочество, но вы больше не принцесса Уэльская, — начала леди Маргарет, собираясь продолжить, но тут

Каталина метнула в нее потемневший от гнева взор, и она запнулась. — Прошу прощения... Мне кажется, вы недопонимаете...

— Чего я недопонимаю? — наливаясь румянцем, переспросила Каталина.

— Не гневайтесь, принцесса...

— Принцесса? Какая же я теперь принцесса, если не Уэльская? — резко спросила Каталина.

Леди Маргарет сделала низкий реверанс и не поднялась из поклона.

— Какая? — вскрикнула Каталина, да так громко, что дверь приоткрылась и заглянула донья Эльвира, но, заметив, что ее госпожа, кипя от гнева, высится над леди Маргарет, которая склонилась в низком поклоне, снова прикрыла дверь.

— Вы принцесса Испанская, — тихо и внятно произнесла леди Маргарет.

Последовало молчание.

— Я принцесса Уэльская, — веско сказала Каталина. — Я была принцессой Уэльской всю мою жизнь.

— Теперь вы вдовствующая принцесса Уэльская, — не поднимаясь из поклона, взглянула ей в лицо леди Пол.

Каталина, ахнув, зажала рукой рот, чтобы сдержать крик боли.

— Прошу прощения, ваше высочество.

Каталина, не находя слов, трясла головой, кулачком зажимая стон.

— Вас будут называть вдовствующая принцесса, — с мрачным лицом продолжила леди Маргарет. — Это уважительный титул.

— Встаньте, леди Маргарет, — помолчав, сквозь зубы сказала Каталина. — Нет нужды стоять передо мной на коленях.

Та повиновалась, а затем продолжила:

— Мне написала также королева. Ее величество интересуется состоянием вашего здоровья. Не только в том смысле, хорошо ли вы себя чувствуете и в силах ли преодолеть путешествие, но и в том, не носите ли вы ребенка.

Каталина стиснула руки и снова отвернулась к окну, чтобы скрыть свое отчаяние.

— Если вы понесли и это мальчик, тогда он будет принцем Уэльским, а затем королем Англии, а вы станете миледи матушкой короля, — напомнила ей леди Маргарет.

— А если я не беременна?

— Тогда ваш титул будет вдовствующая принцесса, а принц Гарри станет принцем Уэльским.

— А что будет, когда король умрет?

— На престол взойдет принц Гарри.

— А я?

Леди Маргарет молча пожала плечами. «А вы будете почти что никем», — означал этот жест. Вслух же она сказала:

— Вы по-прежнему инфанта, — и криво улыбнулась. — И всегда ею останетесь.

— И следующей королевой Англии станет...

— Будущая жена принца Гарри.

Гнев испарился. Каталина подошла к очагу и крепко взялась руками за мраморную каминную доску. На решетке дотлевали поленья; слабое их тепло не проникало сквозь многослойные юбки ее траурного наряда. Она уставилась на голубоватый огонь, словно надеясь найти там объяснение тому, что с ней случилось.

— Я снова стану тем, кем была до трех лет, — медленно произнесла она. — Инфантой Испанской. Младенцем. Особой, не имеющей веса.

Леди Маргарет, чья королевская кровь была разбавлена браком с человеком, происхождение которого не шло ни в какое сравнение с ее собственным, дабы она не представляла угрозы для Тюдоров, кивнула:

— Вы же знаете, ваше высочество, женщина занимает то положение, которое занимает ее супруг. Это общее правило. Если у вас ни мужа, ни сына, у вас нет положения. Отнять нельзя только то, с чем вы рождены.

— Если я отправлюсь в Испанию вдовой, и меня выдадут за эрцгерцога, я стану эрцгерцогиня Каталина. И уж конечно, не быть мне королевой...

— Как и мне, — кивнула на это ее собеседница.

— Что значит — вам? — нарушив правила вежливости, удивилась Каталина.

— Осмелюсь напомнить, я принцесса из рода Плантагенетов, правивших в Англии в течение двухсот лет^[16], племянница короля Эдуарда и сестра Эдуарда Уорика, наследника престола короля Ричарда. Если б король Генрих проиграл битву на Босуортском поле,

на троне сейчас сидел бы король Ричард, мой брат был бы его наследником и принцем Уэльским, а я была бы принцесса Маргарита, кем и была рождена.

— А стали взамен леди Маргарет, женой смотрителя маленького замка, даже не его собственного, и даже не в Англии...

Леди Маргарет не обиделась на бестактность, простительную, по ее мнению, пережившей страшное потрясение принцессе, а сухим кивком подтвердила, что именно таков ее нынешний скромный статус.

— Но почему же вы не воспротивились? — гнула свое Каталина.

Леди Маргарет оглянулась, закрыта ли дверь, — удостовериться, что ее не услышит никто из придворных.

— Как я могла сопротивляться? — просто ответила она. — Моего брата заточили в Тауэр только за то, что он родился принцем. Откажись я выйти за сэра Ричарда, та же участь постигла бы и меня. Брат сложил свою бедную голову на плахе по той лишь причине, что носил свое родовое имя. Поскольку я женщина, у меня был шанс сменить свое. Так я и поступила.

— У вас был шанс стать королевой Англии! — воскликнула Каталина.

Леди Маргарет слегка нахмурилась — ее покоробил пафос, с каким это прозвучало.

— На все воля Божья, — просто сказала она. — Мой шанс, уж какой он там был, миновал. Ваш — тоже. Вам придется найти способ остаток своих дней прожить, не испытывая сожалений, инфанта.

Каталина слушала эти слова с лицом холодным и замкнутым.

— Я найду способ исполнить свое предназначение, — не сразу сказала она. — Ар... — начала было, но не сумела выговорить дорогое ей имя, — знаете, у нас как-то был разговор... В общем, непременно надо добиваться того, что принадлежит тебе по праву. Теперь я это поняла. Я знаю, в чем мой долг, и, как бы мне ни было тяжело, сумею выполнить Господню волю.

Леди Маргарет кивнула.

— А что, если Его воля в том, чтобы принять свою судьбу? В том, чтобы смириться?

— Нет, это не так, — твердо сказала Каталина.

Этого я никому не скажу. Никому не скажу, что в сердце своем я по-прежнему принцесса Уэльская и всегда ею буду, пока не увижу, как венчается мой сын и как коронуют мою невестку. Никому не скажу, что понимаю теперь слова Артура: что даже урожденной принцессе случается бороться за свой титул.

Я никому не сказала, беременна я или нет. Но сама-то я знаю. Мои дни миновали в апреле. Ребенка нет. Не будет у меня принцессы Марии, не будет принца Артура. Мой любимый умер, и ничего мне от него не осталось, и ребенка тоже.

Я буду молчать, хотя люди постоянно лезут с вопросами. Еще надо подумать, как поступить, как потребовать трон, на котором Артур хотел меня видеть. Подумать, как выполнить обещание, которое я дала ему у его смертного ложа. Как пустить в жизнь ту ложь, которую он надумал. Как сделать эту ложь убедительной, как обмануть самого короля и его хитроумную, зоркую мать.

Я дала обещание. Я его не нарушу. Он требовал, чтобы я дала слово, он сформулировал эту ложь, и я сказала «да». Я не подведу моего Артура. Это последнее, о чем он меня просил, и я выполню, что обещала. Я сделаю это для него. Я сделаю это ради нас.

«Любовь моя, если б ты только знал, как мне тебя не хватает...»

В Лондон Каталина отправилась в паланкине, занавеси которого были оторочены черным и плотно задернуты, — не хотела любоваться красотами вошедшего в полную силу лета. Каталина не видела, как, встречая процессию, мужчины, жители маленьких деревень, сдергивали с головы свои шапки, а женщины приседали. Не слышала сочувственных возгласов, сопровождающих трясущийся по пыльным улочкам паланкин: «Благослови тебя Господь, бедняжка!» Не знала, что все молодые женщины страны молились, чтобы их миновала страшная судьба хорошенькой испанской принцессы, проделавшей такой долгий путь к своей любви и потерявшей мужа всего пять месяцев спустя после свадьбы.

Но все-таки она не могла не заметить зеленый покров лета, набухающие колосья зерновых, отъевшийся на заливных лугах, ухоженный скот. Дорога уходила в лес — и под сенью ветвей трудно было не ощутить душистой прохлады. Стайки оленей только что были здесь — и уже исчезли в пятнистой тени; куковала кукушка,

выстукивал свою дробь дятел. Каталина ехала по прекрасной, обильной и плодородной земле и думала о том, как мечтал Артур защитить эту землю от шотландцев и мавров. О том, как хотел править лучше и справедливей, чем правили до него.

Всю дорогу она молчала. Не разговаривала с хозяевами замков, где процессия размещалась по пути; такую замкнутость объясняли обрушившимся на нее горем и искренне ей соболезновали. Не разговаривала со своей свитой, даже с Марией, в безмолвном сочувствии трусившей рядом с паланкином, даже с доньей Эльвирой, которая в это тяжкое время старалась, как могла, быть полезной своей госпоже: муж дуэньи занимался устройством ночлега, а сама она — провиантом, размещением свиты, но больше всего — самой Каталиной. Та же молчала и безропотно позволяла делать с собой все, что им вздумается.

Многие думали, что горюет она неумеренно, и, толкуя об этом меж собой, добросердечно выражали надежду, что время лечит — вот принцесса уедет к себе в Испанию, вступит в новый брак и забудет все печали. Никто не знал, что свое горе Каталина спрятала глубоко внутри и закрыла на замок. Скорбь подождет до поры, когда она сможет позволить себе роскошь погрузиться в нее. Трясаясь в носилках, она не плакала по Артуру. Она ломала голову, как осуществить его мечту. Как сдержать слово, которое в свой предсмертный час он у нее вырвал.

Мне надо быть умной. Проницательней и увертливей, чем даже король Генрих. Целеустремленней и самоуверенней, чем его мать. Не представляю, как я выстою лицом к лицу с этой парочкой. Однако я должна выстоять. Я дала слово, и у меня хватит сил лжесвидетельствовать. Я осуществлю задуманное Артуром. Англия получит такого правителя, как он хотел. И я сделаю его страну такой, какой он ее задумал.

Жаль, что невозможно взять с собой в Лондон леди Маргарет. Мне не хватает ее дружеских речей, ее выстраданной мудрости. Советам ее — склониться перед судьбой, смириться — я следовать не стану, но слышать их мне бы хотелось...

Принцесса и ее свита прибыли в замок Кройдон. Донья Эльвира привела Каталину в ее покои. На этот раз молодая женщина не отправилась прямиком в опочивальню, а осталась в просторной приемной.

— Достойные принцессы покои, — одобрительно произнесла дуэнья. — Ваше высочество, прибыл испанский посол. Сказать, что вы не принимаете?

— Я принимаю, — спокойно отозвалась Каталина. — Велите ему войти.

— Вы можете не делать этого, если не хотите...

— Я хочу. У него могут быть вести от матушки. Мне не повредил бы ее совет...

Поклонившись, дуэнья пошла за посланцем, которого нашла на галерее погруженным в беседу с отцом Алессандро, духовником Каталины. Донья Эльвира посмотрела на обоих с неодобрением. Духовник, высокий, темноволосый, видный мужчина, выглядел еще картинней рядом с маленьким доктором де Пуэбла. Тот обеими руками опирался на спинку стула, чтобы снять вес с увечной ноги и дать опору больному позвоночнику, а его красное личико сияло от возбуждения.

— Так она понесла? — шепотом спрашивал он. — Вы уверены?

— Дай Бог, чтобы наши желания осуществились. Ее высочество определенно питала надежды, когда мы в последний раз беседовали, — кивал духовник.

— Доктор де Пуэбла! — резко сказала дуэнья, неприятно пораженная доверительным тоном этой беседы. — Прошу следовать за мной. Принцесса изволит вас принять.

Тот, развернувшись навстречу, ответил ей самым любезным поклоном.

— Я чрезвычайно рад этому обстоятельству, дражайшая донья Эльвира!

Хромая, посол проследовал в приемную залу — богато украшенная перьями шляпа в руке на отлете, на маленькой физиономии гримаска формальной, дипломатической улыбки. У самых дверей, широко взмахнув шляпой, он сделал глубокий поклон и подошел ближе, насколько позволял этикет, внимательно вглядываясь в принцессу.

Его поразило, как сильно она изменилась за столь короткое время. Она приехала в Англию жизнерадостной, полной надежд девочкой, правда несколько избалованной в сказочно прекрасной Альгамбре. Путешествие в Англию стало для нее большим испытанием, и она горько жаловалась всю дорогу. В день своей свадьбы, стоя рядом с Артуром под приветственные крики толпы, она прелестно смущалась, краснела и неуверенно улыбалась.

Однако теперь перед ним стояла не девочка, а выкованная ударами судьбы зрелая женщина. Эта Каталина, похудевшая, побледневшая, исполнилась особой, духовной красоты. Даже дыхание перехватывает! Юная женщина с осанкой королевы. Горе сделало ее настоящей дочерью Изабеллы Кастильской. Собранный, спокойный, непреклонный. Оставалось надеяться, что она не станет осложнять ему жизнь.

Де Пуэбла улыбнулся с намерением ободрить ее и получил в ответ строгий, пронизательный взгляд без тени теплоты. Каталина опустила на деревянный стул с прямой спинкой, стоявший перед камином, жестом указав послу на стул пониже и в отдалении.

Еще раз поклонившись, он сел.

— У вас есть для меня послания?

— Выражения соболезнования, от короля и королевы Елизаветы, а также от миледи матушки короля. Разумеется, и сам я самым сердечным образом к ним присоединяюсь. Их величества приглашают вас ко двору, как только вы оправитесь от дороги и выйдете из траура.

— Как долго мне следует быть в трауре? — поинтересовалась Каталина.

— Миледи матушка короля указала, что строгий траур продолжается в течение месяца после похорон. Но, поскольку в это время вы были не при дворе, она постановила, что вы останетесь здесь, пока она не прикажет прибыть в Лондон. Кроме того, она беспокоится о вашем здоровье...

Он помолчал, надеясь услышать, что Каталина носит ребенка, но ответом ему было молчание.

Тогда он решился спросить напрямик:

— Инфанта...

— Вам следует называть меня «ваше высочество», — перебила его Каталина. — Я принцесса Уэльская.

Он помолчал, сбитый с толку, а потом внес поправку:

— Вдовствующая принцесса...

— Разумеется, — кивнула она. — Есть ли вести из Испании?

Он поклонился и протянул ей письмо, предварительно вытащив его из потайного кармана, вшитого в рукав. Она не выхватила это письмо, как по-детски сделала бы раньше, не стала тут же распечатывать и читать, а только кивнула головой, в знак благодарности.

— Не угодно ли вашему высочеству открыть письмо и прочесть? Не угодно ли на него ответить?

— Я пошлю за вами, когда напишу ответ, — коротко сказала она, ставя его на место.

— Как вам будет угодно, ваше высочество. — И, чтобы скрыть неудовольствие, принялся разглаживать складки на своих черных бархатных панталонах.

Разве подобает инфанте, подумал он, овдовев, распоряжаться в обстоятельствах, в которых раньше, будучи принцессой Уэльской, она вежливо обращалась с просьбой! Пожалуй, по зрелом размышлении, эта новая, более умудренная Каталина нравится ему меньше.

— А что слышно от их величеств из Испании? — осведомилась она. — Известен ли вам, доктор Пуэбла, их взгляд на сложившееся здесь положение?

— Прежде всего, могу сказать, ваше высочество, — сказал он, гадая, как много может ей открыть, — что королева Изабелла озабочена вашим здоровьем. Она поручила мне расспросить вас о вашем самочувствии и доложить ей.

Тень мелькнула по лицу принцессы.

— Я сама напишу моей матушке королеве.

— Она горит желанием знать... — начал он, имея в виду все тот же злободневный вопрос.

— Я доверюсь только моей матушке.

— Это вопрос первостатейной важности, ваше высочество, — сказал он без обиняков. — Не имея соответствующих сведений, мы не можем приступить к обсуждению вдовьей части наследства и прочих весьма важных вопросов.

Она не вспыхнула, как он опасался, только склонила голову и произнесла:

— Я сама напишу матушке, — давая понять, что не принимает его совет во внимание.

Стало понятно, что большего от нее не добиться. Ну, по крайней мере, священник полагает, она беременна, а уж тот-то должен знать. Король будет рад, что рождение наследника пока не исключено. Да и она сама ничего не опровергала, а из ее молчания, пожалуй, еще можно извлечь выгоду.

— В таком случае, ваше высочество, позвольте мне удалиться, — с поклоном поднялся он с места.

Она жестом дала понять, что не возражает, и отвернулась к камину, в котором и летом пылал огонь. Посол поклонился еще раз и, поскольку она на него не смотрела, воспользовался случаем присмотреться к ее фигуре. На расцвет ранних месяцев беременности не похоже, но женщины порой хуже всего переносят как раз их. Бледность может объясняться обычным утренним недомоганием. Нет, по виду ничего определенно не скажешь. Придется довериться мнению исповедника и передавать его с осторожностью.

Трясущимися руками я торопливо распечатываю письмо матери и сразу вижу, что оно совсем короткое, всего страничка.

— О, матре! — выдыхаю я.

Наверно, она торопилась, ей было некогда, но меня ранит, что она так немногословна. Знай она, как я жажду услышать ее голос, написала хотя бы вдвое длиннее! Господь свидетель, мне не справиться без ее поддержки. Мне всего шестнадцать с половиной. Мне нужна моя мать.

Я быстро проглядываю письмо. Потом, не веря своим глазам, читаю его еще раз.

Это отнюдь не то письмо, какое любящая мать написала бы дочери, только что потерявшей мужа. Это холодное, властное письмо, написанное королевой — принцессе. Оно полностью посвящено делу.

Мне велено оставаться в том доме, где меня поселят, пока не придут мои дни и не станет ясно, что я не беременна. Если все произойдет именно так, мне следует приказать доктору де Пуэбла потребовать долю наследства, которая причитается мне как вдовствующей принцессе Уэльской, а по получении полной суммы,

никак не раньше (это для пущей важности подчеркнуто), сесть на корабль и отплыть в Испанию.

Буде же Господь проявит свою милость и выяснится, что я понесла, то тогда мне предписывается уведомить доктора де Пуэбла, что остаток моего приданого будет выплачен наличными и немедленно, и пусть он договорится о содержании, полагающемся мне как вдовствующей принцессе Уэльской, мне же следует предаться отдохновению и уповать на то, чтобы родился мальчик.

Также мне велено немедленно написать матушке и сообщить ей о моих соображениях относительно ребенка. Помимо того, велено написать, как только дело прояснится, и, кроме того, довериться в этом вопросе доктору де Пуэбла и донье Эльвире.

Я медленно, тщательно складываю письмо, подгоняя уголок к уголку, как будто очень важно сложить его поровнее. Если б она знала, думаю я, как черные воды отчаяния захлестывают меня, она бы проявила больше доброты. Если б она знала, как я одинока, как я несчастна, как я тоскую по нему, она толковала бы не о содержании, вдовьей доле и титулах. Если б она знала, как я любила его и как невыносима мне жизнь без него, она бы написала, что любит меня, что ждет меня домой.

Я засовываю письмо в карман у пояса и встаю во весь рост. Я готова действовать. Я больше не ребенок. Я не стану плакать по маме. Мне очевидно, что Господь охладел ко мне, раз он позволил Артуру умереть. Мне очевидно, что и матушка холодна ко мне, раз бросила меня здесь одну, в чужой земле.

Я понимаю, что она не только мать. В первую очередь она королева Испании, и ей необходимо знать, будет у нее внук или нет. Да и я не просто молодая женщина, потерявшая любимого мужа. Я принцесса Испанская и обязана произвести на свет сына. А, кроме того, я связана обещанием. Я обещала, что снова стану принцессой Уэльской и королевой Англии. Я обещала это любимому мужу. Обещала и выполню, ни на что невзирая.

Испанский посол не стал сразу писать католическим королям. Сначала, разыгрывая свою обычную двойную игру, он доложил королю Англии о своем разговоре с братом Алессандро.

— Духовник принцессы полагает, ваше величество, что она понесла, — сказал он.

Впервые за долгое время у короля Генриха отлегло от сердца.

— Ох, если б так! Это был бы подарок...

— Совершенно с вами согласен, ваше величество. Однако ручаться, что он прав, я бы не стал. Внешне пока ничего не заметно.

— Да рано, наверно, еще, — согласился король. — И Господь знает, как знаю я, что дитя в колыбели — еще не принц в короне. Дорога до трона далека. Однако это большое мне утешение — знать, что будет ребенок... и королеве тоже, — добавил он, подумав.

— Следовательно, пока мы не будем знать наверняка, принцессе следует оставаться в Англии, — заключил посол. — И если ребенка не будет, мы произведем расчет, вы и я, и ее высочество отправится домой. Ее матушка просит, чтобы ее послали немедля.

— Поживем — увидим, — никогда не щедрый на обещания, сказал король. — Матушке ее придется подождать, как и всем нам. И если ей не терпится заполучить свою дочку домой, пусть лучше заплатит остаток приданого.

— Но, ваше величество! Вы же не станете откладывать возвращение принцессы из-за денег!

— Чем быстрее мы уладим дела, тем лучше, — последовал гладкий ответ. — Если понесла, то тогда она наша дочь и мать нашего наследника; у нее будет все, что она пожелает. Если же нет, может отправляться к своей матушке, как только будет выплачено приданое.

Я знаю, что никакая Мария не зреет у меня в животе и нет Артура, но никому не скажу об этом, пока не решу, что делать. Мои родители строят планы, исходя из блага Испании; король Генрих строит планы, исходя из блага Англии. Мне придется самой думать о том, как выполнить данное мной слово. Никто мне не поможет. Только Артур в раю знает, что и для чего я делаю. Это так больно! Я раньше и вообразить не могла, что бывает такая боль... Никогда не нуждалась я в нем больше, чем сейчас, когда его нет на свете, и только он мог бы дать мне совет, как выполнить обещание, которое я дала ему.

В замке Кройдон Каталина провела чуть меньше месяца, а потом явился гонец с посланием, в котором говорилось, что для принцессы

приготовлен Дарэм-хаус на Стрэнде и что она может переехать туда, когда ей будет удобно.

— Это что, место, приличествующее принцессе Уэльской? — требовательно спросила Каталина у срочно вытребованного доктора де Пуэбла. — Почему я не могу жить в замке Бейнард, как раньше?

— Дарэм-хаус — очень хороший дворец, — пробормотал посол, ошеломленный таким напором. — И заметьте, ваше высочество, ваш штат нимало не урезан. Король не распорядился уменьшить число слуг. Вам будет назначено содержание.

— А моя вдовья доля?

Он отвел глаза:

— Пока что будет назначено содержание. Осмелюсь напомнить, ваше приданое выплачено не полностью, и, пока это так, о вдовой доле и речи нет. Однако вам выделяют сумму, достаточную, чтобы содержать двор, и приличествующую вашему статусу.

По лицу принцессы посол понял, что это известие ей не неприятно.

— Не извольте сомневаться, ваше высочество, король с пониманием относится к вашему положению, — осторожно продолжил он. — Разумеется, если б его поставили в известность о состоянии вашего здоровья...

Принцесса тут же замкнулась.

— Не понимаю, о чем вы, — сказала она. — Я хорошо себя чувствую. Передайте его величеству — я здорова.

Да, я тяну время, позволяя им думать, что я беременна. Это такая мука — знать, что мои месячные прошли, что я готова для Артура семени, а Артура нет и не будет.

Не могу я сказать им правду, что я порожняя. И пока я молчу, им тоже приходится ждать. Меня не пошлют в Испанию, пока есть надежда, что я стану миледи матушкой принца Уэльского. А тем временем я могу хорошенько продумать, что и как мне сказать, что мне сделать. Придется быть проницательной, подобно моей матери, и изворотливой, подобно отцу. Целеустремленной, как она, и скрытной, как он. Надо решить, когда приступить к делу. Если я смогу распустить великую ложь, измышленную Артуром, да так, что в нее все поверят, если я займу место, соответствующее моему предназначению, то тогда

Артур, мой дорогой Артур, станет править Англией моими руками. Я выйду замуж за его брата и стану королевой. Артур будет жить в ребенке, которого я зачну от его брата, вместе мы сделаем Англию такой, как мечтали. И нам не помешает ничто — ни легкомыслие его брата, ни сжигающее меня отчаяние.

Нет, я не поддамся горю. Я сдержу данное мной слово. Буду верна моему мужу и моей судьбе. А для этого нужно все хорошо, хорошо обдумать...

Небольшой двор принцессы переехал в Дарэм-хаус в конце июня, и тогда же прибыли те придворные, которые еще оставались в Ладлоу, с известием, что город горюет, а замок в трауре. Каталина переезд восприняла как докучную необходимость, хотя Дарэм-хаус оказался очаровательным дворцом с прекрасным садом, сбегаящим вниз к реке, и собственным причалом. Придя навестить принцессу, посол нашел ее в галерее, устроенной по фасаду, с видом на парадный двор и, дальше, на шумную торговую улицу Айви-лейн.

Она не предложила ему сесть.

— Ее величество королева, ваша матушка, намерена отправить эмиссара, которому поручит сопровождать вас в Испанию — сразу, как только вам выплатят вдовью долю. Поскольку вы не подтвердили нам, что ждете ребенка, ее величество ждет вас дома.

Каталина сжала губы, словно желая удержать себя от необдуманного ответа:

— Какая сумма причитается мне как вдове принца?

— Треть годового дохода Уэльса, Корнуолла и Честера, — ответил де Пуэбла. — К тому же ваши родители требуют, чтобы король Генрих полностью вернул ваше приданое.

Каталина отшатнулась.

— Вот уж нет! Он даже и не подумает, — жестко сказала она. — И ни один эмиссар не сумеет его переубедить. Король Генрих никогда мне столько не даст. С какой стати ему возвращать приданое и платить вдовью долю, если он никак в этом не заинтересован?

Посол пожал плечами:

— Так сказано в контракте.

— Там сказано и о моем содержании, а ведь вы не сумели добиться его уплаты, — парировала она.

— Это из-за того, что ваше высочество не соизволили сразу по приезде передать королю вашу золотую утварь.

— А есть мне было с чего? — взорвалась она.

Он безбоязненно стоял перед ней, зная, хотя сама она этого еще не поняла, что у нее нет над ним власти. С каждым днем, прошедшим без объявления, что в чреве ее ребенок, ее значимость умахалась неуклонно. Теперь он был совершенно уверен, что она порожняя, и находил, что она ведет себя глупо. Да, выторговала немного времени своим молчанием — но для чего? Дальше-то что? Так или иначе, скоро она уедет. Ярится сейчас, но сделать ничего не сможет.

— Как вы могли согласиться на такой контракт? Вы не могли не знать, что король нарушит его условия.

Де Пуэбла развел руками:

— Кто мог предвидеть, что случится такая трагедия? Кто мог представить, что принц умрет на пороге зрелости? Печальная, очень печальная история...

— Да, чрезвычайно печальная, — чтобы не заплакать, резко сказала Каталина. Она обещала себе, что на людях не прольет ни одной слезы по Артуру. — Но теперь, благодаря этому контракту, король увяз в долгах. Он должен вернуть приданое, он не получит моего золота и еще должен мне вдовью долю. Вы же понимаете, никогда в жизни он не отдаст столько денег! И совершенно очевидно также, что и я свою долю от доходов Уэльса, Корнуолла — и чего-то там еще, да? — никогда в жизни не получу!

— Получите. Перед тем как выйдете замуж, — уточнил он. — Король обязан выплатить вам долю наследства до вашего второго замужества. А замуж, надо полагать, вы выйдете скоро. Их величества желают, чтобы вы вернулись домой. Весьма вероятно, что новый брачный договор для вас уже составлен. Возможно, вас уже сговорили.

У Каталины дрогнули губы, она встала и отошла к балюстраде, обратив взор на дворцовую площадь и распахнутые ворота, за которыми кипела жизнь.

Де Пуэбла смотрел на напряженный изгиб шеи, недоумевая, отчего известие о предстоящем замужестве так взволновало принцессу. Неужто для нее новость, что едва она приедет домой, как ее снова сосватают?

Каталина длила молчание, наблюдая за уличной суетой. Как тут все не похоже на родину! Нет темнокожих людей в белых бурнусах, нет женщин, прячущих лица под покрывалом. Нет уличных торговцев, расхваливающих ароматные специи, нет цветочников с охапками ярких и пестрых растений. Нет травников, целителей, астрономов, предлагающих свои познания за умеренную плату. Нет молчаливого потока верующих, устремляющихся к мечети пять раз на дню, нет журчащих фонтанов. Взамен — серая толпа, неумолчный гул голосов, суета рыночной площади, звон колоколов сотен церквей. Лондон — процветающий, богатый город, торговая столица страны.

— Мой дом теперь здесь, — сказала она, решительно прогнав видения. — Король ошибается, если думает, что я уеду домой и снова вступлю в брак, словно ничего не было. Мои родители ошибаются, если думают, что могут изменить мою судьбу. Я принцесса Уэльская, будущая королева Англии. Меня не отбросить в сторону, как невыплаченный долг.

Многоопытный посол снисходительно улыбнулся.

— Разумеется, ваше высочество, все будет, как вы пожелаете, — легко сказал он. — Я напишу их величествам в Испанию, что вы предпочитаете оставаться здесь, в Англии, пока они решат ваше будущее.

— Я сама решу свое будущее! — развернулась она к нему.

Он закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Как вам будет угодно, ваше высочество.

— Вдовствующая принцесса.

— Ваше высочество вдовствующая принцесса.

Она глубоко вздохнула и произнесла ясным и четким голосом:

— Можете сообщить моим родителям и его величеству королю, что я не жду ребенка. — Это оказалось легче, чем она боялась.

— Вот как? Благодарю вас, что сочли нужным нас оповестить. Это все упрощает.

— Каким же образом?

— Король вас отпустит. Вы можете вернуться домой. Вам нет причины здесь оставаться. Я займусь вопросами, связанными с выплатой вам доли наследства, но ждать их решения вам не нужно. Вы можете отправляться в Испанию немедленно.

— Нет, — твердо сказала она.

— Ваше высочество, — удивился он, — отчего ж нет? Весь этот неприятный эпизод закончен. Вы можете ехать домой. Вы свободны!

— Вы хотите сказать, что Англии я больше не нужна?

Он пожал плечами, едва заметно, словно спрашивая: какой в вас толк, милая, если вы не девственница, не мать?

— Что ж вам здесь делать? Ваше время истекло.

Посвятить его в свои планы она была еще не готова и ограничилась следующим:

— Я напишу матушке. Воздержитесь пока от приготовлений к моему отъезду. Возможно, я побуду в Англии еще немного. Если мне суждено снова выйти замуж, возможно, я сделаю это в Англии.

— И кто же будет жених? — вскинул он бровь.

Она отвела взор:

— Откуда мне знать? Пусть решают их величества короли!

Придется найти способ внушить королю, что мой брак с Гарри — его собственная идея. Теперь, когда он знает, что ребенка у меня не будет, уж конечно, ему должно прийти в голову, что моя свадьба с Гарри — лучший выход из положения для всех нас.

Если б я могла верить доктору де Пуэбла, я бы попросила его намекнуть королю, что нас с Гарри следует обручить. Однако я не верю ему. Он перемудрил с моим первым брачным контрактом. Я не хочу, чтобы он провалил этот.

Если б я могла отправить матушке письмо, не прибегая к его услугам, я бы посвятила ее в свой план, в план Артура.

Но я не могу. Я совсем одна. Довериться некому. Боже, как я одинока!

Стояла последняя неделя июня.

— Принц Гарри будет объявлен новым принцем Уэльским, — с опаской произнесла донья Эльвира, расчесывая волосы Каталины.

Она боялась, что принцесса не выдержит этого удара, разрывающего последние звенья цепи, связывающей ее с прошлым, однако Каталина лишь гневно сузила глаза.

— Оставьте нас, — приказала она горничным, которые разбирали постель и выкладывали ночную рубашку.

Те тихо вышли, прикрыв за собой дверь. Каталина откинула кудри на спину и через зеркало посмотрела донье Эльвире прямо в глаза. Протянула ей щетку для волос и кивком велела продолжить.

— Я хочу, чтобы вы написали моим родителям и поставили их в известность, что мой брак с принцем Артуром не был консумирован. Не вступил в силу, — сказала она голосом сладким, как шербет. — Я так же невинна, как тогда, когда выехала из Испании.

Донья Эльвира, потерявшая дар речи, замерла с открытым ртом.

— Помилуйте! Но вы... вы же принимали его в спальне на глазах у всего двора!

— Он страдал от бессилия, — жестко произнесла Каталина.

— Однако четырежды в неделю вы проводили ночь вместе!

— Да, и безо всякого результата. Это причиняло нам огромное огорчение, нам обоим.

— Но, инфанта, вы не обмолвились ни единым словом! Отчего ж вы мне не сказали?

— А что я должна была сказать? Мы обвенчались совсем недавно. Принц был молод. Я надеялась, что со временем все устроится.

Донья Эльвира даже не притворялась, что верит.

— Ваше высочество, если вы думаете, что первый брак может быть препятствием для второго, это не так... Ваше будущее ничуть не пострадает. То, что отныне вы вдова, не повлияет на выбор мужа. Вы непременно составите новую партию... Вам подыщут мужа... Нет нужды притворяться...

— Не нужна мне «новая партия»! — вскинулась Каталина. — Вы знаете это сами, не хуже меня. Я рождена принцессой Уэльской и королевой Англии. Больше всего на свете Артур хотел, чтобы я стала королевой Англии... — Она запнулась, запрещая себе о нем думать, закусил губу, запрещая себе о нем говорить. Перевела дыхание, сдерживая слезы. Не следовало называть его по имени... — Уясните себе и напишите об этом в Испанию: я девственница.

— Но мы ведь и так уезжаем в Испанию. К чему поднимать этот вопрос? — возразила дуэнья.

— К тому, что я знаю, за кого они меня выдадут! За какого-нибудь эрцгерцога! — сказала Каталина. — Угодно ли вам управлять моим двором в маленьком испанском замке, донья Эльвира? Или

австрийском? Вам ведь придется следовать за мной всюду. Вы хоть помните об этом? Хотите оказаться в Нидерландах? Или в Германии?

Донья Эльвира сверкнула глазами и помолчала, обдумывая услышанное.

— Никто не поверит, что вы девственница!

— Куда они денутся! Главное — объявить об этом. Никто не осмелится спросить меня напрямую. Именно вы, самый близкий мне человек, должны сказать им об этом. Ведь вы мне как мать, и это все знают...

— Пока что я не проронила ни слова...

— И правильно. Однако теперь пришло время прервать молчание. Донья Эльвира, если вы станете изображать неведение или будете говорить одно, а я — другое, тогда все поймут, что я вам не доверяю, что вы не заботились обо мне так, как следовало. Все решат, что вы пренебрегли моими интересами, что вы у меня в немилости. Думаю, матушке не понравится, если выяснится, что я девственница, а вы об этом даже не знали... И если она придет к выводу, что свои обязанности вы исполняли небрежно, не служить вам больше при королевском дворе...

— Но, ваше высочество! Все и каждый видели, что принц страстно влюблен в вас!

— Ничего подобного! Все видели, что мы вместе, как подобает супругам. Все знали, что в мою спальню он является по обязанности. Не более того. Никто не может сказать, что происходило за дверью опочивальни. Никто, кроме меня. А я говорю, что у него не было мужской силы. Кто вы такая, чтобы сомневаться в моих словах? Вы что, осмелитесь назвать меня лгуницей?!

Дуэнья обдумывала услышанное.

— Как вам будет угодно, ваше высочество, — сказала она, наконец. — Как вам будет угодно...

— Именно! Слушайте и запоминайте. Это мой путь к величию. Да это и ваш путь тоже. Мы можем сказать то, о чем я говорю, и остаться в Англии или же в трауре вернуться в Испанию и там сделаться никем — ну, почти что никем.

— Что ж, ваше высочество, я могу передать их величествам ваши слова. Если вам угодно заявить, что ваш супруг страдал мужским

бессилием, и вы сохранили невинность, я могу это сделать. Однако каким образом это делает вас королевой?

— Раз брак не вступил в силу, значит, нет никаких препятствий тому, чтобы я вышла замуж за принца Гарри, — с жесткой уверенностью в голосе сказала Каталина.

Донья Эльвира в очередной раз онемела от изумления.

— Когда явится из Испании новый эmissар, — продолжила Каталина, — можете сообщить ему, что воля Господа и мое желание — оставаться принцессой Уэльской, как и раньше. Затем ему следует переговорить с королем. Суть переговоров должна состоять не в моей вдовьей доле наследства, а в заключении нового брачного договора.

Донья Эльвира от изумления открыла рот.

— Но с чего вы взяли, что они позволят вам выйти за принца Гарри?

— А отчего ж нет? Мой предыдущий брак, с его братом, оказался несостоятелен. Я — девственница. Приданое королю Генриху уплачено наполовину. Он может оставить себе ту половину, которая уже здесь, а вторую половину мы ему выплатим. Таким образом, он освобождается от необходимости выплачивать мне вдовью долю. Контракт подписан и заверен печатью, там всего-то и нужно, что только сменить одно имя на другое. И потом, я уже здесь, в Англии. Лучше решения просто не найти! Не забывайте, дражайшая донья Эльвира, в противном случае я теряю всякий статус. Не говоря уж о вас... Все ваши честолюбивые замыслы, все амбиции вашего мужа — все сводится к нулю. Но если мы сумеем сделать так, как я говорю, тогда вы будете управлять королевским двором, а я стану принцессой Уэльской и королевой Англии.

— Не выйдет! — тяжело вздохнула донья Эльвира, глубоко потрясенная тем, какие идеи рождаются у ее подопечной. — Нам не позволят!

— Позволят, — непреклонно сказала Каталина. — Мы должны быть тем, кем должны: не больше и не меньше.

Ожидание

Зима 1503 года

Король Генрих и его королева, потеряв старшего сына, ожидали появления нового, и Каталина, в надежде им угодить, старательно шила приданое для малыша. В начале февраля она сидела перед нежарким камином в одной из самых маленьких комнат Дарэмского дворца. Ее дамы, каждая с иголкой и куском ткани в руках, в меру своего мастерства подрубали швы, расположась поодаль, так что донья Эльвира могла говорить свободно.

— Это вашему младенцу должны бы мы шить приданое, вот что, — неодобрительно пробормотала она. — Уж почти год, как вдовеете, а дело ни с места. Что за судьба вас ждет?

Каталина подняла глаза от тонкой вышивки черной шелковой нитью, которую выполняла.

— Спокойствие, донья Эльвира, — сказала она тихо. — Все будет, как решит Бог и их величества короли.

— Уже семнадцать стукнуло! — не поднимая от рукоделия головы, упрямо гнула свое дуэнья. — Долго вам еще маяться в этой Богом забытой стране? Ни женой, ни невестой? Ни при дворе, ни в изгнании? А счета все растут и растут, и вдовья доля не выплачена!

— Милая донья Эльвира! Если б вы знали, как огорчают меня ваши слова, вы бы никогда их не произносили! Не думайте, что если вы бормочете что-то, уткнувшись в шитье, то я не слышу. Знала б я, что будет, первая б вам сказала. Что толку сидеть тут и ворчать!

Дуэнья подняла голову и встретила ясный взгляд Каталины.

— Так я ведь о вас думаю, девочка моя, хотя, кажется, никто больше этого не делает. Ни дурак посол, ни дурак эмиссар. Если король не согласится на ваш брак с принцем, что с вами станет? Если он не позволит вам уехать, если ваши родители не настоят на вашем возвращении, что тогда? Неужто он собирается держать вас вечно? Кто вы, принцесса или заключенная? Почти год прошел! Вы что, заложница во имя союза с Испанией? Вам уже семнадцать! Сколько можно ждать?!

— Что ж, будем ждать, — спокойно ответила Каталина. — Пока все не решится.

Дуэнья смолчала, да и у Каталины не было сил спорить. Она знала, что весь этот год, пока длится траур по Артуру, ее мало-помалу, но неуклонно отталкивали на задворки королевского двора. Заявление, что она девственница, отнюдь не привело к заключению нового свадебного контракта, как она надеялась, а, напротив, резко снизило ее значимость при дворе. Приглашали ее туда только по большим праздникам, да и то лишь по доброте королевы Елизаветы.

Матушка короля, леди Маргарита, нимало не интересовалась впавшей в бедность испанской принцессой. Та мало того что не принесла наследника, еще и заявляет, что, не познав мужчину, овдовела и не принесет больше денег в королевскую казну. Никакого от нее толку для дома Тюдоров. Разве что послужит разменной монетой в продолжающемся противостоянии с Испанией. Зачем она при дворе? Пусть сидит у себя дома, на Стрэнде. Кроме того, миледи матушке короля не нравилось, как поглядывает на свою вдовую невестку юный принц Гарри.

Тот, в самом деле, всякий раз при встрече не отрывал от нее преданного щенячьего взгляда, вот миледи Маргарита и решила, что чем меньше они встречаются, тем лучше. Ей казалось, что, улыбаясь принцу, вдовушка перебарщивает с сердечностью, поощряет его мальчишеское восхищение, и все для того, чтобы потешить свое тщеславие. Миледи матушка короля ревниво относилась к любым попыткам оказать влияние на единственного наследника трона. А, кроме того, не доверяла Каталине. С какой стати заигрывать с деверем, который на шесть лет ее младше? Какой смысл в этой дружбе? Уж она-то знает, что с него глаз не спускают, без присмотра он шагу не сделает. Даже спит-то в покоях отца. Чего добивается эта испанка, посылая ему книги, пытаясь научить его испанскому, посмеиваясь над его произношением и глядя с трибуны, как он скачет, чтобы пронзить копьем мишень, словно он странствующий рыцарь, а она его дама! Пусть не старается, ничего не выйдет. Миледи матушка короля не позволит, чтобы кто-то, кроме нее, имел влияние на Гарри! Вот потому и появлялась Каталина при дворе все реже и реже.

Сам король при встречах в общем-то держался с добродушием, однако Каталина чувствовала, что он смотрит на нее как на свое

приобретение, как на ценный, захваченный в бою трофей.

Если б она сумела заставить себя поговорить об Артуре со свекровью или с королем, тогда, возможно, они разделили бы с ней свое горе. Но она не хотела пользоваться именем покойного мужа, чтобы заслужить их расположение. Даже год спустя после его смерти при всякой мысли о нем сердце сжимало так сильно, что не вздохнуть. И уж конечно, Каталина не могла играть на своей беде, добиваясь популярности при дворе.

— Так что же будет? — вывела ее из задумчивости донья Эльвира.

— Не знаю, — вздохнула Каталина и отвернулась к огню.

— Если родится мальчик, король, может быть, отпустит нас домой?

— Может быть, — кивнула Каталина.

Дуэнья слишком хорошо ее знала, чтобы за вялым согласием не распознать упрямства.

— Беда в том, что вам не хочется ехать, — шепотом сказала она. — Вы все еще думаете, что можете заставить их выдать вас за принца Гарри. Но если б это было возможно, вы бы уже были помолвлены. Год почти прошел, и все без толку. Ведь вы, дитя мое, всех нас держите в этой ловушке... Я думаю, разумней смириться, признать поражение...

Светлые ресницы Каталины опустились, прикрывая глаза.

— О нет, — сказала она, — я так не думаю.

Раздался резкий стук в дверь.

— Срочное послание для ее высочества вдовствующей принцессы Уэльской!

Каталина, уронив шитье, поднялась с места. Придворные дамы тоже повскакали с мест. Все уже отвыкли, чтобы что-то случилось в тихом и сонном Дарэмском дворце.

— Впустите же его! — воскликнула Каталина.

Мария де Салинас распахнула дверь. Королевский посыльный, войдя, проследовал к Каталине и опустился перед ней на колени.

— Печальная новость, ваше высочество, — сказал он. — Ее величество королева родила сына, но Господь тут же прибрал младенца. Ее величество королева преставилась также. Помилуй Бог его величество короля, который скорбит о своих утратах!

— Что такое? — ошеломленно переспросила донья Эльвира.

— Упокой Господи королеву, — как положено, отозвалась Каталина. — Боже, спаси короля!

«Отец наш небесный, прими душу дочери твоей Елизаветы. Ты должен любить ее, она была созданием мягким и незлобивым...»

Стоя на коленях, я отвлекаюсь от молитвы и думаю о том, что жизнь королевы, закончившаяся так трагично, была печальной. Если то, что рассказал мне Артур, правда, она была готова выйти за короля Ричарда, каким бы ужасным тираном он ни был. Обстоятельства, а именно Босуортская битва, вынудили ее принять руку короля Генриха. Рожденная для того, чтобы стать королевой Англии, она вышла за того, кто мог посадить ее на трон.

Наверно, если б я рассказала ей о том, какое обещание взял у меня Артур перед смертью, она бы поняла, сколь сильная боль пронзает меня всякий раз, как я о нем думаю. Она бы поняла, почему я обещала ему выйти замуж за Гарри. Ведь если ты рождена королевой Англии, ты обязана ею стать. Кто бы ни был король. Кто бы ни стал твоим мужем.

Теперь, когда двор лишился ее спокойного присутствия, я чувствую, что положение мое усложнилось. Елизавета была добра ко мне. Она обладала даром любви. Я пережидала, когда кончится мой годовой траур, и верила, что в свой час она мне поможет, потому что Гарри — это мое спасение, а я буду ему хорошей, верной женой. Я думала, уж она знает, каково это — выйти замуж за того, к кому совершенно равнодушна, и быть ему доброй женой.

Но теперь при дворе единолично властвует миледи матушка короля, а она друг только своему сыну и внуку. Она никому не помощник. Ее волнуют лишь интересы ее собственной семьи. Она будет смотреть на меня как на одну из многих претенденток на сердце Гарри. Она, прости ее Господь, может присоветовать ему даже французскую принцессу, и тогда я подведу не только Артура, но и моих родителей, которым необходимы прочный союз Испании с Англией и прочная вражда между Англией и Францией.

Какой тяжелый выдался год! Я ожидала, что проведу его в трауре и снова обручусь, однако никто и не думает заниматься новым

брачным контрактом. А теперь, с кончиной королевы Елизаветы, я боюсь, дела пойдут еще хуже. Что, если король Генрих решит забыть про вторую половину приданого и отошлет меня домой? Что, если они сговорят глупенького Гарри с кем-то еще? Что, если про меня попросту забудут? Или будут держать залогом добрососедства Испании, но при этом оставят пропадать в этом дворце, словно я не принцесса, а тень принцессы? Ведь жизнь кипит и неустанно идет вперед, а я остаюсь позади...

Ненавижу бесконечную английскую зиму, холодные туманы и серые небеса! В это время в Альгамбре вода в каналах уже освободилась от ледяной корки и медленно течет, обжигаяще холодная, потому что смешана с талой водой с ледников Сьерры. Земля в садах согревается, садовники рассаживают цветы и молодые деревья, солнце по утрам припекает, и толстые зимние занавеси сняты с окон, чтобы теплый бриз свободно гулял по дворцовым залам. Возвращаются перелетные птицы, и деревья зашелестели своей ярко-зеленой листвой.

Я страстно хочу домой, но я не оставлю своего поста. Я не тот солдат, который пренебрегает долгом. Я часовой, который бодрствует всю ночь. Я не предаю, не подведу свою любовь. Сад, вечная жизнь, розы — все это подождет меня. Я стану королевой, ибо для этого рождена и потому что обещала, что стану. А потом, и в Англии цветут розы...

Королеве Елизавете устроили торжественные похороны, и Каталина снова надела траур. Стоя на отведенном ей месте, сразу после королевских дочек, но впереди прочих дам двора, она наблюдала сквозь черное кружево мантильи скорбную церемонию, проведенную в строгом соответствии с указаниями матушки короля. Та потрудилась прописать все действия, долженствующие совершаться при дворе Тюдоров в случаях государственной важности, а также их порядок вплоть до того, в каких комнатах рожать, а в каких — отходить, дабы ее сын и его потомки, которые, как она истово молилась, пойдут вслед за ним, были готовы к любому событию, каковое, повторяя собой ему подобное, сколь бы далеко во времени ни отстояло одно от другого, происходило так, как она однажды повелела.

Первой упокоиться по новому регламенту выпало королеве Елизавете Йоркской, и похороны нелюбимой невестки шли как по ногам, а сама миледи матушка короля, великий распорядитель всего на свете, непререкаемо занимала место первой дамы королевства.

Апрель 1503 года

Годовщину со дня смерти Артура Каталина провела в посте и молитве. На рассвете в часовне Дарэмского дворца отец Джеральдини отслужил заупокойную мессу и удалился, а Каталина долго еще не поднималась с колен. Шевеля губами в беззвучной молитве, она искала утешения у Бога, пыталась перебороть горе, которое ничуть не притупилось со временем. Потом она долго бродила по безлюдной часовне, рассеянно разглядывая изображения библейских сцен, покрывающих стены, изысканную резьбу, украшающую алтарь и спинки деревянных скамей, — и все это с печальной думой, что образ Артура мало-помалу стирается из ее памяти. Иногда по утрам, пробуждаясь, она пыталась увидеть его лицо, крепко сжимала веки и не видела ничего — или, хуже того, перед глазами вставал какой-то приблизительный, грубый набросок, слабое подобие, а не живой человек. Тогда она быстро садилась в постели и обхватывала колени, крепко-крепко прижимая их к животу. Почему-то это помогало бороться с горем.

Однако, бывало, днем, на людях, когда она беседовала с придворными, или шила, или гуляла вдоль реки, кто-то из тех, кто был рядом, ронял какое-то словцо или взгляд ее останавливался на солнечной дорожке, дробящейся на речной волне, — и Артур вдруг вставал перед глазами, живой, как никогда. Тогда она замирала на мгновение, замолкала, впитывая любимый образ, а потом продолжала разговор или прогулку с чувством, что день удался. Кожей вспоминалось прикосновение его пальцев, на внутренней стороне ее век хранился, понемногу стираясь, отпечаток его лица, поворот головы, жест руки... Ах, вся она принадлежит ему, душой и телом, до смерти. Не до его смерти, как обернулось, нет, до ее. Но и после того, как покинет этот мир и она, не разорвется нить, связавшая их в земной жизни.

«Ты ведь знаешь, мне пути Твои неисповедимы, — говорю я, глядя на статую распятого Христа с окровавленными ладонями, которая осеняет собой алтарь. — Отчего Ты не дашь мне знак? Не подскажешь, что я должна сделать?»

Я жду, но ответа нет. Отчего же, думаю я, Господь, Который так внятно разговаривал с матушкой в ее снах, отчего Он молчит со мной? Отчего Он покинул меня, когда я более всего в Нем нуждаюсь?

Я возвращаюсь к вышитой подушке для преклонения колен, которая лежит перед алтарем, однако не преклоняю колени, нет, я переворачиваю ее на другую сторону и сажусь так, словно я дома и готова к беседе. Однако никто не заговаривает со мной. Даже мой Бог.

«Я знаю, Ты хочешь, чтобы я стала королевой, — раздумчиво говорю я, словно Он может ответить, да еще тем же рассудительным тоном, каким говорю я. — Я знаю, что моя матушка тоже этого хочет. Я знаю, что мой милый...» — и запинаюсь, не в силах произнести имя Артура, даже спустя год, даже в пустой часовне, даже обращаясь к Богу.

Все еще боюсь, что не удержусь и заплачу, и тогда уж точно соскользну в пучину отчаяния и безумия. За моим самообладанием кроется страсть, глубокая, как мельничный пруд, сдерживаемый плотиной. Я не смею выпустить наружу ни капли. Иначе меня захлестнет поток, и поток этот будет неудержим.

«Я знаю, и он желал, чтобы я стала королевой. На смертном одре он взял с меня слово, что для этого я сделаю невозможное. Ты, Кто все видит, Ты видел это. Твоим именем я поклялась ему стать королевой. Но как, как мне это сделать? Если это Твоя воля и воля моего... да, Ты знаешь кого... Если это Твоя воля и воля моей матушки... Господи, что же мне сделать?! Я уже все перепробовала! Теперь Ты, Ты должен показать мне путь!»

Уже год я донимаю Господа этой просьбой. Между тем переговоры относительно уплаты второй доли приданого и моей вдовьей доли все тянутся, и конца им не видно. От матушки внятных указаний нет, так что я пришла к выводу, что она ведет ту же игру, что и я. Об отце нечего и говорить, у него явно какая-то многоходовая тактическая задумка. Вот если б они подсказали мне, как я могу им подыграть! Их скрытность наводит меня на мысль, что я служу здесь наживкой, пока английский король не рассудит, как рассудили мы с Артуром, что лучшее решение — отдать меня за принца Гарри.

Беда в том, что месяц за месяцем принц набирает вес при дворе: он стал выгодным вложением капитала. Французский король может

предложить ему одну из своих дочек, наготове сотни принцесс на выданье по всей Европе, даже у императора Священной Римской империи имеется незамужняя дочь, принцесса Маргарита, которая тоже вполне подойдет. Нет, пора брать быка за рога, и прямо сейчас, в апреле, когда заканчивается мой траур. Королю торопиться некуда, его наследник молод, принцу всего одиннадцать. Но мне-то уже семнадцать! Мне пора замуж. Пора вернуть себе титул принцессы Уэльской.

При этом их католические величества короли Кастилии и Арагона требуют всего сразу: возврата приданого, возвращения дочери и полной выплаты вдовьей доли за неопределенный период! В сумме это составляет столько, что король Генрих просто вынужден искать какой-то иной выход. А родители с переговорами не торопятся, тянут, то есть дают знать, что не ждут ни меня, ни денег, и надеются, что король Англии это понимает.

Однако они его недооценивают. Ему такие намеки ли к чему. Он и сам видит, что позиция у него сильнее: он владеет и половиной приданого, и мной.

Он не дурак, нет. Он правильно трактует спокойную и неторопливую манеру, с которой держится новый эмиссар, присланный матушкой, дон Гутиере Гомес де Фуэнсалида, расценивая такое поведение как еще один признак того, что мои родители намерены оставить меня в его руках, в Англии. Не нужно быть Макиавелли, чтобы понять, что родители рассчитывают снова выдать меня за английского принца! Точно так же, когда овдовела моя сестра Исабель, ее сызнова послали в Португалию, чтобы выдать за дядю ее покойного супруга. Такое случается — но только тогда, когда все с этим согласны. А в Англии, где король новичок на троне и полон амбиций, чтобы это сбылось, с нашей стороны потребуется приложить куда больше усилий.

В своих письмах матушка призывает меня к терпению. Пишет, что у нее есть план, для воплощения которого в жизнь потребно время, а между тем мне следует вести себя умно и стараться, не дай бог, не обидеть ни короля, ни его достойную матушку.

«Я принцесса Уэльская, — отвечаю я ей. — Принцесса Уэльская, будущая королева Англии. Ты сама вырастила меня так, чтобы я в

полной мере осознавала значение этих титулов. Разве я могу уронить свое имя?»

«Терпение, — снова пишет она на потертом, захватанном многими руками листке, которому потребовались недели, чтобы дойти до меня со сломанной печатью — кто угодно мог прочитать, что в нем. — Я согласна, тебе быть королевой. Такова твоя судьба, Господня воля и мое желание. Будь терпелива».

«Сколько еще мне терпеть? — спрашиваю я Господа, стоя на коленях в часовне в годовщину смерти Артура. — Если такова Твоя воля, отчего Ты не исполнишь ее сразу? А если это не так, отчего Ты не забрал меня вместе с Артуром? Если Ты слышишь меня сейчас, отчего мне так одиноко?»

Тем же днем, к вечеру, дворецкий объявил, что к принцессе гостья.

— Леди Маргарет Пол! — выкликнул он от двери.

Отложив Библию, принцесса повернула бледное лицо, чтобы встретиться взглядом с подругой, улыбающейся ей с порога.

— Дорогая моя!

— Ваше высочество! — низко присела леди Пол, а Каталина, кинувшись к ней через всю комнату, подняла ее из поклона и заключила в объятия.

— Не плачьте. Не плачьте, ваше высочество, а то я тоже не выдержу...

— Не буду, не буду, обещаю вам! — пробормотала Каталина и повернулась к придворным: — Оставьте нас.

Те неохотно вышли.

Леди Маргарет оглядела не слишком уютную комнату:

— Что такое?

Каталина развела руками и криво улыбнулась:

— Наверно, я плохая хозяйка. И донья Эльвира мне не помощник. Да и, по правде сказать, у меня денег — только что дает король, а их не много.

— Я этого и боялась, — кивнула леди Маргарет.

Каталина усадила ее у огня и сама заняла свой стул.

— Я думала, вы в Ладлоу...

— Так и было. Поскольку ни король, ни принц в Уэльс ни ногой, все дела пали на моего мужа. Вы бы поглядели на мой маленький двор! Я словно снова стала принцессой.

Каталина улыбнулась:

— Наверное, очень величественной?

— Чрезвычайно. И все по-валлийски. И все с песнями.

— Представляю себе!

— Мы приехали на похороны королевы, упокой Господь ее душу, и муж сказал, я могу вас навестить. Весь этот день о вас думаю.

— Я была в часовне, — невпопад сказала принцесса. — Не верится, что прошел год.

— Верно, — кивнула леди Маргарет, думая про себя, как Каталина повзрослела — гораздо больше, чем на год. Простодушную девичью прелесть горе превратило в красоту, но во взгляде читается опыт разочарований. — Как вы себя чувствуете?

Каталина скорчила гримаску:

— Слава Богу. А как вы? Как дети?

— Благодарение Господу, все здоровы, — улыбнулась гостья. — Расскажите же о себе. Что, король дал знать, какие у него планы? — осторожно спросила она. — Что вы? Поедете домой, в Испанию? Или останетесь здесь?

Каталина придвинулась поближе:

— Разговоров много — о приданом, о моем возвращении. Но пока что дело ни с места. Ничего не решено. Король держит и меня, и мое приданое, а мои родители, похоже, не возражают.

— Шли слухи, что они обдумывают, не обручить ли вас с принцем Гарри, — озабоченно произнесла леди Маргарет.

— На мой взгляд, — сухо сказала Каталина, — такой выход напрашивается сам собой. Но король вроде бы так не считает. Как вы думаете, способен ли он проглядеть очевидный выход из положения?

— Нет, не способен, — покачала головой леди Маргарет, у которой вся жизнь пошла кувырком из-за того, что королю достало проницательности не проглядеть тот очевидный факт, что ее семья угрожает трону.

— Значит, остается предположить, что он уже думал об этом и теперь выжидает, чтобы посмотреть, не подвернется ли что-то

получше, — со вздохом произнесла Каталина. — Тяжкое это дело — ждать...

— Но теперь, когда год траура позади, несомненно, его величество что-то предпримет, — с надеждой сказала леди Пол.

— Несомненно, — эхом отозвалась Каталина.

После нескольких недель строгого траура, предписанного при потере супруги, король Генрих вернулся во дворец Уайтхолл, и Каталину пригласили отужинать при дворе. Посадили ее рядом с принцессой Марией. Юный Гарри, принц Уэльский, с флангов был надежно прикрыт отцом и бабушкой. Нет, этому принцу не грозила поездка верхом в Ладлоу по зимним дорогам! Миледи матушка короля постановила, что единственный наследник престола будет жить под ее крылом, в тепле и удобстве. Глаз с него не спускать! Ему даже запретили занятия спортом — все его игры, борьбу и скачки с копьем наперевес, хотя именно это, азарт и опасность, он любил больше всего на свете. Нет, заявила бабушка, Гарри слишком важен для государства, чтобы им рисковать.

Он улыбнулся Каталине, а она ответила ему взглядом, в который вложила теплоту и дружелюбие. Но обменяться хотя бы словом не было никакой возможности, она прочно пригвождена к своему концу стола, а над Гарри нависала его бабка, которая перекладывала ему лучшие куски со своей тарелки и широким плечом загоразивала от дам.

Но вот его бабка отвернулась на минутку — дать указание слуге, и тут же Гарри бросил на нее взгляд. Она улыбнулась в ответ и скромно потупила глаза, а когда подняла снова, оказалось, что Гарри все еще на нее смотрит, и он вспыхнул, застигнутый врасплох. «Совсем еще дитя, — пронеслось в голове Каталины, что не помешало ей искоса ему улыбнуться. — Одиннадцать лет! Сплошное бахвальство и ребячество. И почему этот пухлый мальчик здесь, а мой Артур...» — И тут же закусила губу.

Сравнивать братьев означало желать мальчику смерти, а этого она, не дай Бог, не хотела. Более того, не стоило думать об Артуре на людях, рискуя расплакаться, это тоже было совсем ни к чему.

Умная женщина сумеет управлять мальчиком, думала она. При таком короле можно стать великой королевой. Первые десять лет он

будет совсем несмышлениш, а потом так привыкнет советоваться и подчиняться, что позволит своей жене править страной, как ей вздумается. Кроме того, может статься, что Артур был прав — и малыш ленив. Тогда можно занять его играми, охотой, спортом и прочими развлечениями, чтобы не лез в государственные дела, предоставив их королеве.

— Нет, у меня девочка! — донесся до нее обрывок разговора с другого конца стола. Каталина подняла глаза и поняла, что реплика принадлежит леди Элизабет Болейн, которая недавно разрешилась от бремени. — Мы надеялись на сына, конечно, но в этот раз не вышло. Я назвала ее Анной.

Улыбкой и кивком Каталина выразила свои поздравления и вернулась к мыслям о Гарри. Она хорошо помнила слова Артура, что мальчик мнит себя влюбленным в нее. Отлично. Если ему ни в чем не отказывают, возможно, позволят и самому выбрать себе невесту. Они привыкли его баловать, может, пойдут навстречу, и если он заявит, что хочет жениться на Каталине...

Вот он снова вспыхнул под ее взглядом, даже уши порозовели. Удерживая его взгляд, она чуть приоткрыла губы, словно шепча какое-то слово, а потом, точно рассчитав момент, отвела глаза и подумала: «Глупый мальчик!»

Завершив трапезу, король поднялся из-за стола, и все присутствующие, склонив головы, последовали своему господину.

— Благодарю вас, мои соратники в бою и друзья в дни мира, что пришли приветствовать меня, — сказал король Генрих. — Однако теперь я желаю побыть с семьей.

Кивнув принцу Гарри и принцессам, он предложил матери руку, и королевская семья проследовала в личные покои.

— Отчего ты не остался подольше? — укорила матушка короля, когда они устроились перед очагом и паж принес им вина. — Не слишком это любезно — уходить так сразу. Я сказала дворецкому, что ты не торопишься, и пригласила певцов.

— Я устал, — коротко сказал он и посмотрел туда, где бок о бок сидели принцесса Мария и Каталина. У младшей из двух, Марии, были припухшие, покрасневшие глаза — смерть матери ударила ее очень жестоко. Каталина, как всегда, держалась как ни в чем не бывало. Удивительно, сколько у нее самообладания. Даже кончина

королевы Елизаветы, единственного ее настоящего друга при дворе, не выбила испанку из колеи.

— Завтра надо отправить ее в Дарэм-хаус, — заметила мать, проследив направление его взгляда. — Нечего ей делать при дворе. Она не заслужила места при дворе — не родила нам наследника и не заплатила за это место своим приданым.

— Ты не находишь, что она настоящая? — сказал он. — Настоящая принцесса!

— Настоящая чума, — парировала леди Бофор.

— Ты к ней сурова!

— Мы живем в суровом мире, — просто ответила она. — Я всего лишь справедлива. Почему мы не пошлем ее домой?

— Она что, совсем тебе не нравится?

Такой вопрос удивил матушку короля.

— А что в ней, скажи на милость, такого распрекрасного?

— Ее мужество, ее достоинство. Она красива, конечно, но сверх того еще и обаятельна. Образованна, грациозна. В иных обстоятельствах, думаю, могла бы быть весела. И надо признать, горе и разочарование она переносит как настоящая королева.

— Ну и что? — холодно сказала его мать. — Была принцессой Уэльской, но теперь, когда нашего мальчика нет, она нам не нужна, при всем ее обаянии.

Подняв глаза, Каталина заметила, что они на нее смотрят, сдержанно улыбнулась и наклонила голову. Король Генрих встал с места, отошел к оконному проему и поманил ее пальцем. Она не вскочила сразу, как вскочила бы всякая женщина при дворе, а подняла бровь, словно раздумывая, стоит ли ему подчиняться, и только потом грациозно, неторопливо поднялась и направилась к королю.

«Господи, как же она желанна, — думал тот. — И всего лишь семнадцать лет. Полностью в моей власти, а идет, словно английская королева».

— Смею думать, ты будешь скучать по покойной королеве, — без обиняков начал он по-французски, когда она подошла.

— Да, государь, — был ее ответ. — Всей душой разделяю вашу скорбь. Не сомневаюсь, мои родители хотели бы, чтобы я передала вам их соболезнования.

Он кивнул, не отрывая глаз от ее лица.

— У нас с тобой общее горе, — заметил он. — Ты потеряла своего спутника жизни, я — своего.

Она вся подобралась.

— В самом деле, — ровно сказала она. — Так и есть.

Любопытно, подумал он, пытается ли она угадать значение этих слов. Но милое личико принцессы было безмятежно и непроницаемо.

— Признайся мне, в чем секрет твоего смирения?

— О, я вовсе не считаю себя смиренной.

— Вот как? — удивился король.

— Да. Просто я верю, что Господь знает, что правильно для каждого из нас, и что Его воля исполняется неизменно.

— Даже когда пути Его скрыты, а нам, грешникам, приходится блуждать во тьме?

— Я знаю свое предназначение, — спокойно сказала она. — Бог так милосерд, что открыл мне мою судьбу.

— Согласись, таких, как ты, мало, — сказал он, надеясь, что она улыбнется.

— Я знаю, — ответила она без тени улыбки, и король понял, что истовая ее серьезность в этом вопросе — не маска. — На мне благословение Божье.

— И какое же такое великое будущее тебе уготовано? — с сарказмом спросил он.

— В том, чтобы исполнять Божью волю и воплощать Его царство на нашей земле, — складно ответила Каталина.

Я уверенно толкую королю, что приобщена к воле Бога, однако на деле Господь ничего мне не говорит. Со дня смерти Артура моя убежденность в том, что на мне благословение Божье, сильно ослабла. Можно ли считать себя одаренной милостью Божьей, утратив то единственное, что делало мою жизнь полной? Однако мы живем среди верующих. Мне приходится говорить, что я под особой защитой Бога. Я должна создавать иллюзию уверенности в своей судьбе, ведь я — дочь Изабеллы Испанской.

И все-таки я чувствую себя все более одинокой. От полного отчаяния меня удерживает только обещание, которое я дала Артуру, и тоненькая золотая нить моей твердой решимости его выполнить.

Из соображений приличия король Генрих не приближался к Каталине весь месяц, пока носил строгий траур, когда же срок траура истек, он тут же навестил ее в Дарэм-хаусе. Визит был официальный, о нем предупредили заранее, так что слуги и придворные вырядились во все самое лучшее, однако бедственное состояние износившихся за полтора года занавесей и ковров от короля Генриха не укрылось, и он про себя улыбнулся. Если она так разумна, как он о ней думает, то будет рада выбраться из этого неловкого и унижительного положения. Верно он сделал, что урезал ее во всем, усложнил ей существование. Пора ей понять, что она зависит от него целиком и полностью и что родители ей ничем не помогут.

Герольд распахнул двери и возгласил:

— Его величество король Англии Генрих Седьмой...

Отмахнувшись от прочих титулов, король вошел в приемную залу своей невестки.

Она была в темном платье с синими вставками в разрезах рукавов и богато вышитым корсажем, а капюшон, покрывавший голову, тоже синий, но потемней, подчеркивал янтарь ее волос и лазурит глаз. При виде такой красоты король не смог сдержать довольной улыбки.

— Ваше величество! — любезно сказала она, поднимаясь из глубокого придворного поклона. — Какая честь!

Он силой заставил себя оторвать взгляд от белой, как сливки, шеи, от поднятого к нему чистого, гладкого лица. Свою жизнь он прожил с красивой женщиной, но она была одного возраста с ним, а теперь перед Генрихом стояла девушка, по летам годящаяся ему в дочери, в благоуханном цвету юности, с крепкой и полной грудью. Созрела для брака, ей-богу, созрела. Готова, готова в постель. Но тут он себя окоротил. Это уж совсем распутство — смотреть такими глазами на юную жену покойного сына!

— Не угодно ли выпить чего-нибудь освежающего? — с улыбкой, спрятанной в глубине глаз, осведомилась хозяйка.

«Будь она постарше и умудренней, — подумал король, — я бы решил, что она со мной заигрывает, водит на крючке искусно, как опытный рыболов лосося».

— Благодарю. От стакана вина не откажусь.

И тут она его подловила.

— Увы, но боюсь, я угодить вашему величеству не смогу, — гладко сказала она. — Винные подвалы пусты, а покупать вино мне не по карману.

Он и глазом не моргнул, не показал, что понял, как ловко она подвела его к разговору о своих финансовых затруднениях.

— Это не дело. Что ж, велю прислать несколько бочонков.

— Выпьете стакан эля? Мы варим свой, домашний, и очень дешево.

— С удовольствием, — согласился король, прикусив губу, чтобы не улыбнуться.

По части самообладания она превзошла все его восторги. Год вдовства закалил ее. Одна, в чужой земле, она не сломалась, как случилось бы при таких обстоятельствах со многими, нет, она стала зрелой, умной, стала сильнее.

— Здорова ли миледи ваша матушка, государь? И принцесса Мария? — осведомилась Каталина так светски, словно принимала его в Золотой палате Альгамбры.

— Благодарение Богу, обе здоровы. Вы, судя по вашему виду, тоже?

Каталина с улыбкой склонила голову.

— О вашем здоровье, государь, я не спрашиваю. Внешне вы совсем не меняетесь.

— Разве?

— По крайней мере, с тех пор, как мы познакомились, — сказала она. — С тех пор как мы высадились в Англии и были на пути в Лондон, а вы выехали нам навстречу.

Большого труда стоило Каталине не думать при этих словах об Артуре, как он страдал в тот вечер от бесцеремонности своего отца, как вполголоса пытался ее ободрить, как поглядывал на нее исподтишка...

Улыбаясь, она продолжила:

— Я была так удивлена тогда вашим появлением, сир, так вас боялась!

Он рассмеялся, решив, что она вспоминает их первую встречу, вспоминает, какой он впервые ее увидел, девственницу, торопливо вскочившую с постели, в белой рубашке и синем плаще, с волосами, заплетенными в закинутую за спину косу, а сам вспомнил, как подумал

тогда, что ворвался к ней как насильник, что в нее самое он может войти так же, как вошел в ее опочивальню.

Чтобы скрыть свои мысли, он повернулся к стулу, уселся и жестом пригласил ее сделать то же самое. Дуэнья, все та же, отметил он с неодобрением, испанка с кислым лицом, стояла в углу комнаты с двумя другими дамами.

Каталина сидела, улыбаясь, совершенно уверенная в себе; белые ручки покойно лежат на коленях, спина прямая — юная женщина, знающая, что способна пленять. Глядя на нее, король помолчал. Уж конечно, она не может не понимать, что делает с ним, когда напоминает о первой встрече? И все-таки трудно ожидать от дочери Изабеллы Кастильской и собственной вдовой невестки, чтобы она сознательно его искушала...

Вошел слуга с двумя чарками эля, сначала поднес королю, потом Каталине. Та, едва пригубив, поставила свою на поднос.

— Что, по-прежнему не любишь эль? — спросил король и сам удивился, как интимно прозвучал этот невинный вопрос. Господи, да что это в самом деле, неужто он не может спросить невестку, какой напиток она предпочитает!

— Я пью его, только когда совсем уж мучает жажда, — ответила она. — Но мне не нравится вкус, который после него остается во рту. — И подняла руку ко рту. Как зачарованный, следил король за тем, как пальчиком она легко коснулась кончика языка. Каталина сделала гримаску: — Наверно, я никогда его не полюблю.

— Что же вы пьете в Испании? — с усилием выговорил король, не отрывая глаз от ее мягкого рта, заблестевшего, когда она облизнулась.

— Воду, — сказала она. — Мавры провели в Альгамбру чистую воду с гор. И еще фруктовые соки, разумеется, летом у нас много чудесных фруктов. Еще можно делать фруктовый лед, шербеты... Да, и конечно, вино...

— Если этим летом поедешь со мной по стране, мы можем посетить те места, где есть чистые родники, — предложил он и сам себе поразился. Ну не глупость — сулить ей в угощение воду! Он ведет себя как мальчишка! И все-таки упрямо продолжил: — Мы сможем охотиться, поедем в Гемпшир и еще дальше, в Нью-Форест. Помнишь те места? Где мы встретились?

— Я бы очень хотела, — любезно ответила Каталина. — Если, конечно, я еще буду здесь.

— Еще здесь? — переспросил он, совсем забыв, что она, собственно, заложница и к лету должна уехать домой. — Сомневаюсь, что мы с твоим отцом договоримся к этому сроку.

— Отчего же переговоры так затянулись? — спросила она с самым невинным видом. — Разве мы не можем прийти к какому-то соглашению... как бывает между друзьями? Раз уж случилось так, что трудно договориться о деньгах, наверняка есть какой-то иной путь?

Это было так близко к тому, о чем он думал, что король в замешательстве не смог усидеть на месте. Каталина поднялась тоже. Ее макушка, прикрытая нарядным капюшоном, доходила ему до плеча. Какая она маленькая, придется наклоняться, чтобы поцеловать, да и в постели надо быть поосторожней, подумал он и почувствовал, как загорелось лицо.

— Поди-ка сюда, — севшим голосом произнес он и повел Каталину в амбразуру окна — тут никто их не услышит. — Я много думал, как бы получше все устроить ко взаимному удовольствию, и пришел к выводу, что самое разумное для тебя — это остаться здесь. Я со своей стороны хотел бы, чтобы ты осталась.

Она не подняла на него глаз. Если бы подняла, он мог бы понять, о чем она думает. Но нет, опустив голову, она произнесла так тихо, что он едва расслышал:

— Да, конечно, если мои родители не возражают...

Он почувствовал, что попался. Невозможно продолжать, пока она стоит, наклонив голову так, что он видит только округлость щеки и загнутые, светлые ресницы, и нельзя дать ход назад, раз она прямо спросила его, нет ли другого способа разрешить конфликт между ним и ее родителями.

— Я, наверно, кажусь тебе стариком, — ринулся он напролом.

Она сверкнула на него синим взором и снова потупилась:

— Совсем нет.

— По возрасту я гожусь тебе в отцы, — сказал он, надеясь, что она возразит.

Она снова подняла на него глаза:

— Я об этом никогда не думала.

Генрих помолчал, загнанный в тупик этой тоненькой девушкой, которая то, кажется, упоительно поощряет, то вдруг делается совершенно незаинтересованной.

— А что бы тебе самой хотелось? — спросил он.

Наконец-то она подняла голову и улыбнулась ему, но улыбкой, в которой не было теплоты.

— Того же, что и вам. Более всего мне хотелось бы угодить вам, ваше величество.

Что ему нужно? Что он делает? Я думала, он предлагает мне Гарри, и почти что сказала «да», когда он спросил, не кажется ли он мне старым, как мой отец. Конечно, он старый, он старше моего отца, вот почему я никогда не думаю о нем как об отце, скорее, он годится мне в деды. Мой батюшка — красавец и дамский угодник, смелый солдат, герой. А этот король сражался только в одной битве да еще подавил несколько жалких бунтов, поднятых беднотой, недовольной его правлением. В общем, он совсем не похож на моего батюшку, и я сказала чистую правду, что не думала о нем в этом смысле.

Однако, услышав это, он взглянул на меня так, словно я сказала что-то чрезвычайно важное. А потом он спросил меня, что бы мне хотелось. Ну, не могла ж я сказать ему прямо в лицо: мол, хочу, чтобы он забыл, что я была замужем за его старшим сыном, и выдал меня замуж за младшего. Поэтому я ответила так, как полагается по этикету: что буду счастлива ему подчиняться. Уж тут-то все верно, не подкопаешься. Однако он ждал не такого ответа. И я ничуть не продвинулась к своей цели и к тому же не знаю, что ему нужно. Как повернуть разговор себе на пользу, я понятия не имею.

В Уайтхолл король Генрих возвращался возбужденным, с бьющимся сердцем. Его мучило разочарование, терзала расчетливость. Если он убедит испанских королей в необходимости этого брака, можно будет потребовать выплаты остатка ее весьма значительного приданого, освободиться от притязаний на вдовью долю Каталины, укрепить союз с Испанией, причем в тот самый момент, когда формируются новые альянсы с Шотландией и Францией, а также, с такой-то молодой женой, родить нового сына и наследника. Испанская принцесса на троне Англии, одна дочь — на шотландском престоле,

другая — на французском... Таким образом, в пределах христианского мира удастся добиться мира для Англии на несколько десятков лет! У них будут общие наследники. Это гарантия безопасности. Более того, со временем сыны Англии смогут унаследовать французское, шотландское, испанское королевства... Англия проложит себе путь в благоденствие и величие.

Оставить за собой Каталину в высшей степени разумно. Впрочем, политические преимущества этого брака он обдумывал для того, чтобы не тревожить душу воспоминанием о ее нежной шее и изгибистой талии. Какая получится экономия, если не отдавать ей вдовью долю, не посылать корабль, а может, и несколько кораблей, чтобы отправить ее домой. И все равно перед глазами стояло, как она тронула пальчиком нижнюю губку, говоря, что ей не нравится вкус, который остается во рту после эля... а потом облизнулась, показав краешек языка... Тут король даже застонал вслух, так что грум, который придерживал коня, чтобы он спешился, встрепенулся и спросил:

— Государь?

— Вздор, избыток желчи, — буркнул король.

Похоже, высоковата цена, которую придется заплатить, вот что его так донимает, решил он, вышагивая к себе и не глядя на угодливо шарахающихся в стороны придворных. Надо помнить, что она почти ребенок, почти что дочка ему, невестка. Прислушайся он к здравому смыслу, который так всегда помогал ему в жизни, посулил бы выплатить ее вдовью долю, отослал бы к родителям и тянул с выплатой, пока они не выдадут ее снова за какого-нибудь олуха королевских кровей. В итоге остался бы при своих...

Однако при мысли, что она станет женой другого, резко остановился и ухватился рукой за дубовую стенную панель, чтобы не упасть.

— Ваше величество! — подлетел его личный слуга. — Вы здоровы?

— Да желчь это, желчь, — отмахнулся он. — Съел что-то.

— Не послать ли за лекарем, государь?

— Нет, — отрезал он. — А вот лучше велите-ка послать пару бочонков лучшего вина вдовствующей принцессе. У нее шаром покати в подвале, а я, когда навещаю ее, хочу пить вино, а не эль.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился придворный и отправился выполнять приказ.

Генрих выпрямился и пошел дальше. В его покоях, как всегда, оказалось полно народу: просители, придворные, друзья, искатели привилегий. Да, когда он был просто Генрих Тюдор и бежал в Бретань, у него не было стольких приверженцев, кисло подумал король.

— Где моя матушка?

— У себя, ваше величество.

— Пойду-ка я ее навещу. Предупредите ее.

Он дал ей несколько минут подготовиться и направился в ее покои. После смерти невестки она перебралась в апартаменты, которые по традиции занимала королева. Заказала новые гобелены, новую мебель, так что теперь ее комнаты были обставлены лучше, чем когда-либо раньше.

— Я без доклада, — сказал король стражнику и без церемоний открыл дверь.

Леди Маргарита сидела у окна за столом, по которому были разложены счета, проверяла, во что обходится содержание королевского двора. Она была хорошая хозяйка: впустую тратилось очень мало, излишеств не дозволялось, и тех слуг, которые полагали, что при королевском дворе можно пожить, ожидало разочарование.

Генрих одобрительно кивнул, всецело одобряя рачительность матушки. Он так и не смог избавиться от чувства, что за внешней пышностью английского двора скрывается пустота и что поддерживать эту видимость в какой-то момент окажется не на что. Когда-то Генрих, чтобы пробиться к трону, одалживался где только мог и с тех пор более всего боялся оказаться без денег.

Леди Маргарита подняла глаза:

— Сын мой!

Он преклонил колени, чтобы она благословила его, как делал всегда, когда они встречались впервые на дню, и почувствовал, как ее пальцы легонько коснулись его макушки.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Да, матушка. Я ездил к вдовствующей принцессе.

— В самом деле? — переспросила она с легким неудовольствием. — Что ей еще нужно?

— Это нам... — начал он, помолчал и продолжил: — Это нам нужно решить, что с ней делать. Она поговаривает об отъезде домой.

— Пусть они сначала заплатят, что нам должны! — тут же отозвалась мать. — Они же знают, что за ними еще половина ее приданого!

— Да, знают.

Они помолчали.

— Она заговорила о том, нет ли способа договориться как-то иначе.

— Да? Ну, я этого ждала. Странно только, что они тянули так долго. Полагаю, ждали, когда кончится траур.

— Чего именно вы ждали, матушка?

— Что они попросят ее оставить.

У него невольно поползли губы в улыбке, так что пришлось сделать усилие, чтобы сохранить серьезное выражение лица.

— В самом деле?

— Ну да, сын мой. Я ждала, когда они выложат карты на стол. Конечно, они хотели, чтобы мы сделали первый ход, но, значит, не выдержали!

Он вскинул брови, ожидая, что она сама выскажет то, чего ему так страстно желалось.

— И чего же они ждали?

— Нашего предложения, конечно! Я все обдумала, и они тоже не могут не понимать, что мы не упустим такого шанса. Она и тогда, в первый раз, была верным выбором, и сейчас также. Мы выторговали прекрасное приданое, что также не потеряло значения. Особенно если они целиком его выплатят. А сейчас Каталина для нас представляет даже большую ценность, чем прежде.

Королю стало жарко.

— Вы думаете?

— Ну, разумеется. Она здесь, половина ее приданого уже выплачена, нужно лишь дополучить остальное, мы уже избавились от ее эскорта, политический союз работает в нашу пользу, Франция никогда б с нами так не считалась, как сейчас, если б не испанские короли, да и шотландцы поглядывают с опаской... Что ж тебе еще?! В целом лучше ее нам во всей Европе не найти...

Он перевел дух. Если уж матушка не против его затеи, то можно смело идти вперед. Лучше ее у него советника нет и не было.

— А как же разница в возрасте?

— А что там? Шесть, почти семь лет? — Она пожала плечами. — Это пустяк, когда речь идет о принцах.

Он отшатнулся, словно она ударила его по лицу.

— Семь лет? — глухо повторил он.

— И Гарри высок для своих лет и очень силен. Они не будут выглядеть несуразно.

— Нет, — не сдерживаясь более, выдохнул в гнев Генрих. — Нет. Я имел в виду не Гарри.

— Что? А кого же?

— Разве не ясно? Разве не очевидно?

— Не Гарри?

— Себя, себя я имел в виду!

— Ты... — Леди Маргарита быстро проиграла в уме весь разговор. — Ты и инфанта?

Лицо его налилось кровью.

— Да.

— Вдова Артура? Твоя невестка?

— Да. Отчего нет? — Она смотрела на него с тревогой. Даже возражать не хотелось. — Он был слишком молод. Брак не был консумирован. — Леди Маргарет скептически вскинула бровь. — Она сама так сказала. Это подтвердила ее дуэнья и все испанцы.

— И ты им веришь? — холодно осведомилась мать.

— Он был бессилен.

— Что ж... — Это было типично для нее, помолчать, подумать. Она думала и смотрела на красное, измученное лицо сына. — Скорее всего, они лгут. Мы сами уложили их в постель, и после никто словом не обмолвился, что не все ладно.

— Ну, это их дело. Если все будут повторять одну ложь и стоять на этом, то тогда это все равно, что правда.

— Только если мы с ней согласимся.

— Мы согласимся, — отрезал король.

— Ты этого хочешь? — вскинула она бровь.

— Это не вопрос «хочешь не хочешь». Мне нужна жена, — произнес он так, словно женой мог быть кто угодно. — А она уже

здесь, и это удобно. Вы, матушка, сами так сказали.

— По рождению-то она подходит, спору нет. Но вы в свойстве! Она тебе невестка, даже если брак по сути не состоялся. А потом, она так молода!

— Семнадцать лет — отличный возраст для женщины. Она созрела для брака.

— Давай уж договоримся: она либо девственница, либо нет, — ядовито заметила мать.

— Семнадцать лет, — поправился он, — отличный возраст для брака.

— Люди этого не одобрят, — покачала она головой. — Они еще помнят ее свадьбу с Артуром, мы тогда устроили такой шум! Она им понравилась. Они оба им нравились. Гранат и роза. И эта ее мантилья!

— Что подделаешь, Артур мертв, — жестко сказал он. — А ей надо идти замуж снова.

— Люди не поймут, — повторила она.

— Они будут рады, если она родит мне сына.

— Да, если сможет. С Артуром-то не смогла.

— Мы же договорились! Артур с делом не справился.

Поджав губы, она промолчала.

— И это дает нам приданое и освобождает от выплаты вдовьей доли, — напомнил он.

Мать кивнула. Мысль о деньгах всегда как-то примиряла.

— И она уже здесь.

— В постоянном присутствии, — съязвила она.

— Постоянная принцесса.

— Ты, в самом деле, думаешь, испанцы согласятся?

— Такое решение всем на благо, не только нам. И альянс цел и процветает. — Он обнаружил, что улыбается, и побыстрее вернул на место свою обычную суровую маску. — А она сама подумает, что это ее судьба. Она верит, что рождена, чтобы стать королевой Англии.

— Неужели? Вот дурочка!

— Видишь ли, ее растили в этом убеждении с молодых ногтей.

— Но она будет бездетной королевой. Ее сын, если она родит, не станет королем, разве только после Гарри. И даже не так: после его сыновей. В этом смысле для нее выгодней брак с Гарри. Испанцы не могут этого не понимать.

— Ну, Гарри пока дитя. До его сыновей еще далеко. Годы.

— Даже если так, — сказала она после паузы, — это немаловажный факт для ее родителей. Они предпочтут Гарри. Таким образом, она становится королевой, а ее сын — королем. Зачем им соглашаться на меньшее?

Он промолчал. Логика матери была безупречна, сказать нечего, за исключением того, что он не хотел ей следовать.

— Ну, понятно. Ты ее хочешь, — сухо произнесла она, когда молчание затянулось.

— Да, — признался он неохотно.

Нахмурясь, мать окинула его изучающим взглядом. Его забрали у нее, чтобы не пропал, совсем маленьким, едва из пеленок. Тогда сама еще ребенок, она мало любила его малышом. С тех пор она всегда воспринимала его как потенциального наследника трона, как свой пропуск к величию. Она распланировала для него будущее, защищала его права на престол, но нежности к нему — нет, не испытывала. А начинать сейчас уже поздно. Она не привыкла кого-то баловать. Да и себя никогда не баловала.

— Ну что мне тебе на это сказать? — холодно заключила леди Маргарита. — История неприятная. Она тебе, в сущности, дочь. Твое желание — смертный грех.

— Ничего подобного, — возразил он. — В достойной любви нет греха. И она мне не дочь. Она вдова моего сына, брак с которым не вступил в законную силу.

— Весь двор присутствовал при том, как их уложили в постель.

— Да, и он не справился с делом, бедолага...

— Если верить ее словам, — кивнула мать.

— Так ты против или не против?

— Это грех, — повторила леди Маргарита. — Однако если Папа Римский дарует разрешение и испанцы согласятся, тогда... — она сделала кислое лицо, — что ж, она не хуже других, пожалуй... Я возьму ее под опеку. С ней-то справиться будет легче, чем с кем-то постарше, и мы знаем, что она умеет себя вести. Она послушная. И нравится людям. Но, конечно, ей придется многому научиться. — И махнула рукой на счета.

— Сегодня же переговорю с испанским послом. А завтра поеду к ней.

— Так скоро? Ты же был у нее только сегодня? — удивилась она.

Он ограничился кивком. Не станет же он говорить матери, что и до завтра ожидание невыносимо. Мог бы, поехал бы прямо сейчас и, не откладывая, попросил ее выйти за него замуж. Будь он скромный сквайр, а не король Англии и ее свекр, а она простая девушка, а не принцесса Испанская и его невестка...

Генрих распорядился, чтобы испанского посла пригласили на ужин, посадили получше и не обнесли вином, а когда перед королем поставили блюдо с олениной, провяленной, как положено, а потом тушенной в бренди, он положил себе немного, а остальное велел отнести испанскому послу. Тот, отвыкший от таких знаков благоволения с тех самых пор, как готовился брачный контракт инфанты, щедрой рукой наложил оленины в свою тарелку и угостился, заедая белым хлебом, который макал в соус, и задаваясь вопросом, что бы это могло означать, притом, что и миледи матушка короля одарила его кивком. Посол, вскочив на ноги, ответил ей поклоном. Очень любопытно подумал он про себя. До чрезвычайности.

Отнюдь не дурак, он хорошо знал, что знаки эти неспроста. Однако после прошлогоднего краха, когда лучшие надежды Испании оказались погребены в Ворчестерском кафедральном соборе, они, скорее, к лучшему, чем наоборот. Очевидно, он надобен Генриху для каких-то иных целей, чем просто срывать на нем свое негодование по адресу уваливающего от уплаты долга короля Фердинанда.

Строго говоря, послу досталась нелегкая доля. Постоянно между молотом и наковальней, он пытался добиться понимания между всеми участниками переговоров. Писал длинные, подробные письма испанским величествам, втолковывая, что нелепо требовать у Генриха выплаты вдовьей доли, когда не заплачено приданое. Пытался объяснить Каталине, что не в силах заставить английского короля предоставить ей более щедрое содержание или уговорить испанского оказать дочери финансовую поддержку. Оба монарха отличались редким упрямством и прижимистостью. Ни тот ни другой думать не думали о том, каково Каталине в семнадцать лет поддерживать видимость королевского двора в чужой стране. Ни тот ни другой не желали идти навстречу и взять на себя содержание принцессы и ее двора, явно опасаясь, что это вынудит их содержать ее вечно.

Де Пуэбла улыбнулся, глядя на короля Генриха. Он ему искренне нравился, этот король, мужественно добившийся трона и сумевший его удержать, импонировали его практичная хватка и прямодушный здравый смысл. И, более того, ему нравилось жить в Англии. У него был в Лондоне хороший дом, он привык к местным нравам, к своему месту при дворе, к тому, что представляет там одну из самых могущественных стран Европы. Ему нравилось то, что на его еврейское происхождение и совсем свежее обращение в христианство в Англии смотрят сквозь пальцы, поскольку почти все при этом дворе явились ниоткуда, не раз и не два меняли свое имя и свое вероисповедание. Англия ему подходит, и он сделает все возможное, чтобы не уезжать отсюда. Если для этого требуется ближе к сердцу принять интересы короля Англии, чем интересы короля Испании, де Пуэбла долго думать не будет.

Генрих поднялся и сделал знак, что слуги могут убрать со стола, а сам прошелся по залу, останавливаясь здесь и там, чтобы перекинуться словцом со своими гостями. Он по-прежнему чувствовал себя командующим своей армией. Все фавориты при тюдоровском дворе были игроками, которые поставили на кон честь и шпагу, войдя в Англию с Генрихом, когда тот еще не был королем. Они знали, как ценны для него, а он знал, что важен для них. В целом эта трапезная по-прежнему представляла собой скорее бивуак победителей, чем мягкотелый королевский двор.

Наконец король завершил свой обход и подошел к тому месту, где сидел де Пуэбла.

— Господин посол! — приветствовал он его.

Тот низко поклонился.

— Ваше величество, позвольте поблагодарить вас за оленину, — сказал он. — Мясо оказалось выше всяких похвал!

Король кивнул.

— Мне нужно с вами потолковать, доктор да Пуэбла.

— Я к вашим услугам, ваше величество.

— С глазу на глаз, посол.

Они отошли к окну, где было потише. Между тем заиграл оркестр, сидевший на галерее.

— У меня есть предложение, которое утрясет сложности с уплатой приданого вдовствующей принцессы, — самым нейтральным

тоном начал король.

— Да, ваше величество?

— Оно может показаться вам необычным, но, на мой взгляд, у него много достоинств.

«Вот оно, — подумал посол. — Сейчас он предложит принца Гарри. Я-то думал, он даст ей упасть еще и еще ниже, прежде чем дело дойдет до этого. Я-то думал, что нам придется выложить вдвое больше за вторую попытку взять Уэльс. Ну что ж. Господь милосерден».

— Я весь внимание, — сказал он вслух.

— Предлагаю забыть о приданом, — сказал король. — Утварь принцессы перейдет мне во владение. Я назначу ей такое же содержание, какое платил покойной королеве Елизавете, упокой Господь ее душу, и сам женюсь на инфанте.

Де Пуэбла утратил дар речи. Только подумать, этот старик, только что похоронивший жену, вздумал жениться на вдове своего сына!

— Вы, ваше величество?!

— Да, я. А почему бы и нет?

Испанец перевел дыхание, развел руками и, запинаясь, заговорил:

— Да, конечно... почему нет... впрочем, да... возможны возражения ввиду родственной близости...

— Я обращусь в Рим за разрешением. Насколько я понимаю, вы твердо уверены, что брак не был консумирован?

— Да, ваше величество...

— Вы уверены в этом на основании ее слов?

— И слов дуэньи...

— В таком случае — пустяки, — решил король. — Они были всего лишь обручены. Это не то, что муж и жена.

— Мне нужно написать их величествам в Испанию, — промямлил посол, не слишком успешно пытаясь привести в порядок мысли и убрать выражение ужаса с лица. — А что Тайный совет... согласен? — спросил он, чтобы протянуть время. — А архиепископ Кентерберийский?

— Пока что прошу воспринимать это как исключительно частное дело, господин посол. Я вдовею совсем недавно. Будете писать их величествам, известите, что их дочери обеспечена полная забота. Ей выдался тяжкий год...

— Если бы она могла уехать домой...

— Ей нет нужды ехать домой. Ее дом здесь, в Англии. Это ее страна. Она будет здесь править. Она для этого рождена.

— Разумеется, ваше величество... Итак, мне следует сообщить их величествам, что вы твердо намерены следовать этим курсом? Нет ли других возможностей, которые нам следовало бы рассмотреть? — бормотал де Пуэбла, лихорадочно обдумывая, как навести разговор на принца Гарри, который выглядел куда более подходящим супругом для Каталины. И наконец решился: — Ваш сын, например?

— Мой сын еще слишком юн, чтобы думать о браке, — отмахнулся король. — Ему одиннадцать. Конечно, он мальчик крепкий и разумом старше своих лет, но его бабка настаивает, чтобы ближайшие четыре года никаких разговоров о его женитьбе не было. А к тому времени вдовствующей принцессе исполнится двадцать один.

— Еще молода, — вставил де Пуэбла. — Вполне молодая женщина, и близка ему по возрасту...

— Не думаю, что их величества согласятся, чтобы их дочь оставалась в Англии еще четыре года, без мужа и покровителя, — не скрывая угрозы в голосе, произнес король Генрих. — Вряд ли они захотят дожидаться совершеннолетия Гарри. Чем она будет заниматься все эти годы? Где жить? Или они рассчитывают купить ей дом и содержать ее прислугу? Они готовы выделить ей содержание? И двор, соответствующий ее положению? На целых четыре года?

— А если на это время она вернется в Испанию? — предположил де Пуэбла.

— Ради Бога, только пусть сначала заплатит остаток приданого и отправляется искать мужа! Вы что, в самом деле, думаете, что ей светит что-то большее, чем стать королевой Англии?!

Де Пуэбла понял, что побежден. Возразить было нечего.

— Вечером же напишу их величествам, — с поклоном пробормотал он.

— Король опять здесь, — сказала дуэнья, глянув в окно. — И с ним всего двое, ни знаменосца, ни стражи. — Донья Эльвира никак не могла привыкнуть к бесцеремонности англичан, а уж у короля-то и вообще манеры мальчишки из конюшни.

Подлетев к окну, Каталина выглянула во двор.

— Что ему нужно? — удивилась она. — Быстренько прикажите нацедить вина из его бочки!

Донья Эльвира поспешила из комнаты, и тут же, безо всякого доклада, пожаловал его величество король Генрих Седьмой.

— Я решил навестить тебя, — объявил он.

Каталина присела в низком поклоне:

— Большая честь, ваше величество. И теперь, по крайней мере, я могу предложить вам стакан доброго вина.

Улыбнувшись, Генрих промолчал. Тут донья Эльвира вернулась в комнату в сопровождении горничной-испанки, которая несла медный поднос мавританской работы с двумя бокалами из венецианского стекла, наполненными красным вином. Отметив про себя изящество отделки того и другого, король не ошибся, заключив, что это часть испанского приданого Каталины.

— Твое здоровье, — молвил он, салютуя принцессе.

К его удивлению, она не просто повторила его жест, но и одарила его долгим, внимательным взглядом. Встретившись с ней глазами, он почувствовал сердечный трепет, словно мальчишка.

— Принцесса?

— Ваше величество?

И оба глянули в сторону доньи Эльвиры, стоявшей неуместно близко.

— Оставьте нас, — приказал король.

Дуэнья глянула на принцессу, ожидая, что та скажет, и не тронулась с места.

— Я должен поговорить с невесткой с глазу на глаз, — твердо сказал король. — Идите!

Донья Эльвира, присев, вышла, и за ней проследовали придворные дамы.

Каталина улыбнулась:

— Ваше величество, я вся внимание!

У него сердце заколотилось от этой улыбки.

— Мне и впрямь нужно с тобой поговорить. У меня есть предложение. Я уже изложил его вашему послу, и он отправил письмо твоим родителям.

«Наконец-то! Вот оно! Наконец! Он пришел, чтобы предложить мне Гарри. Благодарение Господу, этот день настал. Артур, милый,

сегодня ты увидишь, что я выполню данное тебе слово!»

— Мне нужно снова жениться, — сказал Генрих. — Я еще молод... — Подумав, он не стал упоминать, что ему стукнуло сорок пять. Для мужчины это не возраст. — И вполне в силах стать отцом...

Каталина вежливо наклонила голову, но на самом деле она едва его слышала, ожидая, что он предложит ей принца Гарри.

— Я перебрал всех принцесс в Европе, которые могли бы составить мне партию, — продолжил он.

Та принцесса, что стояла перед ним, по-прежнему молчала.

— И не нашел ни одной, которая бы мне понравилась.

Она вскинула бровь, показывая, что внимательно слушает.

Генрих двинулся дальше.

— Мой выбор пал на тебя, — веско сказал он, — и вот почему. Ты уже здесь, в Лондоне. Приспособилась к нашей жизни. Тебя растили, чтобы ты стала английской королевой, и ты станешь ею как моя супруга. Трудности с приданым можно забыть. Я буду платить тебе такое же содержание, как платил королеве Елизавете. Моя матушка с этим согласна.

Наконец до нее дошло, о чем он говорит. Она была так поражена, что не могла выговорить ни слова, а только смотрела на него во все глаза.

— На меня?!

— Есть небольшое препятствие в виде родственной близости, но я напишу Папе, попрошу дать разрешение. Насколько я понимаю, твой брак с принцем Артуром консумирован не был. В таком случае вряд ли могут быть возражения.

— Да, не был... — по привычке повторила Каталина эти слова, словно не совсем их понимая.

Эта ужасная ложь была частью плана, придуманного, чтобы довести ее к алтарю с принцем Гарри, отнюдь не с его отцом. Но забрать эти слова назад она не могла.

В голове у нее мутилось, и она повторила в растерянности:

— Консумирован не был.

— В таком случае никаких проблем, — сказал король. — Я правильно понял, что ты не против?

И перестал дышать, ожидая ее ответа. Все подозрения, что она завлекала его, заманивала, испарились, когда он глянул на ее

побелевшее, потрясенное лицо. Король взял ее за руку.

— Да что ж ты так испугалась? — мягко, ласково произнес он. — Я тебя не обижу. Я стану тебе добрым мужем. Я буду заботиться о тебе. — Помолчал, в отчаянии думая, чем бы прельстить ее еще. — Буду тебя баловать, покупать тебе красивые вещи. Как те сапфиры, которые, помнишь, тебе понравились. У тебя будут полные сундуки красивых вещей, Каталина.

Надо было что-то ответить, и Каталина сказала:

— Это так неожиданно...

— Но ты ведь не могла не знать, что я к тебе вождедею?

Я хотела отрицать это, но, по чести, не смогла. Это было бы ложью. Как всякая женщина на моем месте, я знала, что он желает меня, по тому, как он смотрел на меня, как я сама на его внимание отзывалась. Эта тайная связь установилась между нами с самого первого дня. Я старалась не обращать внимания. Притворялась перед собой, что это что-то другое. Я играла на этом. Это моя вина.

В своем тщеславии я думала, что, играя чувствами старика, я смогу очаровывать, забавлять, даже флиртовать с ним немного, как с отцом, как со свекром — и понемногу привести его к мысли выдать меня за Гарри. Я хотела, чтобы он видел во мне дочь, восхищался мной, баловал, не чаял во мне души.

Это грех, грех. Грех тщеславия и гордыни. Я использовала его страсть и вождеделение. По глупости я навела его на грех. Ничего удивительного, что Господь от меня отвернулся и матушка мне не пишет. Я виновата. Господи милосердный, прости меня! Я дурочка, и по-детски тщеславная к тому же. Короля в ловушку я заманила не для собственного удовольствия. Я просто положила наживку в ловушку, которую он приготовил для меня. Тщеславие и гордыня вели мной, заставляя думать, что я смогу заставить его делать то, что мне вздумается. Однако я лишь разбудила в нем похоть, и теперь он сделает все, что ему угодно. А угодно ему меня.

— Ты не можешь не знать, — улыбнулся ей Генрих. — Ты знала об этом уже вчера и потом, когда я послал тебе это вино.

Она склонила головку. Да, конечно, знала. И хвалила себя, как ловко водит за нос самого короля Англии. Вот дурочка! Ей казалось, это пустяки, а посол просто олух, что не может справиться с королем,

которым манипулировать легче легкого. Казалось, он пляшет под ее дудочку. Но на самом деле мелодию выдувал он, а плясала она...

— Ты не можешь не знать, что я желал тебя с первой нашей встречи, — очень тихо, интимно говорил он.

— Да? — сказала она, чтобы просто что-то сказать.

— Правда. Когда, помнишь, я вломился к тебе в спальню в Догмерсфилде.

Еще бы ей не помнить! Конечно, она запомнила отца своего жениха, забрызганного дорожной грязью. Он показался ей стариком. Пахло от него потом, невымытым телом, и она помнила, что тогда подумала о нем: вот невежа, ворвался куда не просят, неотесанный солдафон! А потом робко вошел Артур, со спутанными ветром светлыми кудрями, со сверкающей улыбкой...

— О да, — сказала она и невольно, вопреки себе, улыбнулась. — Я тогда еще для вас танцевала.

Его рука скользнула вокруг ее талии и притянула поближе. Каталина заставила себя не шарахнуться прочь.

— Я смотрел на тебя тогда и желал тебя.

— Ай-ай-ай! — покачала головой Каталина. — Женатый человек!

— А теперь я вдов, и ты тоже, — сказал он, почувствовал ее отчужденность даже сквозь непроницаемо жесткий корсаж и отпустил на волю.

Торопиться не следует. Будем двигаться постепенно. Кокетка не кокетка, похоже, она перепугана тем, какой оборот приняло дело. Придется подождать, пока доставят благословение из Испании и разрешение из Рима. Время работает на него.

— Что ж, — сказал он, — мне пора, но завтра я приеду опять.

Она кивнула и проводила его до порога, и там, помедлив, спросила:

— Государь, а вы, в самом деле... предлагаете мне руку? В самом деле, хотите на мне жениться? И я буду королевой?

— В самом деле, — кивнул он, начиная прозревать, до какой степени она честолюбива. Так вот, значит, где дорожка к ее сердцу! — А ты что, в самом деле, так сильно хочешь стать королевой?

— Меня растили для этого, — просто сказала она. — Больше мне ничего не нужно.

Тут она чуть было не выпалила, что это было предсмертное желание его сына, но в последний момент остановилась. Слишком велика была ее любовь к Артуру, чтобы делить ее с кем-то, пусть даже с его отцом. А потом, Артур ведь хотел, чтобы она вышла за Гарри...

— Значит, у тебя нет желаний, а есть честолюбие, — заметил он с холодноватой улыбкой.

— Это то, что мне причитается, не более. Я рождена, чтобы стать королевой.

Он взял ее руку и склонился над ней в поцелуе. Хотелось взять пальчики в рот, как сласти, но он удержался. Не торопись, опять остерег он себя. Она молода, может стать, и впрямь девственница и, уж конечно, не шлюха.

— Я сделаю тебя Екатериной Арагонской, — сказал он, выпрямившись, и заметил, что при этих словах синева ее глаз стала ярче. — Королевой Англии. Свадьбу сыграем сразу, как только придет разрешение от Папы.

Думай, думай, говорю я себе. Тебя растили не легковерной дурочкой, а будущей королевой. Если это уловка, ты должна ее распознать, если всерьез — употребить себе на пользу.

Строго говоря, это не совсем то, что я обещала моему любимому, но уже близко к тому. Он хотел, чтобы я стала королевой и родила детей, которых он не успел мне дать. Что из того, что эти дети будут ему сводные братья и сестры, а не племянники и племянницы? Какая разница!

Что и говорить, мысль, что придется выйти за человека старше, чем отец, мне отвратительна. Кожа на шее у Генриха желтая и вислая, как у черепахи. Из рта пахнет кислятиной. Он тощий, плечи и бедра костлявые. Не представляю, как лягу с ним в постель. Однако и мысль о том, что придется делить ее с Гарри, тоже не радует. Лицо у него гладкое и круглое, как у девочки. Впрочем, невыносима сама мысль, что придется стать чьей-то женой после Артура.

Думай! Думай! Может стать, это выход и есть...

Артур, милый, что же мне делать? Как ты мне нужен сейчас! Мне ведь всего семнадцать, я не могу перехитрить человека, который втрое старше меня, да еще короля!

Нет, помощи ждать неоткуда. Придется думать самой...

Донья Эльвира дождалась, когда принцессу уложили в постель, вся дворня удалилась, и они остались одни. Закрыв дверь, она повернулась к Каталине, которая сидела в постели, опершись на высоко взбитые подушки.

— Что хотел король? — прямо спросила она.

— Он предложил мне руку и сердце, — так же прямо ответила Каталина. — Свою руку и свое сердце.

Дуэнья замерла, переваривая это известие, а потом перекрестилась, словно отгоняя нечистого.

— Прости его Господь, как ему в голову пришло!

— Прости Господь вас, донья Эльвира, — парировала Каталина. — Я это предложение обдумываю.

— Да он же ваш свекор, и старик к тому же!

— Возраст здесь ни при чем, — не без резона ответила Каталина. — Ведь если вернемся в Испанию, мне будут искать не молодого мужа, а выгодного.

— Но он отец вашего мужа!

— Моего покойного мужа, — помолчав, тусклым голосом поправила ее Каталина. — И брак наш не вступил в законную силу.

Донья Эльвира не стала это опровергать, лишь сверкнула глазами.

— Тем не менее! Это противно самой природе!

— Я так не думаю. Брак не консумирован, детей нет. Так что, какой грех! И потом, мы получим разрешение от святой церкви.

— В самом деле? — заинтересовалась донья Эльвира.

— Так говорит король.

— Но, ваше высочество, скажите по чести, вы же не можете этого желать!

— Он не отдаст меня Гарри, — с бесстрастным лицом произнесла Каталина. — Он говорит, принц еще мал. Я не могу ждать четыре года, пока он подрастет. Так не лучше ли выйти за короля? Мне надо выполнить мое предназначение. Я думала, мне придется принять принца Гарри. Теперь выходит, что придется заставить себя принять короля. Возможно, в этом и есть испытание, уготованное мне Господом. Но моя воля сильна. Я стану королевой и матерью короля. Я сделаю эту страну оплотом от мавров, как обещала матушке, учрежу

здесь справедливые законы, выстрою защиту от шотландцев, как обещала Артуру.

— Кстати, про матушку! Не представляю, что она скажет, — вздохнула дуэнья. — Знала бы, зачем он пришел, ни за что не оставила б вас с ним вдвоем!

— Да, лучше не оставляйте нас больше, — согласилась Каталина, и, подумав, добавила: — Но если я дам знак, кивну, например, тогда, донья Эльвира, вам следует уйти.

— Вот еще, уйти! Помилуйте, ваше высочество! И не думайте, не уйду! До свадьбы он не должен вас даже видеть! — завелась дуэнья. — Я скажу послу, пусть оповестит его величество, что посещать нас теперь он не может!

Каталина вздохнула:

— Мы не в Испании, дорогая моя! Неужели еще не понятно? Ни посол, ни даже моя матушка больше не могут диктовать нам, что делать! Я беру все на себя. Я зашла так далеко, что теперь ничего не остается, кроме как идти до конца.

Я надеялась увидеть тебя во сне, но ты не приснился. У меня такое чувство, словно ты ушел далеко-далеко. Писем от матушки нет, так что неизвестно, что она думает по поводу предложения короля. Я молюсь, но Господь мне не отвечает. Я самоуверенно толкую о своей судьбе и Его воле, но чувствую себя сбитой с толку. Если Господь не сделает меня королевой, уж и не знаю, как мне жить, во что верить...

Каталина ждала, что назавтра король приедет с визитом, как он обещал, но этого не случилось. Ни назавтра, ни на следующий день, ни потом. Она гуляла вдоль берега, сжимая руки под покровом плаща, и ломала голову, что же пошло не так. Она-то думала, он примчится, и разработала для себя линию поведения: приманивать его, держать в напряжении, но под строгим контролем, на расстоянии вытянутой руки, — и что теперь толку в этой стратегии, когда он не едет! С изумлением она поймала себя на мысли, что ей хочется его видеть. Не из страсти — какая там страсть, ей, кажется, никогда больше не испытать желанья! — а потому, что, благодаря ему, она может занять трон Англии. И что, если он не приедет снова?.

Может, это козни его матери? Я так ее боюсь! Она меня не любит, и, если высказалась против этого брака, настаивать он не посмеет. Впрочем, он ведь сказал, кажется, она согласна... А может, возразил испанский посол? Нет, трудно поверить, что наш посол скажет что-то поперек английскому королю. В чем же дело? Отчего он не приезжает?

Прошло еще два дня, и Каталина не выдержала, послала ему записку, в которой осведомлялась, здоров ли он. Донья Эльвира, видя, как она отсылает записку, смолчала, но всем своим видом выразила неодобрение.

— Я знаю, что вы скажете, — сказала ей Каталина, когда дуэнья махнула горничной, чтобы та ушла, и принялась расчесывать волосы своей подопечной. — Однако поверьте, я не вправе упустить этот шанс.

— Ничего я не скажу, — холодно ответствовала дуэнья. — Я отстала от жизни, у вас теперь все по-новому, по-английски, не так, как у нас на родине. Что уж слушать мои советы. Я — так, пустой сосуд...

— Пустой так пустой, — рассеянно пробормотала Каталина, слишком занятая своими мыслями, чтобы улещивать дуэнью. — Возможно, он явится завтра...

Генрих VII между тем, поняв, что Каталиной движут амбиции, пришел к выводу, что самое время дать девушке несколько поразмыслить. Пусть сравнит свою теперешнюю, уединенную и скудную жизнь в Дарэм-хаусе, когда не на что купить вина, сменить обивку на мебели и сшить новые платья, в узком кругу своих испанских придворных, с той жизнью, которую она вела бы как королева, во главе одного из самых богатых дворов Европы. Пожалуй, у нее хватит здравого смысла, чтобы увидеть все преимущества, которые кроются в его предложении. Когда же от нее принесли записку, в которой она справлялась о его здоровье, влюбленный король понял, что был прав. На следующий день он уже ехал по Стрэнду к Дарэм-хаусу.

Мажордом Каталины доложил, что ее высочество прогуливается в саду у реки. Генрих, пройдя дворец насквозь, вышел на террасу, по лестнице спустился в сад и еще издали заметил принцессу. Погруженная в думу, она брела одна, оставив позади щебечущих, по

обыкновенно, придворных дам. Король замер. Его настигло давно позабытое волнение, то чудное и странное чувство, которое охватывает мужчину при виде желанной женщины. Он снова почувствовал себя молодым, страстным, сильным. «Вот же, не зря говорят: седина в бороду — бес в ребро!» — улыбнувшись, подумал он.

Паж, опередив его, объявил о прибытии короля, а тот, опытный охотник, зорко следил, как поведет себя его возлюбленная. Выслушав пажа, Каталина обежала взглядом лужайку. Король улыбнулся ей, с замиранием сердца ожидая того момента, когда встретятся взоры женщины и влюбленного в нее мужчины, когда обоих охватит острая радость узнавания, когда глаза скажут: ах, это ты! — и не будет счастья больше.

Однако ничего этого не случилось. Старый лис, он сразу понял, что ее сердечко не дрогнуло при виде его. Это его лицо освещалось робкой улыбкой и предвкушением встречи. Она же — нет, захваченная врасплох, она выглядела совсем не так, как выглядит влюбленная женщина. Подняла голову, увидела его — и с ужасающей ясностью он понял, что его не любят. Ни следа радости. Напротив, в глазах расчет и настороженность девочки, прикидывающей, как далеко можно зайти, где границы влияния, можно ли настоять на своем. Взгляд шулера, оценивающего карточного игрока, насколько тот простофиля. Генрих, проницательный отец двух своенравных дочек, сразу понял все это. Ему стало ясно, что, как бы принцесса ни щебетала, как бы ни улыбалась, для нее их супружество будет лишь браком по расчету. А еще он понял, что она решила принять его предложение.

Он приблизился, ступая по свежескошенной лужайке, и взял ее за руку.

— Добрый день, принцесса.

— Ваше величество, — сделала она реверанс и повернулась к своим дамам: — Можете идти во дворец. А вы, донья Эльвира, проследите, чтобы королю было чем угоститься, когда мы вернемся после прогулки. Мы ведь прогуляемся, да, государь?

— Из тебя выйдет очень элегантная королева, — с улыбкой заметил король. — Ты так ловко нами командуешь!

Она замедлила шаг, подняла на него лицо и выдохнула:

— А вы, сир, в самом деле, намерены жениться?

— Да, дорогая моя. И скажу по чести, в Англии не было и не будет королевы красивее тебя!

Она так и расцвела.

— Но мне столькому надо научиться!

— Моя матушка этим займется, — легко сказал он. — При дворе ты будешь жить в ее комнатах и под ее опекой.

Каталина от неожиданности даже сбилась с шага.

— Разве у меня не будет своих покоев, как положено королеве?

— Их занимает моя мать, — сказал он. — Переехала туда после кончины покойной королевы, упокой Господь ее душу. И ты присоединишься к моей матушке. Она считает, ты еще слишком молода, чтобы иметь свои комнаты и отдельный штат. Будешь жить в ее комнатах с ее придворными дамами, и она научит тебя всему, что знает.

Похоже, такое положение вещей ее не устраивает, но она из всех сил старается это скрыть.

— Ну, я-то думала, что знаю, как устроена жизнь в королевском дворце, — с усилием изобразив улыбку, произнесла Каталина.

— У нас здесь речь об английском дворце, — любезно, но твердо уточнил он. — К счастью, моя матушка управляла всеми моими дворцами и замками с тех пор, как я на троне. Ей есть чему тебя научить.

Каталина, благоразумно смолчав, сменила тему.

— Как вы полагаете, государь, скоро ли придет ответ от Папы? — спросила она.

— Я послал эмиссара в Рим, чтобы навести справки. Нам придется подавать прошение совместно с твоими родителями. Думаю, решение не заставит себя ждать. Если мы одного мнения, возражений быть не может.

— Да, — кивнула она.

— Так мы с тобой одного мнения по поводу брака?

— Да, — повторила она.

Он взял ее руку и просунул себе под локоть. Таким образом, она оказалась близко к нему, так близко, по сути дела, что ее голова касалась его плеча. Каталина была без покрывала, в головном уборе, называемом «французский капюшон», который при движении сбился назад, открыв затылок. От ее волос пахло розовым маслом. Король

помедлил. Принцесса тоже остановилась, оставаясь в тревожащей близости от него. Он чувствовал тепло ее тела.

— Каталина, — низким, хрипловатым голосом произнес он.

Она подняла глаза, увидела сдерживаемое желание на его лице и не отступила, а даже, кажется, подалась вперед.

— Да, ваше величество? — прошептала она.

В молчании она смотрела на него снизу вверх, и король не устоял перед невысказанным приглашением, наклонился и поцеловал ее в губы.

Она не отшатнулась, не сжалась, нет. Она податливо приняла его поцелуй. Король обнял ее и с силой прижал к себе, но почти сразу же отпустил: вспыхнувшее желание было столь сильно, что пришлось взять себя в руки. Каталина, освободясь, принялась поправлять свой чепчик, словно загораживаясь от короля, подобно наложнице из гарема в чадре, когда видны только одни глаза над тканью. Этот жест, такой чужеземный, такой интимный, снова заставил его потянуться к ней, чтобы поцеловать.

— Увидят, — трезво сказала она, отступив на шаг. — И из дворца могут увидеть, и с реки.

Он промолчал, опасаясь, что голос выдаст его, без слов предложил руку, и Каталина так же молча ее приняла. Они пошли, он — принавливая свой длинный шаг к ее, мелкому.

— Позвольте спросить, ваше величество, будут ли дети, которых мы можем иметь, вашими наследниками? — ровным, уверенным тоном поинтересовалась она, следуя ходу мыслей, чрезвычайно отличных от той бури эмоций, которую переживал король.

Он откашлялся, прочищая горло:

— Да, конечно, будут, а как же!

— Таков английский обычай?

— Да.

— А каков порядок наследования?

— Наш сын унаследует перед принцессами Маргаритой и Марией. Однако наши дочери наследуют после них.

Она нахмурилась:

— Отчего так?

— Сначала учитывается пол, потом возраст. Сначала первенец-мальчик, потом другие сыновья, потом дочери, по старшинству.

Главное, чтобы в Англии всегда были принцы-наследники. У нас нет традиции правящих королей.

— Королева может править ничуть не хуже короля! — отозвалась дочь Изабеллы Кастильской.

— Только не в Англии, — возразил Генрих Тюдор.

— Но наш старший сын станет королем, когда вы умрете? — со свойственной ей прямолинейностью переключилась она на то, что интересовало ее сейчас сильнее всего.

— Надеюсь, я еще проживу немного, — сухо сказал он.

— Да, конечно, сир! Но когда вы умрете, наш сын, если он будет, сможет наследовать?

— Нет. После меня королем станет принц Гарри.

— А я думала, — нахмурилась Каталина, — вы можете назначать наследника по своему выбору. Разве нельзя передать престол нашему сыну?

Король покачал головой.

— Гарри — принц Уэльский. Он станет править после меня.

— Разве он не был обещан церкви?

— Теперь уже нет.

— Но если у нас будет сын? Нельзя ли отдать Гарри ваши французские владения или Ирландию, например, а нашему сыну — Англию?

Он издал короткий смешок:

— Нет, нельзя. Это значит развалить мое королевство, которое досталось мне с таким трудом и которое я, как могу, сохраняю. Оно перейдет Гарри, и по праву, — сказал он, но, увидев, что Каталина огорчена, добавил: — Дорогая моя, ты будешь королевой Англии, не самого плохого места в Европе, королевства, которое выбрали для тебя твои родители. Твои сыновья и дочери будут здесь принцами и принцессами. Чего ж тебе больше?

— Я хочу, чтобы мой сын стал королем, — напрямую ответила она.

— Этому не бывать, — пожал он плечами.

Она отвернула голову и даже отошла бы, если б ее ладонь не оставалась в руке короля. Тот попытался перевести все в шутку:

— Каталина, душа моя, мы еще не женаты, у нас нет сына, а мы ссоримся из-за ребенка, который даже не зачат!

— Тогда в чем же смысл этого брака? — бросила она, в который раз выказав присущий молодости всепоглощающий эгоизм.

«В том, чтобы утолить мою страсть», — мог бы сказать он, но ответил так, чтобы она поняла:

— Как в чем? В том, чтобы ты воплотила свое предназначение и стала королевой!

Однако такой ответ показался ей недостаточным.

— Позвольте, государь, я объяснюсь. Видите ли, я надеялась стать королевой Англии для того, чтобы увидеть на троне моего сына. Я рассчитывала, что получу влияние при дворе, хотя бы такое, каким пользуется ваша мать. У меня есть планы. Я хочу выстроить оборонительные замки и военный флот, основать школы и университеты. Я хочу укрепить наши оборонительные рубежи на севере от шотландцев и защитить береговые линии от мавров. Я хочу быть правящей королевой. С колыбели меня воспитывали как королеву. У меня было время подумать над тем, что нужно сделать в этой стране. У меня обширные планы.

Генрих поневоле расхохотался. Это дитя, девочка ростом ему по плечо, рассуждает, как государственный муж!

— Звучит очень внушительно, дитя мое, но боюсь, придется тебе смириться с тем, что на троне тут я, и я тут главный! — сказал он, отхохотавшись. — Это, видишь ли, мое королевство, и все здесь будет так, как я повелю. Не для того я боролся за корону, чтобы своими руками отдать ее девочке, которая годится мне в дочери. Твоя задача, душа моя, в том, чтобы родить мне детей, и детские — это пределы твоего мира!

— Однако ваша матушка...

— Придется тебе смириться и с тем, что моя матушка защищает свою сферу влияния так же, как я защищаю свою, — заявил он, все еще улыбаясь. — Она будет распоряжаться тобой, как дочерью, а ты будешь жить в ее комнатах и ей подчиняться. Не обольщайся, Каталина. Да, ты будешь носить корону Англии, но при этом ты будешь моей женой, и женой покорной, как я привык!

Тут он хотел было остановиться, чтобы не запугивать совсем уж бедную девочку, однако властолюбие, счастье обладания короной, которая непросто ему досталась, было сильнее страсти к женщине.

— Ты должна понять: я не мальчик, каким был наш Артур, — уже спокойней сказал он, понимая, что покойный сын, юноша мягкий и податливый, мог много чего наобещать своей волевой жене. — Ты не будешь править рядом со мной. Мы не будем делать это в четыре руки, как твои родители. Для меня ты невеста-дитя. Я буду любить тебя и сделаю все, чтобы ты была счастлива. Клянусь, ты не пожалеешь, что вышла за меня. Я буду добр, великодушен и дам тебе все, что пожелаешь. Однако своей власти я тебе не отдам, нет. Даже после моей смерти ты не сядешь на мой престол.

Этой ночью мне приснилось, что я королева, сижу в тронном зале, на голове у меня корона, а в руках — жезл и скипетр. Вот я поднимаю жезл, и на глазах он меняется, превращаясь в ветку, в стебель цветка, в пустяк. И в другой моей руке уже не круглобокий скипетр, а розовые лепестки. Я слышу их пряный запах. Я отбрасываю никчемный стебель, поднимаю руку к голове, проверить, там ли моя корона, — и обнаруживаю венок из трав и цветов. Стены тронного зала тают, и я оказываюсь в одном из садов Альгамбры, рядом с сестрами, те плетут венки из маргариток и венчают ими друг дружку.

— Где королева Англии? — громко вопрошает кто-то с террасы, которая располагается ниже сада.

Я поднимаюсь с лужайки, усыпанной цветущими ромашками, чтобы мимо фонтана пробежать к арочному проходу в конце сада, и кричу: «Здесь! Здесь я!» — однако, не двигаюсь с места и не слышу ничего, кроме плеска воды в мраморной раковине фонтана. «Где королева Англии?» — слышу я снова. «Здесь! Я здесь!» — неслышно кричу я. «Где Екатерина, королева Английская?» — «Здесь! Здесь! Здесь!»

Посол, которому на рассвете послали приказ немедля явиться в Дарэм-хаус, не поторапливался и прибыл только в девять утра. Принцессу он нашел в ее приемной, с одной только доньей Эльвирой в качестве компаньонки.

— Я послала за вами давным-давно! — вместо приветствия неласково сказала ему Каталина.

— Не обессудьте, ваше высочество, я был занят поручением вашего батюшки и прибыть раньше никак не мог, — гладко ответил де

Пуэбла. — Что случилось?

— Вчера здесь был король, который снова предложил мне выйти за него замуж, — не без торжества в голосе заявила Каталина.

— Поздравляю, ваше высочество!

— Однако при этом он известил меня, что мне придется делить покой с его матерью.

Посол наклонил голову.

— И что мои сыновья смогут наследовать только после сыновей принца Гарри.

Посол кивнул еще раз.

— Нельзя ли убедить его сделать так, чтобы у моего сына был приоритет перед Гарри? Нельзя ли предусмотреть это в брачном контракте?

Посол покачал головой:

— Никак нельзя, ваше высочество.

— Разве человек не может сам назначить себе наследника?

— Если этот человек — основоположник династии, король, который первым в роду вступил на престол, увы, нет. Но даже если бы он мог, он не станет.

Каталина вскочила с места и прошла к окну.

— Мой сын будет внуком испанских королей! За ним целые века пребывания на престоле! Тогда как принц Гарри всего лишь сын Елизаветы Йоркской и удачливого узурпатора трона!

Де Пуэбла даже поперхнулся и в ужасе глянул на дверь.

— Заклинаю ваше высочество никогда больше такого не повторять! Вы говорите о короле Англии!

— Хорошо, — кивнула она, признавая его правоту. — Однако согласитесь и вы, что происхождением принц Гарри мне уступает!

— Да, ваше высочество, несомненно. Дело, однако, в том, — заметил посол, — что таков обычай: в этой стране старший сын короля всегда носит титул принца Уэльского и всегда наследует трон. Его величество Генрих Седьмой меньше всех на свете заинтересован в том, чтобы превратить собственного законного наследника в претендента на трон! Он по горло сыт претендентами. К чему ему заводить раздор в стране?

Тут Каталина некстати припомнила последнего претендента, Эдуарда Уорика, обезглавленного, чтобы обезопасить ей путь к трону,

и, как всегда, при мысли о нем ей стало не по себе.

— Кроме того, — продолжил посол, — вы не можете не понимать, ваше высочество, что всякий король предпочтет иметь наследником крепкого одиннадцатилетнего мальчика, а не младенца в колыбели. Времена сейчас беспокойные. Разумней оставить престол подростку, чем сосунку.

— Но если мой сын не станет королем, зачем мне тогда выходить за короля? — вскипела Каталина.

— Затем, что вы будете королевой, — был ей ответ.

— И что это будет за королева, если последнее слово всегда будет у миледи матушки короля? Генрих не позволит мне управлять государством, а она не подпустит меня к управлению двором!

— Вы еще так молоды, принцесса! — умиротворяющим голосом сказал де Пуэбла.

— Мне достаточно лет, чтобы понять, чего я хочу, — заявила Каталина. — И если я чего-то хочу, так это быть королевой не только по названию, но и по существу. Однако при короле Генрихе мне этого не видать, верно?

— Верно, — подтвердил посол. — Пока он жив, у власти вам не бывать.

— А когда умрет? — не дрогнув, поинтересовалась Каталина.

— Вы станете вдовствующей королевой.

— И мои родители примутся снова выдавать меня замуж, и тогда мне придется покинуть Англию! — в изнеможении закончила она.

— Вполне возможно.

— А жена Гарри станет принцессой Уэльской, а потом новой королевой! Ее место будет впереди меня, она будет править вместо меня, ее сыновья станут королями, и все мои жертвы пойдут прахом!

— Тоже правда.

Каталина упала на стул:

— В таком случае я не выйду замуж за короля. Вопрос решен.

Де Пуэбла, при всей его сдержанности, ужаснулся:

— Насколько я понимаю, ваше высочество, вы дали слово! Король дал мне понять, что вы согласны!

— Я согласилась стать королевой, а не марионеткой, — сказала она с побелевшим от решимости лицом. — Вы знаете, как он меня

назвал? Невеста-дитя! И к тому же жить в комнатах его матери, словно я одна из ее придворных дам!

— Но покойная королева...

— Покойная королева всем уступала, она была ангел. Терпеть такую свекровь! Я так не могу. Это не то, что мне нужно, не то, чего хотела для меня моя мать, не то, что угодно Господу.

— Но если вы дали слово...

— Когда мое слово имело какой-либо вес в этой стране? — с яростью спросила она. — Мы разорвем это соглашение и заключим другое. Я не выйду замуж за короля. Я выйду замуж за другого.

— За кого? — устало поинтересовался посол.

— За Гарри, принца Уэльского. С тем чтобы, когда король умрет, я стала королевой по духу и букве.

Некоторое время они молчали.

— Да, — сказал, наконец, де Пуэбла. — Ну что ж... Только кто скажет об этом королю?

Господи, если Ты есть, дай мне знать, что я поступаю правильно. Если Ты есть, помоги мне. Если Твоя воля в том, чтобы я стала королевой Англии, помоги мне. Все так запуталось, все пошло не туда, и если это для того, чтобы испытать меня, вот, взгляни! Я на коленях и вся дрожу от неизвестности. Если я в самом деле избрана Тобой и Тобой любима, почему мне так безнадежно одиноко?

Перед послом де Пуэбла встала весьма непростая задача: принести дурную весть королю могущественному и гневливому. Вооружившись письмами от испанских величеств, твердо и недвусмысленно отказывающими Генриху VII в его сватовстве, а также словом Каталины, непререкаемо решившейся вернуть себе статус принцессы Уэльской, он собрался с духом, что далось ему нелегко, и отправился на аудиенцию, каковая состоялась, по желанию короля, в конюшне дворца Уайтхолл. На днях туда доставили партию арабских скакунов, купленных для улучшения английской породы. У посла мелькнула было мысль изящно пошутить насчет того, как полезно разбавлять местную кровь свежей, завезенной из чужих пределов, особенно если скрещивать животных молодых, однако, увидев

мрачный лик Генриха, он понял, что такая шутка прозвучит двусмысленно и вряд ли ему поможет.

— Ваше величество, — низко поклонился он.

— Чем порадуете, господин посол? — кисло отозвался король.

— От их испанских величеств получен ответ на лестное предложение вашего величества... Однако, государь, не стоит ли отложить этот разговор до более удобного времени?

— А чем вас не устраивает это? Впрочем, уже по тому, как вкрадчиво вы вошли, могу предположить, что они там пишут...

— Дело в том, сир, — завел приготовленную загодя ложь испанец, — что их величества хотят видеть свою дочь дома и потому не могут согласиться на предложение вашего величества. Особенно категорично звучит отказ королевы.

— Мотивы? — осведомился король.

— Ее величество желает, чтобы супругом ее младшей, самой любимой дочери стал принц, близкий к ней по возрасту. Женский каприз, сир, — посол слегка развел руками, словно призывая к снисходительности, — всего лишь женская прихоть! Однако мать есть мать, не так ли, ваше величество?

— Так-то так, — буркнул король, — однако что говорит об этом вдовствующая принцесса? Я полагал, мы с ней пришли к соглашению. Она может сообщить своей матери о своем выборе. — Говоря это, он не отрывал глаз от нервного арабского скакуна, вышагивающего по двору конюшни. Гордо вскинув точеную голову, тот бил себя хвостом по бокам, грациозно выгибал шею. — Она вполне в состоянии говорить за себя.

— Принцесса со своей стороны заявляет, что, как всегда, будет рада выполнить волю вашего величества, — тактично сказал де Пуэбла.

— И!

— Но вынуждена подчиниться матери, — закончил посол и даже отступил, заметив, как сдвинул брови король. — Видите ли, она добрая дочь, послушная дочь, ваше величество... Не может послушаться матери.

— Я предложил ей себя, и она недвусмысленно дала понять, что согласна.

— Ну, разумеется! Еще бы она отказала вашему величеству! Однако если ее родители не согласятся на брак, они не подадут прошения Папе, без их прошения все наши старания теряют смысл, а без разрешения Папы о браке не может быть и речи.

— Насколько я понял, ее предыдущий брак в законную силу не вступил. Мы можем обойтись и без папской буллы. Это всего лишь жест вежливости, формальность.

— Конечно, мы все знаем, что брак консумирован не был, — торопливо согласился посол. — Принцесса еще девица, хоть сейчас под венец. Однако без папской буллы, увы, нельзя. Если их испанские величества уклонятся от подачи апелляции, что тут поделаешь?

Король одарил его суровым взглядом:

— Представления не имею. Я в растерянности. Подскажите мне вы, посол! Что можно сделать?

Тут посол призвал на помощь всю изворотливость своего племени, свое еврейство, от которого он отрекся и которое все-таки выручало его в самые тяжкие минуты.

— Увы, ваше величество, сказать по чести, сделать ничего нельзя. — Он попробовал сочувственно улыбнуться, поймал себя на том, что ухмыляется, и принял самое мрачное выражение. — Если короли Испании, мои государи, не подадут прощения Папе — а они его не подадут, ваше величество, поскольку королева настроена непримиримо, — сделать ничего нельзя.

— Ну, я им не сосед, которого можно покорить за одну весеннюю кампанию, — вспыхнул Генрих. — Я им не Гранада. Не Наварра. Я не боюсь их неудовольствия!

— Именно потому они и жаждут союза с вашим величеством! — с готовностью подхватил посол.

— Союза?! Теперь?! — сардонически отозвался король. — Насколько я понял, меня отвергли!

— Возможно, мы сможем уладить это недоразумение, отпраздновав заключение другого брака, — почтительно начал дипломат, следя за выражением лица своего собеседника. — Ради союза, который всем так необходим...

— О каком еще браке может идти речь?

— Государь... Я... — замямлил посол.

— Кого еще хотят они для нее теперь? Теперь, когда мой сын мертв и погребен? Теперь, когда она вдова, ее приданое вполнину не выплачено, и она прозябает на крохи с моего стола?

— Да, государь, все так. Но у вашего величества остался еще один сын, принц Уэльский. Инфанту возрастили как принцессу Уэльскую и привезли в эту страну, чтобы она стала женой принца, а в дальнейшем — даруй Господь, чтобы это дальнейшее было как можно дальше! — и королевой. Кто знает, может, это ее судьба. Во всяком случае, сама она именно так думает.

— Думает она! — воскликнул король. — Она думает! Да она думает так же, как вот эта кобыла! Сейчас одно, через минуту другое!

— Принцесса молода, — кивнул посол. — Еще научится. И принц молод, пусть учатся вместе, не так ли, ваше величество?

— Вот как? А что прикажете делать нам, старикам? Отступить? Выходит, она ничего не сказала вам о том, что отдает предпочтение мне? Не выказывает никаких сожалений по поводу такого поворота событий? Не намерена противостоять родителям и сдержатъ свое, без принуждения данное мне слово?

В голосе короля неприкрыто звучала горечь.

— Но, ваше величество, у нее нет выбора, — напомнил ему посол. — Принцесса связана дочерним послушанием. На мой взгляд, она очень к вам привязана, чрезвычайно, но знает, что должна делать то, что ей скажут.

— Я думал на ней жениться! Я хотел сделать ее королевой! Королевой Англии! — Он даже задохнулся слегка. Всю свою жизнь он считал, что для женщины нет большей чести, чем заполучить этот титул, выше которого нет на свете.

Де Пуэбла, проявив такт, помолчал, чтобы дать королю возможность собраться с мыслями, и только потом осторожно продолжил:

— Могу доложить вам, ваше величество, что в испанской королевской семье имеются и другие особы, не уступающие принцессе красотой. Например, юная королева Неаполитанская, которая теперь вдовее. Это племянница короля Фердинанда, за ней дадут хорошее приданое, и к тому же она обладает семейным сходством... — Он помолчал. — Говорят, она очаровательна и весьма... любвеобильна.

— Она дала мне понять, что любит меня. Должен ли я понять это так, что она притворщица? Претендентка, единственная цель которой — забраться на трон?

Посла обдало жаром.

— Ни в коем случае, ваше величество! — сложив губы в жуткое подобие улыбки, воскликнул он, надеясь сбить короля с мысли о двоедушии Каталины. — Любящая невестка, нежная девушка...

Ледяное молчание.

— Вам известно, де Пуэбла, какова судьба претендентов в этой стране? — после паузы сухо осведомился король.

— Да, но...

— Если она играла со мной, она об этом пожалеет.

— Помилуйте, ваше величество! Никаких игр! Никакого притворства!

Генрих помолчал.

— Я думал таким образом покончить с проблемой выплат приданого и вдовьей доли, — после паузы сказал он.

— Такая возможность отнюдь не упущена, сир! Как только принцессу обручат с принцем, Испания выплатит вторую часть приданого и о вдовьей доле можно забыть, — уверил короля де Пуэбла. Заметив, что говорит слишком быстро, он сделал глубокий вдох и продолжил помедленней: — Все трудности останутся позади. Их величества короли Испании будут рады обратиться к Папе за разрешением выдать их дочь за принца Гарри. Они считают принца отличной партией, а принцесса сделает так, как ей скажут. Что освобождает вам руки, ваше величество, позволяя найти достойную вас жену, и возвращает в ваше распоряжение доходы от Корнуолла, Уэльса и Честера!

Король Генрих пожал плечами и повернулся спиной к бегающему по кругу арабскому скакуну.

— Итак, все кончено, — холодно подвел он итог. — Она не хочет меня. Я ошибся. Значит, она относится ко мне как дочь? — Он хрипло рассмеялся, вспомнив поцелуй у реки. — Мне следует забыть эту историю.

— Прошу вас, ваше величество! Она не может не подчиниться родителям. Что касается ее отношения к вам, смею вас уверить, она

определенно отдает вам предпочтение. Она сама мне это сказала! Она разочарована. Но что может противостоять Изабелле Кастильской?!

— Довольно! На этом закончим, — подвел черту Генрих VII. Извернулся и пошел прочь с конюшенного двора. Вид нового скакуна больше не доставлял ему удовольствия.

— Я надеюсь, ваше величество не гневается? — хромя следом, заискивающе справился посол, обращаясь к королевской спине.

— Ни в малой мере, — бросил король через плечо.

— А обручение с принцем Гарри? Могу я уведомить их католических величеств, что договоренность достигнута?

— Уведомляйте, посол.

— Дело сделано, — доложил он Каталине, стоя перед ней, по собственному ощущению, как мальчишка-посыльный, в то время как она ловко выпарывала из платья бархатные вставки, чтобы его переделать.

— Итак, я выйду за принца Гарри, — скучно, под стать послу, заключила Каталина. — Договор подписан?

— Пока только достигнуто соглашение. Придется подождать буллы из Рима, но, в общем, король не возражает.

— Очень злился?

— Очень, судя по тому, как он себя вел. И думаю, это он еще сдерживался...

— Как он поступит? — оторвалась от своего занятия Каталина.

Де Пуэбла исподтишка взгляделся в ее лицо. Бледное, но ни следа страха. Синие глаза подернуты дымкой, как у ее отца, когда у него на уме какая-то затея. Ничуть не похожа на девицу в отчаянном положении. Скорее, на женщину, которая надеется перехитрить самого опасного из соперников. В ней нет ничего трогательного. Она впечатляет, но не вызывает сострадания, нет.

— Представления не имею, — сказал он вслух. — Однако мы не должны давать ему никаких преимуществ. Необходимо немедленно выплатить оставшуюся долю приданого, то есть выполнить свои обязательства — для того чтобы вынудить его выполнить свои.

— Что вы имеете в виду? Мою золотую посуду? Но она потеряла свою цену. Испорчена. Мы же на ней ели. А потом, кое-что мне пришлось продать.

— Как продать?! — ахнул посол. — Помилуйте, ваше высочество! Она же принадлежит королю!

— По-вашему, я должна была допустить, чтобы мои приближенные померли с голоду? Да и я должна что-то есть, доктор де Пуэбла! Не могли же мы всем двором без приглашения являться на обед во дворец и протискиваться там к столу для простонародья!

— Вам следовало сохранить золото в неприкосновенности!

Она одарила его взглядом синим, холодным и острым, как ограненный сапфир.

— Прежде всего, меня не следовало доводить до такого состояния! Закладывать собственные тарелки! Если в этом есть чья-то вина, то уж точно не моя.

— Этот упрек следует адресовать в Испанию, — мрачно сказал посол. — Вынужден повторить, ваше высочество: нельзя давать им повод для отступления. Если король Фердинанд не выплатит вашего приданого, король Генрих откажется выдать вас за принца. И должен предупредить, зрелище ваших бедствий доставит ему удовольствие.

— Значит, он мой враг, — кивнула она.

— Боюсь, что да.

— Это случится, не сомневайтесь, — сказала она вдруг.

— Простите, ваше высочество?

— Я выйду замуж за Гарри, посол. Я буду королевой.

— Инфанта, это самое горячее из моих желаний!

— Принцесса, — поправила она.

Уайтхолл, июнь 1503 года

— Решено обручить тебя с Каталиной Арагонской, — сообщил сыну король Генрих, думая о своем первенце.

Светловолосый Гарри порозовел, как девчонка:

— Да, государь!

Бабушка, миледи Маргарита, превосходно натаскала своего последнего внука. Он готов ко всему. Кроме реальной жизни.

— Ты, впрочем, не надейся, что это случится на самом деле, — предупредил его король.

Мальчик удивленно вскинул глаза:

— То есть, государь?

— Наши испанские сваты грабили и дурили нас при каждой возможности не хуже записной сводницы, которая облапошивает солдата в таверне. Морочили нас и сулили то одно, то другое, как проститутка, на уме у которой только твой кошелек! По слухам... — И тут он осекся, сообразив, что говорит с сыном как мужчина с женщиной, тогда как перед ним, в сущности, ребенок. А, кроме того, как бы ни жгла душу обида, показывать ее не след. — Короче говоря, они воспользовались нашей дружбой, — округлился он. — А теперь мы воспользуемся их слабостью.

— Разве мы не друзья, сир?

Генрих усмехнулся при мысли о мошеннике Фердинанде и его красоте дочери, у которой хватило духу отвергнуть английского короля.

— О да! Самые верные друзья.

— Значит, мы обручимся, а потом, когда мне исполнится пятнадцать, поженимся?

— Шестнадцать будет верней.

— Но, государь! Артуру было пятнадцать!

И чем это все окончилось для Артура, горько подумал король, но произносить вслух не стал. Да и какая разница, пятнадцать или шестнадцать. Все равно этой свадьбе не бывать.

— Что ж, — ответил он. — Значит, пятнадцать.

Принц, чувствуя, что что-то не так, нахмурился.

— Мы ведь это всерьез, да, государь? Мне не хотелось бы обманывать такую милую принцессу. Я дам ей настоящий торжественный обет, ведь так?

— Так-так, — подтвердил король.

В ночь перед обручением с принцем Гарри мне приснился сон до того пленительный, что хоть не просыпайся. Я снова была в садах Альгамбры, шла рука об руку с Артуром, смеялась, глядя на него снизу вверх, и хвалилась перед ним красотами, которые открываются за высокой стеной из камня-песчаника, опоясывающей крепость: у наших ног расстилалась Гранада, а на горизонте высились горы в снеговых, серебряных на солнце, шапках.

— Я победила, — сказала ему я. — Я сделала все, как ты придумал, как мы затеяли. Я буду принцессой Уэльской, а потом королевой. Все, как ты хотел, как мечтала моя матушка, как повелел Бог. Ты доволен, любовь моя?

Он улыбнулся мне той улыбкой, какую дарил только мне, теплой и нежной.

— Я буду присматривать за тобой, — прошептал он, — всегда. Отсюда, из альянны.

Я даже не сразу поняла, о чем он, — так непривычно звучало в его устах это мавританское слово, которое значит одновременно рай, кладбище, место последнего упокоения и сад.

— Когда-нибудь я к тебе присоединюсь, — ответила я ему тоже шепотом, и, пока я произносила эти слова, ощущение его пальцев в моей ладони стало слабеть и совсем растаяло, как я ни старалась их удержать. — Мы снова будем вместе, любовь моя. Мы встретимся здесь, в саду.

— Я знаю, — выдохнул он, и теперь и его лицо растаяло у меня на глазах, как утренний туман, как мираж в жарком воздухе Сьерры. — Мы будем вместе, Каталина, любовь моя...

Был теплый июньский день. Каталина в новом синем платье и синем уборе на золотистых волосах стояла рядом с одиннадцатилетним мальчиком, сияющим от возбуждения в своей золотой парче.

Перед ними возвышался епископ Солсберийский, кругом выстроилось несколько человек: король с матерью, принцесса Мария, несколько свидетелей. Каталина вложила холодные пальцы в горячую, по-детски пухлую ладонь принца.

Каталина покосилась на сумрачное лицо короля. Тот сильно состарился за полгода своего вдовства, морщины стали резче и глубже, глаза ввалились. При дворе поговаривали, что он недомогает, что его сжигает хворь, от которой кровь становится жиже, иссякают силы. Кто знает, добавляли другие, а может, это разлилась желчь от потерь и разочарований.

Повернув голову к королю, Каталина робко ему улыбнулась, но не получила приветного тепла от человека, который второй раз становился ее свекром, потому что взять ее себе в жены, как он хотел, не удалось. У нее мороз пошел по коже. Доныне она надеялась, что король смирится с ее решимостью, с приказом ее матери, с Господней волей. Теперь же, чувствуя идущий от него холод, она замерла от страха, что эта церемония, при всей внешней истовости, подобающей священному обряду обручения, окажется лишь очередной уловкой в битве двух королев.

Со страхом в сердце она перевела глаза на епископа, который произносил все полагающиеся слова, и повторила те, что полагались ей, стараясь не думать о том, как всего полтора года назад она их уже говорила, стоя рядом с юношей, красивей которого не видела и не увидит никогда....

Юный принц, который тогда за руку привел ее к жениху, теперь сам занял его место. Гарри был полон неистовой радости, какую, бывает, чувствует мальчик в присутствии красивой девочки старше его годами. Когда-то она была невестой его старшего брата, и на свой десятый день рождения он по-детски выпрашивал у нее в подарок коня берберской породы. После той свадьбы он молился ночью, чтобы у него тоже была испанская невеста, точь-в-точь как Каталина. А когда они с Артуром уехали в Уэльс, он скучал и сочинял в ее честь любовные песни. Известие о смерти брата, которого он никогда особенно не любил, помимо умеренной скорби вызвало еще и радость, что теперь Каталина свободна.

И вот не прошло и двух лет, как она стоит с ним рядом рука в руке и ее золотисто-бронзовые волосы распущены по плечам в знак того,

что она девственница. Голубые глаза из-за синей мантильи смотрят только на него, ее улыбка предназначена только ему.

Гарри так преисполнился счастьем и гордостью, что едва смог произнести свои клятвы. Артура больше нет, теперь он, Гарри, принц Уэльский, гордость своего отца, роза Англии. Артура нет, и невеста Артура теперь его, Гарри, жена. Артура нет, и теперь в Англии он — принц Уэльский, а его принцесса — она, Екатерина.

Снова принцесса

1504 год

Я могу обольщаться, что я выиграла, однако пока это не так. Должна была выиграть, но этого не произошло. Гарри скоро двенадцать, его провозгласили принцем Уэльским, однако меня на церемонию не пригласили, о нашем обручении народ не знает, и полномочиями принцессы я не облечена. На следующее утро после обручения я позвала посла. Он, наглец, явился только через день, будто мои дела для него не представляют никакой важности, и даже не извинился за опоздание. Я спросила, почему я не провозглашена принцессой одновременно с Гарри. Что он может на это сказать? Только предположить, что король ждет выплаты приданого, иначе дело с места не стронется. Однако посол знает не хуже меня и не хуже короля Генриха, что золотая утварь моя в уплату не годится и что, если мой отец не пришлет то, что должен, ничего не получится.

Моей матушке-королеве, конечно же, известно, что я безутешна, однако пишет она мне чрезвычайно редко. Я похожа на какого-нибудь ее посланца-первооткрывателя, какого-нибудь Христофора Колумба, только без экипажа и без карт. Она отправила меня в мир, и, если я свалюсь с края скалы или затеряюсь в море, мне никто не поможет.

Ей нечего мне сказать. Боюсь, она стыдится того, что я — как просительница при дворе. Но все-таки, почему она мне не пишет? Меня мучают дурные предчувствия, что она больна или в печали, и однажды, в конце октября, я пишу ей и умоляю ответить мне, написать хоть слово. Позже выяснилось, что именно в тот день она умерла, так и не получив, так и не прочитав моего отчаянного письма...

Уезжая в Англию, я знала, что буду скучать по ней. Утешением была мне мысль, что солнце светит над садами Альгамбры, что она там, гуляет вдоль отороченного самшитом пруда. Но разве могла я подумать, что ее смерть настолько ухудшит мое положение! Отец, который всегда затягивал выплату второй части моего приданого, потому, что ему нравилась игра «кто хитрей» с английским королем, обнаружил теперь, что та игра обратилась горькой реальностью: ему стало нечем платить. Всю жизнь он провел в неустанных походах на

мавров, ни на что другое у него денег не было. Богатые доходы Кастилии теперь шли Хуане, матушкиной наследнице, по слухам спятившей от любви к мужу и его неверности, а у отца в Арагоне сокровищница опустела. Он стал теперь всего лишь одним из нескольких испанских королей. В глазах всех и каждого я теперь не инфанта объединенной Испании, жениться на которой честь для любого, а впавшая в бедность вдова, унаследовавшая дурную кровь. Наше семейство без матушкиной твердой руки и ее зоркого глаза разваливается, как карточный домик. Отцу осталось лишь скорбеть об утраченном, и боюсь, мое положение ничем не лучше. Мне всего девятнадцать. Неужто жизнь моя напрасна?

1509 год

Ничего не оставалось, как ждать, и, как ни трудно поверить, прождала я целых шесть лет. Шесть лет! И теперь я не та юная новобрачная, а зрелая женщина двадцати трех лет. Мне хватило времени понять, что обида короля Генриха глубока и он скоро ее не забудет. Ни одной принцессе на свете не приходилось так долго ждать, ни с одной не обращались так сурово, ни одну не оставляли в таком отчаянии.

Меня мучило сознание неудачи и полного своего бессилия. Особенно перед лицом ненависти, которую испытывал ко мне король Генрих. Гарри вырос. Я почти его не видела. Двор мною пренебрегал. Я все больше впадала в нищету, старела, не лицом, так годами. Все ждала и ждала. А что мне еще оставалось?

Я перелицовывала платья и продавала драгоценности. Даже золотую утварь, которую привезла с собой и которая могла бы пойти в уплату приданого. Тарелку за тарелкой, блюдо за блюдом. Я знала, что они не мои, а короля, что каждый раз, посылая за ювелиром, я отдаляю день своей свадьбы. Но нужно было что-то есть. Нужно было платить слугам. Не могла ж я отправить их просить милостыню!

Друзей у меня не было. Обнаружив, что донья Эльвира интригует против моего отца в пользу моей сестры Хуаны, я впала в такую ярость, что выгнала ее со службы и отослала домой, пренебрегая тем, что она может свидетельствовать против меня, назовет меня лгуньей. Поступив так, я даже не думала, какой опасности себя подвергаю: ведь с нее сталось бы объявить, что мы с Артуром были настоящими супругами. Она уехала к Филиппу и Хуане в Нидерланды, и больше я никогда о ней не слышала, о чем ничуть не жалею.

А вот об утрате посла, доктора де Пуэбла, на которого я пожаловалась отцу, что он работает на два лагеря и без должного почтения относится к моей особе, я пожалела. Потому что, когда его отозвали в Испанию, оказалось, что он знал больше, чем я полагала, и употреблял свою дружбу с королем мне на пользу, хорошо ориентируясь в различных веяниях при дворе. Оказалось, он был мне другом и союзником, а я, этого не понимая, потеряла его по неразумию и высокомерию, так что жизнь осложнилась еще больше. Взамен ему

назначили того эмиссара, который приезжал, чтобы отвезти меня домой после смерти Артура, дона Гутиере Гомеса де Фуэнсалиду. Этот оказался напыщенным дураком, вел себя так, словно для англичан его присутствие в их стране — великая честь. Они же усмехались ему в лицо и смеялись за его спиной, а я в их глазах выглядела принцессой-оборванкой, страну которой представляет напыщенный чванливый дурак.

Утратила я и моего дорогого исповедника, назначенного матушкой направлять меня. Одна за другой покидали меня придворные дамы, уставшие от трудностей и нищеты, осталась лишь верная Мария де Салинас, которая служила не за деньги, а из любви. И наконец, отняли у меня дом, милый Дарэм-хаус на Стрэнде, служивший мне приютом в чужой и неласковой земле.

Король пообещал выделить мне комнаты при дворе, и я решила было, что, наконец, он меня простил и приглашает жить при дворце в покоях принцессы, чтобы мы могли видеться с Гарри. Ничего подобного! Переехав, я и мое окружение обнаружили, что хуже и неудобней комнат во дворце нет и что принца, моего нареченного, мне не видать — ну, разве только на официальных государственных приемах. Однажды случилось так, что весь двор переехал в другой дворец, а нас не поставили в известность. Пришлось нам ехать, трясясь по проселочным дорогам без указателей. Я чувствовала себя нежеланной и никому не нужной, словно телега с лишним добром. Когда ж, наконец, мы нагнали королевский обоз, все уже расположились на ночлег и оказалось, что отсутствия нашего никто даже не заметил. Пришлось тогда нам занять те комнаты, что остались, — над конюшнями, как прислуге.

Король перестал выплачивать мне содержание, миледи Бофор в этом его поддержала. Денег у меня совсем не осталось. Всеми презираемая, я была при дворе как приживалка, и служили мне только испанцы, которым, как и мне, некуда было податься. Как и я, они попали в ловушку, бессильно глядя, как течет время, как ветшают платья, как все мы стареем.

Мое тщеславие оставило меня, как и моя гордая убежденность в том, что я могу перехитрить этого старого лиса, моего свекра, и злоязычную ведьму, его мать. Я узнала, что он обручил меня со своим сыном, принцем Гарри, не потому, что любил меня и простил, а

потому, что это был самый изощренный и жестокий способ меня проучить. Если уж он не смог меня заполучить, то пусть никто не получит, вот как он решил. Да, горек был день, когда я осознала эту истину.

А потом умер Филипп, моя сестра Хуана стала вдовой вроде меня, и король Генрих задумал жениться на ней, бедняжке, утратившей разум, с тем, чтобы она возвысилась надо мной, усевшись на трон Англии, где всякий бы видел, что она безумна и что в жилах моих течет больная кровь. Это был гнусный план, задуманный, чтобы унижить и меня, и Хуану, и он бы выполнил его, если б смог. Но самым отвратительным в этой истории было то, что король Генрих сделал меня своей пособницей — сначала он заставил меня написать отцу об этой его затее; тот, в свой черед, приказал мне расхваливать королю Генриху красоту и нрав Хуаны; а потом мне пришлось еще ходатайствовать перед отцом за моего свекра! И все это я делала, зная, что предаю собственную душу. Я не могла отказать королю Генриху, моему мучителю и несостоявшемуся супругу. Я боялась сказать «нет». Вот до чего я дошла...

Я потеряла веру в свою привлекательность, в свой ум и свою изворотливость, но никогда не теряла желания жить. Я не повернулась лицом к стене, не захотела прекратить свои мучения, не впала в слезливость, безумие или лень. Я стиснула зубы. Я — принцесса, настоящая принцесса, высокородная. Я не остановлюсь там, где остановится всякий. Я пойду дальше. Буду ждать. Даже когда совсем, совершенно нечего делать, можно еще ждать. Так я и поступала.

Я не думаю, что это были годы моего унижения. Нет. Это были годы мужания, хоть оно и далось мне несладко. Из шестнадцатилетней девочки, страстно влюбленной в мужа, я превратилась в одинокую вдову, сироту двадцати трех лет. И все эти годы я жила воспоминаниями о счастливом детстве в Альгамбре, любовью к покойному супругу и твердой верой в то, что придет мой час и я стану английской королевой. Несмотря ни на что. Матушка с небес помогала мне. Я обнаруживала в себе крепнущие ростки ее убежденности, ее мужества, ее веры в лучшее. А еще мне давала силы память об Артуре.

Наконец к обнищавшим испанцам, обитающим на задворках королевского дворца, просочилась новость. Вроде бы принцессу

Марию, сестру Гарри, прочат за принца Карла, сына Хуаны и короля Филиппа, внука императора Максимилиана и короля Фердинанда. Самым поразительным образом именно в этот момент король Фердинанд наконец-то сумел найти денег для приданого Каталины и переслал их в Лондон.

— Итак, мы свободны! Значит, можно устроить двойное венчание! — на радостях воскликнула Каталина, обращаясь к испанскому послу дону Фуэнсалиде.

Тот, серый от беспокойства, закусил губу, продемонстрировав длинные желтые зубы.

— Ах, инфанта! Даже и не знаю... Боюсь, уже поздно. Боюсь, эти деньги нам совсем не помогут.

— Отчего это? Ведь обручение принцессы Марии укрепляет союз между нами и Англией!

— Видите ли... — замялся посол, не решаясь заговорить об опасности, которую он предвидел. — Видите ли, инфанта, англичанам известно, что деньги на подходе, но о свадьбе речь не идет. Я вот чего опасюсь... Что, если союз планируется как раз между королем Генрихом и императором? Что, если цель его — война с Испанией?

Каталина вскинула брови:

— Этого быть не может!

— А если я прав?

— Пойти войной на родного деда наследника?!

— Это будет война одного деда, императора, с другим, вашим батюшкой.

— Никогда! — решительно сказала она.

— Тем не менее...

— Король Генрих не поведет себя так бесчестно.

— Ваше высочество! Вы сами не верите в то, что говорите...

Каталина насторожилась:

— Вы не договариваете, посол! В чем дело? Вы знаете что-то еще? Какую-то дурную новость? Говорите же!

Дон Фуэнсалида помолчал, готовясь солгать, но все-таки решил открыть правду:

— Боюсь, ваше высочество, очень, очень боюсь, что существует намерение обручить принца Гарри с принцессой Элеонорой, сестрой Карла.

— Как же это? Гарри обручен со мной!

— Возможно, это один из пунктов весьма честолобивого договора, который зреет между императором и королем. Согласно ему, ваша сестра Хуана выйдет замуж за Генриха Седьмого, ваш племянник Карл женится на принцессе Марии, а ваша племянница Элеонора обручится с принцем Гарри.

— А как же я? Особенно теперь, когда приданое, наконец, на подходе?

Посол молча дал понять, что будущее Каталины этим договором никак не учитывается. Ее исключают из игры, не принимают во внимание, оставляют в неизвестности прозябать.

— Принц, если это принц настоящий, всегда держит данное им слово, — страстно сказала она. — Нас обручил епископ, перед свидетелями! Мы принесли клятву!

— Ваше высочество, — помолчав, выдал из себя дон Фуэнсалида, малыми порциями отпуская все дурные известия, с какими явился на прием. — Мужайтесь, ваше высочество. Боюсь, помолвка будет разорвана. Принц заберет назад свое слово.

— Он не посмеет!

— Более того... Ваше высочество, у меня есть основания полагать, что это уже произошло... И к тому ж много лет назад.

— Что?! — вскричала она. — Откуда вы знаете?

— Это слухи. Полной уверенности нет, но боюсь...

— Довольно бояться! Говорите толком, в чем дело?

— Боюсь, ваше высочество, что принца освободили от данного вам обета, — проговорил посол, с тревогой следя за тем, как темнеет ее лицо. — Однако не думайте, что принц сделал это по своему выбору, нет! Это воля его отца.

— Это неслыханно! Так не поступают!

— Основанием могли бы служить такие аргументы, как чрезмерная молодость принца в момент совершения обряда или же то, что он находился под давлением. Также он мог заявить, что не имеет желания жениться на вас. По сути дела, думаю, так оно и случилось...

— Ни под каким давлением он не находился! — в крайнем возмущении воскликнула Каталина. — Он был в полном восторге! Он влюблен в меня Бог знает сколько лет, с тех самых пор, как я приехала в Англию! Он хочет жениться на мне! Мечтает!

— Клятва, принесенная епископу, в том, что принц действовал не по свободной воле, явится достаточным основанием, чтобы расторгнуть помолвку.

— Так, значит, все эти годы, что я считала себя обрученной и действовала в соответствии с этим убеждением... Все эти годы, что я ждала, ждала и ждала... Вы хотите сказать, что все эти годы, когда я полагала, что они крепко-накрепко связаны договором, — он не был обручен со мной? Был свободен?!

Посол поклонился, не находя слов.

— Это... это предательство! — вымолвила она. — Самое настоящее, коварное предательство... — И задохнулась. — Страшнее которого нет...

Снова безмолвный поклон.

— Все пропало, — вся погаснув, произнесла Каталина. — Теперь я это поняла. Оказывается, я проиграла давным-давно и даже не знала об этом. Я сражалась — без армии, без поддержки и в самом деле даже без повода для борьбы, потому что повода, оказывается, уже давным-давно нет. Все это время, одна-одинешенька... Теперь я это поняла...

И все-таки Каталина не плакала, хотя в глазах ее стояло отчаяние.

— Беда в том, — произнесла она, наконец, — что я дала слово. Торжественное, нерушимое слово.

— Вы имеете в виду свое обручение, ваше высочество?

— Нет. Совсем другое, — отмахнулась она. — Я дала клятву. У смертного одра. А теперь вы говорите мне, что все зря...

— Принцесса, вы оставались на своем посту, как хотела бы этого ваша матушка...

— Это был не пост, а ловушка! — выкрикнула она. — Я попалась, как на крючок, на обещание, не зная, что оно давно потеряло силу! Послушайте... Послушайте, а кто-нибудь еще знает об этом?

Дон Фуэнсалида покачал головой:

— Уверен, это держат в строгом секрете.

— Миледи матушка короля! — горько воскликнула Каталина. — Она наверняка знает. Хуже того, наверняка это ее рук дело. А потом король, и принц, и принцесса Мария. Все знают. Ближайшее окружение принца... Камеристки миледи Бофор, прислуга принцессы Марии... Епископ, перед которым он клялся, свидетели... В общем, половина двора. И никто мне даже не намекнул!

— При дворе не бывает друзей, инфанта...

— Ну, тогда... Тогда мой отец — вот кто защитит меня от этой несправедливости! Как они не подумали о том, что он отомстит за меня! После такого Испания разорвет свой союз с Англией! Ничего, погодите, вот он узнает...

Не говоря ни слова, посол поднял на нее глаза, и в его глазах она прочла ужасную правду.

— Нет! — выдохнула Каталина. — Не может быть! Мой отец... Он не знал. Он любит меня. Он не причинит мне зла. Он меня не покинет!

Он все еще не в силах был сказать ей все до конца.

— А! Понимаю. Понимаю, почему вы молчите... Конечно. Ну, конечно же... Он знает, верно? Он знает о том, что принца Гарри задумали женить на Элеоноре. Он хочет, чтобы король Генрих продолжал надеяться, что сможет жениться на Хуане. Он приказал мне поддерживать в нем эту надежду... Значит, он согласился и на это новое предложение? Значит, он знает, что принц свободен от данного мне обещания?

— Ваше высочество, об этом мне ничего не известно. Но, на мой взгляд, да, он знает. Возможно, у него в мыслях...

Резким жестом она остановила его:

— Значит, он махнул на меня рукой. Понятно. Я не оправдала надежд, которые на меня возлагались, и он отбросил меня и сторону. Так что теперь я и вправду совсем одна...

— Так, может быть, — осторожно поинтересовался посол, — я попробую доставить вас домой?

В самом деле, подумал он про себя, ничего лучше в этой отчаянной ситуации не придумаешь, чем отвезти, наконец, эту незадачливую принцессу в Испанию к ее несчастному отцу и безумной сестрице, новой королеве Кастильской. Кто ж теперь женится на Каталине, когда испанское королевство разделилось, а дурная кровь, до поры таившаяся в семье, в полную силу проявила себя в Хуане? Даже Генрих Английский не смог больше притворяться, что Хуана годится в жены, после того как она ездила по всей Испании с непогребенным телом своего супруга, да еще время от времени заглядывала в гроб, не похитили ли его! А ее батюшка с его лукавой дипломатией доигрался до того, что вся Европа теперь у него во

врагах, а две могучие державы объединились и вот-вот пойдут на него войной. Королю Фердинанду недолго осталось. Короче говоря, принцессе Каталине не светит ничего лучше, чем супружество с каким-нибудь второразрядным испанским грандом и жизнь вдали от столицы. И все-таки это предпочтительней, чем остаться здесь, в Англии, в нищете и забвении, заложницей, которую никто не собирается выкупать, заключенной, о которой скоро забудут даже ее тюремщики...

— Что же мне делать? — уже совсем другим тоном спросила она.

Посол понял, что она приняла ситуацию — не смирилась с ней, нет, но приняла. Осознала, что дело проиграно. Королева до мозга костей, она поняла всю глубину своего падения.

— Я должна знать, что мне делать. Ведь я остаюсь в чужой стране, где никому до меня нет дела.

Разумеется, он и виду не подал, что именно так и оценивает ее положение с тех самых пор, как прибыл в Англию.

— Позвольте вам предложить, ваше высочество, вернуться на родину, — уверенно сказал он. — Если начнется война, они и впрямь возьмут вас в заложницы и захватят ваше приданое. Да еще и употребят ваши деньги на свою армию!

— Покинуть эту страну я не могу, — твердо сказала она. — Если уеду, больше сюда не вернусь.

— Но ведь все кончено! — с неожиданной страстностью воскликнул посол. — Вы видите это сами, ваше высочество, вы прозрели! Наше дело проиграно. Вы долго держали оборону, терпели нищету и унижения, вы вынесли это как настоящая принцесса, как истинная королева, как подлинная святая. Даже ваша матушка не справилась бы лучше. Но теперь остается только признать поражение и отступить, уехать домой. Причем как можно скорее. Скажу прямо: надо бежать, пока нас не поймали.

— Поймали?!

— В условиях войны нас обоих могут заключить в тюрьму как шпионов, — уверенно заявил дон Фуэнсалида. — Арестуют все ваше имущество, а потом и вторую половину приданого, когда она придет сюда. Более того, видит Бог, с них станет сфабриковать дело против вас да и казнить под шумок, если понадобится.

— Не посмеют! Я принцесса королевской крови, — вспыхнула Каталина. — Они могут забрать у меня все, только не это! Я всегда, и в обносках, инфанта Испанская! И останусь ею, даже если не бывать мне английской королевой!

— Ваше высочество! — вздохнул дон Фуэнсалида. — Да разве не случилось так, что принцы королевской крови попадали в Тауэр — и где они теперь? Например, вас могут обвинить в том, что вы претендуете на трон Англии... Поверьте мне, надо ехать...

Сделав реверанс миледи матушке короля, Каталина не получила в ответ даже кивка.

Две свиты встретились по пути в церковь, на мессу. Старую даму сопровождали ее внучка, принцесса Мария, и с полдюжины дам. Все они с ледяным высокомерием взирали на принцессу, которую уже давно не ставили при дворе ни во что.

— Миледи? — ожидая причитающегося ей приветствия, не отошла в сторону Каталина.

Мать короля смотрела на нее с открытым неодобрением.

— Дошло до меня, — сказала она, наконец, — что некто плетет козни вокруг обручения принцессы Марии.

Каталина поискала взглядом принцессу, которая пряталась за широким плечом своей бабки.

— Мне ничего об этом не известно, мадам, — сказала она.

— Зато известно твоему отцу! Так что будешь ему писать — не премини упомянуть, что он только усугубит свое и твое положение, строя нам препоны!

— Я совершенно уверена, что он не строит никаких... — начала было Каталина.

— А я совершенно уверена в том, что говорю, так что предупреди отца, чтобы не становился у нас на пути! — отрезала старая дама и двинулась дальше.

Той ночью, таясь в глубокой тени пакгауза в дальнем и безлюдном углу лондонского порта, испанский посол наблюдал, как спешно, но без лишнего шума идет погрузка испанского добра на борт корабля, отплывающего в Брюгге.

— И что ж, ваша милость, ее высочество об этом знать не знает? — переспросил купец, на темном лице которого играли блики факельного огня. — Выходит, мы втихомолку увозим ее приданое! А что, если англичане вдруг решат, что свадьба все-таки будет? Что, если они проведуют, что приданое наконец прибыло, но сундуки так и не добрались до сокровищницы принцессы? Они скажут, мы воры! И не без резона, черт побери!

— Не будет никакой свадьбы! — отрезал посол. — Они просто арестуют ее имущество, а саму отправят в тюрьму — и сделают это сразу, как только объявят войну Испании, а это может случиться хоть завтра. Я не могу допустить, чтобы деньги короля Фердинанда попали в руки англичан. Они наши враги.

— Но что она будет делать? Мы опустошили ее сокровищницу. Оставили нищей!

Посол пожал плечами:

— Да дела ее и так плохи. Если Каталина останется здесь, а Англия вступит в войну с Испанией, то станет заложницей и, верней всего, узницей. Если бежит со мной, как я предлагаю, назад ей ходу нет. Королева Изабелла умерла, в семействе разлад, сама она никому не нужна. Нимало не удивлюсь, если она бросится в Темзу. Ее жизнь кончена. Не представляю, как ее можно спасти. Деньги спасти можно, да, если ты вывезешь их, а ее — нет, в любом случае у нее нет будущего.

Я знаю, что должна покинуть Англию: Артур не желал бы, чтобы я подвергалась опасности. В самом деле, что может быть ужасней, чем оказаться в Тауэре и быть обезглавленной с клеймом предательницы — а ведь я принцесса и не сделала ничего дурного... Ну, солгала раз, да, но это ведь из лучших чувств... Вот славная будет штука, если придется сложить голову на той самой плахе, что и Уорик! Испанская претендентка на трон умрет, как умер Плантагенет...

Нет, этого допустить нельзя. Я вижу, что сейчас не мой час. Я даже перестала молиться. Я не спрашиваю, в чем моя судьба. Но бежать я еще могу. И, судя по всему, бежать сейчас самое время.

— Что вы сделали?! — переспросила Каталина. Бумага с описью дрожала в ее руке.

— Я взял на себя смелость, ваше высочество, вывезти из страны сокровища вашего отца. Я не мог рисковать...

— Мое приданое! — возвысила она голос.

— Ваше высочество, мы оба знаем, что оно не понадобится. Принц на вас не женится. Приданое, конечно, они возьмут, но вот свадьбы вашей не будет.

— Это мой вклад в сделку! — закричала Каталина. — Я держу свое слово! Даже если никто другой не держит! Я голодала, я привела в запустение свой дом, только чтобы не прикасаться к приданому! Я дала обещание и сдержу его, чего бы мне это ни стоило!

— Подумайте, ваше высочество! — в отчаянии воскликнул посол. — Король пустил бы его на жалованье солдатам, которые будут сражаться с вашим отцом. Воевать с Испанией на деньги вашего отца! Я не мог этого допустить.

— И ограбили меня!

— Господь с вами, принцесса, — пробормотал дон Фуэнсалида. — Я доставил ваши сокровища в надежное место до лучшей поры...

— Уходите! — резко сказала она.

— Ваше высочество?

— Вы меня предали, так же как меня предала донья Эльвира, так же как предают все и всегда, — с нескрываемой горечью произнесла Каталина. — Оставьте меня. В ваших услугах я больше не нуждаюсь. Запомните: я больше не скажу с вами ни слова. Никогда. Но будьте уверены, мой отец все узнает. Сегодня же я напишу ему, что вы вор! Вы больше никогда не появитесь при испанском дворе!

Он поклонился ей, дрожа от кипящих в нем чувств, и повернулся, чтобы уйти, слишком гордый, чтобы оправдываться.

— Вы предатель! Да, обыкновенный предатель! — выкрикнула Каталина, когда он был уже у дверей. — И будь у меня власть королевы, я бы казнила вас за предательство!

Фуэнсалида замер. Повернулся к принцессе, еще раз поклонился и сказал ледяным голосом:

— Инфанта, вы роняете себя тем, что меня оскорбляете. Вы глубоко ошибаетесь. Это ваш отец приказал мне вернуть ваше приданое. Я выполнял его прямое и недвусмысленное распоряжение. Ваш отец хотел, чтобы из вашего приданого было изъято все, что

представляет хоть какую-то ценность. Это он решил сделать вас нищей. Он хотел, чтобы приданое было возвращено в Испанию, потому что поставил крест на вашем замужестве. Он хотел, чтобы эти деньги хранились в неприкосновенности и были тайно вывезены из Англии. — Помолчав для пущей весомости, он мрачно продолжил: — И должен прибавить, я не получил приказа позаботиться о вашей безопасности. И не получил приказа втайне вывезти вас из Англии. Ваш отец думал только о деньгах. Не о вас. Он даже не упомянул вашего имени. Думаю, он смирился с тем, что вы для него потеряны навсегда...

Не успел он договорить, как пожалел о своих словах: на лице Каталины отразилось глубокое потрясение.

— Как? Он велел вам отослать деньги, оставив меня здесь — и ни с чем?

— Я сожалею, инфанта.

Она повернулась к нему спиной, ничего не видя, вслепую отошла к окну и оттуда взмахнула рукой.

— Уходите!

Эта зима выдалась долгой даже для Англии. И сейчас, в апреле, трава на заре покрыта изморозью и по утрам в окно моей опочивальни бьет свет до того белый, что, проснувшись и открыв глаза, я думаю: вернулась зима, ночью опять выпал снег... Воду в кувшине для умывания за ночь схватывает коркой льда, потому что мы не можем себе позволить ночь напролет поддерживать огонь в очаге. Когда я выхожу утром во двор, мерзлая трава хрустит под шагами и холод пронизывает ступни сквозь выношенные подошвы башмаков. Да, лето в Англии, когда оно, наконец, придет, мягкое и приятное, но я мечтаю о жгучей испанской жаре. Она выжгла бы, выпарила бы мое отчаяние. У меня такое чувство, что все семь лет я, не переставая, зябну и что если как-то не согреюсь, то просто умру от холода, размокну, раскисну и меня смоят струи дождя. Если король и впрямь при смерти, как поговаривают при дворе, и принц Гарри вступит на трон и женится на Элеоноре, то тогда я попрошу моего отца позволить мне постричься в монахини и уйти в монастырь. В монастыре не может быть хуже, чем здесь. Не может быть скуднее, холодней, более одиноко. Но отец, похоже, совсем меня позабыл, так, словно я умерла вместе с Артуром.

И в самом деле, признаюсь, я каждый день жалею, что этого не произошло.

Я дала себе слово никогда не отчаиваться, и холод, угнездившийся в моем сердце, совсем не похож на отчаяние. Похоже, мое твердое, как гранит, намерение стать королевой обратило меня в камень.

Я пытаюсь молиться, но не слышу Господа. Он тоже забыл меня, как забыли все остальные. Я потеряла всякое ощущение Его присутствия, я перестала бояться Его гнева, перестала радоваться Его милостям. Совсем ничего не чувствую. Я больше не думаю, что я Его излюбленное дитя, и именно потому мне посылаются испытания. Думаю, Он от меня отвернулся. Не знаю почему, но если уж меня забыл мой земной отец, всегда выделявший меня из других своих детей, то отчего ж не поступить так же Отцу Небесному?

Лишь две привязанности остались у меня в этом мире: любовь к Артуру и тоска по Испании, по Альгамбре.

Я живу так, как живу, только потому, что деваться мне некуда. Год за годом втуне уповаю, что фортуна повернется лицом, год за годом принц Гарри становится старше, а помолвка так и остается помолвкой. Каждый год в середине лета, когда положено выплачивать приданое, от отца ни денег, ни письма, и меня донимает стыд, тянущий, как докучная боль. И двенадцать раз в году в течение семи лет — это уже восемьдесят четыре раза — наступают мои дни. Каждый раз, кровотока, я думаю: вот упущен еще один шанс дать Англии принца. Каждый раз я оплакиваю пятно на постельном белье так, словно это погибший ребенок. Восемьдесят четыре случая родить ребенка в самом расцвете лет. Восемьдесят четыре повода оплакать выкидыш.

Читая молитву, я поднимаю глаза на распятого Христа и говорю: «Да исполнится воля Твоя». Я делаю это ежедневно все эти семь лет — значит, всего выходит две тысячи пятьсот пятьдесят шесть раз. Это арифметика моих страданий. Я говорю: «Да исполнится воля Твоя», но имею в виду: «Да падет гнев Твой на гнусных английских советников, на мстительного английского короля, на старую каргу его мать. Дай мне то, что положено мне по праву. Сделай меня королевой. Я должна быть королевой, должна родить сына...»

«Король умер, — письменно сообщил Каталине посол дон Фуэнсалида, зная, что она откажется его принять. — Полагаю своим

долгом уведомить ваше высочество, что король на смертном одре сказал своему сыну, что тот волен жениться на ком пожелает. Если вашему высочеству угодно велеть мне нанять для вас корабль и уехать домой в Испанию, у меня имеются средства на это. Со своей стороны, я не вижу для вас возможности оставаться здесь долее. Вы найдете в этой стране только оскорбления, бесчестье и даже опасность».

— Умер... — произнесла Каталина.

— Простите, ваше высочество? — переспросила одна из камеристок.

Каталина скомкала письмо. Теперь она не верила никому.

— Нет, ничего. Пойду-ка я прогуляюсь.

Мария де Салинас накинула ей на плечи старый, заштопанный плащ, тот самый, в котором Каталина покинула Лондон, когда они с Артуром семь лет назад отправились в Ладлоу.

— Прикажете вас сопровождать? — вяло осведомилась Мария, с тоской бросив взгляд на сереющее за окном небо.

— Нет, не надо.

Я быстро иду вдоль реки. Камешки, которыми посыпана дорожка, впиваются мне в ноги. Иду-тороплюсь, словно хочу бежать от надежды. Иду и думаю, есть ли хоть шанс, что удача повернется ко мне лицом. Король, который воцарился ко мне, а потом возненавидел, потому что я его отвергла, умер. Говорят, он болел, но, видит Бог, воля его никогда не слабела. Я думала, он будет править вечно. Но вот он мертв. Теперь решать будет принц.

Я боюсь надеяться. После всех этих жалких, скудных, голодных лет от надежды я могу опьянеть, даже от одной капли ее на моих губах. И все-таки я хочу, чтобы ее дыхание коснулось меня, легкое, как аромат вина в стоящем поодаль бокале, терпкий густой аромат, ничуть не похожий на каждодневный мой рацион, состоящий из тоски и отчаяния.

Потому что я знаю юного Гарри, да, знаю. Я следила за ним зорко, как сокольничий наблюдает за утомившимся соколом. Наблюдала за ним, выносила свое суждение и проверяла это суждение снова и снова. Я знаю его наизусть, как катехизис. Я знаю его сильные и слабые стороны и думаю, что у меня есть некоторые, очень неверные, но все-таки основания для надежды.

Гарри тщеславен, тщеславие — свойственный мальчишкам порок, и я не виню его, однако тщеславен он чрезмерно. С одной стороны, это может побудить его жениться на мне, потому что тогда все увидят, какой он молодец — поступает так, как должно, верен однажды данному слову, выполняет свое обещание, даже, если угодно, спасает меня, свою прекрасную даму. При мысли о том, что Гарри может меня спасти, я замираю на ходу и сжимаю спрятанные под плащ руки так, что ногти больно вонзаются в плоть. Гарри и впрямь может прийти в голову спасти меня, и тогда мне придется быть ему благодарной Артур умер бы со стыда, только вообразив, что его хвастливый братец меня спасает; однако Артур умер, умерла и моя мать — мне придется справиться в одиночку.

Впрочем, в равной мере тщеславие Гарри может сработать и против меня. Если ему напоют, как богата принцесса Элеонора, как влиятельно семейство Габсбургов, как лестно породниться с императором Священной Римской империи, он, пожалуй, не устоит. Его бабка непременно вставит словечко против меня, а ее слово для Гарри — закон. Она-то, конечно, будет упираться на то, что предпочтительней жениться на принцессе Элеоноре, и он, как всякий юный глупец, не устоит перед соблазном заполучить неведомую красавицу.

Но даже захоти он жениться на ней, все равно это не снимает с него обязанности решить, что делать со мной. Отослав меня домой, он будет выглядеть бледно и, уж конечно, не сможет жениться, когда я еще при дворе. Я-то точно знаю: меньше всего на свете Гарри хочет выглядеть дураком. Если найти способ задержаться здесь до тех пор, как встанет вопрос о его женитьбе, у меня будет довольно сильная позиция.

Я иду медленней, рассеянно глядя на холодные воды реки. Мимо скользят лодки, люди в них зябко кутаются в зимние одежды. Какой-то мужчина, узнав меня, выкрикивает: «Доброго дня, ваше высочество!» Я поднимаю руку в ответ. Жители этой страны полюбили меня с самого того дня, как я сошла на берег в маленьком порту Плимута. Это еще один аргумент в мою пользу с точки зрения принца, вступающего на престол и жаждущего народной любви.

К тому ж, надо признать, Гарри щедр. Он слишком молод, чтобы в полной мере осознать могущество денег, и ему никогда ни в чем не

отказывали. Уверена, он прекратит многолетнюю перебранку насчет приданого и вдовьей доли, а предпочтет сделать широкий, великодушный жест.

Да, мне следует позаботиться о том, чтобы Фуэнсалида и мой отец не предложили отправить меня домой. Фуэнсалида давно потерял веру в мою звезду. Но я — нет, я веру в себя не потеряла. Я должна побороть панику, побороть свои страхи. Бежать с поля боя нельзя.

Когда-то я нравилась Гарри, я знаю это. Сам Артур первым рассказал мне, что его маленький братец, когда вел меня к алтарю, воображал, что он и есть настоящий жених и что я его невеста. Я холила в нем приязнь к себе, при всякой нашей встрече оказывая ему знаки внимания. Когда его сестра потешалась над ним, отмахивалась от его слов, я ласково на него смотрела, просила спеть для меня, восхищалась тем, как он танцует. В тех редких случаях, когда удавалось побыть с ним с глазу на глаз, я просила его почитать мне, а потом мы обсуждали прочитанное. Я находила случай дать ему понять, что нахожу его мнение интересным. Впрочем, он мальчик умный, и говорить с ним легко. Моя трудность, собственно, всегда состояла в том, что все вокруг так часто им восхищаются, что моя скромная похвала вряд ли дорого стоит. После того как его бабка, миледи матушка короля, провозгласила его красивейшим и ученейшим принцем во всем христианском мире, что еще я могу сказать? Как похвалить мальчика, который уже захвален до того, что сам верит в свою исключительность?

Прошедшие годы дались мне нелегко. Он никогда не слышал, как я весело хохочу, не видел меня улыбающейся, легкой, резвой. Он видел меня бедно одетой и неуверенной в себе. Меня никогда не приглашали потанцевать для него, спеть. Когда двор выезжает на охоту, мне дают лошадь какую похуже, и я вечно вынуждена плестись в хвосте. Я выгляжу усталой и озабоченной. А он молод, весел, любит роскошь и нарядную одежду. Возможно, он привык видеть во мне бедную родственницу, унылую вдову, семейную обузу. Он из тех, кто потакает своим желаниям, он с легкостью может освободиться от долга. Тщеславный, полный самомнения, легкомысленный недолго думая, он может отослать меня домой. Но мне нужно остаться. Если я уеду, он уж точно забудет меня через минуту. И потому мне нужно остаться.

Дон Фуэнсалида, которого призвали на королевский совет, отправился туда, печась о своем достоинстве, с высоко поднятой головой, хотя про себя был уверен в том, что ему велят покинуть страну, захватив с собой инфанту. Природная испанская гордость, которая так раздражала всех при дворе, благополучно довела его до зала заседаний Тайного совета, а там и до круглого стола, за которым собрались министры нового короля, и где, в самом центре, было приготовлено для него место. Посол чувствовал себя словно ученик, вызванный в учительскую для нагоняя.

— Полагаю, мне следует прояснить положение, в котором находится принцесса Уэльская, — неуверенно произнес он, поклонившись. — Приданое ее хранится в неприкосновенности за пределами страны и может быть выплачено в...

— Не в приданом дело, — перебил его один из советников.

— Не в приданом? — удивился дон Фуэнсалида. — Но посуда...

— Король намерен быть щедрым к своей нареченной.

— Нареченной? — только и смог переспросить ошеломленный посол.

— Первейшей важностью в настоящий момент является мощь короля Франции и опасность его амбиций в Европе. Так было со времен Азенкура. Король страстно желает вернуть славу Англии. Безопасность нашего государства зиждется на трехстороннем альянсе между Испанией, Англией и императором. Наш юный король полагает, что его свадьба с инфантой обеспечит нам поддержку короля Арагона. Так ли это?

— Разумеется, так, — чувствуя головокружение, подтвердил дон Фуэнсалида. — Однако посуда принцессы...

— Посуда не имеет значения, — повторил советник.

— Я полагал, имущество ее высочества...

— Оно не имеет значения.

— Что ж, я доложу ее высочеству об этой перемене... в ее судьбе.

Члены Тайного совета поднялись из-за стола:

— Сделайте милость.

— Я вернусь, когда... повидаюсь с ее высочеством.

«Вряд ли стоит, — подумал Фуэнсалида, — сообщать им, что принцесса гневается на меня, считает предателем и, вполне может стать, не захочет меня принять». Незачем рассказывать им, что в

последний раз, когда они виделись, он сказал ей, что дело ее проиграно, что замужество ей не светит и что все вокруг давным-давно это знают.

Нетвердой походкой он вышел из комнаты и почти что столкнулся с молодым королем. Тот лучился радостью.

— Посол!

Фуэнсалида склонился в поклоне:

— Ваше величество! Прошу принять мои соболезнования по случаю кончины...

— Да-да! — отмахнулся тот, не в силах изображать скорбь, и улыбнулся. — Соболаговолите передать принцессе, что я хочу, чтобы наше бракосочетание состоялось как можно скорей.

— Разумеется, государь, — с пересохшим ртом пробормотал Фуэнсалида.

— Впрочем, нет, не надо! Я сам пошлю к ней гонца, — рассмеялся Гарри. — Я знаю, вы у нее в немилости, и она отказывается вас видеть, однако я уверен, что смогу ее в этом переубедить.

— Благодарю вас, сир, — не поднимаясь из поклона, произнес Фуэнсалида.

Принц отпустил его взмахом руки, он выпрямил спину и устало побрел к апартаментам принцесс. Было ясно, что испанцам непросто будет привыкнуть к щедрости нового английского короля. Широта его души казалась чрезмерной и попросту сокрушала.

Каталина, что неудивительно, заставила его ждать, но все-таки через час приняла. Трудно было не отдать должного самообладанию, заставившему ее выдерживать в приемной человека, который принес ей известие о том, какое направление примет ее судьба.

— Эмиссар, — ровным голосом сказала она.

Он поклонился. Взгляд его упал на подол ее платья, надставленный и подшитый аккуратными маленькими стежками, но уже выношенный снова. Как бы ни повернулась теперь ее судьба, с сочувствием подумал он, после этого неожиданного брака никогда больше ей не придется раз за разом укорачивать изношенное платье, надставлять, изнашивать до дыр и укорачивать снова.

— Ваше высочество, я только что с заседания Тайного совета. Неприятности позади. Принц выразил желание жениться на вас, и как

можно скорее.

Он мог бы предположить, что она вскрикнет от радости, или бросится ему на шею, или упадет на колени и возблагодарит Господа. Ничего подобного она, конечно, не сделала, а только медленно наклонила голову. Вышитый тускло-золотой нитью лист на ее чепце сверкнул, поймав луч света.

— Я рада это слышать, — только и сказала она.

— Все вопросы относительно утвари сняты и забыты, — не скрывая своей радости, продолжил он.

Она снова кивнула.

— Но приданое выплатить необходимо. Я пошлю за ним в Брюгге, ваше высочество. Я сохранил его для вас. — Тут голос его дрогнул.

Опять кивок.

Он упал на одно колено:

— Ваше высочество! Возрадуйтесь же! Вы будете королевой Англии!

Она обратила на него свой ледяной сапфировый взгляд:

— Я никогда и не сомневалась, эмиссар, что стану ею.

Я добилась своего. Господи милосердный, я добилась! После стольких лет ожидания, невзгод, нищеты и унижения — добилась. Я иду в свою опочивальню, преклоняю колени и закрываю глаза, но разговариваю с Артуром, а не с Всевышним.

— Получилось, — говорю я ему. — Гарри женится на мне. Я сделала, как ты хотел.

На мгновение передо мной расцветает его улыбка. Снова передо мной его светлый лик, его темные глаза, чистая линия профиля. И даже запах его я слышу, к которому вождедею. Прости меня, Господи! На коленях перед распятием я вздыхаю от неутолимого желания...

— Артур, милый! Моя единственная любовь! Я выйду за твоего брата, но всегда буду твоей! — И явственно слышу запах его кожи по утрам, незабываемо яркий, как вкус ранней вишни. — Артур...

Вечером, когда она вышла к ужину в спешно сшитом новом платье с широким золотым воротником и в тяжелых жемчужных серьгах, ее сопроводили к главному столу. Сделав реверанс перед

будущим мужем и получив в ответ его радостную улыбку, она повернулась, чтобы поклониться его бабке, и столкнулась с полным яда взором леди Маргариты Бофор.

— Согласись, тебе повезло, — заметила старая дама после ужина, когда столы унесли, а музыканты ударили по струнам.

— Разве? — настороженно уронила Каталина.

— Ты вышла замуж за одного нашего принца и потеряла его; а теперь, похоже, выйдешь за другого!

— Я бы не назвала везением утрату мужа, мадам, — парировала Каталина на своем безупречном французском. — А что касается милого принца Гарри, мы обручены уже целых шесть лет, и я уверена, мадам, вы не сомневались, что этот день рано или поздно наступит! Не могли же вы предположить, что наш достойный принц не сдержит своего слова!

Многоопытная старая дама не спасовала.

— Разумеется, я не сомневалась в его намерениях, — процедила она. — Мы, Тюдоры, всегда держим слово. Но когда твой отец изменил своему, а ты задержала выплату приданого, в твоих намерениях я — да, усомнилась, и усомнилась в чести Испании.

— В таком случае вы проявили большую доброту, не посвятив в свои сомнения короля, — гладко произнесла Каталина. — Поскольку он, я знаю, мне верил. И я всегда знала, что желанна вам, как ваша внучка. И вот теперь я ею стану, стану королевой Англии, приданое мое уплачено, и все обстоит так, как тому и следует быть.

На это сказать было нечего, и старая дама не придумала ничего лучше, чем кисло молвить:

— Что ж, в любом случае остается надеяться, что ты плодовита.

— Отчего нет? У моей матушки было шестеро детей, — живо ответила Каталина. — Смею напомнить, мадам, моя эмблема — гранат. Это южный фрукт, наполненный множеством семян, в каждом из которых кроется жизнь.

Миледи бабушка короля развернулась и отплыла прочь. Каталина сделала реверанс ее удаляющейся спине и поднялась из поклона с высоко поднятой головой. То, что леди Маргарита думает или говорит, значило мало. Значило только то, что она может сделать. Но вряд ли она в силах предотвратить свадьбу, а все остальное — вздор.

Гринвичский дворец, 11 июня 1509 года

Дня свадьбы я ждала с внутренним содроганием, особенно того момента, когда придется произнести слова брачного обета — того самого, что я давала Артуру. Однако в итоге все оказалось до того не похоже на мое первое торжественное бракосочетание, что я смогла, рука об руку с Гарри, пройти через все испытания, спрятав Артура в самом дальнем углу своей памяти. Я делала это для него, делала именно то, что он мне завещал, именно то, на чем он настаивал, — и думать о нем мне было никак нельзя.

На сей раз народ не толпился в соборе Святого Павла, отсутствовали послы, не били вином фонтаны. Скромная церемония произошла в стенах Гринвичского дворца, в церкви Святого Франциска, в присутствии всего троих свидетелей и полудюжины приглашенных.

Не было ни шумного застолья, ни музыки, ни танцев, ни пьяных шуток, ни буйства. Не было публичного укладывания молодых в постель. Я побаивалась, что будет — и ритуал, и потом, утром, демонстрация простынь, однако принц — то есть, конечно, король, должна я теперь сказать, — не меньше меня стеснялся всего этого, поэтому мы тихо поужинали в присутствии двора и удалились. Придворные выпили за наше здоровье и отпустили нас с богом. Бабушка Гарри тоже, конечно, была там, с лицом словно маска, глаза ледяные. Я держусь по отношению к ней предельно любезно, мне не важно теперь, что она там думает. Главное, что сделать она ничего не может. Никто и не заикнулся насчет того, чтобы я жила в ее комнатах, под ее присмотром. Напротив, она выехала оттуда, освободив апартаменты для меня. Я вышла замуж за Гарри. Я королева Англии, а она... она всего лишь бабушка короля.

Камеристки раздевают меня в молчании, это и их триумф тоже, избавление от бедности, как и мое. Никто не хочет вспоминать ночь в Оксфорде, ночь в Бурфорде, ночи в Ладлоу. Судьбы моих придворных, как и моя судьба, зависят от успеха этого грандиозного обмана. И никто из нас не хочет вспоминать, как трудно далось нам мое вдовство.

А потом, ведь все это было так давно... Семь долгих лет. Кто, кроме меня, может помнить такую давность? Кто, кроме меня, знал

восторг ожидания Артура, видел теплый отблеск свечи на наших переплетенных ногах, слышал на рассвете полусонный шепот: «Расскажи мне историю!»

Камеристки обрядили меня в тонкую кружевную сорочку, каких у меня теперь дюжина, и в молчании удалились. Я жду Гарри, как когда-то ждала Артура. Разница только в том, что ожидание это безрадостное.

Латники проводили молодого короля до входа в королевскую спальню, постучали в дверь, распахнули створки и закрыли их за королем. В накинутаой поверх сорочки вышитой шали Каталина сидела у камина. В комнате было тепло, уютно. Она встала ему навстречу, сделала низкий реверанс.

Гарри поднял ее, легко прикоснувшись к локтю. Розовый от смущения, он явно волновался.

— Не угодно ли свадебного эля? — предложила она, стараясь не думать о том, как когда-то Артур принес ей такой кубок со словами, что это для храбрости.

— Пожалуй, — сказал он, соскользнув в фальцет. Голос его был совсем еще мальчишеский, не укрепившийся в регистре.

Каталина, разливая эль, отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Они подняли кубки.

— Надеюсь, сегодняшнее торжество не показалось тебе неподобающе скромным, — осторожно начал он. — Я подумал, теперь, так скоро после смерти отца, устраивать шумное веселье было бы неуместно. И бабушку расстраивать не хотелось.

Каталина кивнула, но ничего не сказала.

— Скажи, что ты не разочарована, — не успокоился он. — Твоя первая свадьба была такая великолепная!

Каталина улыбнулась:

— Это было давно. Я уже все позабыла.

Кажется, эти слова были ему приятны.

— Да, это правда. Мы все были почти что дети!

— Слишком дети, чтобы жениться, — согласилась она.

Он поерзал на сиденье. Каталина знала, что подкупленные Габсбургами придворные нашептывали ему против нее. Враги Испании тоже замолвили словечко. Не говоря уж о миледи Бофор!

Этот мальчик, которого она видит насквозь, еще не уверен в правильности своего решения, каким бы бравым он ни казался.

— Ну, не такие уж дети, — напомнил он. — Тебе было шестнадцать.

— И Артуру столько же, — решила она произнести заветное имя. — Однако он никогда не был сильным. Он не смог стать мне мужем.

Гарри промолчал, и она испугалась, что зашла слишком далеко. Однако тут он поглядел на нее, и в его глазах блеснула надежда.

— Так, значит, это правда, что по-настоящему вы не стали супругами? — спросил он, вспыхнув от смущения. — Прости меня... Я просто хотел бы знать... Да, я слышал, что говорят. Но мне бы хотелось...

— Никогда, — спокойно сказала она. — Он пытался сделать это, раз или два, но ты же помнишь, как часто он болел... Конечно, он мог хвастаться перед друзьями, что все в порядке, но... Бедняжка Артур... Это ровно ничего не значило.

Я делаю это для тебя, мысленно твержу я, всеми силами души взывая к любимому. Ты хотел, чтобы я солгала. Я вступила на эту тропу и не сверну с нее ни на шаг. Если что-то делать, то делать упорно и неуклонно. Решительно и с убежденностью. И так, чтобы тебя никогда не разоблачили.

Вслух же я говорю:

— Ты помнишь, свадьба была в ноябре. Большую часть декабря мы провели в дороге по пути в Ладлоу, и все это время он не бывал у меня в опочивальне. После Рождества он занемог, а в апреле умер. Мне было очень, очень его жаль.

— Значит, он не был твоим возлюбленным? — отчаянно добиваясь определенности, спросил Гарри.

— Ну как же он мог? — умоляющим тоном сказала она и дернула плечиком так, что рубашка чуть-чуть сползла. Взгляд Гарри тут же притянуло к этому месту. Каталина заметила, что он сглотнул. — Для этого нужны силы... Даже ваша матушка считала, что в первый год ему следует поехать в Ладлоу одному. Мне жаль, что мы к этому не прислушались. Мне было бы все равно, а его судьба, возможно,

сложилась бы иначе. Ты знаешь, мы с ним так и не познакомились толком за эти месяцы. Мы даже не подружились.

Гарри вздохнул с облегчением, словно бремя свалилось с его плеч.

— Прости меня, но, видишь ли, я не мог с собой ничего сделать. Я сомневался... И бабушка сказала...

— Ну, бабушка! Старушки всегда сплетничают по углам! — с улыбкой воскликнула Каталина, намеренно не обратив внимания, что при непочтительном упоминании старших он вскинул бровь. — Благодарение Господу, мы молоды и можем пропускать слухи мимо ушей!

— Так, значит, это просто-напросто слухи? — с легкостью подстроился он к ее тону. — Старушечьи сплетни?

— Прислушиваться к которым мы не станем, — продолжила она в том же духе. — Ты король, а я королева, и мы сами будем решать, что делать. Зачем нам ее советы? Сам посуди — ведь это из-за ее советов мы жили врозь, когда могли бы быть вместе.

Эта мысль не приходила ему в голову.

— В самом деле! — произнес он, закаменев лицом. — Нас с тобой лишали того, что нам причиталось. И все это время она делала намеки, что вы жили с Артуром, как муж и жена, и что мне следует искать в другом месте.

— Поверь мне, я так же чиста, как когда приехала в Англию! — смело заявила Каталина. — Если хочешь, спроси мою старую дуэнью или кого угодно из моих слуг. Они все это знают. Моя матушка это знала. Я девственница.

Он опять облегченно вздохнул:

— Как ты добра, что все мне рассказала! Знаешь, лучше сразу все прояснить, чтобы мы оба всегда все друг о друге знали. Чтобы никто не мучился неизвестностью.

— Мы молоды, — закивала она. — Мы можем всегда все между собой обсудить. Мы можем быть честными и откровенными. Нам не нужно бояться слухов и сплетен.

— Видишь ли, у меня это тоже первый раз, — тихо сказал он. — Ты ведь не будешь из-за этого хуже обо мне думать?

— Разумеется, нет, — с улыбкой ответила Каталина. — Конечно, отец и бабушка держали тебя взаперти, как сокола в клетке! Напротив, я очень рада, что это впервые для нас обоих!

Он поднялся с места и протянул ей руку.

— Что ж, будем учиться вместе. Мы будем добры друг к другу. Я не хочу причинять тебе боль, Каталина. Ты должна мне сказать, если что не так.

Легко и естественно она приникла к нему, но, почувствовав, как весь он одеревенел при ее прикосновении, тут же, словно в порыве скромности, грациозно отступила, все-таки позабыв при этом одну руку у него на плече, легким нажатием поощряя его наступать, пока позади нее не оказалась постель. Там она, словно убегая от его страсти, все отклонялась и отклонялась, пока не оказалась спиной на подушках, и оттуда, улыбаясь, смотрела на него снизу вверх, наблюдая, как темнеет от желания его взор.

— Я желал тебя с первой нашей встречи, — не дыша, произнес Гарри и неловкой рукой погладил ей волосы, шею, обнажившееся плечо, — так погладил, словно хотел ее всю, сразу.

— А я тебя, — улыбнулась она.

— Правда?!

Каталина кивнула.

— Тогда, в день той твоей свадьбы, я мечтал оказаться на месте жениха...

Не торопясь, томительно медленно она развязала ленты ночной рубашки, и шелковистая ткань готовно расползлась в стороны, показав жениху круглую твердую грудь, тонкую талию, темную тень внизу живота. Гарри даже застонал.

— Можешь считать, что так и было, — прошептала она. — У меня никого не было. А теперь, наконец, мы женаты...

— Да, — счастливо выдохнул он. — Наконец-то...

Он уткнулся лицом в тепло ее шеи. Его быстрое, рваное дыхание шевелило ей волосы, руки лихорадочно ласкали, гладили ее бедра. Каталина почувствовала, что отзывается на юную страсть Гарри, невольно вспомнила прикосновения Артура и прикусила язычок, чтобы напомнить себе никогда, никогда не произносить вслух имя своего покойного мужа. Меж тем ее нынешний муж, Гарри, с силой вошел в нее, и она издала негромкий, заранее отрепетированный крик боли — и тут же с ужасом поняла, что этого недостаточно. Надо было закричать громче и сопротивляться сильнее. Для девственницы она повела себя слишком гостеприимно, слишком радушно. Он мало что

знает, этот неоперившийся птенец, но, кажется, даже он понял, что крепость сдалась ему слишком легко.

Даже в разгар страсти он укоротил свое рвение, приостановил свой напор и затуманенным взором отыскивал ее лицо.

— Ты чиста, — неуверенно произнес он. — Я не сделал тебе больно?

Однако в глубине души этот избалованный юноша, как ни неопытен, понял, что чиста она не была, что она лжет.

— Была чиста, вот до этого самого момента, — проговорила она с нежной, чуть вымученной улыбкой, глядя ему в глаза. — Ты взял меня. Я твоя. Перед тобой не устоять... Ты такой сильный...

Она не переубедила его, однако желание требовало своего. Не в силах отказаться от наслаждения, Гарри возобновил атаку.

— Ты овладел мною, — продолжала шептать Каталина, чутко следя за тем, как под напором страсти уходит из его глаз сомнение. — Ты мой муж, ты взял то, что твое по праву. Ты сделал то, чего не смог сделать Артур...

Это была та самая фраза, которая довершила дело. Юный муж со стоном пал на нее, и его семя хлынуло в ее лоно. Дело было сделано. Без всяких сомнений.

Он больше не задал мне этого вопроса. Ему до того хочется мне верить, что он не станет спрашивать, лишь бы не получить нежелательного ответа. Да, вот такой он трус. Привык слышать только то, что ему приятно, и предпочтет удобную ложь непривлекательной правде.

Причина тому — отчасти его желание обладать мной, причем такой, какой он меня впервые увидел: девственницей в наряде невесты. И еще — его стремление возразить всем, кто остерегал его от устроенной мной ловушки. Но самая главная причина кроется в том, что он ненавидел моего любимого Артура и завидовал ему, и хочет меня именно потому, что я принадлежала Артуру, и — прости меня, Господи! — хочет, чтобы я говорила ему, что он может то, что не по силам было Артуру. Даже теперь, когда мой возлюбленный супруг лежит под плитой Ворчестерского собора, взбалмошный мальчик, которому досталась его корона, по-прежнему жаждет над ним главенствовать. Величайшая моя ложь не в том, что я убедила Гарри в

своей девственности. Величайшая моя ложь в другом: я говорю ему, что он лучше и мужественнее, чем был его брат.

На рассвете, пока он спит, я беру перочинный нож, делаю себе надрез на ступне, где Гарри не заметит болячку, и мажу кровью простыню, на которой мы лежали, как раз так, чтобы удовлетворить миледи бабушку короля или другую не в меру недоверчивую особу, которой вздумается устроить осмотр. Конечно, вывешивать королевские простыни на всеобщее обозрение никто не будет, но я знаю, что любопытство одолевает всех, так что пусть лучше у моих служанок будет повод сказать, что все они видели пятно и что я несколько недомогаю. Утром я веду себя так, как полагается новобрачной. Говорю, что устала, не встаю до обеда, улыбаюсь с глазами опущенными долу, словно открыла для себя какую-то приятную тайну, хожу слегка скованно и даже целую неделю отказываюсь охотиться верхом. Короче говоря, делаю все, чтобы показать, что только что утратила девственность. Выглядит это убедительно. Все верят — в общем-то, еще и потому, что никто не хочет верить во что-то другое.

Порез на ноге долго не заживает, давая о себе знать всякий раз, как я надеваю новые башмаки, те, что с большими пряжками в бриллиантах. Для меня это напоминание о той лжи, которую я сказала ради Артура, но, даже когда болячка заживет, я все равно о ней не забуду до конца моих дней. Я даже рада той боли, которую чувствую, когда сую правую ногу в башмак. Она пустяк, вздор по сравнению с болью, которая пронзает мне душу всякий раз, когда я улыбаюсь мальчику-королю и именую его, с восторженным трепетом в голосе, «супруг».

Лето 1509 года

Гарри проснулся ночью и лежал так тихо, что Каталина проснулась тоже.

— Милорд?

— Спи-спи, — сказал он. — Еще темно.

Она соскользнула с постели, мелькая нежным розовым телом в разрезах ночной рубашки, от углей в камине зажгла тонкую свечку, а от той — обычную свечу.

— Не угодно ли эля? Или вина?

— Вина, пожалуй. И ты со мной выпей.

Она вставила свечу в серебряный подсвечник, налила вина и вернулась в постель, держа по бокалу в каждой руке. Понять по его лицу, что происходит, не удавалось, но она подавила свое раздражение. Почему, что бы там ни было, нужно просыпаться среди ночи, интересоваться, что его беспокоит, выказывать свою заботу. С Артуром она в секунду знала, в чем дело, что ему нужно, о чем он думает. Но Гарри! — расстроить его может все, что угодно: песня, сон, записка, брошенная из толпы. Его вырастили так, что он привык делиться своими мыслями, слушаться указаний. Ему необходимо окружение друзей и льстецов, он обожает обмен мнениями. Каталине приходится быть для него всем сразу.

— Я думаю о войне, — сказал он.

— В самом деле?

— Король Людовик надеется от нее уклониться, но мы все-таки навяжем ему войну. Говорят, он мечтает о мире, но я этого не потерплю. Я король Англии, победившей при Азенкуре. Придется ему понять, что со мной нужно считаться!

Каталина кивнула. Ее отец передал ей четкие указания всячески поддерживать воинственность Гарри, если речь пойдет о Франции. В своем письме, написанном в самых теплых выражениях, Фердинанд предлагал своей «дражайшей дочери» способствовать войне между Англией и Францией, причем начинать боевые действия следовало не на северных берегах, где обычно высаживались английские войска, а на границе между Францией и Испанией. По мнению испанского короля, англичанам следует вторгнуться в Аквитанию, жители которой

с радостью избавятся от французов и поддержат своих освободителей, подняв восстание. Испания окажет англичанам всяческую поддержку. Кампания будет легкой и славной.

— Утром я намерен заказать себе новые доспехи, — заявил Гарри. — И не облегченные, для турнира, а тяжелые, боевые.

Она вовремя прикусила язык, чтобы не сказать: не стоит начинать войну, когда в стране столько дел. Не говоря уж о том, что как только английская армия отплывет во Францию, шотландцы наверняка этим воспользуются и пересекут северные пределы, невзирая на то, что шотландская королева — англичанка. А состояние налоговой системы в стране! Эта система — почва для корысти и несправедливости и непременно должна быть реформирована. Необходимо открыть школы, основать институт королевских советников, построить новые крепости, создать флот для защиты берегов. Все это пункты плана, разработанного Артуром, чтобы Англия стала воистину великой страной, и выполнить этот план гораздо важнее, чем удовлетворить мальчишескую воинственность Гарри!

— Я решил, что, когда уйду на войну, страна останется на мою бабушку, — сказал Гарри. — Я сделаю ее регентшей. Она знает, что нужно делать.

Каталина помолчала, собираясь с мыслями.

— Это верно, — сказала она, наконец. — Однако подумай, бедняжка уже немолода. Она столько сделала в своей жизни! Ты не боишься, что ноша окажется ей не по силам?

Гарри улыбнулся:

— Только не ей! Миледи бабушка всегда у руля! Ведет королевские счета, знает, где что лежит. Не думаю, что ей что-либо в тягость, если оно удерживает нас, Тюдоров, у власти.

— Тоже верно, — кивнула Каталина и тихонько ступила на тонкий лед мальчишеской независимости. — И посмотри только, как отлично она правила тобой! Не спускала с тебя глаз! Да что там, не думаю, что она выпустила тебя из узды и сейчас. Когда ты был мальчиком, помнишь, она не позволяла тебе участвовать в турнирах, не разрешала играть в азартные игры, не подпускала к тебе друзей. Всю себя посвятила твоей безопасности и твоему благополучию. Словно ты не принц, а принцесса! — И рассмеялась. — Да-да, словно ты принцесса,

а не полный сил юноша! Так послушай, не пора ли ей отдохнуть, а тебе — получить свободу?

По его глазам было видно, что стрела попала в цель.

— А потом, — улыбнулась Каталина, — если ты предоставишь ей власть, она наверняка заявит в Совете, что тебе не следует покидать страну, что война для тебя слишком опасна!

— Ну, уж нет! Не пустить меня на войну она не посмеет! — вскинулся он. — Я — король!

— Как скажешь, любовь моя. Однако, на мой взгляд, она вполне может не дать тебе денег, если война пойдет неудачно. Если она и Тайный совет усомнятся в правильности твоих действий... Да им только и надо, что сидеть сложа руки и не поднимать налоги на содержание армии. И может случиться, что ты столкнешься с предательством дома — из любви, заметь, из самых лучших намерений, — и военными действиями за рубежом. Столкнешься с тем, что старики попытаются помешать тебе делать то, что ты считаешь верным. Собственно, так они всегда и делают.

— Никогда в жизни она не причинит мне вреда! — возмутился Гарри.

— Нарочно — конечно, нет! — согласилась с ним Каталина. — Она всегда будет думать, что служит твоим интересам. Просто...

— Что?

— Просто она всегда будет думать, что разбирается в твоих делах лучше, чем ты. Для нее ты навсегда останешься маленьким мальчиком.

Он вспыхнул.

— Для нее ты всегда будешь вторым сыном, тем, кто после Артура. Не настоящим наследником. Видишь ли, старые люди не меняют своих мнений, они не в силах понять, что мир меняется. Да и в самом деле, как она может доверять твоему суждению, если всю твою жизнь она тобой управляла?

— Я не допущу, чтобы меня ограничивали! — заявил он.

— Твое время пришло, — подпела ему Каталина.

— Знаешь, что я сделаю? Я сделаю регентшей тебя! Ты будешь править страной, пока я в отлучке! Я больше никому не поверю. Мы с тобой будем править вместе. Ты как думаешь, справишься?

— Справлюсь, — улыбнулась она. — Я рождена королевой. Воюй спокойно, я сохраню для тебя страну.

— Вот и отлично, — вздохнул он. — Ведь твоя мать была отличным командиром, верно? Поддерживала своего супруга. Я часто слышал, что он возглавлял армию и воевал, а она собирала деньги и вербовала солдат.

— Так и было, — кивнула она, удивленная тем, что ему это интересно. — Да, она всегда была с ним рядом. Участвовала в военных советах, разрабатывала кампании, следила, чтобы у короля были силы в резерве, даже закладывала свои драгоценности, чтобы заплатить солдатам. А иногда и участвовала в атаках, скакала на боевом коне в сверкающих доспехах.

— Расскажи мне о ней, — жадно сказал он, удобней устраиваясь на подушках. — Расскажи об Испании и о себе — какой ты была маленькой? И что такое эта ваша Альгамбра? Расскажи!

Это было до того похоже на то, как было с Артуром, что у Каталены мурашки пошли по коже.

— Знаешь, это было так давно! Я все уже позабыла! — улыбаясь ему в лицо, сказала она. — И рассказать нечего!

— Ну же! Расскажи мне историю!

— Прости, милый. Я уже так давно в Англии, что Испания стерлась из памяти...

Утром он, полный сил, предвкушая новые доспехи и войну, разбудил ее поцелуями и второпях наслаждался ею. Полусонная Каталина обнимала его, легко прощая ему его мальчишеский эгоизм, а потом с улыбкой смотрела, как он выпрыгивает из постели и стучит кулаком в дверь, торопя охрану.

— Я сегодня проедусь верхом перед мессой, — сказал он ей, уходя к себе. — День чудесный! Поедешь со мной?

— Мы увидимся в церкви, — посулила она ему. — А после можешь позавтракать со мной, если хочешь.

— Да, давай позавтракаем, — решил он. — А потом поедем охотиться, ладно? Слишком хорошая погода, чтобы не прогулять собак. Поедешь со мной?

— Поеду, — пообещала она, с удовольствием глядя, как он сияет. — И давай устроим пикник!

— Ты лучшая из жен! — воскликнул король. — Отличная мысль, пикник! Ты распорядишься, чтобы нас сопровождали музыканты?

Устроим танцы! И возьми с собой дам, всех своих дам, чтобы все танцевали!

Тут он совсем было уже вышел, но она перехватила его на пороге:

— Гарри, можно я пошлю за леди Маргарет Пол? Она ведь нравится тебе, верно? Можно я включу ее в мой штат?

Он вернулся в комнату, обнял и поцеловал от души.

— Можешь брать всех, кого хочешь, в свое услужение. Всех и всегда. Конечно, пошли за ней. Она отличная женщина.

Каталина расцвела.

— За это, — сказала она, — я прикажу собрать целый оркестр музыкантов, целую труппу танцоров, и если для нас смогут отыскать хор сладкоголосых ангелов, то закажу и его! — И рассмеялась, такое счастье разлилось у него по лицу. В коридоре послышался топот караульных. — Удачи! Увидимся на мессе!

Я вышла за него ради Артура, ради матушки, ради Бога, ради нашего дела и ради себя самой. Однако очень скоро я поняла, что люблю его. В самом деле, невозможно было не полюбить добродушного, веселого, кипящего энергией короля Генриха VIII, каким он был в первые годы своего правления...

С самого детства окруженный всеобщей добротой и восхищением, он не ждет от жизни ничего другого. Каждое утро просыпается веселый, как птица, в счастливом ожидании предстоящего дня. И поскольку он король, окруженный льстецами и подпевалами, день всегда оправдывает его ожидания. Когда Гарри беспокоят государственные дела или докучливые просители, он оглядывается вокруг, чтобы кто-то из приближенных снял с его плеч эту заботу. В первые недели его правления это делала миледи Бофор. Мало-помалу я потрудилась организовать дело так, чтобы бразды государственного правления он передал мне.

Со временем члены Тайного совета привыкли обращаться ко мне, чтобы узнать, что думает по тому или иному поводу король. Им легче подать королю законопроект или прошение, если я его предварительно подготовила. Придворные скоро поняли, что все, что заставляет короля разлучаться со мной, а также все, что угрожает союзу Англии с Испанией, заставляет меня хмурить брови, а Гарри не любит, когда я хмурюсь. Те, кто ищет у короля милости, помощи либо

справедливости, быстро усвоили, что скорейший путь к положительному решению — предварительно наведаться в приемную королевы, а потом подождать, пока я подготовлю почву.

Напоминать, что обращаться с королем следует с величайшим тактом, никому не приходится. Все знают, что идти с просьбами к нему следует так, словно никакой предварительной подготовки не проводилось. Все понимают, что самомнение молодого короля не должно быть поколеблено ни в коей мере. Все сделали правильные выводы из ошибок миледи бабушки короля, которая обнаружила, что ее мягко, но неотвратно оттесняют на обочину придворной жизни, поскольку она имела неосторожность давать королю советы, наставлять его, принимать решения, не испросив у него разрешения, и даже, было дело, прилюдно его отчитать. Гарри — король до того беспечный, что отдаст ключи от королевства всякому, кому доверяет. Задача моя состоит в том, чтобы отныне он доверял только мне.

Для себя я решила никогда не ставить ему в вину то, что он не Артур. За семь лет вдовства я хорошо усвоила, что это была Господня воля — забрать у меня Артура, и грех корить тех, кто живет, когда лучший из лучших умер. Я обещала Артуру выйти замуж за его брата и теперь понимаю, какая это удача для меня, что супружество с Гарри — не тяжкий обет, а часто очень приятный.

Мне нравится быть королевой. Нравятся красивые вещи, богатые украшения и комнатная собачка, нравится подбирать придворных дам так, чтобы их компания доставляла мне удовольствие. Нравится заплатить все, что я задолжала Марии де Салинас за годы ее службы, и смотреть, как она заказывает себе дюжину новых платьев. Нравится написать леди Маргарет Пол и призвать ее ко двору, упасть в ее объятия, заплакать от радости, что снова вижу ее, и взять у нее обещание, что она меня не покинет. Нравится, что могу доверять ей безусловно. Она слова не вымолвит об Артуре, но очень хорошо знает, чего стоил мне новый брак. Мне нравится, что она внимательно наблюдает, как я исполняю наши с Артуром планы насчет Англии, хотя на троне сидит Гарри.

Наш медовый месяц для Гарри и впрямь медовый: сплошные празднества, балы, поездки по реке, выезды на охоту, представления, развлечения и турниры. Он как мальчишка, которого долго держали в классной комнате, а теперь выпустили на летние каникулы. Мир полон

удовольствий, и всякое, даже незначительное событие радует его необычайно. Он обожает охоту — но ему раньше не позволялось быстро скакать. Он любит турниры — но его бабушка и отец не разрешали ему даже внести свое имя в список участников. Ему нравится компания взрослых, опытных мужчин, которые теперь тщательно следят за тем, чтобы их разговоры и развлечения подобали молодому королю и развлекали его. Он очень не против и общества дам, однако, благодарение Господу, его детская преданность мне не позволяет ему увлечься ими чрезмерно. Он с удовольствием болтает с красавицами, играет с ними в карты, танцует и щедро оценивает всякую победу, одержанную в дворцовых турнирах, но всегда сначала взглянет на меня, ища моего одобрения. Он всегда рядом, и с высоты своего немалого роста взирает на меня с таким обожанием, что странно было бы не оценить такого отношения и не отозваться. Так что проходит совсем недолгий срок, и я поневоле обнаруживаю, что люблю его просто потому, что он — это он.

Он собрал вокруг себя молодежь, создав двор, до того отличный от окружения своего отца, что это можно даже истолковать как упрек. При Генрихе VII двор состоял из стариков, вояк, закаленных в битвах, переживших трудные времена, хоть раз да терявших свои владения и обретавших их сызнова. Приближенные Генриха VIII трудностей никаких не знали.

Я взяла себе за правило ничего никогда не говорить в осуждение ни ему, ни компании необузданных молодых людей, которые роились вокруг него. Они называли себя «миньонами», фаворитами, и подзуживали друг друга на самые нелепые пари, шутки и розыгрыши весь день, а порой, судя по сплетням, и всю ночь напролет. Гарри доньше держали в такой узде, что, на мой взгляд, это вполне естественное желание — набегаться, надурачиться, нарезвиться и получать удовольствие от компании мальчишек, которые хвастаются своими дебошами, дуэлями, драками, любовными победами и ссорами с гневливыми отцами. Лучшего друга Гарри зовут Уильям Комптон. Они ходят повсюду, обняв друг друга за плечи, словно сейчас затанцуют или схватятся в драке. Уильям неплохой парень, такой же дурачок, как и все остальные, он по-товарищески привязан к Гарри и так смешно изображает преувеличенную преданность, что мы все хохочем. Половина «миньонов» притворяется, что влюблены в меня, и

я великодушно позволяю им посвящать мне стихи и песни, причем непременно даю понять Гарри, что его поэмы и песни всегда самые лучшие.

Придворные постарше ворчат и выражают недовольство шумными приятелями короля, я молчу. А когда с жалобами являются члены Тайного совета, говорю, что король молод и с этим необходимо считаться. В «миньонах» нет зла, трезвые, они самые славные и воспитанные молодые люди. Ну а в подпитии, конечно, крикливы, драчливы и перевозбуждены. «Разве вы не были молоды, сэр?» — спрашиваю я очередного почтенного жалобщика и улыбаюсь ему, как сообщница. Сама же я смотрю на них глазами моей матушки, зная, что именно им предстоит стать офицерами нашей будущей армии. Во время войны их энергия и мужество — именно то, что нужно. Из самых шумных в мирное время мальчишек выходят самые лучшие бойцы в военные времена.

Леди Маргарита, бабушка короля, похоронив мужа-другого, невестку, внука и, наконец, бесценного сына, слегка подустала от битв за свое место под солнцем, и Каталина старалась избегать открытого противостояния со своим старым врагом. Любителей придворных интриг такое поведение лишало возможности поразвлечься, наблюдая соперничество между двумя дамами; те, кто надеялся, что леди Маргарита будет донимать Каталину так, как ранее свою невестку, были разочарованы. Каталина от столкновений ускользала.

Если, к примеру, заводя по укоренившейся привычке вечную придворную игру «кто важней», леди Маргарита стремилась хотя бы на несколько шагов опередить Каталину перед дверью в обеденный зал, та, урожденная принцесса крови, испанская инфанта и теперь королева Англии, отступала в сторону с видом такого великодушия, что всякий не упускал заметить, как по-христиански смиренна новая королева. Каталина усвоила манеру пропускать впереди себя старую даму, при этом всем присутствующим становилось очевидно, как сильно сдала леди Маргарита за последнее время. Когда ж та откровенно ускоряла шаг, чтобы поспеть раньше внучки к королевскому столу, Каталина подчеркнуто отступала в сторону, и придворные снова переглядывались, отмечая грацию и благодушие королевы.

Смерть сына, короля Генриха, больно ударила по миледи. Мало того что она потеряла любимое дитя, она утратила еще и вкус к жизни. У нее едва хватало напора заставить членов Тайного совета являться к ней с докладом перед тем, как отправиться к королю. То, что Гарри при вступлении на престол простил должников короны и освободил заключенных, миледи восприняла как оскорбление памяти отца и ее собственного правления. А уж когда двор, омолодившись, кинулся играть и веселиться, она почувствовала себя старой и никому не нужной. Ее, ту, что когда-то верховодила при дворе и устанавливала все правила, отстранили от дел. Ее мнение больше никого не интересовало. Большая протокольная книга, в которой была расписана вся жизнь при дворе, была написана леди Бофор; однако вдруг сами собой возникли праздники, в книге не указанные, увеселения, ею не предписанные, и с миледи никто не посоветовался.

Во всех переменах, которые ей претили, леди Бофор винила Каталину, та же мило улыбалась в ответ и продолжала поощрять юного короля охотиться вдоволь, танцевать всласть и не спать допоздна. Старая дама ворчала и жаловалась своим приближенным, что королева — безответственная вертихвостка и все это может плохо кончиться для короля. Ей хватило даже духу намекнуть, что, дескать, неудивительно, что Артур умер, если испанка считает, что так управляют королевским двором.

Леди Маргарет Пол урезонивала свою старую знакомую со всем присущим ей тактом:

— Да, миледи, у королевы, в самом деле, веселый двор, однако она отнюдь не совершает поступков, роняющих достоинство трона. Если бы не она, «миньоны» вели б себя гораздо разнузданней. Это король настаивает на бесконечной череде развлечений. Королева — пример достойного поведения. Молодые придворные боготворят ее. Никто не смеет бесчинствовать в ее присутствии.

— А я виню именно королеву! — рассердилась старуха. — Принцесса Элеонора никогда бы так себя не вела! Принцесса Элеонора жила бы в моих апартаментах, и жизнь во дворце продолжалась бы по моим правилам!

Каталина тактично ничего такого не слышала — даже когда доброхоты в подробностях пересказывали ей оскорбительные слова.

Каталина попросту пропускала их мимо ушей, зная, что равнодушие заденет бабку больше всего.

Ту очень злило, что изменилось расписание придворной жизни. Ужин сместился к ночи, старой даме приходилось дожидаться его все дольше, потом, когда, наконец, его подавали, она жаловалась, что уже так поздно, что трапеза не закончится до рассвета, и удалялась прежде всех.

— Зачем ты ложишься так поздно, — пеняла она королю. — Это глупо и нездорово! Спать необходимо, чтобы набраться сил, ты пока еще мальчик! Что до меня, я не в силах засиживаться столь долго, а что до расхода свечей, это сущее расточительство!

— Да, миледи, но вам уже почти семьдесят, — вежливо говорил внук. — Конечно, вам следует отдыхать. Вы вольны покидать двор, когда вам заблагорассудится. Мы же с Каталиной молоды, и нам хочется развлекаться.

— Ей тоже лучше не утомлять себя развлечениями. Ей надо зачать наследника, — проворчала старуха. — А для этого не требуется выплясывать с вертопрахами! Каждую ночь маскарады! Где это видано! И кто за это все платит?

— Но, бабушка, мы же женаты меньше месяца! — нахмурился Гарри. — Это свадебные торжества. Я хочу, чтобы у нас был веселый двор, и мне нравится танцевать.

— Ты ведешь себя так, словно твоим деньгам нет конца! — не успокаивалась леди Маргарет. — Во что тебе обошелся этот ужин? А вчерашний? Одни цветы сколько стоили! А музыканты? В нашей стране не принято швыряться деньгами, мы не можем позволить себе короля-транжиру! Это не по-английски, чтобы на троне сидел щеголь, а при дворе правили шуты!

Гарри вспыхнул, его терпение иссякало.

— Король отнюдь не щеголь и не транжира, — мягко вмещалась Каталина. — Мы просто хотим немного повеселиться. Ваш сын, покойный король, всегда выражал желание, чтобы при дворе было весело. Он считал, что мрачный и унылый двор не способствует авторитету власти. Король Гарри в этом смысле следует по стопам своего мудрого батюшки.

— Его батюшка был не юный простак под пятой у своей жены! — огрызнулась старуха.

Каталина взмахнула ресницами и положила ладонь на рукав Гарри, призывая его к молчанию.

— Я стремлюсь стать королю другом и помощницей, — спокойно сказала она, — и уверена, именно это вам хочется видеть в его жене.

Леди Бофор хмыкнула.

— Я слышала, ты стремишься не только к этому, — начала она.

Молодая пара ждала продолжения. Каталина чувствовала, что рука Гарри беспокойно дергается под ее ладонью.

— Ходят слухи, что твой отец собирается отозвать своего посла. Это правда? — сверкнула глазами старуха. — Похоже, посол ему больше не нужен. Королева Англии лучше справится с его работой. Сама королева Англии станет испанским послом. Я права?

— Миледи бабушка! — вспыхнул Гарри, но Каталина мягко и ласково его перебила:

— Смею напомнить, миледи, я принцесса Испанская. Разумеется, я представляю в Англии мою родную страну. Я горда и счастлива, что у меня есть такая возможность. Разумеется, я сообщаю моему отцу-королю, что его любящий сын, мой муж, благополучен, что наше королевство процветает. И конечно, я сообщаю моему мужу, что мой любящий отец готов оказать ему помощь равно как в войне, так и в мире.

— Когда мы начнем войну... — вмешался Гарри.

— Войну? — возмущилась леди Бофор. — Войну?! С какой стати нам ввязываться в войну? Мы не ссорились с Францией! Ее отец, вот кто хочет войны! И не вздумай мне говорить, что ты настолько глуп, что ввяжешься в войну, выгодную Испании! Кто ты, по-твоему, такой? Испанский подручный?

— Король Франции опасен всем нам! — разгневался Гарри. — И слава Англии всегда жидилась на...

— Я совершенно уверена, что миледи бабушка короля ни в коей мере не расходится с тобой во мнении, государь, — мягко вступилась Каталина. — Наступили времена перемен. Неразумно требовать от людей старшего поколения, чтобы они сразу и с готовностью приспособились к переменам.

— Я покуда еще в своем уме! — прошипела старуха. — И могу распознать опасность, когда она у меня перед глазами! И нелояльность тоже! И шпионов Испании!

— Не сомневайтесь, что мы весьма высоко ценим ваши советы, миледи, — уверила ее Каталина. — И милорд король, и я сама неизменно рады выслушать любой ваш совет. Не так ли, Гарри?

Тот еще кипел.

— При Азенкуре...

— Я устала от этого разговора, — перебила его бабка. — А ты, милочка моя, ты скользкая и увертливая, как угорь. Я лучше пойду к себе.

Каталина присела в самый низкий и почтительный реверанс. Гарри едва кивнул. Каталина поднялась из поклона только тогда, когда старая дама вышла из комнаты.

— Как она может говорить такое? — возмутился Гарри. — Как ты можешь выслушивать от нее такой вздор? Я едва не взвыл от злости! Ничего не понимает и еще оскорбляет тебя! А ты стоишь и все это слушаешь!

Каталина со смехом взяла его руками за щеки, притянула к себе и поцеловала в губы.

— Ах, Гарри, да какая разница, что она говорит, если сделать она ничего не может! Господь с ней совсем! Не обращай внимания!

— Я вступлю в войну с Францией, что бы она ни говорила! — пообещал он.

— Ну конечно, милый, надо только подождать верного часа!

Я тщательно скрываю свое торжество, но мне нравится это чувство, оно сладостно. Придет час, когда и другие мои мучительницы, сестры Гарри, почувствуют мою руку.

Конечно, миледи стара, но именно потому могла бы призвать на свою сторону влиятельных придворных стариков. Они знают ее целую вечность; узы родства, пережитых тягот, соперничества и вражды пронизывают их отношения, как жилки — пестрый мрамор. Она славится знаниями и благочестием, но нельзя сказать, что ее любят как женщину либо как мать короля. Родом из одной из самых знатных семей в королевстве, взлетев после Босуорта на вершину власти, она стала выставлять напоказ свое превосходство и всячески подчеркивала разницу между собой и двором.

Разойдясь с ней, они стали дружить со мной: леди Маргарет Пол в первую очередь, герцог Бэкингем и его сестры, Элизабет и Анна,

Томас Говард и его сыновья, сэр Томас и леди Элизабет Болейн, милейший Уильям Уорхем, архиепископ Кентерберийский, Джордж Талбот, сэр Генри Верной, которого я знаю еще по Уэльсу. Все они хорошо понимают, что если Гарри пренебрегает делами королевства, то я — нет.

Я обращаюсь к ним за советом, делюсь планами, которые обдумывали мы с Артуром. Вместе с членами Тайного совета стараюсь превратить наше королевство в сильную, мирную страну. Мы начали работать над тем, чтобы повсюду: от берега до берега, и в лесах, и в горах — правил закон. Приступили к укреплению береговой обороны. По нашему повелению составляется перечень судов, которые можно объединить в военно-морской флот, и списки личного состава войск сухопутных. Я приняла бразды королевства в свои руки и убедилась в том, что это мое дело.

Искусство править государством у меня в крови. Я сидела у ног матушки в тронном зале Альгамбры. Слушала, что говорит отец в золотистой зале Послов. Я усваивала навыки управления так же, как училась языкам, музыке, танцам и архитектуре, — все разом, на одних и тех же уроках. Мне прививали вкус к нарядным изразцам, к солнечным лучам, пронзающим тонкое кружево оконного переплета, и... к власти. Все уроки усваивались одновременно. Сделавшись правящей королевой, я чувствую себя совершенно как дома. Я счастлива. Я на своем месте.

Бабушка короля возлежала на своей пышной кровати. Шитый золотом полог сдвинут так, чтобы лицо ее оставалось в тени. В ногах кровати стояла мученица камеристка, неловко держа дароносицу так, чтобы сквозь ее хрустальную крышку умирающая видела частицу тела Христова. Под шелест молитв миледи время от времени переводила взгляд с дароносицы на распятие из слоновой кости, висевшее на стене у изголовья, и обратно.

Каталина, с коралловыми четками в руках, опустив голову, преклонила колени в ногах кровати и принялась молча молиться. Миледи бабушка короля, твердо уверенная в том, что ей уготовано праведными трудами заслуженное место в раю, покидала этот мир.

За стенами комнаты, в своей приемной, Гарри ждал, когда ему доложат, что бабка умерла. Она умрет — и оборвется последнее звено,

связывающее его с юностью, с тем временем, когда он был вторым сыном и лез из кожи вон, чтобы обратить на себя внимание... Отныне все будут видеть в его лице старшего в семье, главного. И больше не будет острая на язык и требовательная старая дама строго следить за каждым шагом своего легкомысленного, доверчивого внука, чтобы одним тихим словом подрезать его в самый момент взлета. Она умрет — и не будет никого, кто знал бы его ребенком. Она умрет — и он станет по-настоящему независим, наконец-то свободен, станет мужчиной и королем. Эти мысли обуревали Гарри, когда, в маске благочестия, скрывая нетерпение, он ждал скорбной вести. Он и понятия не имел, что по-прежнему отчаянно нуждался в ее советах...

— Ему нельзя воевать, — хрипло произнесла с подушек бабушка короля.

Камеристка тихонько ахнула, удивившись ясности ее слов, но все-таки, для большей уверенности, переспросила:

— Простите, миледи?

— Ему нельзя воевать, — повторила старуха. — Наша задача — не ввязываться в эти вечные европейские дразги, сидеть у себя за морями, укреплять и оборонять страну. Мир, главное — мир...

— Нет, — четко произнесла Каталина. — Наша задача — крестовый поход в сердце христианского мира и далее. Наша задача — сделать так, чтобы благодаря Англии укрепилось христианство в Европе, вплоть до Святой земли и далее в Африку, к туркам, к сарацинам, до самого края земли.

— Шотландцы...

— Мы победим шотландцев, — твердо сказала Каталина. — Мне известно об опасности, которую они представляют.

— Не для того я позволила ему жениться на тебе, чтобы ты развязала войну. — Темные глаза старухи сверкнули бессильным негодованием.

— А вы и не позволяли. Вы были против с самого первого дня, — отрубил Каталина, не обращая внимания на хныканье камеристки, что умирающим не противоречат. — Но я-то вышла за него как раз затем, чтобы он пошел в Великий Крестовый поход.

— Пообещай мне, что не отпустишь его на войну, — выдохнула старая дама. — Я требую этого на моем смертном одре. Я требую этого от тебя. Священный долг — выполнить слово, данное умирающему.

— Нет, — покачала головой Каталина. — Никаких священных обетов. Я уже один дала, и он дорого мне стоил. Никаких обетов. Тем более вам, мадам. Вы свое прожили, как считали нужным, выполнили свою задачу. Теперь моя очередь. Я увижу своего сына королем Англии, а может, и Испании тоже. Я увижу, как мой супруг ведет победоносную войну против мавров и турок. Я увижу, как моя страна, Англия, занимает подобающее ей место в мире. Я увижу, как Англия станет сердцем Европы, возглавив христианский мир. Я буду защищать ее и заботиться о ее процветании. Я стану такой королевой Англии, какой вы никогда не были.

— Нет... — выдохнула умирающая.

— Да, — непреклонно сказала Каталина. — Стану, и буду ею до самой своей смерти.

Миледи Бофор, задыхаясь, с усилием оторвала голову от подушки.

— Молись за меня, — приказала она так, словно накладывала проклятие. — Я выполнила свой долг перед Англией, перед Тюдорами. Позаботься о том, чтобы меня поминали как королеву!

Каталина подумала. В самом деле, если бы эта женщина не потрудилась во славу своего сына и своей страны, Тюдорам на троне не бывать.

— Я буду молиться за вас, мадам, — согласилась она. — И пока в Англии звучат зауспокойные мессы, пока существует в Англии святая Римско-католическая церковь, ваше имя не забудут.

— Во веки веков, аминь, — произнесла умирающая, свято веря, что есть вещи, которые никогда не изменятся.

— Аминь, — подхватила Каталина.

Меньше чем через час она умерла, и я стала королевой, правящей королевой, даже до того, как меня короновали. Никто при дворе не знает, что делать, никто не может отдать внятного распоряжения. Гарри никогда еще не распоряжался королевскими похоронами. Откуда ему знать, что делать, с чего начать, какие почести отдать усопшей, сколько плакальщиц назначить, где хоронить и с каким церемониалом?

Я призываю к себе герцога Бэкингема, который столько лет назад, когда я только прибыла в Англию, вместе с Гарри выехал на полдороге меня приветствовать, — теперь он при дворе лорд-распорядитель — и еще леди Маргарет Пол. Мне приносят Королевскую церемониальную

книгу, написанную самой покойной бабушкой короля, и я приступаю к делу.

Удача: раскрыв книгу, я обнаруживаю три страницы рукописных распоряжений. Тщеславная старая дама подробно расписала весь порядок собственных похорон. Мы с леди Маргарет только качаем головой. Тут есть все: и сколько епископов, факельщиков, плакальщиц и прочего наемного люда должно участвовать в церемонии, и как следует убрать улицы, и сколько времени держать траур. Показываю список Бэкингему — он не произносит ни слова, но улыбается и качает головой. Скрывая глубоко в душе недостойное торжество, я беру перо, окунаю его в черные чернила, почти все убавляю наполовину — я начинаю отдавать приказания.

Это было спокойное погребение, прошедшее гладко и достойно, и каждый знал, что руководила всем «испанская новобрачная». Те, кто не понимал этого раньше, теперь уразумели, что девушка, которая семь лет ждала, чтобы взойти на трон Англии, отнюдь не тратила времени зря. Она уяснила нрав и предпочтения английского народа, уяснила, какие представления ему по вкусу. Уяснила она и вкусы придворных: что почитается изящным и подходящим, что кричащим и неуместным. И, будучи принцессой по рождению, она умела командовать. В эти дни, предшествующие коронации, Каталина окончательно утвердилась как королева, и те, кто игнорировал ее в годы нищеты, теперь уважали и полюбили ее.

Их восхищение она принимала так же, как когда-то принимала презрение: вежливо и спокойно. Она знала, что отныне со всеми вопросами придворной жизни люди будут идти к ней, а не к Гарри. После этого триумфа никто не попытается потеснить ее или выжить.

Мы решили не откладывать нашей коронации, хотя с похорон миледи Бофор, бабушки короля, прошло совсем немного времени. Приготовления все сделаны. Зачем, рассудили мы, портить радость городу и удовольствие людям, которые съехались со всей страны, чтобы поглядеть, как малыш Гарри наденет корону своего отца. Говорят, есть такие, кто пешком явился из самого Плимута, на берег которого когда-то я сошла, приплыв из Испании, — испуганная, измученная качкой девочка... Не станем же мы объявлять, что празднества по поводу нашего с Гарри восшествия на престол

отложены из-за того, что сердитая старуха не вовремя умерла. Люди ждут праздника, решили мы, и не следует им отказывать.

Сказать по правде, это Гарри не в силах вынести отсрочку. Он обещал себе торжество и ни за что не согласится его отложить. И уж конечно, не из-за старухи, последние годы так мешавшей ему жить по-своему.

Я не возражаю. На мой взгляд, леди Бофор в свое время насладились властью, но теперь-то настало наше время. Итак, я решаю — а теперь все решаю здесь я — коронацию не откладывать. И мы не откладываем.

Я знаю, что Гарри лишь внешне скорбит по бабушке. Это показной траур. В тот день, явившись к нему из опочивальни леди Бофор, я внимательно на него смотрела. По моему виду он понял, что она скончалась. Я видела, что его плечи поднялись и опустились, словно он освободился от бремени ее забот словно ее костлявая, любящая, крапчатая от старости рука, наконец, отпустила его. Я видела промелькнувшую на губах улыбку, след восторга, что он жив, молод и полон страстей, а ее больше нет. Но потом он старательно изобразил на лице приличествующую случаю скорбь, а я сделала шаг вперед, с видом столь же печальным, и в полагающихся выражениях сообщила ему, что миледи бабушка умерла, на что он ответил мне в том же тоне.

Я довольна, что он умеет лицемерить. В королевском дворце много дверей, говаривал мне мой отец, и король должен уметь входить и выходить так, чтобы никто не знал, что у него на уме. Гарри пока что мальчик, но когда-нибудь он станет мужчиной, ему придется принимать решения и вершить суд. Я запомню, что он способен говорить одно, а думать другое.

Однако я сделала еще один вывод. Он не проронил по родной бабке ни единой искренней слезы, и я поняла, что у нашего золотого Гарри сердце, которому верить нельзя. Она была ему как мать, верховный авторитет его детства. Окружила его неусыпной заботой, сама учила наукам. Не спускала с него глаз, защищала от ранящих душу впечатлений, не подпускала к нему доброхотов, которые могли бы научить его тому, что она не одобряла. Позволяла гулять только по проторенным ею самой тропкам. Часы проводила на коленях, молясь за него, и настаивала, чтобы его готовили к высоким церковным

должностям. Но когда она вставала у него на пути, отказывая ему в наслаждениях, он видел в ней врага, а он не прощает тех, кто отказывает ему в чем-либо. Следовательно, думаю я, этот мальчик, этот очаровательный мальчик когда-нибудь вырастет в мужчину, эгоизм которого станет опасен и ему самому, и тем, кто с ним рядом. Когда-нибудь мы все пожалеем, что бабка не выучила его лучше.

Из Тауэра в Вестминстер Каталину везли как английскую принцессу, в носилках, обитых парчой, на четырех белых лошадках, так что все могли ее видеть. Она была в белом платье из шелка и небольшой, усыпанной жемчугом короне, волосы расчесаны и распущены по плечам. Сначала короновали Гарри; потом и Каталина склонила голову, приняла помазание на лоб и грудь и протянула руку за скипетром и жезлом из слоновой кости. И все это с мыслью, что теперь наконец-то она королева, такая же миропомазанная, как ее мать. Наконец-то она выполнила свое предназначение, миссию, ради которой появилась на свет, и заняла свое законное место, как обещала.

Ее трон стоял чуть ниже, чем трон короля Генриха. Толпа, радостно приветствуя красивого молодого наследника, славилась и ее, «испанскую новобрачную», настоящую принцессу, выстоявшую, несмотря ни на что, и провозглашенную, наконец, королевой Англии Екатериной.

Я так долго ждала этого дня, что теперь, когда он настал, все похоже на сон. Церемониал длится: вот мое место в процессии, вот мой трон, вот прохладная слоновая кость жезла в моей руке, другая сжимает тяжелый скипетр, душный запах напоминает о капле масла на лбу и груди — и все это как сон, в котором я жду Артура.

Но это не сон.

Когда мы выходим из собора, толпа кричит от восторга. Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на своего супруга, — и сердце мое падает, как бывает, когда вдруг проснешься некстати: это не Артур. Это не мой любимый. На меня смотрят не красивые вдумчивые глаза Артура, а прищуренные в широкой улыбке глаза румяного, перевозбужденного Гарри.

И в этот момент я понимаю, что Артур окончательно, бесповоротно мертв. Я выполнила свою часть договора, я вышла замуж за короля Англии — пусть это всего лишь Гарри. Прощу тебя,

Артур, выполни свою: следи за мной из райского сада и жди меня там. Когда-нибудь я сделаю свое дело и приду к тебе, чтобы не расставаться вовеки.

— Ты счастлива? — спрашивает меня мальчик, который идет рядом, ему приходится кричать, чтобы я услышала его в звоне колоколов и реве толпы. — Ты счастлива, Каталина? Ты рада, что я женился на тебе? Ты рада, что стала королевой Англии? Что я дал тебе корону?

— Очень счастлива, — киваю я. — И теперь зови меня Екатериной.

— Екатериной?! — удивляется он.

— Я королева Англии, Екатерина Английская, — произношу я так, как когда-то Артур.

— Вот здорово! — радостно одобряет он. — Я буду король Генрих, а ты королева Екатерина!

Да, он король, но не Артур, а Гарри, который хочет быть Генрихом, как пристало мужчине, точно так же как я буду отныне королева Екатерина. Та девочка, которая когда-то беззаветно любила принца Уэльского, осталась в прошлом.

Екатерина, королева Англии

Лето 1509 года

Королевский двор, пьяный от ощущения радости, молодости и свободы, развлекался все лето. Два месяца Екатерина и Генрих ездили по стране, гостя в замках и прекрасных, с просторными парками, дворцах, охотясь, трапезничая на природе, танцуя за полночь и всюю транжиря деньги. За нарядными кавалькадами по пыльным дорогам Англии следовали целые караваны телег с королевским добром — они везли драгоценные гобелены, чтобы украсить дом, где королевской чете доведется заночевать, а также лучшее белье и отборные меха, чтобы устлать супружеское ложе. Делом Генрих не занимался совсем. Единственный раз взял в руки перо, чтобы написать тестю, королю Фердинанду, что очень счастлив, и все. Сундуки с документами, следовавшие за королем из дворца во дворец, открывала одна Екатерина. Все читала, делала пометки, сама подписывала и под своей подписью отсылала герольдов с приказами в Тайный совет.

Только в середине сентября вернулся двор в Ричмонд, и Генрих сразу провозгласил, что конца веселью не будет. С какой стати? Погода стояла ясная, можно охотиться и кататься на лодках, устраивать состязания в стрельбе, танцы и маскарады. Со всей страны съехалась в Лондон знать принять участие в бесконечных празднествах: и те семьи, чей род был древней и богаче Тюдоров, и недавние рыцари, добывшие себе имя и состояние на волне их, Тюдоров, возвышения.

Генрих, не задумываясь, радостно привечал всех, и каждый, кто блистал остроумием и начитанностью, обладал обаянием или выказывал склонность к спортивным утехам, находил себе место при королевском дворе. Екатерина щедро дарила улыбки, не знала ни минуты покоя, не отказывалась ни от каких приглашений и всячески способствовала тому, чтобы юный супруг развлекался с утра до ночи. Медленно, но верно она взяла на себя сначала придворные увеселения, потом весь дворцовый обиход, потом управление делами короля и, наконец, государственные заботы.

По утрам она сидела за столиком, поставленным у окна и усыпанным расходными счетами: по одну руку секретарь, по другую

— придворный казначей с огромной домовою книгой, за спиной — счетоводы. Раз в месяц она проверяла расходные книги: кухня, винные погреба, гардеробные, раздаточная, выплата жалованья слугам, конюшни, музыканты. Каждый департамент двора ежемесячно отчитывался в расходах и отправлял счета на утверждение королеве, точно так же, как раньше отправлялись они миледи Бофор, и, если хозяйка находила, что налицо заметный перерасход, следовало ожидать посещения одного из счетоводов, который строго попросит объяснений, с чего это вдруг расходы так возросли.

Так в те года происходило при всех королевских дворах Европы — всюду рачительные финансисты пытались противодействовать новомодной страсти к роскоши и показному великолепию. Каждому королю теперь хотелось не только иметь большую свиту, как у средневекового феодала, но и чтобы свита эта блистала талантами, ученостью и внешним видом. В этих условиях английские казначеи управлялись лучше, чем в других странах Европы. Королеве Екатерине ее хозяйственные навыки достались тяжело, она прошла выучку в те годы, когда пыталась содержать Дарэм так, как пристало королевскому дворцу, не имея при этом практически никаких средств. С точностью до пенни она знала, сколько стоит на рынке каравай хлеба, какова разница в цене на соленую и свежую рыбу и почему галлон вина дешевого, родом из Испании, и дорогого, ввезенного из Франции. Внимательная к ведению домовых книг не меньше (а может, и больше), чем миледи Бофор, королева Екатерина добилась того, что кухарки, торгуясь с поставщиками у кухонных ворот, получали для весьма расточительного английского двора лучший товар за меньшую цену.

Раз в неделю королева Екатерина просматривала счета различных хозяйственных подразделений, и каждый день на рассвете, когда король Генрих охотился, она читала послания, присланные ему, и набрасывала для него черновики ответов.

Это была постоянная, неуклонно выполняемая работа, без которой замерла бы жизнь королевского двора как средоточия государства. Королева Екатерина, поставив себе целью близко познакомиться со страной, не жалела времени на чтение писем и участие в заседаниях Тайного совета и прислушивалась к речам поднаторевших в политике мужей, ища мудрого совета. Она помнила, как ее мать властвовала,

опираясь на убеждение. Изабелла Испанская создала свою страну из маленьких княжеств и королевств, взамен хлопотной независимости предложив им управление из единого центра, надежное и недорогое, общегосударственное правосудие, полное прекращение коррупции и бандитизма, а также налаженную систему обороны. Ее дочь сразу поняла, что все это вполне пригодно и для Англии.

Но, кроме того, Екатерина следовала и стопами своего свекра, Генриха VII Тюдора, и чем больше она работала с его архивом, тем выше ценила она трезвость его суждений. Теперь ей было жаль, что как с правителем она не познакомилась с ним ближе: его советы могли б теперь пригодиться. Читая документы и письма, она оценила, как умело Генрих VII балансировал между желанием английских лордов жить хозяевами на своей земле и насущной необходимостью объединить их под властью своей короны. С лисьей хитростью он даровал северным лордам больше свобод и привилегий, чем прочим, поскольку они были его заслоном от шотландцев. Развесив по стенам кабинета карты северных территорий, Екатерина видела, что граница с Шотландией проходит по нагорьям и болотам, к тому же спорным. Такая граница никогда не будет надежной. Шотландцы — то же самое, что мавры, думала она. С ними нельзя делиться. Их надо победить — раз и навсегда.

Она разделяла сомнения своего отца насчет чрезмерно влиятельных вельмож при дворе, помнила, как опасался он их могущества и богатства. Так что когда Генрих в момент неумеренного благодушия назначил одному из придворных чрезмерно щедрый пансион, Екатерина сочла нужным заметить, что этот человек и без того богат, нет нужды делать его сильнее. И хотя Генриху хотелось, чтобы в нем видели короля, славного своей щедростью и склонностью к внезапным подаркам, Екатерина помнила, что богатство ведет за собой власть и что королю, недавно севшему на престол, следует собирать про запас и деньги и влияние.

— Разве твой отец не говорил тебе о том, что Говарды очень влиятельны? — спросила она, когда они сидели рядом, наблюдая за состязанием лучников.

Генрих, в одной рубашке, с луком в руке, только что отстрелялся, показав второй результат, и сейчас снова ждал своей очереди.

— Нет. А что, надо было?

— Нет, конечно, — мягко ответила она. — Я отнюдь не хочу упрекнуть их в неискренности, ни в коей мере! Вся их семья — воплощение любви и лояльности, Эдуард Говард всегда был верным другом, защищал северные границы, а Томас — мой лучший рыцарь, я из всех его выделяю. Я просто хочу сказать, что они очень богаты, могущество их растет и семейные связи крепки и разветвлены. И мне интересно — что думал об этом твой отец?

— Понятия не имею, — не задумываясь, сказал Генри. — Я его не спрашивал, и, если б даже спросил, он бы мне не ответил.

— Хотя знал, что тебе быть королем?

Генри покачал головой:

— Он думал, это случится не скоро.

— Вот когда родится наш сын, — покачала головой Екатерина, — мы позаботимся о том, чтобы он с юных лет был готов к трону.

Рука Генриха тут же обвила ее талию.

— Скорей бы! — выдохнул он.

— Да! — кивнула она. — Знаешь, я уже думала о том, как мы его назовем.

— Правда? И как? Фердинандом, в честь твоего отца?

— Если ты согласен, мы бы могли назвать его Артуром, — осторожно произнесла она, облекая в слова свою сокровенную мечту.

— В честь моего брата? — опешил он.

— Нет, в честь Англии! — заторопилась она. — Знаешь, иногда я смотрю на тебя и думаю, что ты как король Артур, вокруг тебя рыцари Круглого стола, а это — Камелот. У нас с тобой двор, как там, такой же прекрасный, молодой и волшебный...

— Ты, в самом деле, так думаешь? Вот выдумщица!

— В самом деле. Я думаю, ты будешь самым великим королем Англии со времен Артура!

— Быть по сему, — сказал он, всегда падкий на лесть. — Артур Генрих!

Тут короля позвали, пришла его очередь стрелять. Побить результат ему предстоит высокий. Он послал Екатерине воздушный поцелуй и отправился к мишенному валу. Она повернулась в ту сторону, чтобы он, нацелив свой лук и оглянувшись через плечо, как всегда делал, увидел, что все ее внимание нераздельно обращено на него. Мускулы гладкой спины затрепетали, когда Генрих, точеный, как

прекрасная статуя, натянул тетиву, а потом медленно, плавно, танцующим жестом ее отпустил, и стрела полетела — так быстро, что не уследить взглядом, — и вонзилась в самое яблочко мишени.

— Попал!

— Отличный выстрел! Ура королю!

Призом была золотая стрела, и Генрих, весь пылая от возбуждения, принес приз жене и преклонил перед ней колено, а она чуть нагнулась к нему и расцеловала — сначала в обе щеки, а потом, любовно, в губы.

— Эта победа — тебе, — сказал он. — Тебе одной! Ты приносишь мне удачу. Я никогда не промахиваюсь, когда ты на меня смотришь. Эта стрела — твоя!

— Это стрела Купидона, — ответила Екатерина. — Я буду хранить ее в напоминание о той, что пронзила мне сердце.

— Она меня любит! — вскричал король, вскочив на ноги, и повернулся к придворным, отозвавшимся смехом и аплодисментами. — Послушайте, она меня любит!

— Да как же вас не любить! — смело выкрикнула в ответ одна из придворных дам, леди Элизабет Болейн.

Генрих посмотрел на нее, а потом, высокий, стройный, улыбнулся своей маленькой жене:

— Как же тебя не любить, вот что!

Этой ночью я молюсь, крепко прижимая руки к своему животу. Уже второй месяц, как у меня нет месячных. Я почти уверена, что понесла.

— Артур, — шепчу я, плотно сомкнув ресницы, и почти вижу его перед собой, как он лежал в свете свечи в моей спальне в Ладлоу. — Артур, любовь моя. Он сказал, я могу назвать этого сына Артуром Генрихом. Тогда сбудется моя мечта. Я рожу тебе сына и назову его твоим именем. И хотя я знаю, что ты не любил брата, я выкажу ему уважение, которое к нему испытываю. Он хороший мальчик. Я позабочусь о том, чтобы он вырос хорошим человеком. Я назову нашего сына в честь вас обоих.

Я не чувствую никакой вины в том, что все больше привязываюсь сердцем к Генриху, хотя, конечно, он никогда не займет место Артура. Мне подобает любить мужа, к тому же Генриха трудно не любить: он

славный. Пристально наблюдая за ним долгие годы, так пристально, как следят за врагом, я хорошо его изучила. Он эгоистичен, как дитя, однако он столь же щедр и нежен. Он тщеславен и честолюбив, он самовлюблен, как актер, — но при этом скор на смех и на слезы, участлив, всегда стремится помочь. Если его правильно наставлять, из него вырастет хороший человек, надо только научить его служить своей стране и Богу, а кроме того, держать в узде свои желания. Его испортили те, кто его воспитывал, но сделать из него доброго правителя еще не поздно. Это моя задача и мой долг — оберегать его от самонадеянности. Из всякого молодого человека можно вырастить тирана. Хорошая мать привила бы ему привычку к самоограничению. Возможно, это удастся любящей жене. Если я буду любить его и сумею заставить его любить меня, я сделаю из него великого короля. А Англия, видит Бог, нуждается в великом короле.

— Артур, любимый Артур, — бормочу я, поднимаясь с колен, и иду к постели.

На этот раз я обращаюсь к обоим: любимому мужу и ребенку, понемногу зреющему в моей утробе.

Осень 1509 года

Как-то октябрьским вечером, когда Генрих выразил недоумение, что вот уже три недели, как Екатерина с ним не танцует, а только смотрит, как это делают другие, она призналась ему, что беременна, и попросила держать новость в секрете.

— Как можно! — вскричал он. — Я хочу раззвонить об этом по всем углам!

— Можешь написать моему батюшке, — улыбнулась Екатерина, — но только в следующем месяце, не раньше. А все остальные и так скоро догадаются...

— А как ты себя чувствуешь? — озаботился он.

— Ну, легкое недомогание по утрам, — сказала она, с удовольствием глядя, как заливается радостью его лицо. — Мне кажется, это мальчик. Надеюсь, это наш Артур Генрих.

— А! Так это о нем ты думала, когда говорила со мной на стрельбище!

— Да. Но тогда я еще не была уверена, что понесла, и не хотела тебя зря обнадеживать.

— И когда, по-твоему, он родится?

— Думаю, в начале лета.

— Так нескоро! Не может быть!

— Любовь моя, это нескорое дело...

— Утром напишу твоему отцу, — сказал он. — Предупрежу, чтобы летом ждал новостей. Возможно, мы как раз вернемся домой после французской кампании. Вот будет здорово, если я принесу тебе победу, а ты мне — сына.

Генрих прислал мне своего лекаря, лучшего во всем Лондоне. Он стоит у двери в одном конце комнаты, в то время как я сижу в кресле в другом. Врач не может меня осмотреть: к телу королевы может прикасаться только король. Он не может спросить меня, регулярны ли мои месячные или мой стул: такие вопросы недопустимы. От смущения он прямо-таки парализован, смотрит в пол и тихим, робким голосом задает мне короткие вопросы.

Он спрашивает, хорош ли мой аппетит и случается ли у меня дурнота. Отвечаю, что аппетит есть, но мутит от запаха и вида приготовленной пищи, что скучаю по фруктам и овощам, которые каждый день ела в Испании, по сладостям «кафала», сваренным на меду, по «тахин» из риса и овощей. На это он говорит, что это не важно, поскольку в овощах и фруктах для человека нет никакой пользы, и, более того, он посоветовал бы мне во время беременности не есть никакой сырой пищи.

Затем он спрашивает, известно ли мне, когда я зачала. Отвечаю, что сказать наверняка не могу, но помню день, когда начались последние месячные. Он полагает, что это вряд ли поможет нам определить, когда следует ждать ребенка. Мне случилось видеть, как мавританские доктора вычисляют день родов с помощью специальной таблички. Он говорит, что никогда ни о чем подобном не слышал и что языческие уловки могут быть неблагоприятны для христианского младенца.

Он рекомендует побольше отдыхать. Просит посылать за ним при малейшем недомогании — он придет и поставит пиявки. Говорит, регулярное кровопускание для женщин — наилучшее средство от перегрева. На сем он кланяется и уходит.

В изумлении переглядываюсь с Марией де Салинас, которая всю эту «консультацию» простояла в углу комнаты.

— И это лучший лекарь в стране?!

— Как раз думаю, не выписать ли нам кого-нибудь из Испании, — тихонько, почти шепотом отвечает она.

С сожалением, близким к стыду, я покачиваю головой.

— Боюсь, мои родители извели в Испании всех ученых. Оказалось, что ученый — это почти всегда еретик, и за них взялась инквизиция. Кто уцелел, все бежали.

— Куда же?

— Бог весть! Евреи — в Португалию, а оттуда в Италию, Турцию и дальше по всей Европе. Мавры, наверно, в Африку и на Восток.

— В Турцию? Может быть, выписать лекаря оттуда? Не язычника, конечно. Но кого-нибудь, кто учился у врача-мавра? Должны же быть где-то знающие христианские лекари!

— Я подумаю, — уклончиво отвечаю я.

Понятно, что нужен лекарь получше, чем этот робкий невежа, но мне претит идти наперекор матушке и святой церкви. Если они считают, что знание — грех, то я готова пребывать в неведении. Я всего лишь женщина; мне следует руководствоваться установлениями святой церкви. Но, с другой стороны, может ли Господь желать, чтобы мы отказывались от знания? А вдруг невежество будет стоить мне сына, а Англии — наследника трона?

Екатерина не отменила своих обычных занятий. Она по-прежнему вела переписку короля, выслушивала просителей, обсуждала с членами Тайного совета государственные вопросы. И как-то она сочла нужным написать королю Фердинанду, предложив отцу прислать в Англию посла, который представлял бы здесь интересы Испании. Особенно это было важно теперь, когда король Генрих определенно настроен с приходом весны выступить в союзе с Испанией против Франции.

«Мой супруг определенно намерен выполнить вашу просьбу, — писала Екатерина отцу, тщательно переводя каждое слово в принятый между ними код. — Он понимает, что неопытен в военных делах, и очень хочет, чтобы удача сопутствовала англо-испанской армии. Я чрезвычайно обеспокоена тем, что он может подвергнуться опасности. У него нет наследника, и, даже если бы был, эта страна опасна для малолетних принцев. Если он отправится на войну, я бы хотела просить вас взять его под свою опеку. Я уверена, он многому у вас научится. Однако я настоятельно прошу вас не пускать его туда, где по-настоящему опасно. Прошу понять меня правильно. Он должен думать, что находится в самом сердце битвы, должен усвоить, как побеждать, но ни в коем случае не подвергаться настоящей опасности. И главное, — приписала она, — не дай бог ему узнать, что мы оберегаем его!»

Король Фердинанд Арагонский, который правил теперь и Кастилией от имени Хуаны, по слухам совсем погрузившейся в мрак горького безумия, ответил на это письмо, что его младшей дочери не стоит волноваться о безопасности своего супруга, что на войне король Генрих познает лишь возбуждение от боя и получит острые впечатления.

«Прошу тебя, не позволяй своим женским страхам отвлекать его от выполнения долга, — напомнил он дочери. — Твоя мать все годы нашей общей с ней жизни никогда не убегала от опасности. И тебе следует быть такой королевой, какой она хотела тебя видеть. Предстоящая война будет нам всем на пользу, победа в ней обеспечит нам выгоду и безопасность, и юный король должен биться в ней наравне со старым королем и старым императором. Это союз двух старых боевых коней и одного жеребенка, который, конечно же, не захочет остаться в стороне. — Король Фердинанд пропустил строчку, словно в задумчивости, и добавил: — Не сомневайся, мы позаботимся, чтобы по большей части это было игрой для него. И, разумеется, ему не нужно этого знать».

Фердинанд был прав. Генрих отчаянно рвался в бой, дабы победить Францию. Члены Тайного совета, вдумчивые советники его осторожного, превыше всего ценившего мир отца, с неудовольствием узнали о том, что наследник трона всерьез считает, что быть королем — значит воевать, и не видит лучшего способа, чем война, чтобы утвердиться и всем наконец показать, что он — настоящий король. Буйные головы, которых он собрал вокруг себя при дворе, жаждали случая выказать собственную храбрость и в свой черед подстрекали Генриха к войне. Ненависть к французам была такой глубокой, что мир выглядел неуместным и чуть ли не кощунственным. О возможном поражении никто не думал — с новым молодым королем и новым молодым его окружением победа казалась неизбежной и неотвратимой.

Ничто не могло охладить военной лихорадки, овладевшей умами, и король при первой встрече с французским послом так воинственно разговаривал с ним, что тот в совершенном изумлении написал своему повелителю: похоже, новый король не в себе, поскольку отрицает, что когда-либо посылал миролюбивое послание королю Франции (которое на самом деле было отправлено Тайным советом в отсутствие Генриха). К счастью, следующая встреча с послом прошла лучше. Екатерина позаботилась, чтобы на ней присутствовать.

— Будь с ним полубезней, — тихо сказала она Генриху, когда церемониймейстер объявил о прибытии посла.

— К чему изображать миролюбие, когда я готов воевать?

— Прояви остроту ума. Это полезно — говорить одно, когда думаешь о другом.

— Я не хочу притворяться! Это ниже моего достоинства!

— Конечно, притворяться не нужно! Но позволь ему заблуждаться. Есть много способов победить в войне... Если он будет думать, что мы друзья, мы захватим врага врасплох. Зачем предупреждать его об атаке?

Нахмурясь, он посмотрел на нее в недоумении:

— Я не лжец!

— Нет, конечно, потому что ты сказал ему в прошлый раз, что положишь предел притязаниям его короля. Нельзя допустить, чтобы французы взяли Венецию. Ведь у нас с Венецией давний союз...

— В самом деле?

— Да, — твердо сказала она. — Англия старинный, освященный временем союзник Венеции, которая, кроме того, является естественным заслоном христианства от турок. Угрожая Венеции, французы практически открывают дорогу маврам в Италию. Это недопустимо. Однако при вашей последней встрече ты предостерег французского посла от этого шага. Предостерег, и совершенно недвусмысленно. Теперь же пришло время встретить его улыбкой. Нет нужды раскрывать перед ним наши планы. Особенно с такими, как он.

— Ты права. Раз сказал — повторяться не стоит, — подумав, согласился Генрих.

— Не будем трубить о нашей силе, — кивнула Екатерина. — Мы знаем свои возможности и знаем, как следует поступить. О наших планах они узнают тогда, когда мы сочтем нужным.

— Пожалуй, — кивнул Генрих, с приветливым выражением лица сделал шаг с возвышения навстречу послу и был вполне вознагражден, поскольку от неожиданности тот поклонился неловко и запутался в словах.

— Я выбил его из колеи! — похвастался он Екатерине.

— И мастерски! — похвалила она.

Был бы он олух, мне бы пришлось держать в узде свое нетерпение и прикусывать язычок куда чаще, чем это происходит сейчас. Но он отнюдь не олух. Пожалуй, он не глупее Артура и схватывает на лету. Беда в том, что если Артур был приучен думать, его с колыбели готовили в короли, то образование второго сына пустили на самотек, он выезжал на сообразительности и остром языке. Считалось, что он обаятельный, и этого довольно. Его хваткий ум и начитанность идут в ход, только если задет его интерес и до тех пор, пока ему интересно. Он ужасно, непоправимо ленив и всегда предпочитает, чтобы работу, требующую кропотливости, делали за него другие, а для короля это плохо, это ставит его в зависимость от подчиненных. Король, который не любит работать, всегда будет игрушкой в руках советников. Так получаются фавориты.

Когда мы приступаем к обсуждению условий контракта между Испанией и Англией, он просит меня написать их за него, он не любит писать сам, любит диктовать и чтобы у секретаря все вышло гладко и красиво. И никак не хочет выучить шифр, а это значит, что вся переписка между ним и императором, между ним и моим отцом происходит через меня: я либо пишу письма, либо перевожу их. Таким образом, хочу я этого или нет, я нахожусь в самом эпицентре планов приготовления к войне. Помимо своей воли мне приходится принимать ответственные решения, а Генрих остается в стороне.

Разумеется, я делаю это с охотой. Истинное дитя моей матери, я никогда не увильну от работы, особенно если на кону — война с врагами Испании. Я выросла в убеждении, что королевский трон — забота, а не удовольствие. Быть королем — значит править, а править — значит работать. Истинное дитя моего отца, как я могу отказаться от того, чтобы быть в самом сердце интриги, разведки, военных приготовлений. При английском дворе нет никого, кто лучше меня умел бы повести Англию на войну.

Я не глупа. С самого начала я догадалась, что мой отец планирует направить английскую армию против французов, и, пока они будут вынуждены заниматься нами, причем там и тогда, когда мой отец сочтет это нужным, полагаю, он сам вторгнется в королевство Наварру. С десятков раз я слышала, как он говорил моей матери, что, заполучи он Наварру, удалось бы сравнять северную границу Арагона, не говоря уж о том, что Наварра плодородна и славится своим виноградом и пшеницей. Отец жаждал Наварры с того самого дня, как взошел на трон Арагона. Понятно, что, получив такой шанс, он своего не упустит, а если еще заставит Англию таскать за него каштаны из огня, то тем лучше.

Но я не собираюсь воевать в этой войне, чтобы сделать одолжение отцу, хотя и позволяю ему так думать. Я не дам ему использовать меня как инструмент. Напротив, использую его. Эта война нужна мне ради Англии и во имя Бога. Сам Папа указал, что Франция не должна зариться на Венецию, сам Папа направляет свою армию против французов. Для истинной дочери церкви это достаточная причина, чтобы вступить в войну: знать, что святой отец призывает на помощь.

А, кроме того, есть еще причина, и для меня она еще даже важней, чем эта. Я никогда не упускаю из виду предостережение моей матушки, что мавры непременно пойдут на нас снова. И если французы побьют армию Папы и займут Венецию, кто может быть уверен, что мавры не попытаются отнять Венецию у французов? Нет, Венеция, как говорил мне отец, с ее арсеналом и судостроительными верфями ни в коем случае не должна попасть в руки мавров, нельзя пускать их в город, где можно за неделю выстроить боевой корабль, за несколько дней его вооружить и за день обеспечить командой! Нет, мы пошлем английскую армию служить Папе и защитим Венецию от вторжения. И совсем не сложно убедить Генриха думать, как я.

Но нельзя забывать и о Шотландии — об этом мне всегда говорил Артур. У нас полно шпионов вдоль шотландской границы. Старый граф Суррей, Томас Говард, владеет там обширными угодьями, думаю, не случайно пожалованными ему королем Генрихом, моим свекром. Король Генрих VII был умным политиком, уж он-то не допускал других к его делам, не дарил безоглядным доверием. Если шотландцы вторгнутся в Англию, им придется идти по землям Говарда, и тот не больше меня заинтересован в том, чтобы это случилось. Он уверяет,

что нынешним летом шотландцы на нас не пойдут, ограничатся обычными набегами. И данные разведки, полученные от английских купцов, торгующих с Шотландией, и от путешественников, которым поручено держать ухо востро, подтверждают мнение графа. Этим летом опасность с той стороны нам не грозит. Как раз время послать нашу армию против французов. Пусть мой Генрих погарцует всласть и поучится быть воином.

На Рождество устроили празднества, и Екатерина с удовольствием смотрела, как двор танцует и веселится, аплодировала, когда Генрих кружил дам по залу, смеялась шуткам лицедеев и подписывала счета на все выпитое и в изобилии съеденное. В подарок Генрих получил от нее красивое инкрустированное седло и с полдюжины сорочек, которые она сама сшила и украсила знаменитой испанской вышивкой черным шелком.

— Я хочу носить только те рубашки, что ты сшила сама! — сказал он, прижимая тонкую ткань к щеке. — Своими белыми ручками!

Екатерина улыбнулась, за плечи потянула его к себе так, чтобы он нагнулся, и она нежно коснулась губами его лба.

— Договорились! Я всегда буду шить для тебя рубашки!

— А вот тебе мой подарок, — сказал он и подал ей большую, обитую кожей шкатулку. Предвкушая что-то прекрасное, Екатерина подняла крышку и не разочаровалась. В шкатулке оказался рубиновый гарнитур: диадема, ожерелье, два браслета и несколько колец.

— Генрих!

— Нравится?

— Очень!

— Наденешь сегодня?

— Да! И сегодня, и в Крещенский сочельник!

В это первое Рождество своего правления молодая королева сияла от счастья. Широкие юбки не могли скрыть раздавшейся талии, и, куда бы она ни пошла, король приказывал принести ей кресло, чтобы она села, не утомляла себя. Он сочинял для нее песни, музыканты их исполняли, а она сидела, расставив ноги, слушала и улыбалась.

Вестминстерский дворец, январь 1510 года

Ночью мне снится, что на Темзе прилив, и с приливной волной по реке поднимается флот из судов с черными парусами. Наверно, это мавры, думаю я, или, быть может, испанцы, но при этом отчетливо понимаю, что и те и другие — мои враги и враги Англии. В тревоге я мечусь по постели и просыпаюсь с ощущением кошмара, а проснувшись, понимаю, что дела совсем плохи: простыни мокры от крови, а живот гвоздит острая боль.

В ужасе я кричу и бужу Марию де Салинас, которая спит в моей опочивальне.

— Что такое? — вскидывается она, видит мое лицо и бежит к двери — послать горничную за повитухой, но в глубине души я уже знаю, что никакая повитуха мне не поможет.

В окровавленной рубашке я перебираюсь в кресло, где, как мне кажется, боль, рвущаяся наружу, станет легче.

Когда повитухи, бестолковые спросонья, наконец прибегают, я уже на полу, стою на коленях, как больная собака, и молюсь, чтобы выйти из этой передраги невредимой. Молить о здоровье ребенка, я знаю, смысла нет: ребенок мой мертв. Острая боль разрывает живот по мере того, как дитя покидает мое тело.

В течение этого долгого и мучительного дня Генрих снова и снова приходил к моей двери, а я, кусая руку, чтобы не разрыдаться, уверенным голосом прошу его прийти потом, позже. Я не в силах сказать ему, что ребенок родился мертвым. Это девочка. Повитуха показала мне ее, маленький комочек плоти, мою бедную детку. Единственным утешением мне то, что это не мальчик, которого я обещала Артуру. Это девочка, мертвая девочка, и тут-то я вспоминаю, что как раз девочку он первой и хотел, чтобы назвать ее Мария.

Я вне себя от горя. Я подвела Англию, подвела Генриха, подвела Испанию и, что хуже всего — и этого не рассказать никому, — я подвела Артура.

Я ухожу к себе, закрываю дверь перед всеми встревоженными лицами, перед повитухами, которые хотят, чтобы я выпила отвар

земляничного листа, перед камеристками, которые жаждут утешить меня, рассказав, как они сами выкидывали или как их матери выкидывали, и не раз и не два, а в итоге счастливо родили. Трясущейся рукой я захопываю перед ними дверь, падаю на колени в ногах кровати, прячу лицо в покрывала и даю волю слезам. Рыдаю, чтобы никто не слышал, и бормочу: «Прости меня, прости, моя любовь. Мне так стыдно, что я не родила тебе сына! Не понимаю, зачем добрый Господь послал мне эту великую скорбь. Если мне дадут еще шанс, я буду стараться лучше и непременно рожу тебе здорового, веселого сына. Клянусь! Видит Бог, я и сейчас старалась, я б все на свете отдала, чтобы родить тебе сына и назвать его Артуром, любовь моя...»

Тут я останавливаю дыхание и крепче хватаюсь за столбик балдахина. Нет, самоконтроля терять нельзя.

«Жди меня, — спокойней бормочу я. — Дождись меня у тихой воды, у райских фонтанов, куда падают белые и красные лепестки роз. Дождись меня, и, когда я рожу тебе сына Артура и дочь Марию, когда исполню здесь долг, предначертанный мне свыше, я приду к тебе. Жди меня в райском саду. Я не подведу тебя. Жди, я приду, любовь моя».

Королевский лекарь отправился к королю напрямик из апартаментов Екатерины.

— Добрые вести, ваше величество!

Генрих обратил к нему лицо, кислое, как у обиженного ребенка.

— В самом деле? Королеве легче? Она поправится?

— Безусловно! И хотя она потеряла одного ребенка, второй еще жив. У ее величества двойня, государь! Живот ее не опал, там кроется еще одно дитя!

— Как? — Король не находил слов от изумления.

— Да, ваше величество, будем ждать благополучного разрешения.

Это было словно отмена казни! Генрих воспрял духом:

— Разве такое бывает?

— Бывает, государь! — уверенно заявил лекарь. — Живот ее величества тверд, кровотечение прекратилось.

Генрих перекрестился.

— Благословен Господь! — вздохнул он. — Это знак Его милости и расположения. Я могу навестить жену?

— Да, она счастлива будет разделить с вами свою радость.

Генрих, перескакивая через ступеньки, кинулся в Екатериныны комнаты. Придворные, которые толпились в ее приемной, суетливо перед ним расступились, широкими шагами он пересек другую комнату, где занимались рукоделием ее дамы, и постучал в дверь опочивальни.

Мария де Салинас открыла королю и с поклоном отступила в сторону. Королева была не в постели; она сидела у окна с маленьким молитвенником в руке, повернув его к свету, чтобы лучше видеть. Преодолев разделяющее их расстояние, Генрих опустил перед ней на колено. Екатерина обратила к нему измученное, но улыбающееся лицо.

— Любовь моя! Только что доктор Филдинг принес мне добрую весть!

— Я просила его сказать тебе так, чтобы никто больше не слышал.

— Так он и поступил. Никто ничего не знает. Любовь моя, как я рад!

Глаза Екатерины наполнились слезами.

— Это как избавление, — прошептала она. — Словно тяжкий груз сняли с моих плеч.

— Я поеду в Вальсингам, как только наше дитя родится, и поблагодарю Божью Матерь за ее милости, — жарко сказал он. — Если же это мальчик, осыплю обитель золотом!

— Дай-то Бог... — вздохнула Екатерина.

— Ну почему ж нет? — воскликнул король. — Ведь это наше сердечное желание и государственная необходимость, и мы просим об этом как верные чада святой церкви!

— Аминь! — перекрестилась его супруга. — Да исполнится Его воля...

— Конечно, исполнится! — браво воскликнул Генри. — А теперь ты должна отдохнуть.

— Да я отдыхаю, — улыбнулась она.

— Да уж, пожалуйста. И если захочешь чего-то, только скажи!

Именно Мария де Салинас, мой истинный друг, которая приехала со мной из Испании и оставалась со мной и в дурные, и в добрые времена, именно она нашла мавра. Он служил у богатого купца, путешествующего из Генуи в Париж. В Лондоне они остановились,

чтобы оценить привезенное золото, и Мария услышала о нем от одной знакомой, которая сотню фунтов пожертвовала Божьей Матери Вальсингамской в надежде, что ей будет дарован сын.

— Говорят, он может сделать так, что и бесплодные рожают, — прошептала она мне на ухо, чтобы никто другой не услышал.

Я перекрестилась, чтобы устоять перед искушением.

— Наверно, он чернокнижник!

— Нет, инфанта, он великий врач! Он учился в университете в Толедо!

— Мне нельзя его видеть.

— Потому что опасаетесь, что он чернокнижник?

— Потому что он мой враг и враг моей матушки. Матушка знала, что свои знания мавры получили от дьявола, что знания эти не отражают истины Божьей. Потому она изгнала из Испании и мавров, и их магические искусства.

— Ваше величество! Это единственный лекарь в Англии, который понимает в женских делах!

— Нет, Мария, и не настаивай.

Настаивать Мария не стала, однако спустя несколько недель я опять проснулась ночью от сильной боли в животе и почувствовала, что началось кровотечение. Быстро явились служанки с горячей водой и полотенцами, меня вымыли, снова уложили в постель — и тут мы поняли, что это просто пришли мои месячные. Мария стояла в головах моей кровати. Леди Маргарет Пул — на пороге.

— Ваше величество, вам необходим врач.

— Только не мавр.

— Однако кроме него тут знающих врачей нет. Рассудите сами, как у вас могут быть месячные, если вы ждете ребенка? Не дай бог, потеряете второго!

— Мария, мавры — наши враги. Моя матушка жизнь положила на то, чтобы выгнать его народ из Испании!

— Да, и с ними ушло знание, — тихо произнесла Мария. — Уже десять лет, как мы оставили Испанию, инфанта, мы не знаем, как оно там сейчас. А мой брат пишет, что люди болеют, а больниц, где бы их лечили, нет. Монахи и монахини в монастырях делают что могут, но им не хватает знаний. Если камень в почках, его выгоняет коновал, если сломана рука, обращаются к кузнецу. За хирургов — цирюльники,

зубы рвут на рынке, ломают челюсти людям. Повитухи прямо с погребения идут принимать роды, и половина новорожденных гибнет. Искусство мавританских лекарей, которые знали, как устроено человеческое тело, знали целебные травы, которые утоляют боль, и настаивали на необходимости мыться и соблюдать чистоту, — это искусство утрачено.

— Если знания получены несправедливым путем, лучше их не иметь, — упрямлюсь я.

— Может ли Господь быть на стороне невежества, грязи и болезней? — вспыхивает Мария. — Простите, ваше величество, но это нелепица. И вспомните, как ваша матушка говорила, что надо создавать христианские университеты. Впрочем, потом все знающие преподаватели были казнены либо изгнаны по ее приказу...

— Королеве не подобает выслушивать советы еретика, — твердым голосом заявила леди Маргарет. — Ни одна англичанка не обратится к мавру.

— Прошу вас, ваше величество, — склонилась надо мной Мария. Мне так больно, что спорить я больше не в силах.

— Оставьте меня обе, сделайте милость. Дайте мне поспать!

Леди Маргарет выходит из комнаты, а Мария задерживается и задергивает оконные занавеси, чтобы мне не мешал свет.

— Так и быть, пусть он придет, — говорю я. — Только не сейчас, когда я в таком состоянии. На будущей неделе.

И она привела его тайком, по внутренней лестнице, которая в Ричмондском дворце через коридор для слуг ведет в личные покои королевы. Меня как раз одевали к обеду, и я приняла его еще не зашнурованная, в сорочке и накидке поверх нее. Только подумать, что сказала бы матушка на то, что в моей туалетной мужчина, к тому же мавр! Но делать нечего, доктор мне необходим. Мне нужен совет знающего человека, как выносить наследника Англии. Потому что не знаю, что там думают остальные, но мне самой ясно: что-то с ребенком, которого я ношу, не так.

Как я и ожидала, лекарь оказался черный, как эбеновое дерево, с черными, как смоль глазами и широким чувственным ртом, с лицом одновременно веселым и полным сочувствия. Тыльная сторона ладоней у него была черная, как его лицо, пальцы длинные и тонкие, ногти розовые, а сами ладони коричневые, с четкими линиями,

прочерченными черным. Будь я хиромант, проследила б линию жизни на его африканской ладони, заметную, как пыльный след телеги по земле цвета терракоты. Конечно, он не христианин, а мавр и нубиец, но я подавляю желание тут же прогнать его прочь из моих комнат, потому что мне нужен, нужен, нужен хороший врач!

Поразительно, что такие, как он, грешники, отвратившие свои черные физиономии от истинного Бога, владеют знаниями, которых у нас, христиан, нет. По какой-то неведомой причине Господь не открыл нам того, что эти люди искали и нашли. Они прочли все, что осталось от греков. Потом сами проводили изыскания, изучали человеческое тело, без страха и почитания, будто человек всего лишь животное. Придумывали нелепые теории, а потом бесстрашно их проверяли. Они готовы обсуждать что угодно, никаких запретов не существует. Эти люди многознающи в том, в чем мы невежественны, и я тоже. Я вольна смотреть на него сверху вниз, поскольку он принадлежит к расе дикарей, могу презирать его, поскольку, не веря в Бога, он обречен гореть в аду, но я должна знать то, что он знает. Если он сочтет нужным со мной поделиться.

— Я Каталина, инфанта Испанская, и Екатерина, королева Англии. — Пусть он знает, что разговаривает с королевой и дочерью той королевы, которая победила его народ.

Он склоняет голову, гордый, словно барон:

— Я Юсуф, сын Исмаила.

— Ты раб?

— Я рожденный рабыней свободный человек.

— Моя мать была против рабства, — говорю я. — Говорила, рабство противно нашей христианской вере.

— Однако же она ввергла мой народ в рабство, — замечает он. — Возможно, она придерживалась того убеждения, что высокие принципы и добрые намерения не простираются далее государственной границы.

— Поскольку твой народ не принимает Спасителя, вряд ли имеет значение, что случится с вашими земными телами.

Он улыбается, отчего лицо его чудесным образом освещается изнутри, и тихонько, приятно смеется.

— Думаю, для нас — имеет. Мой народ принимает рабство, хотя мы и судим о нем иначе. Но главное, что рабство у нас не передается

по наследству. Рождаясь, ты свободен, кем бы ни была твоя мать. Это закон, и я думаю, очень хороший.

— Какая разница, что ты думаешь, — грубо говорю я, — если ты все равно не прав!

Он снова смеется, будто я сказала что-то очень смешное.

— Как, должно быть, приятно знать, что ты всегда прав, — говорит он. — Но позволь мне сказать тебе, Каталина Испанская и Екатерина Английская, что порой предпочтительней знать не ответы, а вопросы.

Подумав об этом, я говорю:

— И все-таки от тебя мне нужны только ответы. Ты опытный врач? Может ли женщина зачать сына? Можно ли знать, носит ли она ребенка?

— Иногда можно, — отвечает он. — Иногда это в руках Аллаха, благословенно будь его имя, а бывает и так, что мы пока не все понимаем и не можем быть уверены в том, как обстоит дело.

Как суеверная старуха, при упоминании Аллаха я торопливо крещусь, на что он улыбается безмятежно и, воплощенная доброта, вопрошает:

— Что именно тебе хочется знать, да так сильно, что спрашиваешь у неверного? Бедная королева, ты, наверно, очень одинока, если просишь помощи у врага...

В его голосе столько сочувствия, что приходится смахнуть с глаз неволью намернувшуюся слезу.

— Я потеряла дитя, — отрывисто говорю я. — Дочь. Мой врач говорит, что она была из двойни и что второй ребенок еще во мне, что нужно ждать других родов.

— А при чем тут я?

— Я хочу знать наверняка, ношу ли я еще одного ребенка, жив ли он, мальчик ли это и смогу ли я благополучно родить. Это вопросы государственной важности.

— Но почему ты ставишь под сомнение слова своего врача?

Под его прямым, испытующим взглядом я отвожу глаза и уклончиво отвечаю:

— Не знаю.

— Нет, инфанта, я думаю, ты знаешь.

— Откуда же?

— Сердцем.

— У меня его нет.

Он мягко улыбается:

— Что ж, женщина без сердца, о чем ты думаешь своим ясным умом с тех пор, как решила не слышать своего тела?

— Откуда мне знать, что я должна думать? Моя матушка умерла. Самый близкий мне в Англии человек... — Я прерываю себя, не договорив, чтобы не упомянуть Артура. — Я никому не могу верить. Одна повитуха твердит одно, другая другое... Врач не уверен... просто ему хочется верить в то, что он говорит, потому, что король щедр к тем, кто приносит ему добрые вести. Откуда мне знать, как все на самом деле?

— На мой взгляд, ты знаешь это, несмотря ни на что, — мягко настаивает он. — Твое тело подсказывает тебе. Твои месячные, я полагаю, не восстановились?

— Восстановились, — неохотно говорю я. — На прошлой неделе.

— С болью?

— Да.

— Грудь у тебя мягкие?

— Да.

— Полней обычного?

— Нет.

— Ты чувствуешь дитя у себя в животе? Оно шевелится?

— Нет, я ничего там не чувствую с тех пор, как выкинула девочку.

— Сейчас тебе больно?

— Нет. Я чувствую...

— Да?

— Ничего. Ничего я не чувствую.

Он перестает задавать вопросы, сидит спокойно и дышит так тихо, что мне кажется, в комнате у меня мирно спит черный кот. Потом он переводит взгляд на Марию.

— Мне дозволено будет касаться королевы?

— Нет. Никому это не дозволено.

Он поводит рукой.

— Королева такая же женщина, как любая другая. Она хочет ребенка, как любая другая. Почему я не могу коснуться ее живота, как делаю со всякой женщиной, которой нужна помощь?

— Это королева, — повторяет Мария. — Трогать ее нельзя. Тело ее священо.

Он улыбается, как будто это, в самом деле, смешно.

— И все-таки, я надеюсь, кто-то его касался — иначе она бы не понесла.

— Это не повод для шуток! — одергивает его Мария.

— Итак, если я не могу осмотреть королеву, то тогда мне придется сказать ей, что я думаю, только на основании того, что я вижу. Ей придется довольствоваться догадками. — Он повернулся ко мне. — Если б ты была обычная женщина, а не королева, сейчас я бы взял тебя за руки.

— Зачем?

— Потому что мне придется сказать тебе то, что нелегко выслушать.

Я медленно протягиваю ему руки, унизанные бесценными кольцами. Он бережно принимает их в свои ладони, мягкие, как прикосновение ребенка. Его черные глаза взирают на меня без страха, на лице написаны нежность и сострадание.

— Если у тебя было кровотечение, то, скорее всего, чрево твое пусто. Там нет младенца. Если твоя грудь не полней обычного, значит, она не наполнена молоком и тело твое не готовится к материнству. Если на шестом месяце ты не чувствуешь, как ребенок шевелится внутри тебя, то либо он мертв, либо его там нет. Если ты ничего не чувствуешь, то, самое вероятное, дело в том, что чувствовать нечего.

— Но живот мой до сих пор вздут. — Я откидываю накидку и показываю ему, как круглится под рубашкой живот. — И он твердый. Я совсем не толстая, но выгляжу так же, как перед выкидышем.

— Возможно, там воспаление, — задумчиво говорит он. — Или же — будем уповать на Аллаха, что это не так, — опухоль. Или плод, который еще предстоит из себя исторгнуть.

Я вырываю у него свои руки:

— Ты желаешь мне зла!

— Ни в коей мере! Для меня ты не Каталина, инфанта Испанская, а женщина, которая ждет от меня помощи. Мне от души тебя жаль.

— Ничего себе помощь! — сердито вмешивается Мария. — Избави нас Господь!

— В любом случае я тебе не верю, — говорю я. — Ты думаешь одно, доктор Филдинг другое. С чего мне верить тебе, а не доброму христианину?

Он смотрит на меня долго, внимательно и нежно.

— Мне жаль, что я не могу предложить тебе лучшего. Но думаю, найдется немало таких, кто найдет сказать тебе что-то поутешительней. Я же верю в то, что нужно говорить правду. Я буду молиться за тебя.

— Мне не нужны молитвы неверного, — резко говорю я. — Уходи прочь и заberi с собой свои дурные слова и свои молитвы!

— Пребудь с миром, инфанта, — с достоинством отвечает он, словно я его не оскорбила, и кланяется. — И раз ты не хочешь, чтобы я молился за тебя перед своим Богом, благословенно будь его имя, то тогда я буду надеяться, что во времена испытаний твой доктор окажется прав и твой собственный Бог тебе поможет.

Я молчу, и он удаляется, тихий, как черный кот, вниз по секретной лестнице. Я слышу его спокойный, размеренный шаг, его сандалии постукивают так же, как шлепанцы слуг у меня дома в Испании. Я слышу мягкий шелест его длинного платья, так непохожего на жесткие, плотные одежды англичан. В воздухе понемногу рассеивается запах, который он принес с собой, теплый и пряный аромат моей родной стороны.

И когда он совсем, бесповоротно ушел, и Мария де Салинас, повернув ключ, закрыла за ним дверь, мне отчаянно захотелось плакать, и не только потому, что приговор его оказался тяжким и суровым, но и потому, что ушел один из немногих людей в этом мире, способных сказать правду.

Весна 1510 года

Екатерина не рассказала своему юному мужу ни о визите чернокожего лекаря, ни о том, что тот думает о состоянии ее здоровья. Она никому об этом не рассказала, даже леди Маргарет Пол. Положилась на свою судьбу, призвала на помощь гордость и убежденность в том, что она избранное дитя Божье, и, не позволяя себе сомнений, продолжила жить так, словно беременна. Основания для этого у нее были. Лекарь-англичанин, мистер Филдинг, по-прежнему излучал уверенность, повитухи ему не противоречили, и весь двор находился в убеждении, что в марте или апреле Екатерина родит.

Генрих, нетерпеливо ожидавший появления первенца, как только это произойдет, собирался устроить большой турнир в Гринвиче. Потеря дочери ничему его не научила, он хвастался всем и каждому, что у него скоро родится здоровое дитя. Его остерегли лишь, что не к добру предсказывать пол ребенка, и с тех пор он твердил, что ему все равно, кто это будет, принц или принцесса. Кто бы ни родился, он будет любить его как первый плод их с королевой счастливого брачного союза.

Екатерина держала свои сомнения при себе и даже с Марией не делилась тем, что ни разу не чувствовала, как шевелится дитя в чреве. При этом день ото дня ей становилось все неудобней, ее знобило, все больше она смотрела на окружающий мир словно издалека. Подолгу простаивала на коленях в часовне, но Господь не заговаривал с ней, и даже голос матушки вроде замолк. Все сильнее донимала тоска по Артуру, и это были не страстные томления молодой вдовы, а печаль по дорогому другу, единственному, кому она могла бы поверить свои страхи.

В феврале Екатерина, блистая улыбками, участвовала в масленичных гуляньях. Все видели ее сильно раздавшийся живот, и, отпраздновав начало поста, двор переместился в Гринвич в полной уверенности в том, что дитя родится сразу после Пасхи.

В Гринвиче для меня приготовили комнаты, сделав это в полном соответствии с указаниями Королевской книги, написанной покойной

миледи Бофор. Стены увешаны гобеленами, на которых изображены приятные глазу сцены, полы устланы коврами, по ним разбросаны свежие, пахучие травы. Я медлю в дверях, за спиной у меня друзья пьют пряное вино за мое здоровье. Здесь, в этих комнатах мне предстоит исполнить свое предназначение, сослужить службу Англии, выполнить миссию, ради которой я рождена на свет. Глубоко вдохнув, я вхожу. Дверь за мной закрывается. Я не увижу своих друзей: герцога Бэкингема, милого Эдуарда Говарда, моего исповедника и испанского посла — пока не родится мое дитя.

Мои придворные дамы уже здесь. Леди Элизабет Болейн ставит на столик у кровати круглый футлярчик с ароматическими шариками. Сестры герцога Бэкингема, леди Элизабет и леди Анна, пытаются поправить криво висящий гобелен. Мария де Салинас улыбается, стоя у огромной кровати с новыми темными занавесями. Леди Маргарет Пол подвигает туда-сюда колыбельку в ногах кровати, поднимает глаза и улыбается мне, и я вспоминаю, что она сама мать и знает, как лучше.

— Хочу, чтобы вы стали во главе королевских детских, милая леди Маргарет, — неожиданно для самой себя вдруг говорю я, движимая привязанностью к ней и нуждой в совете, исходящем от доброй и многоопытной женщины.

Дамы в удивлении переглядываются. Уж они-то знают, что я, как правило, соблюдаю декор, и все назначения исходят от моего дворецкого после консультаций с десятком персон.

Леди Маргарет улыбается и кивает.

— Я знала, что вы этого захотите, — отвечает она тем же глубоко личным тоном, что и я. — Я на это рассчитывала.

— Без королевского приглашения? — смеется леди Болейн. — Фу, леди Маргарет! Да вы выскочка!

Тут мы все хохочем, потому что мысль о том, что достойнейшая леди Маргарет может искать королевского покровительства, невыразимо смешна.

— Я знаю, что вы будете заботиться о нем как о родном сыне, — шепчу я.

Она берет меня за руку и помогает улечься в постель. Я тяжелая и неуклюжая, и в животе у меня постоянно бьется боль, которую я пытаюсь скрыть.

— Дай-то Бог, — бормочет она.

Проститься со мной приходит Генрих. С разгоряченным лицом, то и дело закусывая губу, он больше похож на мальчика, чем на короля. Я беру его за руки и нежно целую в губы.

— Любовь моя, молись за меня, — говорю я. — Я верю, что все будет хорошо.

— Только роди, и я поеду к Божьей Матери Вальсингамской, возблагодарить ее, — в который раз обещает он. — Я написал в монастырь и посулил им великие щедроты, если они испросят для нас божественного благословения. Теперь они молятся за тебя, любовь моя. Круглые сутки.

— Господь милосерд, — говорю я, вспоминаю мавританского лекаря, который сказал мне, что чрево мое пусто, и прогоняю это воспоминание. — Это моя судьба, желание моей матери и Господня воля.

— Мне так жаль, что твоей матушки нет здесь с нами, — допускает бестактность Генрих, но я не позволяю себе поморщиться.

— И мне, — говорю я. — Но я уверена, она смотрит на нас с небес.

— Могу я что-нибудь для тебя сделать? Принести что-нибудь?

Это смешно, чтобы Генрих, который никогда не знает, где что лежит, бегал сейчас для меня с поручениями, но я не смеюсь.

— У меня есть все, что нужно, — ласково говорю я. — Мои дамы обо мне позаботятся.

Он выпрямляется, очень величественно, и оглядывает их, как войска на плацу.

— Получше служите своей госпоже, — строго говорит он всем и добавляет, обращаясь к леди Маргарет: — Прошу вас, пошлите за мной сразу, как только будут какие-то новости. Днем или ночью! — Засим он целует меня на прощание с большой нежностью и уходит. Дверь за ним закрывается, и я остаюсь одна с моими дамами. Так будет до тех пор, пока я не рожу.

Я рада уединению. Уютная, тихая опочивальня станет моим убежищем, я смогу отдохнуть в обществе милых мне компаньенок. Можно перестать притворяться, играя роль плодовитой и уверенной в себе королевы, и быть собой. Я отстраняю от себя все сомнения, все переживания. Не буду ни о чем думать, перестану волноваться. Буду терпеливо ждать, пока дитя не запросится наружу, и выпущу его в свет

без страхов и воплей. Я твердо намерена верить в то, что этот ребенок, переживший свою сестру, будет крепок и здоров. А я, пережившая гибель первой дочери, буду смелой матерью. Возможно, мы вместе преодолеем горе и утрату: это дитя и я.

Я жду. Я жду весь март и прошу слуг снять гобелен, закрывающий окно, чтобы в комнату доносились запахи распускающейся зелени и крики чаек, которые носятся над рекой во время прилива.

Я жду, но ничего не происходит, ни с ребенком, ни со мной. Повитухи спрашивают, болит ли у меня что-нибудь. Я говорю — да, болит, но это тупая боль, к которой я давно притерпелась. Спрашивают, брыкается ли ребенок, но, сказать правду, я плохо понимаю, что они имеют в виду. Они переглядываются и громко, подчеркнуто заявляют, что это хороший знак: спокойный ребенок — сильный ребенок, он, надо полагать, отдыхает.

Я стараюсь забыть о сомнениях, которые гложут меня с самого начала этой второй беременности, так прямо и откровенно отринутой врачом-мусульманином. Я отказываюсь думать о предупреждении, высказанном им с таким сочувствием на лице. Я твердо настроена на лучшее. Однако приходит апрель, по подоконнику стучит дождь, потом лужицы высыхают под солнцем, но по-прежнему ничего не происходит. Мой живот, всю зиму туго обтянутый платьем, в апреле слегка опадает, а потом и еще больше. Я отсылаю всех женщин, оставив одну Марию, расшнуровываю платье, показываю ей живот и спрашиваю, не кажется ли ей, что я теряю в объеме.

— Не знаю, — говорит она, но по лицу видно, что вид моего живота ошеломил ее: очевидно, что ребенка там нет.

Прошла неделя, и это стало очевидно каждому, кто меня видит. Я худею. Повитухи твердят, что иногда такое бывает, что ребенок опускается ниже, перед тем как выйти на свет, и прочий вздор.

— Живот явно спадает, и как раз сегодня начались месячные, — холодно говорю я. — Вам известно, что мои месячные регулярны с тех самых пор, как я потеряла ребенка. Как такое может быть?

Они взмахивают руками, но ответа не знают. Надо спросить у досточтимого лекаря моего супруга короля. Именно он с самого начала первым сказал, что я ношу второго ребенка. Сами они такого не говорили. Их просто позвали принять роды.

— Но что вы подумали, когда он сказал, что это двойня? — настаиваю я. — Разве вы не были согласны, когда он постановил, что, потеряв одного ребенка, я сохранила другого?

Они трясут головами. Они не помнят.

— Вы должны были что-то подумать! Вы же видели, как я выкинула! Вы видели, что мой живот после этого ничуть не опал. Какая другая причина могла этому быть, если не второе дитя?

— Господь милосердный, — беспомощно роняет одна из повитух.

— Аминь, — с усилием отвечаю я.

— Позови мавра, — тихо говорит Екатерина Марии де Салинас.

— Ваше величество, возможно, его нет в Лондоне. Он состоит в свите одного французского графа, а живет, насколько мне известно, в Константинополе.

— Узнай, где он, и если не в Лондоне, то когда сюда вернется. Никому не говори, что это я его спрашиваю.

— Ваше величество желает испросить у него совета? — сочувственно поинтересовалась Мария.

— А что остается, если в Англии ни одного университета, где изучают медицину! — с накопившейся горечью воскликнула Екатерина. — Ни одного, где учат языкам! И астрономии, математике, геометрии, географии, космографии тоже не учат! Даже животных и растения не изучают. Английские университеты — все равно, что монастыри, где монахи раскрашивают поля священных книг...

— Но, мадам... — растерялась Мария. — Церковь утверждает...

— Конечно! Зачем церкви хорошие врачи? Зачем церкви знать, как зачать здорового сына? Церковь занята откровениями святых. Там служат мужчины, которых не волнуют болезни и трудности женщин.

— Но, ваше величество, вы же сами сказали, что не хотите языческой мудрости! Вы сами сказали так лекарю. Вы сказали, что ваша матушка правильно сделала, закрыв мавританские университеты!

— У моей матушки было полдюжины детей, — сердито отозвалась Екатерина. — Но говорю тебе, если б она могла отыскать врача, который бы спас моего брата, она заполучила бы его, даже если б его учили в аду! Она была неправа, повернувшись спиной к учености мавров. Она ошибалась. Даже великие люди совершают ошибки... И это была великая ошибка — прогнать мудрецов заодно с еретиками...

— Сама святая церковь говорит, что ученость неотделима от ереси, — заметила Мария. — Как одно может быть без другого?

— Знаешь, не твое это дело — рассуждать о подобных материях, — сказала загнанная в угол дочь Изабеллы. — Я же сказала тебе, что следует делать!

Выяснилось, что мавр Юсуф в отъезде, но он обещал вернуться через неделю. Мне надо быть терпеливой. Я сижу взаперти в своих комнатах и терпеливо жду.

В округе он хорошо известен, доложил человек, которого Мария послала навести расспросы. Каждый раз его появление на улице — событие, ведь чернокожие в Англии большая редкость, а этот к тому же красив и щедро расплачивается мелкой монетой за небольшие услуги. Требуется свежую воду, чтобы мыться в своей комнате, и делает это каждый день, а порой и несколько раз в день, и — чудо из чудес! — три-четыре раза в неделю принимает ванну, с мылом и полотенцами, расплескивая воду по всему полу, к большому неудобству горничной. Странно, что он не понимает, как это опасно для его здоровья.

Представляю, как высокий брезгливый мавр складывается вчетверо, чтобы поместиться в ванну, и, вздыхая, вспоминает об ароматном паре, о сладостной возможности расслабить усталое тело в теплой воде, о массаже, за которым следует долгий отдых в задумчивом молчании, покуривая кальян, попивая крепко заваренный, сладкий мятный чай. Не забуду, как я была поражена, когда, приехав в Англию, обнаружила, что люди здесь моются лишь от случая к случаю, а перед едой разве что смачивают кончики пальцев. Я думаю, мавр Юсуф справился с этим лучше, чем я, — он устраивает себе дом сам, куда б ни приехал. Я же в своем рвении стать Екатериной, королевой Англии, перестала быть Каталиной Испанской.

Мавра во дворец привели под покровом тьмы. В назначенный час Екатерина выслала всех из своей опочивальни, сказав, что хочет побыть одна. Она сидела у окна, гобелен с которого был откинут, чтобы впустить в комнату свежий воздух, и, когда Юсуф вошел, встала ему навстречу. Горела свеча. Первое, на что он обратил внимание, была ее стройная на фоне темного окна фигура.

Мавр сочувственно покивал головой:

— Ребенка нет.

— Нет, — подтвердила она. — Завтра я выйду из уединения.

— Боли есть?

— Нет.

— Уже хорошо. А кровотечение?

— Обычные месячные закончились на прошлой неделе.

Он кивнул.

— Возможно, болезнь прошла сама собой. Ты сможешь зачать другое дитя. Не стоит отчаиваться.

— Я не отчаиваюсь, — бросила она. — Никогда. Поэтому я и послала за тобой.

— Полагаю, ты хочешь зачать как можно скорее.

— Да.

Он немного подумал:

— Что ж, инфанта, раз у тебя уже был ребенок, хоть ты его и не выносила, мы знаем, что ты и твой супруг способны к деторождению. Это хорошо.

— Да? — удивилась она. Эта идея не приходила ей в голову. Расстроенная выкидышем, она не подумала о том, что, зачав, доказала свою плодовитость. — Но почему ты упоминаешь при этом и моего супруга?

— Чтобы зачать дитя, нужны двое, — улыбнулся мавр.

— Здесь, в Англии, считают, что это зависит только от женщины.

— Да, считают. Но в этом, как и во многом другом, они ошибаются. Чтобы создать дитя, необходимы два элемента: мужчина вдыхает в него жизнь, а женщина дарит плоть.

— Говорят, что, если у женщины выкидыш, это ее вина и что, скорее всего, на ее совести великий грех.

— Это возможно, — нахмурился он. — Но маловероятно. В противном случае как рожали бы убийцы? И с чего бы случались выкидыши у невинных животных? Я думаю, со временем мы узнаем, по каким причинам это случается. Возможно, дело в несовместимости или в заразе... Но то, что женщин в этом винить не нужно, для меня ясно.

— Говорят, брак бесплоден тогда, когда на нем нет благословения Божьего.

— А ты подумай о своем Боге, — рассудительно сказал он. — Подумай, разве Он станет казнить несчастную женщину для того только, чтобы настоять на своем?

— Если я не рожу живого ребенка, винить будут меня, — сказала Екатерина, оставив без ответа его вопрос.

— Я знаю. Однако же суть дела состоит в том, что если ты уже была раз беременна, то есть все основания полагать — даже пусть ты дитя и потеряла, — что ты можешь забеременеть еще, и не раз.

— Следующего ребенка я непременно должна выносить.

— Было бы полезно, если бы я осмотрел тебя.

— Это невозможно, — покачала она головой.

Во взгляде мавра сверкнула искорка смеха.

— Ах вы, дикари... — тихо пробормотал он.

Екатерина даже ахнула:

— Ты забываешься!

— Тогда прогони меня.

— Нет, останься, — подумав, велела она. — Но об осмотре не может быть и речи.

— В таком случае давай подумаем, что поможет тебе зачать и выносить ребенка. У тебя должно быть крепкое, здоровое тело. Ты едешь верхом?

— Да.

— Ездить лучше в дамском седле, а как понесешь, переходи на носилки. Ежедневно ходи пешком, гуляй побольше. Если умеешь, плавай. Чаще всего зачатие происходит через две недели после окончания маячных. В это время много отдыхай и позаботься о том, чтобы супруг приходил к тебе. Во время трапез вкушай умеренно и, по мере возможности, избегай этого их ужасного эля.

Она улыбнулась, припомнив свои собственные предубеждения.

— Знаешь ли ты Испанию?

— Я там родился. Мои родители бежали из Малаги, когда твоя мать ввела инквизицию и они поняли, что их замучат до смерти.

— Мне очень жаль, — смутилась Екатерина.

— Ничего, мы вернемся. Есть предсказание, — уверенно сказал он.

Оба они вдруг замолчали.

— Как ты теперь поступишь? Велишь мне сказать, что, на мой взгляд, тебе следует делать? Или велишь мне уйти? — легким тоном прервал он молчание, словно его не заботило, что она выберет.

— Скажи, что мне делать. А потом я заплачу тебе, и ты уйдешь. Мы рождены, чтобы быть врагами. Мне не следовало тебя приглашать.

— Мы с тобой испанцы по рождению, мы любим свою страну. Мы служим своему Богу. Возможно, мы рождены, чтобы стать друзьями.

Она едва удержалась, чтобы не протянуть ему руку.

— Что ж, может, и так, — глядя в сторону, неохотно пробормотала она. — Однако растили меня в ненависти к твоему народу и твоей вере.

— А меня растили так, чтобы я не знал ненависти, — мягко ответил мавр. — Может статься, именно этому я должен научить тебя прежде, чем всему остальному.

— Достаточно того, если ты научишь меня, как родить сына.

— Что ж. Пей только ту воду, которую кипятили. Ешь побольше фруктов и овощей. У вас при дворце выращивают овощи для салата?

На мгновение ей показалось, что она в Ладлоу, в садике у крепостной стены...

— Ты, кажется, о чем-то задумалась...

— Да. О моем первом муже. Он как-то сказал, что я могу выписать из Испании садовника, чтобы он выращивал здесь зелень, которой мне не хватает.

— У меня есть семена, — неожиданно сказал он. — Я могу поделиться с тобой.

— Ты дашь мне... продашь, я хочу сказать...

— Да. Я с тобой поделюсь.

Такая щедрость потрясла ее.

— Ты очень добр, — наконец выговорила она.

— Мы оба — испанцы, — с улыбкой ответил мавр, — и очень скучаем по дому. Разве это не важнее, чем то, что ты белая, а я черный? Что я молюсь своему Богу, глядя в сторону Мекки, а ты — своему, глядя на запад?

— Я принадлежу к истинной вере, а ты — к ложной, — произнесла она с меньшей убежденностью, чем когда-либо раньше.

— Важно то, что мы оба — верующие, — с улыбкой ответил он. — Врагами же следовало бы считать тех, у кого нет веры ни в богов, ни в себя. Усилия наши следует направить против тех, кто приносит жестокость в мир на том одном только основании, что у них есть власть. На свете довольно жестокости и пороков — и вот с чем нужно бороться, а не обращать оружие против тех, кто верит во всепрощающего Господа и старается жить по совести.

На это Екатерина не нашлась что ответить. На одной чаше весов лежали наставления ее матушки. На второй — искренность и доброта, которая исходила от этого человека.

— Не знаю, — произнесла она, наконец, и сразу почувствовала какое-то освобождение. — Я не знаю. Мне надо будет спросить об этом Господа. Я помолюсь, чтобы Он меня наставил. Не стану притворяться, что знаю.

— Превосходно! Вот это и есть первый шаг к мудрости, — мягко сказал он. — По крайней мере, я в этом уверен. А теперь, с твоего позволения, я отправлюсь домой и там напишу список тех блюд, которых тебе следует избегать, а также пришлю лекарство, которое поднимет твое настроение. Не позволяй им ставить тебе ни банки, ни пиявки, и пусть не уговаривают тебя принимать яды и настойки. Ты молодая женщина, у тебя молодой муж. Дитя у вас обязательно будет! И очень скоро.

Это прозвучало как благословение.

Гринвичский дворец, май 1510 года

Я посылаю за Генрихом, он должен услышать это от меня первым. Он приходит, но неохотно. Женские тайны его пугают, и не хочется вступать в комнату, приготовленную для родов. Но это еще не все. Я вижу холодность в его чуть отвернутом в сторону лице, он избегает встречаться со мной взглядом. Однако не время упрекать его в холодности. Сначала надо поговорить. Леди Маргарет оставляет нас вдвоем, прикрывает за собой дверь. Я знаю, что она проследит за тем, чтобы никто не подслушивал. Все и так скоро узнают.

— Супруг мой, я сожалею, у меня печальная новость, — начинаю я.

Он надувает губы, совсем как дитя.

— Я так и понял, когда леди Маргарет явилась за мной.

Обижаться на него глупо. Придется мне справляться за нас обоих.

— Ребенка не будет, — говорю я, словно бросаюсь в воду. — Доктор ошибся. Ребенок был только один, и мы его потеряли. Мое уединение было ошибкой. Завтра я возвращаюсь ко двору.

— Но как же он мог ошибиться в таком деле?

Я легонько пожимаю плечами. Конечно, очень хочется сказать, что мог, потому что он надутый дурак и подлиза, как все те, которыми ты себя окружаешь. Они всегда будут тебе льстить и подпевать и никогда не скажут правды. Но, конечно же, вместо этого я роняю:

— Значит, мог.

— Я буду всеобщим посмешищем! — взрывается он. — Ты просидела здесь целых три месяца, и ради чего?

Я отвечаю не сразу. Бесплезно жалеть, что я замужем за человеком, который больше всего озабочен тем, как он выглядит, и меньше всего думает обо мне.

— Ничего подобного, — твердо говорю я. — Если на то пошло, посмешищем, в первую голову, буду я. Кем надо быть, чтобы не знать, беременна ты или нет! Но, видишь ли, во всем этом есть один плюс: у нас было дитя, и это значит, что будут еще и другие.

— В самом деле? — оживляется он. — Но почему мы потеряли ребенка? Потому что прогневили Господа? Совершили что-то непотребное? Может, это знак Его гнева?

Я закусываю губу, чтобы не повторить тот вопрос, который задал мне мавр: неужто Господь наш так мстителен, что способен сгубить невинное дитя только затем, чтобы наказать его родителей за грех столь мелкий, что они сами не помнят, что его совершили...

— Моя совесть чиста, — уверенно заявляю я.

— Моя — тоже, — быстро говорит он. Слишком быстро.

Но нет, моя совесть не чиста. Этой ночью я стою на коленях перед распятием и молюсь. Не мечтаю об Артуре, не беседую с матушкой, а крепко закрываю глаза и молюсь.

— Господи, это было слово, которое я дала у смертного одра, — медленно, отчетливо говорю я. — Он потребовал, чтобы я дала его. Ради блага Англии. Ради того, чтобы повести королевство и нового короля по пути церкви. Ради того, чтобы защитить Англию от мавров и от греха. Я знаю, что это привело меня к власти и к трону, но я сделала это не ради выгоды, нет. Я сделала это ради Артура, ради Генриха, ради Англии и ради себя. Если это грех, Господи, то дай мне знак. Если я не должна быть ему женой, скажи мне об этом сейчас. Потому что я верю — я поступила правильно тогда и сейчас поступаю правильно. Я верю, что Ты не заберешь у меня сына, чтобы наказать за это. Верю в Твое милосердие.

Я долго, целый час стою на коленях и жду, чтобы мой Бог и Бог моей матушки выказал мне свой гнев. Однако Он этого не делает.

Из этого я делаю вывод, что я права. Артур правильно сделал, что взял с меня слово, я правильно сделала, когда солгала, моя матушка правильно верила в то, что мое призвание — стать королевой Англии, и, что бы там ни случилось, этого ничто не изменит. Аминь.

Леди Маргарет Пол приходит провести со мной последний вечер моего уединения. Она ставит стул с другой стороны камина, в достаточной близости, чтобы можно было поговорить без опаски, что нас подслушают.

— Я должна вам кое-что рассказать, — начинает она.

Я внимательно вглядываюсь в ее лицо. Оно так спокойно, что я сразу понимаю: что-то неладно.

— Говорите!

Она вздыхает.

— Сожалею, что приходится посвящать вас в дворцовые сплетни, но...

— Очень интересно! Слушаю вас.

— Речь о сестре герцога Бэкингема.

— Элизабет? — уточняю я, видя перед собой хорошенькую девушку, которая, едва узнав, что я буду королевой, пришла ко мне проситься в придворные дамы.

— Нет, Анна.

Я киваю. Анна — младшая сестра Элизабет, замужняя дама с проказливым огоньком в темных глазах, которая пользуется успехом у придворных кавалеров, однако держится — по крайней мере, в моем присутствии — со всей скромностью, подобающей представительнице высочородной семьи в услужении у королевы.

— Так что же?

— Выяснилось, что она тайно встречалась с Уильямом Комптоном. Ее брат, узнав, разъярился и, вне себя оттого, что она ставит под удар свою репутацию и свое доброе имя, посвятил в дело ее мужа.

— Уильям наверняка относится к этому не всерьез, — говорю я, помня, что Уильям Комптон — один из самых буйных приятелей Генриха. — Ему нравится разбивать сердца.

— Да, но как-то Анны хватились во время маскарада и не нашли. Потом — во время ужина. И на охоте ее целый день не было...

Я киваю:

— Да, это уже серьезней. Так что, они любовники?

Леди Пол разводит руками:

— Одно могу сказать: ее брат в ярости. Он налетел на Комптона, и они крупно повздорили. При этом король на стороне Комптона.

Я сжимаю губы, чтобы сдержать раздражение. Герцог Бэкингом — один из самых влиятельных вельмож в Англии. Он принадлежит к числу моих ближайших друзей. Даже в самые тяжелые времена он встречал меня улыбкой и ласковым словом. Каждое лето присылал мне дичь, и бывало, что другого мяса у нас неделями не было. Нет, Генрих не рассорится с ним из-за женщины, как вздорят торговец с фермером. Его батюшка Генрих VII без поддержки Бэкингемов не добился бы трона! Раздор между королем и столь влиятельным вельможей и землевладельцем, как Бэкингом, — это не частное дело. Это национальное бедствие. Генрих, будь он умней, уладил бы мелкий дворцовый скандал, не доводя до конфликта.

Леди Маргарет кивает, догадываясь, о чем я думаю.

— Неужели нельзя сделать так, чтобы я могла покинуть двор и мои дамы в тот же миг не начали бы выскакивать из окон своих спален и гоняться за кавалерами?

Она ласково похлопывает меня по руке:

— Похоже, что нет. Ведь у нас при дворе преимущественно легкомысленная молодежь, ваше величество, и нужно натянуть узду, чтобы держать их в строгости. Король сурово побеседовал с герцогом, и тот очень обиделся. Уильям Комптон говорит, что посвящать в подробности он никого не станет — поэтому все предполагают самое худшее. Анну ее супруг, сэр Джордж, почти что заточил дома, мы ее сегодня не видели. Боюсь, что, когда вы вернетесь ко двору, он не позволит ей служить вам, а в таком случае, ваше величество, будет задета и ваша честь. — Она помолчала. — Не в моих правилах распространять дворцовые слухи, но я подумала, вам лучше узнать об этом загодя, чтобы быть готовой к завтрашним сюрпризам...

— Спасибо, леди Маргарет, — говорю я. — Завтра я с этим разберусь. В самом деле, о чем они думают? Как школьники, право слово! Уильям ведет себя как великовозрастный сорванец... И Анне должно быть стыдно — забыться до такой степени... И что вообразил о себе сэр Джордж? Тоже мне ревнивый рыцарь из Камелота, который запирает в башню блудливую жену!

Королева Екатерина без лишних слов вышла из своего уединения и вернулась в апартаменты, которые всегда занимала в Гринвиче. Церковной церемонии, которая отметила бы ее возвращение к обычной жизни, не было, поскольку роды не состоялись. Понятное дело, не было и крестин. Она вышла из затемненной комнаты, ни слова не говоря, словно страдала там от какой-то неведомой, но позорной болезни, и все сделали вид, что королева отсутствовала не почти три месяца, а всего несколько часов.

Придворные дамы, разбалованные ее отсутствием, быстренько собрались в комнатах королевы, в то время как горничные торопливо разбрасывали по комнатам свежее сено.

Перехватив несколько виноватых взглядов, Екатерина сделала вывод, что отнюдь не одна дама порезвилась в ее отсутствие, и следом заметила, что возбужденное перешептывание стихает, едва она

поднимает голову. Очевидно, случилось что-то посерьезней, чем провинность Анны, и столь же очевидно, что об этом ей докладывать не хотят. Она поманила к себе одну из дам, леди Мадж.

— Что-то я не вижу здесь леди Элизабет. В чем дело? — спросила она, имея в виду старшую из сестер Бэкингема.

Девушка покраснела:

— Не знаю, ваше величество.

— Где она?

Леди Мадж оглянулась за помощью, но все прочие дамы внезапно погрузились в свои занятия: шитье, вышивание или чтение. Элизабет Болейн вглядывалась в карты с таким вниманием, словно на кону стояла ее жизнь.

— Боюсь, она уехала, — решила сказать Мадж, и кто-то ахнул.

— Уехала? — удивилась Екатерина. — Может, кто-нибудь все же расскажет мне, что случилось? Куда уехала леди Элизабет? И как она смела сделать это, не испросив моего разрешения?

Все молчали. В этот момент в комнату вошла леди Маргарет Пол.

— Леди Маргарет! — обратилась к ней Екатерина. — Что я слышу? Вот леди Мадж говорит, что леди Элизабет Стаффорд покинула двор, даже не попрощавшись со мной! Как это возможно?

Леди Маргарет легонько качнула головой, Екатерина почувствовала, что любезная улыбка застывает у нее на губах, и движением руки отпустила перепуганную девушку.

— В чем дело? — сбавив тон, поинтересовалась она у леди Пол.

Не совершая заметных глазу перемещений, все дамы подтянулись поближе, чтобы услышать, как леди Маргарет будет докладывать королеве о новостях.

— Судя по всему, король сделал выговор герцогу Бэкингему, и тот оставил двор, забрав с собой обеих своих сестер.

— Как же так? Они обе — мои придворные дамы! Они не могут покинуть двор без моего разрешения.

— Это и впрямь серьезная провинность, ваше величество, — согласилась леди Пол и таким образом сложила руки на коленях, так посмотрела, что Екатерина поняла: лучше не вдаваться в расспросы.

— Так расскажите же мне, милые дамы, чем вы занимались в мое отсутствие? — пытаясь развеять напряжение, любезно обратилась

Екатерина ко всем сразу. Те как-то сразу заробели. — Может быть, появились новые песни?

— Да, ваше величество, — вызвалась одна из дам. — Угодно ли, я спою?

Королева кивнула, кто-то взял в руки лютню. Похоже, придворные дамы дружно старались ее отвлечь. Она улыбнулась, в такт музыке постукивая по ручке кресла рукой. Вся обстановка говорила о том, что произошло что-то серьезное, и, выросшая при дворе, Екатерина не могла этого не понимать.

Раздался шум приближающейся толпы, двери распахнулись, и в комнату вошел король со своей свитой. Придворные дамы, заметно оживясь, повскакивали со своих мест, отряхнули юбки, закусывая губки, чтобы сделать их порозовой. Кто-то хихикнул.

Генрих, только что с охоты, был еще в сапогах для верховой езды и за руку вел за собой Уильяма Комптона.

Екатерина не могла не заметить перемен в поведении мужа. Он не кинулся к ней, не схватил в объятия, не поцеловал. Не прошел он и в середину комнаты, чтобы оттуда отвесить супруге поклон. Нет, как вел за руку Комптона, так и остался с ним рядом, чуть ли не прячась за его спину, как проказливый мальчишка, боящийся наказания. Под строгим взглядом королевы Комптон неловко отошел в сторону. Генрих, опустив глаза, без особого рвения приветствовал жену, взяв ее за руку и поцеловав в щеку.

— Ну что, поправилась? — спросил он.

— Да, — мягко улыбнулась Екатерина. — Вполне. А как чувствуете себя вы, сир?

— О, прекрасно, — отмахнулся король. — Отличная выдалась сегодня охота. Жаль, тебя не было с нами. Доскакали почти до Сассекса!

— Завтра я поеду с вами, — пообещала Екатерина.

— Да? А тебе можно?

— Конечно, — подтвердила она.

— А мне сказали, тебе еще долго будет ничего такого нельзя! — сболтнул он.

Екатерина с улыбкой покачала головой, гадая, кто бы мог такое ему сказать.

— Ну, давайте же завтракать! — воскликнул он. — Я умираю от голода!

Предложив руку жене, он повел ее в обеденный зал. Придворные, тихонько переговариваясь, потянулись следом. Екатерина проговорила так, чтобы никто не услышал ее слов:

— Дошло до меня, что при дворе произошла ссора.

— А! Ты уже слышала о нашей маленькой буре, да? — отозвался он слишком громко, слишком беззаботно, слишком похоже на то, как ответил бы взрослый мужчина, которому не о чем беспокоиться. Рассмеялся через плечо и поискал взглядом, с кем разделить свою наигранную веселость. Охотников нашлось много. — Не беспокойся, это все пустяки. Я крупно поговорил с твоим приятелем Бэкингом. Он так разозлился, что покинул двор! — Он снова расхохотался, еще сердечней, чем прежде, и покосился на жену, улыбается ли она.

Екатерина, однако, отозвалась с холодком:

— В самом деле?

— Поверь мне, он вел себя высокомерно! Ничего, пусть поживет вдаль от двора, пока не остынет. Такой надутый, важный! Послушать его, так он все знает лучше других! И его кислая сестрица ему на пару!

— Она хорошо мне служила, — заметила Екатерина. — Я надеялась повидаться с ней сегодня. Я не ссорилась ни с нею, ни с ее сестрой. Насколько я понимаю, ты ведь тоже с нею не в ссоре?

— Достаточно того, что я недоволен ее братом. Пусть все убираются!

Екатерина помолчала, перевела дыхание и только потом сказала:

— Обе сестры у меня в штате. Разве это не мое право — выбирать себе камеристок? И выгонять их?

Он по-детски вспыхнул:

— Вот и выгони, раз я прошу об этом! Неужели мы будем с тобой считаться правами!

Толпа позади них тут же примолкла. Всем хотелось услышать, как в первый раз ссорятся король с королевой.

Екатерина отняла руку у мужа и пошла кругом стола, чтобы занять свое место. Этого времени хватило, чтобы собраться с мыслями. Когда король с другой стороны подошел к своему месту и встал рядом, она уже улыбалась:

— Как тебе будет угодно, Генрих. Мне, в общем-то, все равно. Дело всего лишь в том, что при дворе должно быть подобие порядка, а разве это порядок — отсылать молодую женщину из хорошей семьи, которая не сделала ничего дурного?

— Но тебя ведь тут не было! Откуда ты можешь знать, что она делала и что не делала! — Найдя новый аргумент в споре, король взмахом руки пригласил всех садиться и уселся сам. — Ты заперлась на несколько месяцев! Что я должен был делать? Какой порядок может быть при дворе, когда тебя нет?

Екатерина, сохраняя невозмутимое выражение лица, кивнула. Она слишком хорошо знала, что в эту минуту за ней пристально наблюдают десятки глаз.

— Ты ведь не думаешь, что я сделала это для своего развлечения? — без малейшего сарказма в голосе произнесла она и с изумлением услышала, что ее супруг принял этот вопрос за чистую монету.

— Ты не представляешь, сколько неудобств мне это доставило! Конечно, тебе было очень хорошо! Ты там лежала, а двор остался без королевы! Твои дамы совсем распустились, никто не знал, что к чему, посещать тебя мне не разрешали и спать мне пришлось одному...

Тут, наконец, до Екатерины дошло, что под всей этой бурей кроется настоящая боль. Себялюбивый до крайности, Генрих в результате ее долгого и мучительного затворничества преисполнился жалости не к кому иному, как к себе самому, умудрившись обвинить ее в том, что она бросила его в одиночку справляться с королевским двором: иначе говоря, он считал, что она его подвела.

— Я полагаю, ты должна сделать, как я прошу, — словно капризный ребенок, сказал он. — Мне и без того хватает хлопот. Все это, знаешь ли, бросает на меня тень. Я выгляжу как идиот. А от тебя никакой помощи!

— Что ж, — с мягкой улыбкой примирительно произнесла Екатерина. — Договорились. Раз ты об этом просишь, я отошлю обеих: и Елизавету, и Анну.

— Вот и отлично, — засиял он. — И раз ты теперь со мной, все снова вернется на круги своя!

Ни слова заботы в мой адрес, ни слова утешения, ни одного сочувственного слова. Я могла б умереть, рожая ему ребенка, но не родила, и это еще хуже. Генрих совсем, совсем обо мне не думает!

Вопреки этим горьким мыслям я нашла в себе силы ему улыбнуться. Разве, выходя за него, я не отдавала себе отчета в том, что он эгоистичный мальчик, из которого вырастет эгоистичный мужчина? Отдавала и поставила себе целью направлять его и помогать стать лучше, насколько позволяет его природа. Однако время от времени он поступает не так, как должно мужчине, и, когда такое случится, как вот сейчас, я должна видеть в этом свою неудачу, свою неспособность направить его как нужно. Я должна прощать его.

Если я не стану его прощать, если не стану простирать свое терпение шире, чем это кажется мне возможным, наш брак станет мучением. Генрих совсем не похож на Артура и никогда не станет таким королем, каким стал бы Артур. Но он мой супруг, мой король, и я должна его почитать.

Именно так: почитать. Заслуживает он того или нет.

За завтраком придворные сидели притихшие, почти не отрывая глаз от стола на возвышении, где король и королева беседовали мирно и вполне благодушно.

— Так знает она или нет? — прошептал один из вельмож Екатериной камеристке.

— Ну, кто ж ей скажет? — ответила та. — Кроме Марии де Салинас или леди Маргарет — некому. Ставлю свои серьги, что не знает.

— Идет. Пять фунтов, что узнает.

— К какому сроку?

— Назавтра.

Еще один кусочек головоломки бросается мне в глаза, когда я просматриваю счета за те недели, что пробыла вдали от двора. Поначалу особо чрезмерных трат не наблюдалось. Но затем расходы стали расти. Счета от певцов и актеров, которые репетировали представление в честь рождения королевского отпрыска, счета от органиста и хористов, от мануфактурщика за драпировки, флаги и вымпелы, от горничных, полировавших золотую крестильную купель.

Затем пошли счета портным за маскарадные костюмы из ярко-зеленой ткани, певцам, которые пели под окнами леди Анны, служащему, который переписывал слова новой песни, сочиненной его величеством королем, репетиции бала-маскарада, который всегда бывает в первый день мая, и костюмы для трех дам и леди Анны, которой предстояло изображать собой Недоступную красавицу.

Я встаю из-за стола, за которым просматривала бумаги, и подхожу к окну, выходящему в сад. Там установлен ринг для борьбы. Генрих и молодой Чарльз Брендон, скинув куртки, в одних рубашках, вцепились друг другу в предплечья и пихают один другого, как кузнецы на ярмарке. Вот Генрих делает подножку, Чарльз падает, Генрих садится на него сверху, чтобы не дать встать. Принцесса Мария хлопает в ладоши, все смеются.

Я отворачиваюсь от окна. Любопытно, в самом ли деле леди Анна оказалась такой уж недоступной. Любопытно, весело ли было им утром первого майского дня, когда я проснулась в своей затемненной спальне, одна-одинешенька, в печальной тишине и никто не пел у меня под окном. И с чего бы это королю платить певцам, нанятым Комптоном, чтобы ублажить свою новую возлюбленную?

После полудня король пригласил королеву в свой кабинет. От Папы пришло несколько посланий, и он хотел знать ее мнение. Екатерина сидела рядом с супругом, слушала доклады посланников и время от времени тянулась, чтобы что-то прошептать Генриху на ухо.

Тот кивал и важно произносил:

— Вот королева напоминает мне о нашем альянсе с Венецией. Хотя о чем тут напоминать? Я и сам прекрасно все помню. Вы можете рассчитывать на нашу готовность защитить Венецию — как и всю Италию, впрочем, — от честолюбивых планов французского короля.

Послы поклонились, давая понять, что хорошо поняли смысл сказанного.

— Мы пришлем вам соответствующее заявление, — величественно заявил король.

Послы откланялись и удалились.

— Напишешь им? — повернулся он к Екатерине.

— Конечно, — сказала она. — Что ж, по-моему, ты очень хорошо справился с этим приемом.

Генрих расцвел от похвалы:

— Знаешь, мне все удается, когда ты рядом. Без тебя все как-то наперекосяк.

— Что ж, вот она я, — улыбнулась Екатерина, кладя руку ему на плечо. Мускулы как литые. Да, Генрих уже мужчина. — Дорогой Генрих, я так огорчена этой вашей ссорой с Бэкингом!

Мускулы под ее рукой дрогнули, он отпрянул от прикосновения.

— Да вздор это все! Попросит прощения, и все будет забыто!

— А не лучше ли ему просто вернуться ко двору? — предложила она. — Без сестер, если ты не хочешь их видеть?

Он вдруг разразился каким-то неприятным смехом.

— Да верни их всех, если тебе так хочется! Если это сделает тебя счастливой! Не надо было тебе удаляться в уединение, вот что я скажу. Не было там ребенка, это всякий мог видеть...

Екатерина опешила:

— Так это все из-за того, что я удалилась рожать?

— Да уж без этого бы ничего не случилось! И все видели, что ребенка не будет. Странное дело!

— Но ведь это твой же доктор...

— Да что он знает? Только то, что ты ему говоришь...

— Но он уверил меня...

— Доктора ничего не понимают! Женщины ими вертят, как хотят! Это общеизвестно! И женщина может сказать что угодно. Был ребенок, не было ребенка! Девственница, не девственница! Только женщина знает, как все было на самом деле, а остальных дурачит!

— Я поверила твоему лекарю, — в растерянности сказала Екатерина. — Он был очень убедителен. Он уверил меня, что я на сносях, только поэтому я и удалилась от двора. В другой раз я буду умнее. Мне очень, очень жаль, что он так ошибся. Для меня это настоящее горе!

— А я-то в этом деле выгляжу совсем дураком! — жалобно произнес он. — Что ж тут удивляться, что я...

— Что ты? Что ты такого сделал?

— Ничего я не сделал, — буркнул он.

— Славный вечер, — ласково говорю я своим дамам. — Пойду-ка я прогуляюсь. Леди Маргарет, составьте мне компанию!

Мне приносят плащ и перчатки, мы выходим. Дорожка, которая спускается к реке, мокрая и скользкая. Мы с леди Маргарет поддерживаем друг друга. Распустившиеся нарциссы сверкают золотом в лучах закатного солнца. По реке плывут белые лебеди, впрочем, их быстро спугивают лодки. Я вдыхаю всей грудью. Как же хорошо выйти, наконец, из заточения, пусть даже и добровольного, снова чувствовать на лице солнце! Даже не хочется разбираться в этой истории с Анной Стаффорд!

— Вам, конечно, известно, что произошло? — поворачиваюсь я к леди Маргарет.

— Только слухи, — спокойно отвечает она. — Ничего достоверного.

— Отчего его величество так гневается? Он расстроен из-за моего отсутствия, он сердится на меня! Что его гложет? Уж конечно, не интрижка между Анной Стаффорд и Комптоном?

— Король очень привязан к Уильяму Комптону, — мрачно произнесла леди Маргарет. — Он не потерпит, чтобы его оскорбляли.

— На мой взгляд, все выглядит так, что оскорблена совсем другая особа, — замечаю я. — Если замужняя дама выскальзывает из комнаты, чтобы под покровом ночи встретиться с джентльменом, а он при этом не предлагает ей руку и сердце, на мой взгляд, должен найтись кто-то, кто сделает ему внушение, и этот кто-то — разумеется, король. Леди Анна не из тех, кем можно пренебрегать. Следует принять во внимание и ее семью, и семью ее мужа. Разве его величеству не следовало одернуть Комптона?

— Увы, понятия не имею, — развела руками леди Маргарет. — Другие дамы ничего мне не рассказывают. Мрачно молчат.

— Но почему ж, если это обычное дело? Весна, зов юной плоти, и все такое...

Леди Маргарет качает головой:

— Истинно вам говорю, мадам, не знаю!

— И если это, всего лишь, интрижка, отчего вышел из себя Бэкингем? Отчего дошло до ссоры с королем? Почему остальные дамы не посмеиваются над тем, что все вышло наружу? И еще одно... — говорю я и замолкаю. Леди Маргарет ждет. — С какой стати король оплачивает ухаживания Комптона? Плата трубадурам проходит по дворцовому ведомству.

— Зачем королю поощрять этот роман? — хмурится леди Маргарет. — Его величество не мог не знать, что герцог вспылит.

— И Комптон не вышел из фавора?

— Они неразлучны.

И тогда я говорю вслух то, о чем не хочется даже думать:

— А не думаете ли вы, леди Маргарет, что Комптон служил прикрытием, а роман на деле происходил между Анной Стаффорд и королем, моим супругом?

Мрачный вид моей собеседницы подсказывает мне, что я выразила и ее страхи.

— Не знаю, — как всегда честно, отвечает она. — Говорю же, девицы мне ничего не рассказывают, да и я сама никого не спрашивала...

— Потому что думали, что вам не понравятся ответы?

Она кивает. Я медленно разворачиваюсь, и мы в молчании идем вдоль реки.

Направляясь ужинать, Екатерина и Генрих во главе процессии прошли в большой зал и, как обычно, заняли свои места под балдахин с королевской символикой. В тот день в зале присутствовала труппа певцов, прибывшая в Англию из французской столицы. Певцы пели без аккомпанемента, очень точно и на несколько голосов. Это было на редкость красиво. Генрих слушал как замороженный. Когда певцы умолкли, он бурно захлопал и попросил спеть песню еще раз. Улыбаясь от удовольствия, они выполнили просьбу короля, он попросил спеть снова и потом сам исполнил теноровую партию, причем безупречно.

На этот раз захлопали в свой черед певцы и с поклоном попросили короля спеть с ними ту партию, которую он так быстро освоил. Екатерина в своем кресле, наклонясь вперед, улыбалась своему красивому мужу, который распевал чистым молодым голосом, а придворные дамы смотрели на него с открытым восхищением.

Когда заиграла музыка и начались танцы, Екатерина сошла вниз с подиума, на котором стоял королевский стол, и составила пару с Генрихом. Тот, поощряемый ее теплой улыбкой, танцевал в итальянской манере, высоко подпрыгивая и мелко перебирая ногами.

Одна из ее камеристок, склоня голову к тому вельможе, который держал с ней пари, что «королева не узнает», сказала:

— Пожалуй, мои сережки останутся при мне. Он ее провел. Его величество держит ее за простофилю, и теперь каждая из нас вправе рассчитывать на его внимание. Она его не удержит.

Я же дождалась, когда мы останемся одни и он насладится мной с присущей ему жадной радостью, а потом выскользнула из кровати и принесла ему кубок эля.

— А теперь скажи мне правду, Генрих, — просто сказала я. — В чем суть этой ссоры между тобой и Бэкингом? Что за отношения сложились у тебя с его сестрой?

Он отвел взгляд в сторону, и это сказало мне больше всяких слов. Понятно, что собирается лгать. Я слышала, как он рассказывал, что во время маскарада все в масках танцевали и Анна танцевала с Комптоном, и знала, что он лжет.

Оказалось, что это болезненней, чем я ожидала. Мы были женаты почти год — в будущем месяце годовщина, — и все это время он всегда разговаривал со мной, не отводя глаз, глядя на меня со всей своей мальчишеской искренностью. Голос его всегда звучал правдиво. Да, он мог бахвалиться, мог вспылить, как всякий молодой человек, но никогда раньше я не слышала, чтобы он бормотал что-то так неуверенно. Лжет, лжет, это очевидно. Пожалуй, я бы предпочла откровенное признание в неверности этому невинному взгляду и лживым речам.

Терпение мое иссякло.

— Довольно, — сказала я. — Я знаю достаточно, чтобы понимать, что это неправда. Она была твоей любовницей, не так ли? А Комптон — всего лишь ширма!

— Екатерина... — растерялся он.

— Просто скажи мне правду.

У него задрожали губы. Он не в силах был признать, что наделал:

— Я не хотел...

— Я знаю, — печально сказала я. — Я уверена, тебя искушали.

— Тебя так долго не было...

— Я знаю.

Наступила ужасная тишина. Обдумывая этот разговор, я предполагала, что он мне солжет, что я уличу его и произнесу обвинительную речь, выступлю, как королева-воительница в своем праведном гневе. Но вместо гнева меня охватила печаль и чувство, что я потерпела поражение. Если Генрих не смог остаться мне верным, когда я готовилась родить ему ребенка, как сможет он хранить мне верность до смерти? Как сможет блюсти свой брачный обет, если его так легко завлечь? Что же мне делать, что делать женщине, если ее супруг такой глупец, что желает минутных радостей, нарушая обет, данный вечности?

— Дорогой мой супруг, это весьма прискорбно, — грустно говорю я.

— Все дело в том, что меня замучили сомнения. Я подумал, на мгновение, что мы не женаты, — признался он.

— Как это не женаты?! — недоверчиво переспрашиваю я.

— Ну, я подумал, — вскидывает он голову, сверкнув полными слез глазами, — что, раз наш брак недействителен, я ничем не связан...

Я совершенно поражена:

— Наш брак? Почему недействителен?

Он трясет головой. Ему слишком стыдно. Но я настаиваю:

— Почему же?

Он становится на колени перед моей стороной кровати и прячет лицо в простынях.

— Она понравилась мне, и я воспылал к ней желанием, и она сказала мне кое-что, из-за чего меня охватило такое чувство...

— Какое?

— Я подумал...

— О чем?

— Я подумал, была ли ты девственна, когда мы поженились?

Тут настораживаюсь я, как преступник на месте преступления, как убийца, когда труп истекает кровью при виде его.

— К чему ты клонишь?

— Она-то точно была девственница...

— Анна?

— Да. Сэр Джордж бессилен. Это все знают.

— В самом деле?

— Да. Она была девственна. И она вела себя не так... — Он зарывается лицом в простыню, запинаясь в поиске слов. — Не так, как ты. Она кричала от боли. У нее кровь пошла, просто ужас, сколько крови... Она даже не могла продолжить, в тот первый раз. Мне пришлось остановиться. Она плакала, я ее утешал. Она была девственница. Вот как это бывает у девственниц в первый раз. Я стал ее первым мужчиной. Это было очевидно.

Последовало ледяное молчание.

— Она одурачила тебя, — жестко говорю я, одним махом — ради пользы дела! — разрушая и репутацию Анны, и ту нежность, которую испытывает к ней Генрих. Выставляю ее шлюхой, а его — простаком.

— Как?! — поднимает он ошеломленное лицо.

— Ей не было больно. Она притворялась, — обличающе говорю я. — Это старый, известный всем трюк. У нее в руке был пузырь с кровью, она сжала его так, чтобы он порвался. Вот откуда кровь. Я думаю, она с самого начала хныкала и жаловалась, что ей невыносимо больно.

— Да, так и было, — удивленно признал он.

— Она делала это, чтобы вызвать у тебя сочувствие.

— Конечно, я сочувствовал ей!

— Разумеется. Она хотела уверить тебя, что ты лишил ее чистоты, девственности, что теперь ты обязан взять ее под свою защиту.

— Так она и сказала!

— Она поймала тебя в ловушку, — жестко говорю я. — Никакой девственницей она не была, она просто играла роль. А я — да, я была девственницей в нашу первую ночь, и та ночь прошла очень естественно, ненатужно. Ты помнишь?

— Помню, — отвечает он.

— Никаких слез, никакого воя, как у актеров на сцене. Все прошло спокойно, любовно. Помнишь?

— Помню.

— Запомни это. Я была настоящей, подлинной девственницей. Ты был у меня первым мужчиной, я — твоей первой женщиной. Нам не было нужды притворяться и преувеличивать. Так и бывает при настоящей любви, Генрих, запомни. Чтобы больше никто не смог тебя обмануть.

— Но она сказала... — начал он.

— Что она сказала? — бесстрашно перебиваю я, преисполненная уверенности в том, что Анне Стаффорд ни за что не помешать в деле, направляемом объединенными усилиями моей матушки и самого Господа Бога.

— Она сказала, что ты должна была спать с Артуром, — запинаясь он, видя мое побелевшее, яростное лицо. — Должна была...

— Это ложь.

— Ну... не знаю...

— Я говорю тебе, это ложь. Мой брак с Артуром не получил законного завершения. Я пришла к тебе девственницей. Ты был моей первой любовью. Посмеет ли кто-нибудь опровергнуть мои слова, стоя передо мной?

— Нет, — торопливо отвечает он. — Никто не посмеет.

— И стоя перед тобой — тоже.

— Да!

— Посмеет ли кто-нибудь отрицать, что я твоя первая любовь, нетронутая девственница, твоя супруга перед лицом Господа, королева Англии?

— Нет, — снова бормочет он.

— И даже ты не посмеешь!

— И я тоже.

— Это порочит мою честь! И где предел этому скандалу? Ты понимаешь, чем все может закончиться? Чего доброго, еще скажут, что у тебя нет права на трон, потому что, по слухам твоя матушка не была девственна в день своей свадьбы?

У Генриха отвисает челюсть:

— Моя матушка?!

— Говорят, она делила постель со своим дядей, узурпатором Ричардом, — бросаю я прямо ему в лицо. — Только подумай! Говорят еще, что и твоему отцу она принадлежала даже до обручения. Получается, в день своей свадьбы она была дважды бесчестна! И что же? Мы что, позволим людям говорить такое о королеве? Не хочешь ли ты, чтобы тебя низвергли с трона из-за таких сплетен? И меня? И нашего сына?

Он ловит воздух губами, едва справляясь с собой. Он любил свою матушку и никогда не видел в ней женщины.

— Матушка никогда... Она была самая... самая... как это можно!

— Ты видишь? Вот что бывает, если позволить людям перебивать кости тем, кто выше их по положению! — формулирую я закон, который призван меня защитить. — Если ты позволишь кому-либо бросить на меня тень, скандал не остановит. Оскорблена буду я, но угроза висит и над тобой. Оскорбление, нанесенное королеве, подрывает основы трона. Помни об этом, Генрих.

— Но она сказала это! — кричит он. — Она сказала, что нет греха в том, что я лег с ней, потому что я женат не по-настоящему!

— Она солгала, Генрих, — говорю я. — Она притворилась девственницей и опорочила меня.

Он весь красный от гнева. Гневаться для него легче, чем оправдываться и защищаться.

— Вот шлюха! — взрывается он. — Только шлюха могла так обойтись со мной!

— Держи ухо остро, мой милый. Юным дамам нельзя верить, — спокойно говорю я. — Теперь, когда ты король, нужно быть начеку, любовь моя. Они будут бегать за тобой, очаровывать и соблазнять, но ты должен быть мне верен. Я твоя девственная невеста, я твоя первая любовь. Я твоя жена, Генрих! Не покидай меня!

Он сжимает меня в объятиях:

— Прости меня!

— Все, тема закрыта, — торжественно говорю я. — Мы больше никогда об этом не заговорим. Я не потерплю никаких намеков и никому не позволю чернить ни себя, ни твою дорогую мать.

— Да! — как в лихорадке, подхватывает он. — Перед Богом клянусь, мы больше и сами об этом не заговорим, и другим не позволим.

Наутро Генрих и Екатерина, пробудившись, вместе направились отстоять мессу. Екатерина преклонила колени, чтобы исповедаться перед своим духовником. Генрих отметил, что исповедь заняла совсем немного времени. Конечно, какие у Екатерины грехи? От этой мысли ему стало не по себе. Он знал, что она чиста сердцем, совсем как его дорогая матушка. Спрятав лицо в ладонях, он покаянно думал о том, что Екатерина ни разу не сказала лживого слова, ни разу не покривила духом...

На королевскую охоту я выезжаю в красной бархатной амазонке и с намерением показать, что прекрасно себя чувствую, что вернулась в свет, что все будет, как прежде. Мы долго скачем за красивым оленем, который обежал по кругу весь огромный парк, прежде чем гончие загнали его в реку. Генрих сам с хохотом полез в воду, чтобы перерезать ему горло. Речной поток окрашивается кровью, кровь пятнает одежду и руки короля. Я смеюсь вместе со всеми, но от вида крови меня тошнит.

Домой мы возвращаемся медленным шагом. На моем лице застыла улыбка, скрывающая, как я устала, как болят мои бедра, моя спина, мой живот. Леди Маргарет едет рядом, искоса бросая на меня взгляды.

— Сегодня вам лучше отдохнуть, — роняет она.

— Нельзя! — говорю я.

Ей нет нужды спрашивать почему. Сама урожденная принцесса, она знает, что королеве, хочешь не хочешь, следует быть на виду.

— У меня есть история для вас, если вам угодно будет послушать.

— Вы добрый друг, леди Маргарет, — говорю я. — Расскажите. Впрочем, худшее я, по-моему, уже знаю.

— После того как двор остался без королевы, король и молодые придворные по вечерам стали выходить в Сити.

— С охраной?

— Нет, без охраны и переодевшись.

Я подавляю вздох:

— И никто не попытался остановить его величество?

— Милорд Суррей попытался, благослови его Бог. Однако вся затея выглядела как веселая шутка, а вы знаете, король не терпит, когда ему мешают развлекаться.

Я киваю.

— Так вот, однажды они явились ко двору в том виде, в каком ездили в Сити, и притворились лондонскими купцами. Дамы танцевали с ними, это было забавно. Я, впрочем, в тот вечер отсутствовала, была при вас, но на следующий день мне все рассказали. Ну, я в общем-то пропустила мимо ушей. Но очевидно, что один из купцов выделил леди Анну и протанцевал с ней всю ночь.

— Генрих, — шепчу я и сама слышу, с какой горечью это звучит.

— Да, но все остальные подумали, что это Уильям Комптон. Они с королем примерно одного роста, оба были с наклеенными бородками и в шляпах. Вы же знаете, как это бывает.

— Да уж, — вздыхаю я.

— Очевидно, они договорились о встрече, и, когда герцог думал, что его сестра вечерами сидит при вас, она встречалась с его величеством. А уж когда выяснилось, что она отсутствовала всю ночь, оскорбилась ее сестра. Элизабет отправилась к брату и предупредила его. Дело дошло до ее супруга, все они, объединив силы, напали на леди Анну, и тогда она назвала имя Комптона. Но в тот вечер, о котором шла речь, Бэкингом был в одной компании с Комптоном, и тогда ему стало ясно, что с его сестрой был король.

Я качаю головой.

— Мне так жаль, дорогая моя, — мягко говорит леди Маргарет. — Что тут скажешь? Король молод! Я уверена, что так проявляется его тщеславие и легкомыслие.

Я молча киваю, думая об Анне, которая кричит от боли, когда рвется ее плева. Моя лошадь нервно дергает головой: я слишком натянула удила.

— А что, ее муж, сэра Джордж, и впрямь не мужчина? Она и впрямь была девственницей?

— Судя по слухам, да, — сухо говорит леди Маргарет. — Но кто может сказать, что делается в спальнях?

— Ну, что делалось в спальне короля, мы знаем, — шиплю я. — Они не слишком таились.

— Такова жизнь! Когда вы удалились от света, вполне естественно, что его величеству понадобилась любовница...

Я снова киваю. Это суровая правда. Удивляет меня только то, что я так оскорблена!

— Герцогу, должно быть, крайне неприятно, — замечаю я, думая о достойном вельможе, который помог Тюдорам взойти на престол.

— Да, — подтверждает леди Маргарет с ноткой неуверенности в голосе, которая подсказывает мне, что есть еще что-то и она не уверена, что мне следует об этом знать.

— Что, леди Маргарет? Я слишком хорошо вас знаю, чтобы не понять, что это еще не все...

— Речь о том, что Элизабет сказала одной из девушек перед тем, как уехать.

— И?..

— Элизабет сказала, что, по мнению ее сестры, это отнюдь не мимолетный роман, который продлится, только пока вы рождаете, а потом благополучно забудется.

— А что же это, любопытно?

— Она считает, что у ее сестры высокие амбиции.

— На какой счет?

— Насчет прочной привязанности короля.

— Ну, разве что на сезон...

— Нет, дольше. Он говорил о любви. Говорил, что будет принадлежать ей до самой смерти. — Она видит, как искажается мое лицо, и замолкает. — Простите меня. Мне не следовало этого говорить.

Я вяло машу рукой.

— Так в чем там ее амбиции?

— Возможно, она думает, что, учитывая положение ее семьи и привязанность, которая сложилась между нею и его величеством, может стать первой фавориткой при английском дворе.

— Интересно. А как же я?

— Возможно, она рассчитывает, что со временем он отвернется от вас ради нее.

— Ну да. И если бы я умерла в родах, она могла бы аннулировать свой неудавшийся брак и выйти замуж за короля?

— Ну, это предел мечтаний! А ведь случались истории и более странные. Елизавета Вудвилль^[17] взошла на английский трон только благодаря своей внешности.

— А ведь Анна была моей камеристкой! Я сама ее выбрала! Я думала, она питает ко мне склонность...

Леди Маргарет качает головой.

— Женщины всегда соперницы, — просто говорит она. — Но до последних пор все думали, что король видит только вас. Теперь же стало ясно, что это не так. В стране нет ни одной хорошенькой девушки, которая не мечтала бы о короне.

— Но это моя корона!

— Но они все-таки надеются. Такова жизнь!

— Сначала пусть дождутся моей смерти!

А между тем охотники, дамы и кавалеры гарцуют, смеются, флиртуют. Генрих едет между принцессой Марией и одной из дам ее свиты. Это новенькая при дворе, юная, хорошенькая. Девственница, без сомнения, еще одна хорошенькая девственница.

— И кто из них будет следующей? — горько говорю я. — Когда в следующий раз я удалюсь рожать и не смогу следить за ним, словно коршун? Кто это будет? Девица Перси? Или Сеймур? Говард? Невилл? Кто из них попытается заменить меня в королевской постели?

— Некоторые из ваших дам вас очень любят.

— А некоторые попытаются использовать свое место, чтобы подобраться к королю! Теперь, когда все видели, как это делается, они будут ждать своего шанса! И одной из них хватит ума вскружить голову моему супругу. Он так юн и тщеславен, что это не так уж сложно.

Серые глаза леди Маргарет смотрят на меня с трезвой печалью.

— Возможно, вы правы, но, на мой взгляд, тут ничего не поделаешь.

— В том-то и дело, — вздыхаю я.

— У меня есть новость, — говорит Екатерина.

Они с Генрихом распахнули окна, чтобы впустить в спальню прохладный ночной воздух. Ночь была майская, теплая, и Генрих на этот раз предпочел лечь пораньше.

— Поделись, — сказал он. — Моя лошадь сегодня охромела, и я не смогу сесть на нее завтра. Хорошая новость мне не повредит.

— Похоже, я понесла.

Он подпрыгнул в кровати:

— Правда?

— Я так думаю, — улыбнулась она.

— Хвала Господу! Я пешком пойду в Вальсингам, как только ты родишь мне сына! На коленях поползу! Я пожертвую Божьей Матери жемчуга!

— Святая Дева и впрямь к нам благосклонна.

— И теперь все узнают, как я плодовит! Ты вышла из уединения в начале мая и к концу мая уже беременна! Это ли не чудо! Это докажет всем, какой я муж!

— Истинно так, — сухо кивнула она.

— А не слишком ли рано для полной уверенности?

— У меня не было месячных, а по утрам тошнит. Говорят, это верный признак.

— И на сей раз нет ошибки? — бестактно спросил он. — Ты точно знаешь?

— Насколько это возможно.

— О, счастье! Значит, летом мы будем путешествовать медленно. Охота тебе запрещена. Часть пути пройдем по воде, на веслах.

— Если ты не возражаешь, — сказала она, — я бы лучше совсем не путешествовала. Мне хочется пожить спокойно. Даже в носилках не буду никуда выезжать.

— Ну а я объеду страну, как обычно, а потом вернусь домой, к тебе. Ах, какой мы праздник устроим, когда родится дитя! Кстати, когда это будет?

— После Рождества, — ответила Екатерина. — В новом году.

Весна 1511 года

Я как в воду глядела и без всяких маврских календарей точно предсказала срок рождения младенца. Рождество мы отпраздновали в Ричмонде. Весь двор радовался моему счастью. Дитя было крупное и толкалось так, что Генрих то и дело прижимал руку к моему животу и сиял от удовольствия, ощущая его толчки. Не было сомнений, что плод живой, сильный и бойкий. Сидя на заседаниях Королевского совета, я порой замирала от удивительного ощущения иного тела, движущегося внутри меня, и те члены Совета, что постарше, посмеивались, на меня глядя, вспоминая такое же выражение на лицах своих жен, когда те были брюхаты, и радуясь, что у Англии и Испании появится, наконец, наследник.

Я молюсь о мальчике, но не жду, что мои молитвы исполнятся. Дитя для Англии, дитя для Артура, любого пола дитя — это было важнее всего. Если будет дочь, о которой мечтал Артур, то я назову ее Марией. Он так хотел.

Генрих, который, конечно, хотел сына, наконец-то стал более внимательным. Он заботится обо мне так, как никогда раньше. Надеюсь, он, наконец, повзрослел, и страх, который преследует меня со времен его интрижки с Анной Стаффорд, отступает. Может, он и впредь станет заводить любовниц, как всякий иной король, но теплится надежда, что отныне обойдется без признаний в любви и безумных обещаний, которые король давать не вправе. Теплится надежда, что он усвоил простую истину, доступную множеству мужчин: можно срывать цветы наслаждения, оставаясь в сердце своем верным жене. Конечно, если он продолжит в таком духе, как сейчас, из него получится хороший отец. Я представляю, как он учит нашего сына ездить верхом, охотиться, танцевать и фехтовать. В том, что касается спортивных игр и развлечений, лучше Генриха никого не найти. В этом смысле даже Артуру с ним не сравниться. Обучение же нашего сына наукам, христианское воспитание, привитие навыков придворной жизни и умения править страной — все это ляжет на меня. От моей матери он возьмет мужество, от моего отца — дипломатические способности, а от меня — упорство и постоянство.

Я верю, что мы с Генрихом объединенными усилиями сможем вырастить принца, который оставит свой след в истории Европы и убережет Англию от мавров, французов, шотландцев — от всех наших врагов.

Как положено, я снова отправлюсь в предродовое уединение, но на этот раз сделаю это как можно позже. Генрих клянется, что будет мне верен, что он мой целиком, душой и телом. Я дотягиваю до самого праздника, выпиваю со своей свитой вина с пряностями, желаю всем веселого Рождества — они же в ответ желают мне благополучно разрешиться от бремени — и только тогда удаляюсь в свою опочивальню.

Сказать по правде, мне ничуть не жаль пропустить праздника с их танцами и обильными возлияниями. Я устала, это дитя носить нелегко. Встаю и ложусь с солнцем, просыпаюсь не раньше девяти утра и укладываюсь в пять пополудни. Много молюсь о легких родах и о здоровье ребенка, который бьется в моей утробе.

Генрих навещает меня почти каждый день. Королевская книга диктует королеве перед родами абсолютную изоляцию, но Королевскую книгу писала бабушка Генриха, так что я смею предложить, чтобы мы поступали, как сочтем нужным. Не хватало еще, чтобы она командовала мною из гроба! А кроме того, если говорить прямо, я не хочу надолго оставлять Генриха без присмотра. В канун Нового года он ужинает со мной, прежде чем отправиться на пир, и приносит мне рубины в подарок, огромные, как те, что привез когда-то из странствий Христофор Колумб. Я прикладываю ожерелье к своей пухлой, белой груди и с удовольствием замечаю, как туманится желанием взгляд моего молодого супруга.

— Теперь уже недолго, — с улыбкой говорю я, намекая, что знаю, о чем он думает.

— Родишь, я отправлюсь в Вальсингам, а когда вернусь, устроим крестины.

— А потом, полагаю, ты захочешь еще одного ребенка! — с наигранно утомленным видом шучу я.

— Еще бы! — хохочет он.

Он целует меня на ночь, желает счастливого Нового года, потайной дверцей уходит в свои комнаты, а оттуда — на пир. Я велю принести мне горячей воды, которую продолжаю пить по совету мавра,

а потом сажусь перед камином и шью крошечное платьице для моего малыша, а Мария де Салинас между тем читает мне вслух по-испански.

Внезапно мой живот будто переворачивается, а сама я стремительно лечу с огромной высоты. Боль такая ужасная, до того непохожая на то, что я испытывала раньше, что шитье валится у меня из рук, я цепляюсь за ручки кресла и вскрикиваю, не в силах вымолвить слово. Сразу ясно, что начались роды. А я-то боялась, что не сумею понять, когда это начнется. Меня переполняет радость и священный ужас. Я знаю, что дитя просится наружу, что я молода и что все будет прекрасно.

Тут же поднимается суматоха. Миледи матушка короля в своей Королевской книге постановила, чтобы роды проходили строго по расписанию, размеренно и спокойно. К примеру, для ребенка должна быть приготовлена колыбель, а для роженицы две кровати: одна — чтобы в ней рожать, а вторая — чтобы потом отдыхать. Однако в реальной жизни сразу начинается беготня, шум, все бегают, как заполошные куры в загоне. Срочно вызвали повитух, которые отправились праздновать Новый год, держа меж собой пари, что не понадобятся в канун Нового года. Одна из них успела хорошенько выпить, и Мария прогоняет ее из комнаты, пока она что-нибудь не разбила. Лекаря никак не удается найти, и по всему дворцу бегают пажи, пытаясь его отыскать.

Полное спокойствие духа сохраняют только трое: леди Маргарет Пол, Мария де Салинас и я. Мария — потому что она спокойна по природе, леди Маргарет — потому что полна уверенности в благополучном исходе, а я — потому что чувствую: ничто не остановит этого ребенка от появления на свет, так что можно держать веревку в одной руке, реликварий Святой Девы — в другой, остановить взгляд на маленьком алтаре, устроенном в углу комнаты, и молить святую Маргариту Антиохийскую о скором разрешении от бремени и здоровом младенце.

Трудно поверить, но мы управились меньше чем за шесть часов — хотя один из этих часов, мне показалось, длился по меньшей мере с день, — затем что-то хлынуло, выскользнуло, и повитуха пробормотала себе под нос: «Хвала Господу!» А потом раздался

громкий сердитый плач, почти вопль, и я поняла — это голос моего младенца.

— Мальчик, слава Богу, мальчик! — провозглашает повитуха.

— Правда? — не верю я. — Покажите!

Они перерезали пуповину и показали его мне, все еще голенького, еще окровавленного, с маленьким, разверстым в крике ртом, зажмуренными в гневе глазами. Сын Генриха.

— Мой сын, — шепчу я.

— Сын Англии, — говорит повитуха. — Благослови его Бог!

Я наклоняюсь лицом к его теплой, еще липкой головке и обнюхиваю его, как кошка обнюхивает своих котят.

— Это наш мальчик, — шепчу я Артуру, который сейчас так близок ко мне, словно вплотную стоит за спиной и смотрит через мое плечо на это маленькое чудо, а оно поворачивает головку и слепо тыкается мне в грудь. — Артур, любовь моя, это мальчик, которого я обещала тебе и Англии. Это наш сын, и он будет королем.

1 января 1512 года

Вся Англия возликовала, когда разнесся слух, что в новогоднюю ночь родился мальчик. Его сразу назвали принцем Генрихом, об ином имени нечего было и думать. На городских улицах жгли костры, жарили быков и напивались до беспамятства. В селах били в колокола и вскрывали бочки с церковным вином, чтобы выпить за здоровье наследника Тюдоров, мальчика, который сохранит в Англии мир, укрепит союз с Испанией, защитит наши границы от всех врагов и победит шотландцев сразу и навсегда.

Нарушив все правила, на цыпочках Генрих явился посмотреть на своего сына. Нагнулся над колыбелью, боясь дышать.

— Какой маленький! Как это возможно — быть таким крошечным?

— Повитуха говорит, он крупный и сильный! — бросилась на защиту малыша Екатерина.

— Конечно, ей видней... Но посмотри, какие у него пальчики! И ногти! Ты видела? У него ногти!

— И на ножках тоже, — гордо сообщила молодая мать. Они стояли бок о бок и дивились на чудо, которое сотворили. — У него пухлые ножки с невероятно маленькими пальчиками.

— Покажи, — сказал он.

Она нежно стянула крошечные шелковые пинетки с ног младенца.

— Вот. Посмотрел? А теперь я надену их снова, пока он не простудился.

Генрих осторожно коснулся крошечной ножки.

— Мой сын, — благоговейно сказал он. — Благодарение Господу, у нас сын!

Я лежу в кровати, как велела миледи Бофор в своей Королевской книге, и принимаю гостей. Приходится скрывать улыбку, когда я вспоминаю, как рожала меня матушка: во время военной кампании, в палатке, как солдатская девка. Но в Англии так не принято, а я теперь английская королева, а мое дитя в свой час станет королем Англии.

Никогда в жизни не знала я такой чистой радости. Задремав, я просыпаюсь с сердцем полным восторга и даже не сразу могу сказать, что тому причиной, а потом вспоминаю: у меня сын! И тогда я

улыбаюсь, поворачиваю голову, и та, что сидит рядом, отвечает на мой вопрос прежде, чем я успеваю его задать:

— Да-да, дитя здорово, ваше величество.

Генрих очень заботлив, раз двадцать на дню заходит нас навестить и рассказать о том, какие он сделал распоряжения. У малыша теперь свита человек в сорок, не меньше, и ему уже выделены апартаменты в Вестминстерском дворце — там он будет жить, когда вырастет настолько, что сможет заниматься государственными делами. Я улыбаюсь, но ничего не говорю. Еще Генрих готовит самые торжественные крестины за всю историю Англии. Все самое лучшее для будущего Генриха IX! Порой, сидя в постели, вся обложенная подушками, я вовсе не пишу письма, как все думают, а рисую его монограммы. Генрих IX, король Англии.

Опекунов для него выбирают самым вдумчивым образом. Это дочь императора, Маргарита Австрийская, и король Франции Людовик XII. Таким образом, наш маленький Тюдор уже служит Англии: развеивает подозрения, которые испытывает к нам Франция, и укрепляет наш союз с Габсбургами.

Его крестными станут архиепископ Уорхэм, мой дорогой друг Томас Говард, граф Суррей, и графиня Девонская. Леди Маргарет возьмет на себя заботу о детских комнатах в Ричмонде. Ричмонд — самый новый и самый чистый дворец в окрестностях Лондона, и где бы ни находился двор — в Уайтхолле, Гринвиче или Вестминстере, — мне всегда будет легко приехать к сыну.

Конечно, мысль о том, что придется оставить его, мне невыносима, но за городом ему лучше, чем в Сити. А потом, я буду приезжать к нему не меньше раза в неделю, Генрих мне это обещал.

Генрих отправился к святилищу Богоматери Вальсингамской, как обещал, и Екатерина поручила ему передать монахиням, что приедет сама, когда будет носить следующее дитя, чтобы возблагодарить за благополучное рождение первенца и помолиться о том же для второго. И впредь, всякий раз, когда забеременеет, она будет приезжать в Вальсингам и надеется, что будет навещать их часто. Еще она дала ему тяжелый кошель с золотом:

— Попроси их молиться за меня!

— Молиться за королеву Англии — их долг, — заметил Генрих, принимая кошель.

— Напомнить будет не лишне...

Когда Генрих вернулся, началась подготовка к праздничному турниру, который по своей пышности должен был превзойти все турниры, какие только знала Англия. Еще перед отъездом специально по этому случаю король заказал новые доспехи; по просьбе Екатерины ее любимец Эдуард Говард, младший сын Томаса Говарда, проследил за тем, чтобы доспехи были стройному молодому королю впору и чтобы работа была образцовая. Екатерина повелела всюду развесить знамена и гобелены и изготовить веселые маски. Все сверкало золотом: стяги и занавеси из золотистой ткани, золотые блюда и чаши, золотые рукоятки к пикам и копьям, тисненные золотом щиты, даже упряжь королевского коня и та была позолочена.

— Красивый получится турнир! — заметил королеве Эдуард. — Английское рыцарство и испанская элегантность!

— У нас есть повод для великого праздника, — улыбнулась она.

Я знала, что декор получился самый впечатляющий, но даже у меня перехватило дыхание, когда король выехал на турнирную арену. Дальше дело было за девизом, который он, как всякий участник турнира, для себя выбрал и тайл от меня в секрете. Я знать не знала, какой девиз это будет, пока Генрих не подъехал к королевской ложе мне поклониться. Тут заиграли трубы, развернулось знамя зеленого тюдоровского шелка, и герольд возвестил рыцарский титул короля, избранный им для этого соревнования: «Сэр Верное Сердце!»

Я встаю на ноги и сжимаю руки перед лицом, чтобы скрыть, как дрожат у меня губы. Глаза мои полны слез. Назвав себя Верным Сердцем, он перед всем миром провозгласил о восстановлении наших отношений, о том, что он любит меня и предан мне. Свита отступает назад, чтобы я в полной мере оценила полог, который он приказал повесить над королевской ложей. Полог сплошь расшит маленькими золотыми эмблемами, на которых переплетены наши инициалы, «Г» и «К». Куда бы я ни взглянула, на каждом стяге, по углам затягивающей арену зеленой ткани, на каждом шесте — буквы «Г» и «К». Он воспользовался турниром, дабы сообщить миру, что он мой, что сердце его принадлежит мне и что это верное сердце.

Охваченная чувством триумфа, я оглядываю свою свиту, самых хорошеньких девушек из лучших семей Англии, про которых знаю, что каждая хотела бы оказаться на моем месте. Если повезет, если удастся соблазнить короля, если я умру и трон мой станет свободен...

Однако все — и избранный королем девиз, и сплетенные вместе золотые инициалы, и крик герольда — говорит им: «Нет!» Воля Господа, упорство моей матушки, слово, данное мною Артуру, и судьба Англии привели меня к сегодняшнему торжеству: в колыбели лежит мой сын, английский наследник, а король Англии во всеуслышание заявил о своей любви ко мне!

Я прикасаюсь концами пальцев к губам и посылаю поцелуй мужу. Его забрало поднято, голубые глаза сверкают. Его любовь согревает меня, как горячее солнце моего детства. И впрямь на мне печать благословения Господня. Я пережила вдовство, отчаяние и потерю Артура. Ухаживания старого короля не соблазнили меня, его враждебность не сломила, ненависть его матери не погубила. Любовь Генриха чрезвычайно приятна, но не в ней мое спасение. Мое спасение во мне самой. По воле Господа я сама, своими силами вышла из тьмы нищеты и отчаяния к блеску и свету. Я сама сделала себя женщиной, которая смело смотрит в лицо жизни и смерти и справляется и с той и с другой.

Помню, однажды, когда я была маленькой, моя матушка молилась перед битвой, а помолясь, поднялась с колен, поцеловала крестик слоновой кости и сделала знак придворной даме, чтобы та принесла ей доспехи. Я подбежала к матушке и попросила ее не идти на бой. Зачем ей скакать туда, если Господь нас любит? Если на нас Его благословение, зачем нам воевать? Разве Он не может просто прогнать мавров прочь?

— На мне печать Господа, потому что я избрана совершать за Него Его работу. — Она опустила на колени и обняла меня. — Ты хочешь спросить, почему не предоставить Господу самому метать молнии в гадких мавров?

Я покивала головой.

— Я и есть эта молния, — с улыбкой сказала мне матушка. — Я и есть та Господня гроза, которая гонит их прочь. Сегодня Он выбрал не грозу. Он выбрал меня. И ни я, ни черные грозовые облака не вправе Его послушаться.

Я машу Генриху платком, и он, опустив забрало, поворачивает коня. Теперь мне ясно, о чем говорила матушка, когда сравнивала себя с грозой. Господь избрал меня, чтобы я стала солнцем Англии. Мой долг — принести Англии счастье, процветание и безопасность, и я выполняю его, направляя короля к верному выбору, обеспечивая престолонаследие, защищая пределы страны. Я королева Англии, избранная Господом, улыбаюсь Генриху, в то время как его огромный черный конь медленно трусит к краю арены, улыбаюсь жителям Лондона, которые кричат: «Благослови Бог королеву Екатерину!», улыбаюсь сама себе, потому что действую по воле Господа и моей матушки и Артур ждет меня на небесах.

Десять дней спустя, когда я, королева Екатерина, была на седьмом небе от счастья, мне принесли весть, хуже которой я ничего в жизни своей не слышала.

Хуже, чем смерть моего супруга Артура. Я подумать не могла, что бывает что-то страшнее. Оказалось, бывает. Это несравненно хуже, чем годы моего вдовства и ожидания. Хуже, чем пришедшее из Испании известие о кончине моей матушки. Это хуже всего.

Умер мой сын.

Я потеряла всякое ощущение реальности, все плывет перед глазами. Наверно, Генрих рядом, и Мария, и леди Маргарет, но я их не вижу. Я ухажу к себе в комнату и велю закрыть ставни, запереть двери. Но уже поздно запирается — самая страшная весть провозглашена, и за дверь от нее не укрыться.

Я не выношу света. Не выношу звуков повседневной жизни, текущей рядом. Я слышу, как смеется паж в саду за моим окном, и не понимаю, как может кто-то смеяться, когда моего сыночка больше нет.

Мужество, которое поддерживало меня всю мою жизнь, оборотилось в тонкую нить, паутину, в ничто. Моя сияющая уверенность в том, что я иду путем, проторенным мне Господом, и что Он мне помощник, нынче кажется детской сказкой. Во тьме моей комнаты я погружаюсь в пучину отчаяния, которую моя мать познала, потеряв своего сына, и которой не смогла избежать Хуана, утратив обожаемого супруга. Это проклятие моей бабки, черной кровью текущее в венах женщин нашей семьи. Я такая же, как они. Оказалось, я ошибалась, я совсем не та женщина, что готова перенести любую

потерю. Просто дело в том, что доньше я не теряла никого, кто был дороже мне, чем сама жизнь. Когда умер Артур, сердце мое разбилось. Но теперь, когда умерло мое дитя, я хочу, чтобы оно перестало биться.

Зачем продолжать жить, если у меня отняли мое невинное, безгрешное дитя? И почему, почему его отняли?! Как Господь мог такое допустить? В тот момент, когда мне сказали: «Мужайтесь, ваше величество, с принцем беда», — я утратила веру в Бога.

У него были голубые глаза и крошечные, совершенно как настоящие, ручки с ноготками-раковинками. А ножки... его маленькие ножки...

Леди Маргарет Пол, которой было поручено командовать детской, вошла к королеве без стука, без приглашения. Вошла и опустилась на колени перед Екатериной, которая, ничего не видя, не слыша, сидела у огня, окруженная камеристками.

— Я пришла молить прощения у вашего величества, хотя не сделала никакой ошибки, — ровным голосом произнесла она.

Екатерина подняла голову:

— Что такое?

— Ваше дитя умерло, порученное моему попечению. Я пришла умолять прощения. Клянусь вам, я не допустила оплошностей. Но ребенка нет. Принцесса, я глубоко сожалею.

— Вы всегда рядом, — спокойно, но с неприязнью отозвалась Екатерина. — В самые страшные моменты моей жизни.

Леди Пол отшатнулась:

— Поверьте, не по моей воле.

— И не зовите меня принцессой.

— Простите, ваше величество, я забылась.

И тут, впервые с черного дня, Екатерина выпрямилась в кресле и посмотрела в лицо другого человека, увидела глаза своей испытанной подруги, новые морщинки вокруг ее рта и поняла, что утрата сына — это не только ее личное горе.

— Боже мой, Маргарет! — воскликнула она и упала в ее объятия.

— Екатерина! — прижав королеву к себе, выдохнула леди Пол.

— Как мы могли его потерять?

— На все воля Господа. Придется принять это. Придется смириться.

— Но почему?!

— Кто же знает, принцесса, почему одного казнят, а другого милуют? Вы же помните...

И по дрожи, пробежавшей по телу королевы, леди Маргарет поняла, что, конечно, та помнит.

— Никогда не забываю. Ни на день. Но почему?!

— Воля Господа, — повторила леди Маргарет.

— Я этого не перенесу, — тихо-тихо прошептала Екатерина, чтобы другие не слышали, и подняла залитое слезами лицо с плеча подруги.

— Ах, Екатерина! Вынесешь. Научишься выносить, — с бесконечным терпением сказала леди Пол. — Другого не остается. Можно гневаться на судьбу или заливаться слезами, но, в конце концов, приходится все выносить.

Екатерина медленно вернулась в свое кресло. Леди Маргарет с естественной грацией осталась на коленях, не выпуская рук королевы.

— Вам наново придется учить меня мужеству, — шепнула Екатерина.

— Нет нужды, — покачала головой подруга. — Этому учишься только один раз. Вы уже научились, тогда, в Ладлоу. Вы не из тех женщин, которые ломаются под гнетом скорби. Вы будете скорбеть и продолжать жить, вы снова вернетесь в мир. Будете любить. У вас будет другое дитя, это дитя выживет, и вы научитесь быть счастливой.

— Не верю, — горестно произнесла Екатерина.

— Однако так оно и будет.

Та битва, которой Екатерина ждала всю свою жизнь, произошла, когда она не отошла еще от смерти сына.

От короля Фердинанда пришло письмо.

«Мне выпало возглавить поход против мавров Африки, — писал он. — Само их существование опасно христианству, их набеги угрожают всему Средиземноморью и препятствуют судам, идущим из Греции в Атлантику. Пришли мне своих лучших рыцарей, сын мой, — ты ведь писал мне, что у вас там новый Камелот. Под началом самых храбрых

своих полководцев пришли мне самых стойких своих воинов, я поведу их в Африку, и мы, христианские короли, уничтожим королевства неверных».

Усталая, безучастная, она как раз закончила расшифровку письма, когда с теннисного корта пришел Генрих. Он расплылся в улыбке, увидев ее, и тут же его радостное лицо исказилось гримасой вины, как у мальчика, пойманного за запретной забавой. В это предательское мгновение Екатерина поняла: он забыл, что их сын умер. Играл в теннис, выиграл, надо полагать, потом увидел жену, которую еще любил... короче говоря, был вполне счастлив. Радость давалась мужчинам из его семьи так же легко, как печаль — женщинам из ее рода. Сердце ее вдруг сжалось от ненависти, столь сильной, что во рту разлилась горечь. Он способен забыть, пусть даже на мгновение, что их дитя умерло! Сама она этого никогда не забудет. Никогда.

— Пришло письмо от моего отца, — сообщила она, сделав усилие, чтобы голос ее звучал поживее.

— Да? — С очевидной нежностью король взял ее за руку, и она стиснула зубы, чтобы не закричать: «Не прикасайся ко мне!» — С выражениями сочувствия? Утешениями?

Вопиющая неуместность всего, что он сейчас делал и говорил, казалась невыносимой, но Екатерина взяла себя в руки:

— Нет, это не частное письмо. Ты же знаешь, он редко пишет мне отцовские письма. Это известие о том, что предстоит Крестовый поход. Он приглашает наше дворянство собрать полки и пойти с ним на мавров.

— Правда? В самом деле! Вот удача!

— Но не для тебя, — сказала Екатерина, не принимая идеи, что он пойдет на войну, когда у них нет сына. — Это всего лишь военная вылазка. Однако отцу пригодятся английские воины, и, на мой взгляд, их следует послать.

— Еще бы они ему негодились! — хмыкнул Генрих и повернулся к своим друзьям, которые толпились поодаль, как напроказившие школьники.

Молодым людям печальная королева была неприятна. Куда больше она нравилась им, когда была королевой турнира, а Генрих был

ее рыцарем Верное Сердце.

— Эй! Кто-нибудь хочет на войну с маврами?

Ответом ему был восторженный вопль. Сущие щенки, устало подумала Екатерина. — Я пойду!

— И я!

— Что ж, покажете им, как умеют воевать англичане! — рассмеялся Генрих. — Расходы я беру на себя!

— Значит, я сообщу отцу, что у нас есть горячие добровольцы, — негромко произнесла Екатерина. — Сейчас же пойду и напишу.

Развернувшись и быстрым шагом направилась к лесенке, которая вела в ее апартаменты. Еще одна минута в компании этой молодежи — и она разрыдается. Эти юноши могли бы учить ее сына скакать верхом. Стали бы его советниками, его государственными мужами. Были бы его восприемниками при первом причастии, свидетелями его обручения, крестниками его сыновей. И что же? Все они здесь, смеются, собираются на войну, соперничают, ища похвалы Генриха, как будто ее сына совсем не было, как будто он не умер. Как будто мир не изменился, но Екатерина-то знала, что он уже никогда не будет прежним...

У него были голубые глаза. И крошечные настоящие пальчики.

В итоге этот Крестовый поход так и не состоялся. Английские рыцари прибыли в Кадис, но армада в Святую землю не отплыла, с неверными не сразилась. Оживленно велась переписка. Екатерина переводила супругу письма, в которых король Фердинанд пояснял, что еще не собрал войска, не готов вступить в войну, но однажды в июне пришло очередное послание, и она вошла в кабинет мужа с непривычно взволнованным лицом.

— Отец сообщает нам крайне неприятную новость!

— Что такое? Взгляни-ка, я сам только что получил письмо от английского купца, торгующего в Италии, и ничего не могу понять! Он пишет, что французы находятся в состоянии войны с Папой! — Генрих протянул ей письмо. — Как это возможно?!

— Так и есть. Отец это подтверждает. Он пишет, что Папа потребовал вывода французского войска из Италии и выставил свою папскую армию против французов. Король Людовик объявил в ответ, что Папа ему больше не Папа.

— Да как он посмел? — поразился Генрих.

— Отец пишет, что о Крестовом походе придется пока забыть — нужно помочь Папе. Короля Людовика нельзя допускать в Рим.

— Он, должно быть, спятил, когда решил, что я позволю французам взять Рим! Он что, забыл силу английской армии? Ему что, нужен еще один Азенкур?

— Должна ли я написать отцу, что мы заодно с ним против Франции? Я могу сделать это сейчас же.

Схватив руку жены, он прижал ее к губам. На этот раз Екатерина не отстранилась, как делала все последнее время, и король, притянув ее к себе, обнял за талию.

— Я пойду с тобой и буду смотреть, как ты пишешь, а потом мы поставим рядом две наши подписи, — сказал он. — Пусть твой отец знает, что его испанская дочь и его английский сын всецело его поддерживают. — И добавил: — Благодарение Богу, наши полки уже в Кадисе!

— Да, это... это удачно, — подумав, согласилась Екатерина. — Знаешь, я думаю, мой отец наверняка извлечет какую-нибудь выгоду для Испании из этого обстоятельства, — сказала она, когда они шли в ее комнаты, причем Генрих старался приноровиться к ее шагам. — Он никогда не делает ничего просто так.

— Уж это точно! — хмыкнул Генрих. — Но ты, как всегда, подумаешь о наших интересах. Я доверяю тебе, любовь моя. И ему доверяю. Разве он не единственный отец, который у меня остался?

Мало-помалу, по мере того как отогревалась весенним солнцем земля, я тоже оттаивала. Смириться со смертью сына, конечно, я не могла — и никогда не смирюсь, — но я стала осознавать, что винить в его смерти некого. Он умер в тепле, любви и заботе, как птичка в гнезде, и приходится признать, что мы никогда не поймем, почему это случилось.

Чудовищная боль от потери сына, кажется, растворяется с уходом холодной и мрачной английской зимы. Однажды утром явился шут, сморозил какую-то глупость, и я рассмеялась, и с тем смехом будто бы распахнулась в свет, в жизнь, запертая раньше дверь. Я поняла, что способна смеяться, что могу быть счастлива, что ко мне вернулись чувство юмора и надежда. Даст Бог, я еще рожу другого ребенка и буду любить его с той же всепоглощающей нежностью.

Моя вера в Бога крепка и неизменна, как прежде. Пошатнулась лишь вера в непогрешимость отца и матушки.

Я вспоминаю, как добр был ко мне лекарь-мавр, и не могу не пересмотреть своего отношения к его народу. Никто, кто видел своего врага в таком жалком положении, в каком находилась тогда я, и при этом отнесся к врагу с глубоким и искренним сочувствием, не может назваться варваром. Конечно, он закоренелый еретик, но у него наверняка есть основательные причины придерживаться своих убеждений. И просто необходимо дать ему право верить в то, во что он верит.

Мне б хотелось послать к нему хорошего священника, чтобы тот поборолся за его душу, но сказать, как сказала бы матушка, что он духовно мертв и пригоден только для смерти, я не могу. Он держал меня за руки, когда сообщал свой приговор, и в его глазах я видела нежность, такую же, как у Святой Девы. Я больше не могу считать всех мавров врагами, как раньше. Приходится признать, что они люди, как мы, мужчины и женщины, разные, грешные, верные своей вере так же, как мы — своей.

И это заставляет меня сомневаться в мудрости матушки.

Много лет я провела, вдовая и нищая, потому что законники матушки неправильно составили свадебный контракт. Я была брошена одна-одинешенька в чужой стране, и, хотя матушка и звала меня домой, делала это только для виду. Я была не нужна ей в Испании. Она ожесточила ко мне свое сердце и отпустила меня, свою дочь, на волю судьбы.

И наконец, мне пришлось тайно искать хорошего лекаря и принимать его тайно, потому что по ее слову и при ее участии самые ученые люди были изгнаны из христианских стран. Их мудрость она назвала грехом, и остальная Европа последовала ее примеру. Она изгнала из Испании евреев, обладающих мужеством и многими умениями, и мавров со всей их мудростью и дарованиями. Восхищаясь ученостью, она изгнала тех, кого называли людьми Книги. Борясь за справедливость, она вершила беззаконие.

Пока я еще не знаю, куда приведут меня мои размышления. Матушка умерла, поговорить с ней я могу только в своем воображении. Но я знаю, что сама я глубоко изменилась за прошедшие месяцы. Я пришла к выводу, что понимаю мир не так, как она. Я не

буду поддерживать Крестовые походы против мавров и против любых иных врагов. Я не буду поддерживать гонений и любых проявлений жестокости к людям на основании цвета их кожи или верований. Я знаю, что моя матушка не безупречна, и больше не верю, что Господь и она — одно. Конечно, я вспоминаю о ней с любовью, но более не боготворю. Судя по всему, я, наконец, выросла.

Понемногу королева, отойдя от своего горя, начала проявлять интерес к деятельности королевского двора и делам государства. Лондон в те дни как раз обсуждал действия шотландского капера, который атаковал суда английских купцов. Имя капитана капера было на слуху у всех. То был некий Эндрю Бартон, он плавал с верительными письмами короля Якова, не знал милосердия к английским судам, и в лондонских доках поговаривали, что король Яков нарочно выдал Бартону лицензию на судовождение, чтобы тот как мог препятствовал английской морской торговле, словно две страны уже находились в состоянии войны.

— Это надо прекратить, — сказала Екатерина супругу.

— Как он смеет! — кипел тот, имея в виду короля Якова. — Как он смеет бросать мне вызов! Нападает на наши границы, посылает пиратов! Трус и клятвопреступник!

— Да, — согласилась Екатерина. — Однако тут надо обратить внимание на то, что Бартон угрожает не только нашей торговле. Если шотландцы одержат верх на море, они смогут командовать нами и на суше. Мы живем на острове: моря вокруг должны принадлежать Англии, иначе нам не будет покоя.

— Мои корабли наготове, выходим в полдень. Я возьму его в плен, живьем, — придя проститься, пообещал Екатерине адмирал флота Эдуард Говард.

На ее взгляд, он выглядел таким же по-мальчишески юным, как Генрих, но его мужество и дарования сомнений не вызывали. Унаследованное от отца тактическое мастерство он показал, возглавив только что созданный военный флот.

— Если же не смогу взять живым, потоплю его корабль и доставлю негодя мертвым.

— И это слова христианина! Стыд и позор! — улыбнулась королева, протягивая руку для поцелуя.

Из поклона он поднялся с серьезным выражением лица.

— Уверяю вас, ваше величество, для мира и благоденствия нашей страны шотландцы куда опасней, чем мавры!

В глазах королевы мелькнула печаль.

— Вы не первый из англичан, адмирал, кто говорит мне об этом. А кроме того, за последние годы я и сама убедилась в истинности этого утверждения.

— Так оно и есть, не сомневайтесь. В Испании ваши родители, католические короли, не знали покоя, пока не изгнали мавров с гор. Для нас в Англии ближайшие враги — шотландцы. Это они засели в наших горах, именно их надо побороть и усмирить, если мы хотим жить в мире. Мой отец всю жизнь защищал северные границы, а теперь я борюсь с тем же врагом, но на море.

— Возвращайтесь живым и здоровым, — сказала Екатерина.

— Приходится рисковать! — беззаботно воскликнул юный адмирал. — Я не домосед!

— Никто не сомневается в вашей храбрости, и наш флот нуждается в своем адмирале, тогда как я нуждаюсь в рыцаре на следующем турнире и партнере для танцев. Так что возвращайтесь домой невредимым, Эдуард Говард!

Король с неприятным чувством наблюдал за тем, как его друг Говард отплывает воевать с шотландцами, пусть даже это всего лишь пираты. Надежды на то, что союз с Шотландией, заключенный его отцом и подкрепленный браком с английской принцессой, послужит порукой мира, похоже, не оправдались.

— Лицемер! Одной рукой подписывает мирный договор и брачный контракт с Маргаритой, а другой дает лицензию морскому разбойнику! Надо написать Маргарите, пусть предупредит мужа: мы не потерпим налетов на наши корабли. И нарушения наших границ тоже!

— А если он ее не послушает?

— Она в этом не виновата! Ее вообще не следовало за него отдавать. Она была слишком молода, а он закоренел в своих привычках, и к тому же вояка. Если б Маргарита могла, она добилась

бы мира для нас, она знает, как сильно желал этого наш отец, знает, как необходим мир. Мы теперь родня, мы соседи.

Однако приграничные лорды, Перси и Невиллы, доносили, что шотландцы в последнее время осмелели и то и дело устраивают набеги. Без всяких сомнений, Яков нацелен на войну, хочет забрать себе Нортумберленд. В любой день можно ждать, что его войско пересечет границу и двинется на юг, возьмет Бервик и дальше пойдет, на Ньюкасл.

— Тяжелая будет кампания, — заметила Екатерина, вспомнив необжитые приграничные земли и долгий путь к ним. — Шотландцам есть за что воевать — у них на кону богатые южные области, тогда как английский солдат не любит сражаться вдали от родной деревни.

— Ничего подобного, — возразил Генрих. — Все знают, что у шотландцев нет регулярной армии. Больше чем на набег их не хватает. Если я выведу против них нашу великую армию, снаряженную, как полагается, и дисциплинированную, за день их разгоню!

— Конечно, разгонишь! — засмеялась Екатерина. — Только не забывай — нам нужно собрать армию против французов. Что лучше — доказать свое превосходство перед французами в бою, который войдет в историю, или уладить мелкую ссору на дальней границе?

После одного из советов она задержала Томаса Говарда, графа Суррея, отца Эдуарда.

— Лорд Томас! Что слышно от Эдуарда?

Старик расплылся в улыбке, светясь от отцовской гордости:

— Как раз сегодня получили отчет, ваше величество. Он знает, что вам его победа будет приятна особо.

— Победа?!

— Да. Он захватил этого пирата Бартона и два его корабля. Конечно, выполнил свой долг, только и всего. Так сделал бы всякий Говард.

— Герой, настоящий герой! — воскликнула Екатерина. — Великие войны нужны Англии на море не меньше, чем на суше. Будущее христианского мира в том, чтобы покорить моря. Нам следует править океанами так же, как сарадины правят пустынями. Прогоним пиратов, и английские корабли станут доминировать на морях. А что еще он нам передал? На пути домой?

— Доставит в Лондон пирата в цепях. Мы его допросим, а потом повесим на пристани. Вряд ли это придется по вкусу королю Якову.

— Как на ваш взгляд, сэр Томас, шотландцы хотят войны? — без околичностей спросила его Екатерина. — Начнет король Яков военные действия из-за такого дела, как это? Опасны ли нам шотландцы?

— На моей памяти больше опасности не было, — прямо ответил старик. — Мы усмирили Уэльс, добились мира на западных границах, теперь надо усмирить и Шотландию. Справимся с ними — возьмемся за ирландцев.

— Но Ирландия — самостоятельная держава, со своими королями и законами!

— То же было и с Уэльсом, пока мы их не победили, — указал лорд Говард. — Маловато тут земли для трех королевств. Так что шотландцам придется смириться.

— Возможно, мы предложим им принца, — подумала вслух Екатерина. — Как вы сделали с уэльсцами. В королевстве, объединенном под английским королем, второй сын может быть принцем Шотландским, как первый уже сейчас — принц Уэльский.

Эту идею граф Суррей оценил.

— Славно придумано, — сказал он. — Так и надо сделать. Ударить покрепче, а потом предложить почетный мир. Иначе они никогда не прекратят огрызаться и хватать нас за пятки.

— Король полагает, что шотландская армия немногочисленна и неэффективна, — заметила Екатерина.

Говард подавил смешок.

— Его величество еще не бывал в Шотландии и не успел повоевать. Шотландцы — достойные противники. С галантными французами их даже сравнивать нечего. Шотландцы воюют для того, чтобы победить, и бьются до смерти. Нам потребуется послать туда сильную армию под предводительством опытного командира.

— Вы взяли бы это на себя?

— Пожалуй, — без околичностей ответил сэр Томас. — Лучше меня вояки в вашем распоряжении сейчас нет, ваше величество.

— А король мог бы? — негромко спросила она.

— Король молод, — улыбнулся старик. — Храбрости у него достаточно, это скажет всякий, кто видел его на турнирах. И с конем он управляется превосходно. Однако война — не турнир, и этой

простой истины его величество еще не постиг. Вот возглавит пару вылазок, заматерееет, а потом можно и армией командовать в главной битве своей жизни. С первого раза никто не пошлет жеребенка в кавалерийскую атаку. Сначала надо поучиться. Король пусть и король, а все равно должен учиться.

— Военного дела ему не преподавали, — кивнула Екатерина. — Ни истории битв, ни фортификации, ни снабжения войск, ни расположения сил с учетом рельефа местности... Король-отец ничему этому его не учил.

— Король-отец и сам-то в этом не особенно понимал, — негромко заметил граф. — Первой битвой, в которой он участвовал, был Босуорт, и победой в ней он обязан отчасти удаче, а отчасти союзникам, которых привлекла на его сторону его мать. Мужества ему было не занимать, но военачальнику требуются и другие качества тоже.

— Но почему король не позаботился дать сыну военное образование? — удивилась дочь Фердинанда, которая, выросши в военных лагерях, научилась сначала читать планы военных кампаний, а уж потом — шить.

— Да кто ж мог знать, что ему это пригодится? Все ведь думали, править станет Артур...

При звуке любимого имени Екатерина вся сжалась, чтобы ничем не выдать боль.

— Конечно. Да, конечно. Я просто забыла...

— Вот он — да, он был бы отличным командиром. Его интересовали законы войны. Он много читал, жадно учился. Помню, расспрашивал меня о приграничных землях, где лучше ставить замки, как располагать укрепления. Молодой Генрих станет великим королем, когда усвоит законы тактики, но у Артура это было в крови.

Она не позволила себе даже удовольствия поговорить об Артуре, ограничившись равнодушным:

— Возможно... — И переменяла тему: — Однако скажите, сэръ Томас, как мы могли бы прекратить набеги шотландцев? Не стоит ли укрепить границу?

— Хорошо бы, конечно, только протяженность границ велика, и содержать их трудно и дорого. Король Яков не боится армии, возглавляемой королем. Не боится он и приграничных лордов.

— Отчего же?

Сэр Томас развел руками, придворная выучка не позволяла ему говорить напрямик:

— Яков — опытный воин, уже второму поколению не дает покоя на наших границах.

— А кто мог бы, полагаете вы, заставить Якова остерегаться нас и оставаться в своих пределах, пока мы укрепляем границу и готовимся к войне? Как добиться отсрочки?

— Увы, никак, — покачал головой граф. — Если Яков задумал идти войной, его не остановить. Впрочем, может статься, Папа? Если его святейшество сочтет нужным вмешаться... Но кто сумеет уговорить его встрять в раздоры между двумя христианскими монархами, вспыхнувшие из-за пиратского нападения да клочка земли? Ведь у Папы хватает своих хлопот, с французами. А, кроме того, если мы пожалуемся на шотландцев, они пожалуются на нас. Никакой уверенности, что его святейшество выступит на нашей стороне...

— Согласна, — кивнула Екатерина. — Но если б только его святейшество знал, как мы нуждаемся в его поддержке!

Как раз в это время в Риме находился мой добрый друг, кардинал Ричард Бейнбридж, епископ Йоркский. В тот же вечер я написала ему дружеское письмо, какими обычно обмениваются знакомые, поделилась разными лондонскими новостями, включая погоду, прогнозы на урожай и цену на шерсть. А затем поведала о недружественном поведении шотландского короля, который выдает лицензии морским пиратам, тем самым поощряя их нападать на наши торговые корабли... И это еще не все! Его подданные постоянно вторгаются в наши северные пределы! Опасаюсь, писала я далее, что король, вынужденный защитить свои границы, окажется не в состоянии встать на сторону его святейшества в конфликте с французским королем. Будет жаль, писала я, если из-за вероломства шотландцев мы не сможем оказать его святейшеству поддержку военной силой. Мы твердо намеревались вступить в союз с моим батюшкой, королем Фердинандом, и выступить на стороне Папы; однако вряд ли это будет возможно, пока у нас дома все так неспокойно.

Что могло быть естественней для Ричарда, моего брата во Христе, чем с этим письмом в руке отправиться к его святейшеству Папе и поведать ему, как огорчен английский король недобрососедским поведением короля Якова и угрозой миру, которая от него исходит, — ведь это способно помешать заключению военного союза во имя спасения Вечного города!

Папа, прочтя, и не раз, мое письмо к Ричарду, тут же написал королю Якову, пригрозив отлучить его от церкви, если тот не научится уважать мир и законные границы сопредельных христианских государств. Королю Якову, вынужденному считаться с мнением Папы, пришлось извиняться, после чего он прислал гневное письмо английскому королю, где писал, что Генрих не имел права в одиночку обращаться с жалобой к Папе, что мужчины и короли должны решать свои проблемы между собой и не было нужды за его спиной бегать к Папе.

— Не понимаю, о чем он! — недоумевал Генрих, отыскав Екатерину в саду, где она играла в мяч с придворными дамами. Он был слишком взволнован, чтобы тут же вступить в игру, как делал обычно: перехватывал мяч на лету и с радостным хохотом бросал его ближайшей девушке. — Что он такое говорит? Никогда я не жаловался Папе! Ничего я ему не писал! С чего он взял, что я ябеда!

— Конечно, нет, и так ты ему и напиши, — невозмутимо ответила ему Екатерина, взяла под руку и отвела в сторону.

— Напишу! Я Папе не писал, я могу доказать это!

— Может статься, это я упомянула, что беспокоюсь о наших северных границах, когда писала епископу Бейнбриджу, а тот пересказал мое письмо папе, — как бы мимоходом произнесла Екатерина. — Но с какой стати винить тебя в том, что твоя жена делится с духовником своими тревогами!

— Вот именно! — подхватил Генрих. — Так я ему и напишу. И не беспокойся ты за наши границы!

— Как скажешь, дорогой! Но самое главное — теперь Яков знает, что не может нападать на нас безнаказанно, его святейшество ему запретил.

Генрих помолчал.

— Ты что, хочешь сказать, это Бейнбридж рассказал все Папе?

— Ну, конечно, — улыбнулась она. — Но все-таки это не ты пожаловался на Якова Папе.

Рука Генриха крепче охватила ее талию.

— Послушай, а ты опасный враг! Надеюсь, мы никогда не станем противниками, а то я наверняка проиграю.

— Ну что ты такое говоришь, — рассмеялась Екатерина. — Я всегда буду тебе верной женой и королевой.

— Знаешь, я могу поднять армию в любой момент, тебе нет нужды волноваться из-за Якова. Я усмирю шотландцев. И могу сделать это не хуже любого другого!

— Ну конечно, ты можешь. Благодарение Господу, теперь тебе нет нужды это доказывать.

Эдуард Говард доставил шотландских пиратов в Лондон и был встречен Англией как герой. Слава его была столь велика, что это стало раздражать Генриха, всегда жадного до народной любви. Он все чаще поговаривал о войне против шотландцев, и члены Тайного совета, хоть и опасаясь военных расходов и не вполне доверяя полководческим способностям Генриха, не могли отрицать, что Шотландия — неиссякаемый источник угрозы миру и безопасности Англии.

Впрочем, королеве удалось отвлечь короля от его зависти к Эдуарду Говарду. Она постоянно внушала ему, что первый вкус победы доблестному воителю почетней вкусить на полях Европы, а не в богом забытом приграничном болоте. Если уж выходить на бой, то против французского короля, в союзе с величайшими правителями христианского мира. И молодого английского монарха, возросшего на рассказах о Креси и Азенкуре, увлечь мечтой о победе над Францией труда не составляло.

Ему было нелегко удержаться и не взойти на борт флагманского корабля, который в мае возглавил флот, отправившийся, чтобы присоединиться к кампании короля Фердинанда против Франции. Корабли с бьющимися на ветру знаменами ведущих семейств Англии были оснащены и вооружены лучше, чем когда-либо за последние десятилетия. Екатерина принимала активное участие во всем происходящем. Она помнила, что так поступала королева Изабелла,

когда затевалась война, и с детства усвоила старую истину: битву выигрывает тот, кто основательно к ней подготовился.

Провожая глазами флот, подготовленный так, как должно, Екатерина думала о том, что под командованием ее отца они смогут защитить Папу, победить Францию, отвоевать у нее земли и заново закрепить за Англией приличный кус французских территорий. Рьяные сторонники мира из числа членов Тайного совета беспокоились, как всегда, что страна увязнет в очередной бесконечной войне, но Генрих и Екатерина доверились прогнозам короля Фердинанда, который утверждал, что победа дастся легко и принесет значительные выгоды Англии.

Все мое детство я была свидетелем того, как мой отец руководил военными кампаниями, одной за другой. Поражений за ним не числилось. И сейчас меня охватили воспоминания детства, краски, звуки и то особое оживление страны, которая находится на пороге войны. На этот раз я как равный партнер отца предоставляю ему мощь английской армии. Именно этого он всегда от меня ждал; таким образом, я, его дочь, выполняю свое предназначение. Вот чего ради я вытерпела долгие годы ожидания английского трона. Это моя судьба. Я чувствую себя полководцем, таким же, как мой отец, таким же, как матушка. Я — королева-воительница, и в это солнечное утро, глядя вслед отплывающим кораблям, я уверена, что нас ждет победа.

План состоял в том, что английская армия соединится с испанской, и объединенные силы займут юго-запад Франции — Гиень ^[18] и герцогство Аквитанское. Не сомневаясь в том, что король Фердинанд не преминет потребовать свою долю трофеев, Екатерина надеялась, что он выполнит данное англичанам обещание и Аквитания будет английской. Она полагала, что в тайные планы отца входит разделить Францию так, чтобы это мощное государство снова скатилось к раздробленности, разбившись на крошечные герцогства и королевства. Если это удастся, потребуется поколение — не меньше, чтобы возродить честолюбивые планы французов. В самом деле, Фердинанд полагал, и Екатерине это было известно, что христианскому миру будет спокойней, если Францию придерживать на коротком поводке. Объединение приносит мощь и влияние, а Франция

не та страна, считал испанский король, мощь которой пойдет Европе на пользу.

Это было не хуже самой блестящей из развлекательных придворных затей — наблюдать, как солнечным днем, распустив на сильном попутном ветру паруса, выходит в море флотилия, и король с королевой возвращались в Виндзор в приподнятом настроении, уверенные в успехе батальной кампании.

Екатерина воспользовалась случаем, чтобы осведомиться у Генриха, не находит ли он, что пора приступить к строительству боевых галеасов, трехмачтовых парусно-весельных кораблей. В отличие от Артура, который много читал и сразу бы понял, насколько маневреннее весельные суда в безветренную погоду, Генрих не представлял себе, как важна поворотливость в морских сражениях. Вдохновленный зрелищем флота, только что отплывшего на всех парусах, он заявил, что ему нужны только парусные суда, великолепные корабли, экипированные опытным персоналом, — именно они принесут победу!

Вся свита горячо согласилась с королем. Екатерина знала, что так и будет. Двор всегда чутко реагирует на малейшее дуновение моды. Отплывающий флот выглядел так нарядно и победительно, что придворные кавалеры вознамерились стать адмиралами, подобно Эдуарду Говарду, — точно так же, как прошлым летом все рвались в крестоносцы.

Екатерина не спорила, флот выглядел чудесно, а английские моряки, без сомнения, лучшие в мире, но заметила, что хотела бы написать в Венецию, узнать, сколько стоит построить галеас и не согласятся ли тамошние корабельщики такое судно выстроить, а потом переслать частями в Англию, чтобы местные мастера собрали его в английских доках.

— Да не нужны нам галеасы! — отмахнулся Генрих. — Весельные суда хороши для набегов на прибрежные территории! Мы не пираты! Мы нуждаемся в судах, которые могут перевозить солдат. В судах, которые могут атаковать французов на море. Корабль — это платформа, с которой можно осуществить нападение. Чем больше платформа, тем больше на ней помещается солдат.

— Ты прав, — сказала Екатерина. — Однако не след забывать и прочих наших врагов. Моря — это одна наша граница, и мы должны преобладать там, имея суда маленькие и большие. Но у нас есть граница и сухопутная, и там тоже должно быть безопасно.

— Ты про шотландцев? Они утихомирились, благодаря Папе. Не думаю, что оттуда следует ждать подвоха.

Екатерина никогда не возражала супругу при посторонних.

— Я уверена, так и есть. Спасибо архиепископу, мы выиграли передышку. Однако боюсь, через год-другой столкновение неизбежно.

На этом разговор был закончен. Екатерине оставалось только ждать. Впрочем, то было время, когда ждать приходилось всем. Английская армия, расположившись в Фуэнтэррабии, ждала, когда подойдет испанское войско, чтобы объединенными силами войти в Южную Францию. Стояла жара, самый пик лета, солдаты страдали от безделья, недоброкачественной пищи и переизбытка спиртного. Из всех членов Королевского совета одна Екатерина знала, что это такое — испанская жара. Невыносимый зной днем и ночью — смертельная опасность для любой армии. Свои страхи она таила и от Генриха, и от членов Совета, но от себя лично послала отцу письмо, в котором интересовалась его планами, и при всякой возможности донимала расспросами испанского посла: знает ли он, когда наконец испанская армия присоединится к английской?

Король Фердинанд, находясь в походе, на письмо не ответил, а посол ничего не знал.

Когда лето перевалило за август, Екатерина написала отцу еще раз, и опять безответно, после чего, в момент горького прозрения, она поняла, что вовсе не стала отцу равноправной союзницей за шахматной доской Европы — нет, она как была, так и осталась пешкой в его руках. Английская армия стояла там, где ему было нужно, в полном его распоряжении, и он сам решал, понадобится она ему или нет!

В Англии похолодало, между тем в Испании по-прежнему было жарко. Фердинанд наконец-то вспомнил о своих союзниках и потребовал, чтобы они остались в лагерях на зиму. Узнав об этом, английские солдаты взбунтовались — и против него, и против своих командиров — и заявили, что хотят вернуться на родину.

Екатерина нимало не удивилась, так же как и самые циничные из членов Королевского совета, когда в декабре английская армия вернулась домой, бесславная и оборванная. В отчаянии и недоумении от действий короля Фердинанда лорд Дорсет, потерявший большими силами две тысячи человек, привел свои взбунтовавшиеся войска в Лондон, из которого они выступили когда-то, предвкушая победу и славу.

— Что пошло не так? — ворвался король Генрих в апартаменты Екатерины, чуть ли не в слезах от гнева и обиды, и взмахом руки отослал ее свиту прочь.

Он поверить не мог, что его армия, бравая, полная сил, вернулась домой ни с чем. Ему доставили письма его тестя, в которых тот жаловался на поведение английских войск: он, король Генрих, покрыл себя позором в Испании, спасовал перед своим врагом, Францией! К Екатерине он кинулся потому, что считал ее единственным человеком на свете, который способен разделить с ним его отчаяние. Он едва держал себя в руках. Впервые за время его правления что-то «пошло не так» — а ведь он, как ребенок, верил, что у него всегда все будет как надо!

Я беру обе его руки в свои. Я ждала этого момента с тех пор, как поняла летом, какое место занимают английские войска в планах моего отца. Как только они прибыли на место и остались в бездействии, я заподозрила, что батюшка, верный себе, заманил нас в ловушку.

Что говорить! Я знаю своего отца как полководца, и я знаю его как человека. Когда он, по их прибытии, не послал английские войска в бой, я поняла, что у него другие на них планы. Никогда в жизни мой отец не оставил бы добрых солдат в бездействии, чтобы они сплетничали, напивались и болели. Большую часть детства я провела в походных лагерях, но в жизни такого не бывало, чтобы отец позволил солдатам бездельничать. Они вечно меняли дислокацию, что-то копали, строили, отрабатывали боевые приемы. В конюшнях отца нет ни одной лошади с лишним жирком. К солдатам он относится точно так же.

Так что если англичан оставили разлагаться в лагере, то это потому, что отцу требовалось, чтобы они именно там, в лагере, находились. Его не беспокоило, что они разлеятся, заболеют или сопьются. Я снова взглянула на карту и поняла, в чем дело. Отец

использовал нас как противовес, как пассивную приманку. Я прочитала рапорты командиров, когда они вернулись. Они жаловались на безделье, на маневры, проводимые на самой границе, на глазах у французов, причем с приказом не ввязываться в стычки. Значит, моя догадка верна. Отец держал английские войска на привязи в Фуэнтэррабии для того, чтобы французы, встревоженные военным присутствием у себя на фланге, выставили там свою военную силу в противовес. Отвлеченные англичанами, они не смогли организовать сопротивление испанской армии, которая беспрепятственно вошла в Наварру и заняла это королевство, о чем король Фердинанд давно мечтал, малой кровью.

— Дорогой мой, ты не должен думать, что твоих солдат испытывали, а они не выдержали испытания, — утешаю я мужа. — Никто не ставит под сомнение мужество англичан. Ты на высоте, как всегда.

— Но он пишет... — взмахивает письмом Генрих.

— Это не важно, что он пишет, — терпеливо говорю я. — Лучше посмотри, что он делает.

Он поднимает ко мне лицо, на котором написана такая обида! Нет, это выше моих сил — открыть ему, что мой отец воспользовался им, выставил его простаком, причем не пожалел и меня, и все затем, чтобы захватить Наварру.

— Видишь ли, мой отец взял плату прежде, чем сделал свою работу, — уверенно говорю я. — Вот и все. Теперь нам придется заставить его выполнить обещание.

— О чем это ты? — удивляется он.

— Прости меня Бог за мои слова, но батюшка мой — несравненный мастер обмана. Если мы впредь намерены вступать с ним в союзничество, нам следует быть не глупее его. Он заключил с нами договор и сказал, что будет нашим союзником в войне против Франции, однако все, что мы сделали, — это помогли ему заполучить Наварру, всего лишь сгоняв нашу армию туда и обратно.

— Наша армия покрыта позором! Я посрамлен!

Нет, он не понимает, о чем я ему толкую.

— Твоя армия сделала в точности то, что хотел от нее мой отец. Если смотреть на вещи с такой точки зрения, это в высшей степени успешная кампания.

— Да ничего она не сделала! Он жалуется, что они ни на что не годны!

— Они отвлекли на себя силы французов. Подумай об этом! Это стоило французам Наварры!

— Я хочу отдать Дорсета под трибунал!

— Да, это можно, если ты того пожелаешь. Но главное состоит в том, что у нас есть наша армия, мы потеряли только две тысячи человек и отец по-прежнему наш союзник. Он в долгу перед нами. В следующем году ты можешь пойти на Францию, и на сей раз не мы будем действовать по плану отца, а он — по нашему плану.

— Он пишет, что завоюет для меня Гиень! Как будто я сам не могу! Он обращается со мной так, будто я несмышлениш!

— Отличная мысль, — говорю я. — Пусть завоюет для нас Гиень!

— Он хочет, чтобы мы ему заплатили!

— Так давай заплатим. Если он захватит для нас Гиень, превосходно, это нам на пользу. Если же нет, то он хотя бы отвлечет французов, когда мы вторгнемся к ним с севера, с Кале, что тоже неплохо!

Он смотрит на меня с раскрытым ртом, потом до него доходит.

— Отвлечет французов так же, как на этот раз их отвлекли мы?

— Именно.

— Значит, мы используем его так же, как он использовал нас?

— Да.

Он прямо-таки поражен.

— Это что, тебя учителя так учили — продумывать ходы вперед, словно жизнь — это шахматная доска?

Я качаю головой:

— Нет, конечно. Но когда имеешь дело с таким человеком, как мой отец, волей-неволей усваиваешь навыки дипломатии. Ты ведь слышал о том, что Макиавелли назвал его совершеннейшим из правителей? Нельзя было находиться при его дворе, как я находилась, или наблюдать изнутри за его военными кампаниями, как я наблюдала, и не понять, что жизнь он понимает как поиск выгод и преимуществ. Этому он учил меня каждодневно — не нарочно, а всем своим поведением. Я знаю, как работает его ум.

— Но почему ты решила, что мы вторгнемся со стороны Кале?

— Дорогой мой, ну откуда же еще англичане могут вторгнуться во Францию? Отец выступит на юге. Посмотрим, сможет ли он взять для нас Гиень. Но в любом случае, пока он будет там биться, французы не смогут защитить Нормандию.

Его уверенность в себе возвращается на глазах.

— Я сам поведу войска, — решает он. — Твой отец не посмеет осуждать командование английской армией, если командовать стану я.

Я ненадолго задумываюсь. Война, даже в виде игры, опасное занятие, и, пока у нас нет наследника, жизнь Генриха — высшее достояние страны. Не стань его, Англию разорвут сотни претендентов на престол. Но мне никогда не удержать его, если я буду кудахтать над ним, как кудахтала его бабка. Он непременно должен постичь науку войны, и я знаю, что участие в кампании, которой руководит мой отец, наиболее для него безопасно, потому что отец, несомненно, не меньше меня хочет, чтобы я оставалась на троне, а кроме того, воевать с французами легче, чем с дикими шотландцами. Есть и еще одно обстоятельство: у меня созрел тайный план, выполнение которого требует, чтобы Генрих оказался за пределами Англии.

— Отличная мысль, — наконец говорю я. — И у тебя будут самые лучшие доспехи, самый выносливый конь и самая нарядная гвардия!

— А вот Перси говорит, что лучше бы нам сначала усмирить шотландцев, а уж потом воевать с Францией!

— В союзнчестве с тремя королями ты должен победить Францию! Это будет громкая война, такая, какую все запомнят. Шотландцы подождут, худшее, чего от них можно ждать, — это разбойный набег. И если они пойдут с севера, когда ты будешь во Франции, даже я смогу справиться с командованием экспедицией, которая их усмирит.

— Ты?!

— Отчего ж нет? Разве мы с тобой не король и королева, вступившие на трон в расцвете сил? Кто станет это отрицать?

— Никто... Да, ты права. Решено! Я покорю Францию, а ты защитишь нас от шотландцев.

— Так и будет, — обещаю я. Именно этого я и хотела.

Весна 1513 года

Всю зиму Генрих только о войне и толковал, так что по весне Екатерина начала собирать силы для вторжения на север Франции. Из договора с королем Фердинандом следовало, что испанцы от лица англичан вторгнутся в Гиень, в то время как английская армия возьмет Нормандию, в битве за которую к англичанам присоединится император Священной Римской империи Максимилиан. Суть идеи состояла в том, чтобы три армии выступили одновременно, и план был бы безупречен, если бы союзники действовали согласованно и в полном доверии друг к другу. Однако я нимало не удивлена, когда выясняется, что мой отец ведет с французами сепаратные переговоры о мире, причем, в то самое время, когда Томас Уолси^[19] по моей просьбе рассылает письма по городам Англии, выясняя, сколько людей каждый из них может отдать на королевскую службу по случаю войны с Францией. Мне следовало бы знать, что на уме у отца исключительно Испания и выгода для Испании. Да, это так, и я его не виню. Теперь, когда я сама королева, я лучше, чем когда-либо, понимаю, что ради безопасности своего государства можно предать что угодно, включая родное дитя — как, собственно, в данном случае батюшка и поступил. Перед отцом стоял выбор: беспокойная, не сулящая особых прибылей война, с одной стороны, и драгоценный мир — с другой. Оценив все возможные выгоды и потери, он выбрал мир и дружбу с Францией, втайне предав союзников и одурачив меня.

Когда дело выходит наружу, он сваливает всю вину на своего посла и на какие-то пропавшие письма. Оправдания эти более чем сомнительные, но я не жалею. Отец присоединится к нам, как только запахнет победой, как только сложится выигрышное для нас положение. Главное для меня сейчас, чтобы Генрих заполучил свою кампанию во Франции и предоставил мне разобраться с шотландцами.

— Он должен научиться тому, как вести солдат в бой, — замечает мне сэр Томас Говард. — Это, простите меня, ваше величество, совсем не то, что вести приятелей в кабак...

— Да-да, — соглашаюсь я. — Он должен заслужить звание рыцаря. Но ведь это такой риск...

Старый солдат накрывает мою руку своей.

— Не беспокойтесь, ваше величество, короли редко гибнут на поле битвы, — говорит он. — Король Ричард тут не пример, он, знаете ли, почти что искал смерти. Он знал, что его предали. Куда чаще королей берут в плен и отпускают за выкуп. Но этот риск несравним с тем, на какой пойдете вы, если снарядите остатки армии для похода на Шотландию.

На мгновение я теряюсь. Я и предположить не могла, что сэр Томас видит, к чему я клоню.

— Кто еще думает так же, как вы?

— Больше никто.

— Вы с кем-нибудь говорили?

— Боже сохрани! Мой первейший долг — способствовать процветанию Англии, и я думаю, что вы правы. Шотландцев следует утихомирить раз и навсегда, и сделать это лучше, когда король в безопасности за границей.

— Похоже, моя безопасность вас не заботит? — сухо интересуюсь я.

С улыбкой он делает легкий поклон.

— Вы королева! Горячо любимая, смею думать. Но королева может быть и другая. А другого короля Тюдора у нас нет.

— Вы правы, — соглашаюсь я. В самом деле, меня заменить можно. Генриха — нет. Во всяком случае, пока у нас нет сына.

Итак, сэр Томас Говард меня раскусил. Понял, что я вижу основную опасность для Англии на севере, на границе с Шотландией. Эту мысль привил мне Артур. Значит, я должна вести войско на север, а Генрих пусть наряжается в красивые доспехи и со своими приятелями отправляется во Францию, где будет что-то вроде турнира. А вот на северной границе предстоит кровавая работа, сделав которую мы обеспечим Англии безопасность на много поколений вперед. Если я хочу такой безопасности для себя, для своего нерожденного еще сына и для тех королей, которые будут после меня, я должна усмирить шотландцев.

И даже если не будет у меня сына, если не будет у меня случая пойти на поклонение в Вальсингам поблагодарить Богоматерь за дарованное мне дитя, усмирив шотландцев, я все равно выполню свой

первейший долг перед моей любимой Англией. Даже если погибну в битве.

Я поддерживаю в Генрихе военный дух, не позволяю ему терять терпение и волю. Я противостою членам Тайного совета, которые в ненадежности моего отца видят еще один повод, чтобы не ввязываться в войну. Втайне я с ними согласна. Думаю, у нас нет причин для серьезного конфликта с Францией, и особых выгод эта война не сулит. Но я знаю, что Генрих спит и видит повоевать, что он считает Францию нашим врагом, а короля Людовика — своим соперником. Мне нужно, чтобы этим летом, когда я пойду бить шотландцев, Генрих оказался подальше. Единственный способ добиться этого — посулить ему победоносную войну.

Я провожу часы на коленях в часовне, но говорю там с Артуром. «Я уверена, что права, любовь моя, — шепчу я в сомкнутые ладони. — Я уверена, ты справедливо настраивал меня против шотландцев. Если все случится, как я задумала, в этот год решится судьба Англии. Я пошлю Генриха во Францию, а сама пойду на шотландцев, а шотландцы будут пострашнее французов, потому что самый страшный враг — это тот, кто может ночью нарушить твою границу...»

Я почти что вижу его в темноте, которая клубится за сомкнутыми ресницами. «Да, милый, да, — шепчу я. — Ты можешь думать, что женщине не место во главе армии. Ты можешь думать, что женщине не к лицу доспехи. Но я знаю о войне больше, чем большинство мужчин, которые толкуются при мирном английском дворе, где рыцари думают, что война ничем не отличается от турниров. Они думают, война — это игра. Но я-то знаю, о чем говорю. Этим летом ты увидишь меня такой, какой бывала моя мать, когда встречалась лицом к лицу с врагом. Англия теперь моя страна, ты научил меня любить ее. Ее враги — мои враги, и я пойду защищать ее — для тебя, для себя, для наших наследников...» Англичане деятельно готовились к войне. Под руководством Томаса Уолси составлялись призывные списки, собирався провиант, изготавливалось вооружение, проводились учения новобранцев. Однажды Уолси заметил, что у королевы два призывных списка, словно она готовит две армии.

— Ваше величество, — осторожно спросил он, — похоже, вы полагаете, что нам придется воевать на два фронта? На мой взгляд,

шотландцы покажут зубы, как только мы высадимся во Франции. Нам лучше бы усилить оборону наших границ.

— Я надеюсь сделать больше, чем это, — только и ответила королева.

— Ваше величество, вряд ли король одобрит подобное распыление сил...

Она не посвятила его в свои планы, на что он явно рассчитывал, а только заметила:

— Конечно. Мы должны позаботиться о том, чтобы отправить в Кале мощную и боеспособную армию. У короля не должно быть оснований думать, что силы распылены.

— Однако шотландцы-то непременно атакуют...

— Это забота пограничных войск, — сказала она и отвернулась от Уолси.

Верховный адмирал Англии, красавец Эдуард Говард, нарядный, в новом плаще темно-синего сукна, пришел попрощаться с Екатериной. Флот готовился к отплытию, чтобы запереть французов в порту или, если удастся, навязать им сражение в открытом море.

— Благослови тебя Бог, — проговорила королева и поняла, что голос ее дрожит от волнения. — Благослови тебя Бог, Эдуард Говард, и да сопутствует нам удача!

Он поклонился.

— Получить напутствие великой королевы — уже удача! Это такая честь — служить моей стране, моей стране и... — он понизил голос, — и вам, моя королева!

Екатерина улыбнулась. Все друзья Генриха вели себя так, словно они пажи из рыцарского романа. Послушать их, так Камелот совсем рядом, за углом. Екатерина выступала в роли Прекрасной дамы с тех самых пор, как стала королевой. Эдуарда Говарда она выделяла из всех, ценя его за добрый нрав и искренность, завоевавшие ему множество друзей, а также за страстную любовь к морю и кораблям. Королева была уверена в том, что безопасность Англии будет обеспечена лишь сильным флотом.

— Вы мой рыцарь, и я знаю — вы завоюете славу и своему имени, и моему, — произнесла она, и, довольно блеснув глазами,

Эдуард Говард склонил свою темноволосую голову, чтобы поцеловать ей руку.

— Я приведу вам французские галеасы, — пообещал он, — как раньше доставил шотландских пиратов.

— Очень хорошо. Мне нужны галеасы, — серьезно сказала она.

— Приведу, даже если придется для этого умереть!

— Умереть?! И не вздумайте! — строго погрозила она. — Вы мне нужны даже больше, чем галеасы! — Она протянула ему вторую руку. — Каждодневно я буду молиться о вас!

Он поднялся с колена и с широким взмахом плаща вышел из комнаты.

Только в День святого Георгия явился гонец с долгожданнами вестями об английской флотилии, и явился с мрачным лицом. Сидя бок о бок, мы с Генрихом выслушиваем рассказ о морской битве, которую Эдуард надеялся выиграть и которая, думали мы, убедительно продемонстрирует преимущества наших кораблей над французскими. В присутствии сэра Томаса мы выслушиваем весть о судьбе его сына Эдуарда, моего рыцаря, который так верил в себя, что обещал мне французский галеас.

Он запер французский флот в Гулэ-де-Бресте, так что французы не смели и носа высунуть, но Эдуарду не хватило терпения. Он был слишком молод, чтобы дожидаться их следующего хода. Слишком молод, слишком нетерпелив для продолжительной игры. Такой же глупец и торопыга, как наши придворные рыцари, уверенные в том, что они бессмертны. Подобно испанским грандам моего детства, он считал страх чем-то вроде болезни, которой неподвластен. Он думал, что Господь благоволит ему более, чем другим, и что ничто ему не грозит.

В условиях, когда английский флот не мог двигаться вперед, а французский был заперт в гавани, он пошел в атаку, под огонь французских пушек, на нескольких гребных лодках. Это было лихачество, напрасная трата чужих жизней и своей собственной, и все потому, что он был слишком нетерпелив, чтобы выждать, и слишком юн, чтобы хорошенько подумать.

Проявив неслыханную отвагу, Эдуард повел абордажную команду на флагманский корабль французского адмирала, и почти сразу, когда

схватка стала опасной, подчиненные, Господь их прости, призвали его к отступлению. В страхе и спешке, под пулями они попрыгали с палубы французского корабля в шлюпки, а некоторые прямо в море, и поплыли к своим кораблям, бросив командора, который сражался как безумный, спиной к мачте, один против всех. Он сделал рывок к борту, и, если б шлюпка была внизу, он мог бы спрыгнуть в нее. Но шлюпок там уже не было. Он сорвал с шеи золотой адмиральский свисток и бросил его далеко в море, чтобы тот не достался врагу, и стал биться снова. Тут его ранили в правую руку, он споткнулся, упал. Враги, будь они человечны, могли бы отступить и отдать должное его мужеству, но они этого не сделали. Изрубленный, исколотый, он истек кровью и умер.

Они бросили его тело в море, эти французы, эти так называемые христиане. Показали себя настоящими варварами. Не дали исповедаться, не помолились за умершего, хотя там присутствовал священник. Бросили его в море на корм рыбам...

Только потом, когда до них дошло, что это был Эдуард Говард, адмирал английского флота и сын одного из самых влиятельных людей в Англии, они пожалели о том, что сделали. Не потому, что им стало стыдно, нет, — а потому, что за живого можно было запросить выкуп, и мы заплатили бы, заплатили сколько угодно, лишь бы милый, храбрый Эдуард вернулся к нам. Тогда они послали людей, чтобы те выловили из моря его мертвое тело, распотрошили его, вырезали ему сердце, засолили и вместе с одеждой, в качестве трофея, отправили к французскому двору, а искромсанные останки отослали его отцу^[20].

Эта дикая история напомнила мне кабальеро Эрнандо дель Пульгара, который когда-то давно осуществил ту дерзкую вылазку в Альгамбру. Поймай его мавры, они бы его убили, но не думаю, что вырезали бы ему сердце на сувенир. Нет, они бы отдали ему должное как достойному противнику. Со свойственной им широтой души они вернули бы нам его тело. Видит Бог, не прошло б и недели, даже сложили бы песню.

О нем и распевали бы ее по всей Испании. Да, у мавров больше великодушия, чем у этих якобы христиан! Теперь, когда я думаю о французах, мне совестно называть мавров варварами!

Генрих потрясен этой историей и нашим поражением, а сэр Говард, батюшка Эдуарда, за те десять минут, что гонец, запинаясь,

рассказывал, что изрубленное, нагое тело его сына лежит в телеге у входа, постарел на десять лет. Утешать их бессмысленно. Я отправляюсь в мою часовню, чтобы помолиться Божьей Матери, которая слишком хорошо знает, что такое любить сына и потерять его. И там, стоя на коленях, я клянусь, что настанет день, и французы пожалеют о том, что зарубили моего рыцаря.

Лето 1513 года

Гибель Эдуарда Говарда заставила Екатерину еще упорней заниматься подготовкой английской армии к французскому походу. Возможно, Генриху предстоит всего лишь поиграть в войну, но пушки, ядра, мечи и стрелы в этой игре будут самые настоящие, и ей хотелось, чтобы сделаны они были как положено, на совесть. Она-то знала, что такое война, но теперь, после гибели Эдуарда, и Генрих понял впервые, что война — не захватывающая история из книжки и совсем не рыцарский турнир. К чести молодого короля, это открытие ничуть не поколебало его мужества и решимости. Между тем Томас Говард занял место своего брата, а его отец собирал из своих вассалов отряд, чтобы отомстить за сына.

Часть войска переправилась в Кале в мае. В июне королю Генриху, собранному и серьезному, как никогда раньше, предстояло последовать туда с остальным войском.

Королевский кортеж выехал из Гринвича в Дувр, медленно продвигаясь от города к городу. Всюду Екатерину и Генриха встречали с радостью и любовью, всюду к ним примыкали мужчины, желавшие послужить своей стране. Король и королева ехали на красивых белых конях, Екатерины был почти полностью укрыт ее синей юбкой. Златовласый, улыбающийся Генрих выглядел великолепно и казался выше и сильнее всех.

По утрам они покидали очередной город. Оба были в доспехах; Екатерина надевала только нагрудник и шлем из кованой стали с гравировкой золотом, зато Генрих был в доспехах с головы до пят, какая бы жара ни стояла, и улыбался из-за поднятого забрала. С двух сторон их сопровождали штандарты — с испанским гранатом с одной и с английской розой — с другой. Провожавшие царственных супругов подданные стояли вдоль дороги и за городом, и еще более мила Екатерина и Генрих, ехавшие во главе войска, благосклонно приветствовали горожан, бросавших розовые бутоны и лепестки под ноги коням, выкрикивавших приветствия и распевавших старые английские песни, а иногда и песни, сочиненные королем.

Чтобы добраться до Дувра, ушло две недели, и в каждой деревне, не говоря уж о городах, королевское войско пополнялось

новобранцами. Не было в стране англичанина, который не желал бы защищать Англию от французов. Не было девушки, которая не хотела бы, чтобы ее парень пошел в солдаты. Вся страна объединилась в жажде отомстить Франции. Вся страна твердо верила, что под водительством юного короля французам будет воздано по заслугам.

Я счастлива! Счастлива впервые с тех пор, как умер наш сын. Даже не думала, что смогу быть такой счастливой. Каждую ночь на протяжении нашего марша к морю Генрих радостно входит в мою опочивальню. Он мой, душой и телом. Он отправляется в кампанию, которую я для него придумала и организовала так, чтобы он благополучно был подальше от настоящей войны, руководить которой предстоит мне. Судя по всему, Генрих ни о чем не догадывается. Я молюсь, чтобы в одну из этих ночей мы зачали новое дитя, нового сыночка.

Погрузка на корабли прошла безупречно. Никаких задержек, никакой путаницы, никаких жизненно необходимых вещей, о которых вспомнили в самую последнюю минуту. Флот Генриха — четыреста кораблей, все с реющими флажками на мачтах и парусами, ждущими, чтобы их подняли, — в полной готовности ждал короля с войском. Сияя позолотой, покачивался на волнах флагманский корабль с алым драконом на стяге. Вымуштрованная королевская гвардия в бело-зеленых, тюдоровских цветов, мундирах парадным маршем прошла по пирсу. Нарядные доспехи короля были загодя доставлены на корабль, особо выученные белые скакуны уже стояли там в стойлах. В тщательности и продуманности подготовка к этой войне не уступала приготовлениям к самым изысканным придворным маскарадам, и Екатерина с грустью поглядывала на молодых людей, которые нетерпеливо рвались в бой, словно на бал.

И вот, когда все было готово к отплытию, на набережной Дувра состоялась короткая и простая церемония — король Генрих перед всеми торжественно вручил большую государственную печать королеве Екатерине, на время своего отсутствия назначив ее регентшей королевства и главнокомандующей внутренними войсками.

Когда король назвал меня регентшей Англии, я изо всех сил старалась сохранить серьезное выражение лица. Поцеловала супругу руку, а потом, от души, одарила полновесным поцелуем в губы и пожелала ему счастливого пути. Но когда королевский флагман, ведомый баржей, вышел из гавани, распустил паруса и с попутным ветром понесся к французскому берегу, я чуть не запела от радости: Генрих оставил мне все, о чем я только мечтала. Я теперь больше чем принцесса Уэльская, больше чем английская королева, — я единовластная правительница королевства, командующая его войсками. Англия принадлежит мне.

И первое, что я сделаю, — побью шотландцев, и, по чести сказать, это единственное, для чего мне нужна власть.

Едва вернувшись в Ричмонд, Екатерина отдала приказ Томасу Говарду, младшему брату Эдуарда, взять пушки из арсенала в Тауэре и всем наличным флотом плыть к северу от Ньюкасла. Он не был адмиралом, как его брат, но был надежен, и Екатерина на него полагалась.

Ежедневно она получала донесения из Франции, которые доставляли гонцы, по ее приказу загодя расставленные вдоль всей дороги. Уолси были даны строжайшие указания докладывать королеве обо всем, что происходит на фронте военных действий. Она желала получать от него достоверные сведения, поскольку знала, что донесения Генриха будут составлены с оптимистической точки зрения. Отнюдь не все новости доставляли радость. Английская армия прибыла во Францию, ее восторженно встретили в Кале. Однако император Максимилиан не смог собрать свою армию, чтобы, как было договорено, выступить в поддержку Англии. Напротив, жалуясь на бедность и клянясь в горячем желании оказать помощь, император явился в Кале предложить юному королю свою шпагу и свои услуги.

Конечно, Генрих ликовал — еще ни разу не услышав боевого выстрела, он уже одержал первую победу. Екатерина хмурилась, читая ту часть донесения Уолси, в которой говорилось о Максимилиане. Ну конечно, Генрих наймет императора, причем за непомерную плату, и, таким образом, будет вынужден оплачивать действия союзника, который прежде обещал помощь за свой собственный счет. Опять все то же двуличие, характерное для этой кампании с самого ее начала!

Впрочем, по меньшей мере, император будет рядом с Генрихом во время его первой битвы, и на многоопытного вояку можно рассчитывать: он остережет импульсивного молодого короля от безрассудств.

По совету Максимилиана английская армия осадила Теруан. Этот городок, на который император давно поглядывал, не имел тактического значения для англичан, и Генрих, на безопасном расстоянии от орудий ближнего боя, установленных на городских стенах, в полночь браво расхаживал по лагерю, подбадривал постовых, и ему даже позволили выстрелить из пушки^[21].

Между тем шотландцы, которые только и ждали, когда король отправится за моря и Англия окажется беззащитной, деятельно готовились к войне. Уолси с тревогой сообщил об этом Екатерине, спрашивая, не сочтет ли она необходимым ввиду новой опасности отозвать войско из Франции. На это Екатерина ответила, что сама в силах утихомирить шотландцев, и, пользуясь теми списками, которые заранее заготовила, объявила новый призыв по всем городам страны.

Созвав лондонское ополчение на смотр, она — в доспехах, на белом коне — собралась напутствовать свое войско перед тем, как оно отправится на север.

Две камеристки завязывают мне нагрудник, третья держит в руках шлем, лица у них несчастные. Та, что со шлемом, выглядит так, будто он непосильно тяжел, будто она вот-вот его уронит. Я вижу их в зеркало. Глупенькие, не понимают, что я рождена для этой минуты.

Я тихо вздыхаю. В доспехах я так похожа на матушку, словно я ее отражение в зеркале: горделивая, спокойная, с волосами, убранными назад, и глазами, которые сияют не меньше начищенных золотых деталей доспехов, возбужденная, в предвкушении битвы, полная уверенности в победе.

— Неужели вы совсем не боитесь? — тихо спрашивает меня Мария де Салинас.

— Нет, — честно говорю я. — Я королева, дочь королевы, и обязана воевать на благо своей страны. Сейчас не время сидеть на троне и раздавать призы на турнирах. И потому я поеду во главе моей армии.

Ропот удивления.

— Верхом? На север?!

— На парад — отчего ж нет, но на север?!

— Но ведь это опасно!

Я протягиваю руку за шлемом.

— Я поскачу с армией навстречу шотландцам. И если столкновение произойдет, приму бой. А вступив на поле боя, не уйду с него, пока мы не одержим победу.

— А как же мы?

— Три из вас поедут со мной, — с улыбкой, но твердо говорю я, — остальные останутся здесь. Будете продолжать шить знамена, делать бинты и отсылать их мне. Поддерживайте здесь порядок. Тем же, кто поедет со мной, придется стать солдатами. Жалоб и хныканья я не потерплю.

Оставляя возгласы испуга позади, я направляюсь к дверям.

— Мария и Маргарет, прошу вас сейчас со мной!

Войско выстроено перед дворцом. Я медленно еду вдоль ряда, останавливая взгляд на каждом лице. Я видела, как это делали отец и матушка. Отец говорил, что на параде каждый должен почувствовать, что его ценят, что в нем видят отдельного человека, что он является важной, необходимой частицей целого — армии. Я хочу, чтобы мои солдаты знали, что я вижу их, всех и каждого, что я их знаю в лицо. Я хочу, чтобы и они меня знали. Объехав весь строй в пятьсот человек, я останавливаюсь в центре площади и снимаю свой шлем, чтобы все могли меня разглядеть. А потом я начинаю свою речь, стараясь говорить так, чтобы каждый услышал.

— Воины Англии, — говорю я. — Вы и я — мы вместе — отправимся сейчас бить шотландцев, и ни один из нас не дрогнет и не подведет. Мы не отступим, мы дождемся, когда они покажут нам свои спины. Мы не познаем отдыха, пока они не погибнут. Сражаясь бок о бок, мы победим. Не мы затеяли эту войну, она — следствие предательского вторжения, давно замышленного Яковом Шотландским. Это он нарушил заключенный между нами договор, чем оскорбил свою жену-англичанку. Это безбожное вторжение осуждено самим Папой. Яков обдумывал его в течение многих лет. Он выжидал момента, когда мы ослабнем, и, как трус, надеялся ударить исподтишка. Но он ошибся: мы ничуть не ослабли. Мы победим его! Я могу говорить об этом с такой уверенностью, потому что твердо знаю:

Господь на нашей стороне. Господь с нами! Не сомневайтесь: Господь всегда с теми, кто защищает свой дом!

Раздался одобрительный рев, я поворачиваюсь и посылаю улыбку сначала на левый фланг, потом на правый, чтобы они видели, как мне приятно, что они разделяют мой настрой.

— Отлично, — говорю я командиру, который стоит рядом. — Отправляйтесь!

Войско разворачивается и марширует прочь с плаца.

Пока первые подразделения оборонной армии Екатерины продвигались маршем на север под командованием графа Суррея, пополняясь новобранцами по пути, в Лондон то и дело прибывали гонцы. Наконец пришла весть о том, что силы Якова пересекли границу и продвигаются в глубь страны.

— Может, это все-таки обычный набег? — спросила Екатерина, зная, что это не так.

Гонец покачал головой:

— Милорд приказал доложить вашему величеству: французский король пообещал шотландскому, что признает его, если шотландцы нас победят.

— Признает? В каком качестве?

— В качестве английского короля.

Екатерина против ожиданий только кивнула, услышав это, и перешла к более важным вопросам.

— Сколько их числом? — спросила она.

— С точностью сказать не могу... — замялся гонец.

— А примерно?

— Боюсь, тысяч шестьдесят, ваше величество. Возможно, даже больше...

— Насколько больше? Ну?!

Он снова замялся.

Екатерина поднялась с места, отошла к окну и оттуда доверительным тоном сказала:

— Ты сослужишь мне службу, гонец, если скажешь, что ты на самом деле думаешь. Представь себе, что будет, если я выведу с войском навстречу врагу и увижу перед собой гораздо более сильную армию, чем рассчитывала!

— Я бы сказал, там с сотню тысяч, ваше величество, — тихо сказал гонец, ожидая, что она вскрикнет от ужаса, но королева улыбнулась.

— О, этого я не боюсь!

— Не боитесь сотни тысяч шотландцев? — недоверчиво переспросил посыльный.

— Я видывала и побольше, — было ему ответом.

Я знаю, что я готова. Шотландцы валом валят через границу, с устрашающей легкостью овладевая нашими северными крепостями. Между тем цвет английского войска находится за морем, во Франции, и французский король вознамерился победить нас руками шотландцев, на нашей собственной территории, в то время как наша маскарадная армия перемещается по северу его территории, время от времени грозя противнику пальцем. Настал мой час. Решать мне и тем людям, которые остались в моем распоряжении. Я приказываю достать из сундуков штандарты и знамена. Развернутые во главе армии королевские штандарты говорят о том, что в сражении участвует король Англии. Вместо короля буду я.

— Неужели вы, ваше величество, поедете под королевскими знаменами? — удивляется одна из моих дам.

— Разумеется, поеду.

— Но это же должен быть король...

— Король бьется с французами. Я поеду биться с шотландцами.

— Но, ваше величество, королева не может...

Я улыбаюсь. Когда-то я обещала Артуру, что стану королевой-воительницей, вот и стала.

— Может, если она уверена в том, что победит.

— А если... — робко начинает кто-то и замолкает, завидев мой строгий взгляд.

— Не сомневайтесь, я все продумала, — говорю я. — Хороший командир всегда толкует о победе, а про себя обдумывает путь отступления. Я точно знаю, где должна отступить, где перегруппироваться и где снова вступить в бой, а если и тут неудача, то где перегруппироваться снова. Не для того я так долго дожидалась английского трона, чтобы увидеть, как король Шотландии и эта дурочка Маргарита у меня его отнимут.

Армия Екатерины, все сорок тысяч человек, беспорядочно брела за королевской гвардией, под жарким осенним солнцем таща на себе оружие и мешки с провизией. Королева возглавляла движение под тюдоровским штандартом. Дважды в день она объезжала всю колонну, чтобы люди видели ее сейчас, на марше, и узнали потом, на поле битвы. У нее всегда было про запас подбадривающее словцо для тех, кто притомился, тащась в арьергарде и глотая тележную пыль. Притом она много молилась, пробуждалась на рассвете, чтобы отстоять мессу, причащалась в полдень, укладывалась в постель на закате и вставала в полночь, чтобы помолиться за королевство, за короля и... за себя.

Между армией Екатерины и авангардом под командованием Томаса Говарда, графа Суррея, то и дело сновали гонцы. План состоял в том, чтобы Суррей при первой возможности вступил с противником в бой, дабы приостановить стремительное и пагубное продвижение шотландцев в глубь страны. Потерпит Суррей поражение — в дело пойдет армия Екатерины, которая остановит противника на границе южных графств Англии. Если же неудача постигнет англичан и здесь, то Екатерина с Сурреем оставшимися силами пойдут на защиту Лондона. Перегруппируются, призовут народное ополчение, построят земляные укрепления вокруг Сити. Если же рухнет и этот план, то тогда армия отступит в Тауэр, где можно продержаться до прихода из Франции основных сил.

Суррей обеспокоен тем, что я приказала ему одному идти на врага, — он предпочел бы, чтобы мы ударили объединенными усилиями, однако я настаиваю, чтобы мы следовали моему плану. Конечно, ударить всей мощью было бы безопасней, но я веду оборонительную кампанию. Необходимо иметь резерв на тот случай, если шотландцы победят в первой битве. Одним сражением тут дело не ограничится. Идет война, которая должна усмирить шотландцев на десятки лет, а лучше бы — навсегда.

Я борюсь с искушением приказать ему дожидаться меня, до того мне хочется в бой! Я совсем не чувствую страха, ей-богу, только какую-то дикую радость, словно я сокол, которого долго держали в клетке, а теперь отпустили. Однако мне хватает здравого смысла, чтобы не бросить людей в битву, поражение в которой откроет дорогу

к Лондону. Суррей считает, общими силами мы наверняка победим, но я-то знаю, что в военном деле ничего наверняка не бывает. У меня есть план и для моих войск, и для войск Суррея. И продумана позиция, на которую можно отступить, а затем еще и еще одна. Шотландцы могут выиграть одну битву, но отнять мой трон им ни за что не удастся.

Мы находимся в шестидесяти милях от Лондона, в Букингеме. Армия идет с хорошей скоростью для пешего марша, а для английской армии, которая, поговаривают, в дороге имеет обыкновение мешкать, это просто превосходная скорость.

И еще у меня есть секрет. Каждый вечер, оставив седло, я первым делом иду в палатку или куда-нибудь, где могу побыть одна, поднимаю юбки и осматриваю свое белье. Я жду месячных, и уже второй месяц их нет. Надеюсь, и очень сильно, что перед отплытием во Францию Генрих наградил меня ребенком.

Я никому не скажу об этом, даже камеристкам. Представляю, какой крик они поднимут, когда узнают, что я, беременная, каждый день езжу верхом и собираюсь сражаться! Конечно, ничего нет важнее, чем наследник трона, за исключением одной вещи — защиты Англии, чтобы этому ребенку было что наследовать. Я стисну зубы и приму на себя этот риск.

Люди знают, что их ведет сама королева, что я обещала им победу. Они бодро вышагивают и будут биться насмерть, потому что верят в меня. Люди Суррея, которые ближе к врагу, чем мы, знают, что за ними стоит моя армия. Они знают, что я сама веду подкрепление. Молва об этом идет по всей стране, люди горды тем, что королева с ними. Если я сейчас повернусь лицом к Лондону и велю им продолжать без меня, потому что у меня появились женские заботы, они тоже все бросят и отправятся по домам. Так все и будет, я нимало в этом не сомневаюсь. Они подумают, что я струсилась, что потеряла в них веру, что предчувствую поражение. И без того полно слухов о неудержимой мощи шотландцев — сто тысяч диких горцев!

А, кроме того, если я не могу спасти королевство для моего ребенка, какой смысл заводить детей? Нет, необходимо побить шотландцев, а для этого нужно стать полководцем. Выполнив свой долг, я со спокойной совестью снова стану жить как женщина.

Ночью я получила от Суррея известие, что шотландцы расположились лагерем на возвышенности, в местечке под названием

Флодден, и заняли оборону, держа под контролем подходы с юга. Прислал он и карту, набросок от руки, один взгляд на которую говорит, что не дело идти в атаку снизу вверх, когда там расположился хорошо вооруженный противник. Лучники засыпят нападающих стрелами, а кого пощадит стрела, не пощадят свирепые горцы. Ни одна армия не справится с такой атакой.

— Скажи своему господину, я советую выслать разведчиков, пусть найдут путь, каким можно обойти лагерь и напасть на врага с севера, — говорю я гонцу, не отрывая глаз от карты. — Пусть прибегнет к уловке — оставит на виду у шотландцев столько людей, чтобы привязать их к месту, а остальных отведет, словно они направляются на север. Если повезет, шотландцы пустятся в погоню, и тогда, возможно, удастся вывести их на ровное место. Если ж не повезет, придется напасть с тыла. Что там за почва? Тут на карте вроде бы какой-то ручей.

— Почва болотистая, — кивает гонец. — Есть вероятность, что мы увязнем.

Я закусываю губу.

— Что ж! Скажи милорду, это совет, а не приказ. Он командир, пусть сам принимает решение. Однако скажи ему, что я уверена: необходимо согнать шотландцев с холма. Скажи ему, ни в коем случае нельзя атаковать снизу вверх. Нужно либо обойти лагерь и ударить с тыла, либо сманить их вниз.

Гонец кланяется и уходит. Господи, хоть бы он передал мои слова Суррею! Если тот думает, что можно воевать с шотландцами, атакуя вверх по холму, он погиб! Но тут в палатку, помочь мне переодеться, входит моя усталая и перепуганная камеристка.

— Что же будет?

— Пойдем на север, — коротко отвечаю я.

— Но сражение может начаться в любой момент!

— Конечно, и, если Суррей победит, мы повернем к дому. Однако же если нет, встанем между шотландцами и Лондоном.

— И что? — шепчет она.

— Побьем их!

— Ваше величество! — врывается в палатку паж, второпях едва отвесив поклон. — Гонец от милорда Суррея! С новостями о битве!

Екатерина, не успев снять кольчугу, оборачивается к нему:

— Впусти его!

Однако тот уже был в палатке, весь в грязи, но с сиянием в глазах, которое больше всяких слов говорило, что он с доброй вестью.

— Ну? — выдохнула королева.

— Победа, ваше величество, победа!^[22] Король Шотландский погиб, его сын тоже, сражены графы Аргайл, Леннокс, Ботвелл! Это поражение, от которого они никогда не оправятся! В один день лишиться цвета шотландского рыцарства!

Кровь отлила от лица королевы.

— Что, мы победили?!

— Вы победили, ваше величество, — галантно ответил вестник. — Милорд Суррей просил передать, ваши люди, собранные и выученные вами, сделали то, что вы приказали им сделать. Это ваша победа, вы обеспечили Англии мир!

Рука Екатерины сама собой легла на живот, под изгиб стального доспеха.

— Мы спасены, — проговорила она.

— Да, ваше величество. И еще милорд прислал вам вот это... — Гонец с поклоном протянул ей что-то белое в пятнах крови.

— Что это?

— Рубашка короля Шотландии. Мы сняли ее с мертвого тела, как доказательство. Тело у нас, мы его забальзамируем. Он погиб, шотландцы побеждены.

— Составь мне подробный отчет, — приказала она. — Ты говори, а писец все запишет. Припомни все, что знаешь. Все, что сказал лорд Суррей. Я должна написать королю.

— Лорд Суррей спрашивает...

— Да?

— Не следует ли нам сразу направиться в Шотландию и разграбить... то есть навести там порядок? Он говорит, большого противодействия не будет. Это наш шанс. Мы можем уничтожить шотландцев, они у наших ног.

— Разумеется, — было решила она, но тут же нахмурилась.

Такой ответ дал бы любой монарх в Европе. Беспокойный сосед, вечный враг повержен в прах. Ни один владыка христианского мира не упустил бы такого отличного шанса отомстить!

— Нет-нет, погоди минуту!

Повернувшись к гонцу спиной, Екатерина подошла к выходу из палатки. Снаружи люди готовились провести еще одну ночь в дороге, вдали от своих семей. По всему лагерю горели костры, чадили факелы, пахло готовящейся едой, нечистотами, потом. Эти запахи сопровождали Екатерину все ее детство. Первые семь лет ее жизни прошли в постоянной войне с врагом, которого загоняли все дальше и дальше, пока, наконец, не загнали в рабство, в изгнание, в смерть.

Думай, говорю я себе. Не поддавайся на жалость, думай головой, пусти в дело солдатский здравый смысл. Суди не как женщина, под сердцем у которой ребенок, которая знает, сколько женщин овдовело сегодня в Шотландии. Суди, как королева. Враг повержен, перед тобой беззащитная страна, ее король мертв, ее королева — юная дурочка и твоя невестка. Ты можешь порубить эту страну на куски, можешь сшить из нее лоскутное одеяло. Любой мало-мальски опытный полководец в таких обстоятельствах разорил бы ее и оставил в руинах на целое поколение. Мой отец сделал бы так, не задумавшись ни на мгновение. Моя мать уже отдала бы приказ.

Я же останавливаю себя. Они были неправы, мой отец и моя мать. Наконец-то я сказала про себя эти невысказанные ранее слова. Они были неправы, мой отец и моя мать. Как воителям им не было равных, убежденности в них было с избытком, и звали их — «христианские короли». Но все-таки они были неправы. Вся моя жизнь ушла на то, чтобы это понять.

Постоянная война — оружие обоюдоострое, оно ранит всех — и победителя, и побежденного. Если сейчас мы пустимся вослед шотландцам, нам не будет удержу, мы опустошим страну на много поколений вперед. Однако на пустошах растут только крысы и сорняки. Со временем страна возродится, и тогда, помня свое унижение, шотландцы снова пойдут на нас. Их дети пойдут на моих детей, и им придется биться снова и снова. Ненависть плодит ненависть. Мои родители прогнали мавров за моря, но всякий знает, что они выиграли всего лишь один тур в войне, которая закончится только тогда, когда христиане и мусульмане научатся жить бок о бок в мире и покое. Изабелла и Фердинанд победили мавров, однако их дети и дети их детей в ответ на Крестовые походы столкнутся с джихадом.

Война — это не ответ на войну, войной войну не закончить. Закончить войну может только мир.

— Пришлите мне свежего гонца, — сказала Екатерина через плечо и, когда тот пришел, велела: — Ты поскачешь к милорду Суррею и скажешь ему, что я сердечно благодарю его за радостную весть о достойной победе. Затем ты скажешь ему: пусть прикажет шотландским воинам сдать все оружие и отпустит их с миром. Я сама напишу шотландской королеве и пообещаю ей мир, если она будет нам доброй сестрой и хорошей соседкой. Победитель должен быть милосердным. Благодаря нашей победе мы добьемся долгого мира.

Гонец, поклонившись, исчез. Екатерина повернулась к тому воину, который доставил весть о победе:

— Поди поешь и умойся. Можешь рассказать всем, что мы одержали великую победу. Мы возвращаемся домой, обеспечив Англии мир и покой.

Оставшись одна, королева уселась за походный стол и пододвинула к себе шкатулку с письменными принадлежностями: заткнутой пробкой маленькой стеклянной бутылочкой с чернилами, коротко обрезанным, чтобы помещаться в шкатулку, гусиным пером и сургучом. Вытащив лист бумаги, Екатерина положила его перед собой, вывела обращение и задумалась. Предстояло написать королю о победе.

В подтверждение того, что я держу свое слово, посылаю вашему величеству рубашку шотландского короля, велите употребить ее на штандарт. Хотела было послать вам и самое тело, но английское представление о милосердии того не допускает.

Я медлю, думая о том, что победа дает мне право с чистой совестью вернуться в Лондон и готовиться к рождению младенца — теперь я уж точно знаю, что понесла. Хотелось бы тут же сообщить Генриху, что я беременна, но об этом надо написать лично. Это же письмо, как почти всякое в нашей переписке, наверняка пойдет по рукам. Генрих сам никогда свою почту не вскрывает, это делает секретарь и зачитывает письма вслух, и ответы от его имени тоже

секретарь пишет. Потом я вспоминаю, как говорила при нем, что если Святая Дева дарует нам дитя, то я сразу отправлюсь в Вальсингам, принести благодарность. Если он тоже об этом помнит, то все поймет. Кто угодно может прочесть королю письмо, но его смысл во всей полноте станет ясен одному только Генриху, он поймет, что я снова брюхата, что у нас может быть сын. Я улыбаюсь и начинаю писать, представляя, какую радость ему доставит мое послание.

Молю Господа, чтобы Он скорее привел тебя домой, а пока отправляюсь в Вальсингам, согласно данному мной обету.

Неизменно покорная тебе жена,
Екатерина.

Вальсингам, осень 1513 года

Коленопреклоненная Екатерина застыла перед алтарем Богоматери Вальсингамской, устремив взор на улыбающееся изображение, но перед глазами ее стояло лицо Артура. «Любимый, мне удалась наша затея! Я отправила Генриху рубашку шотландского короля, всячески подчеркнув, что это его, не моя, заслуга. Но на самом деле вся заслуга — твоя. Твоя, потому что я приехала к тебе, в твою страну, с мыслями о том, что главнейшая угроза — мавры. Ты научил меня, что в Англии это не так, что главная угроза здесь — шотландцы. А затем, любимый, жизнь преподала мне куда более тяжкий урок. Урок этот состоит в том, что разумней простить врага, чем его уничтожить. Не прогони мы, не уничтожь мавританских лекарей, астрономов, математиков, жизнь стала бы неизмеримо лучше. А что касается шотландцев, я верю, что придет час, когда нам потребуется их мужество и мастерство. Надеюсь, моя протянутая с миром рука приведет к тому, что они простят нам битву при Флоддене.

У меня есть все, о чем я когда-либо мечтала. Все, кроме тебя, любимый. Я выиграла битву, которая принесет Англии мир. Я зачала дитя и уверена, что это дитя выживет. Если будет мальчик, я дам ему имя Артур, в твою честь. Если девочка, я назову ее Мария, как ты хотел. Я — королева Англии. Меня любит народ, а из Генриха получится хороший человек и добрый супруг».

Я крепко закрываю глаза, чтобы слезы не полились по щекам.

«Только тебя, только тебя недостает мне, любимый. Всегда и неизменно. Только тебя».

— Вашему величеству плохо? — над ухом звучит тихий голос, и я открываю глаза. Это монахиня. — Мы не хотели вас беспокоить, но вы молитесь уже несколько часов...

— Ах да, — пытаюсь я улыбнуться. Все мое тело как деревянное, особенно ноги. — Я сейчас приду. А пока оставьте меня.

Я хочу вернуться к беседе с Артуром, но он исчез.

— Жди меня в нашем саду, — шепчу я. — Я приду. Я скоро приду.

Блэкфрайерс-холл

Заседание в присутствии папского

легата по бракоразводному делу короля

Июнь 1529 года

Слова имеют вес. Нельзя сделать сказанное несказанным. Слово — как камень, брошенный в пруд: круги идут по воде, и не знаешь, какого берега они достигнут. Когда-то ночью я сказала одному юноше: «Я тебя люблю и буду любить вечно». Когда-то я сказала: «Я обещаю». Это обещание, данное двадцать семь лет назад по ряду причин — чтобы утешить умирающего юношу, чтобы выполнить Божью волю, чтобы порадовать матушку и, если уж говорить начистоту, чтобы удовлетворить собственное честолюбие, — прибегает ко мне волной, лижущей мраморную облицовку пруда, а потом отступает назад, к центру. Я всегда знала, что за мою ложь мне придется держать ответ перед Господом, но думать не думала, что придется держать ответ перед людьми. Думать не думала, что они спросят с меня за обещание, данное во имя любви, за шепот, прозвучавший между нами троими: Господом, Артуром и мною. Так и вышло, что в гордыне своей я никогда не держала ответа. Напротив, я твердо стояла на своем, держалась за свою правоту. Как, впрочем, и я в этом твердо уверена, поступал бы каждый на моем месте. Оказалось, мне следует опасаться новой возлюбленной Генриха, дочери Элизабет Болейн, моей придворной дамы: у этой штучки обнаружилось честолюбие почище моего. Знаю — как мужчина Генрих ей не нужен. Передо мной прошла целая череда его любовниц, и я научилась читать в них, как в детской книжке. Болейн же возжелала моего трона. Дело это не простое, но она полна решимости и упорства. И с тех самых пор, как она проторила тропку к сердцу Генриха и его тайнам, я нюхом чую, что так же, как хищная ласка по запаху крови выходит на капкан, в который попался кролик, она выйдет и на мою тайну. И, выйдя, повернет дело в свою пользу.

Служитель провозглашает:

— Суд приглашает Екатерину Арагонскую, королеву Англии! — но судьи не ждут ответа, это формальность.

В зале нет юристов, готовых меня защищать. Я ясно дала понять, что не признаю этого суда. Они могут продолжать без меня. Служитель собрался уже выкликнуть следующего свидетеля...

Но я отвечаю.

Мои люди распахивают двойные двери в хорошо знакомый мне зал. Я вхожу с высоко поднятой головой, мое бесстрашие мне не изменяет. На королевском троне в дальнем конце зала под золотым балдахином, в короне, которая ему не к лицу, сидит мой муж — мой фальшивый, лживый предатель супруг.

На помосте пониже, тоже под балдахинами, в золоченых креслах, на парчовых подушках восседают два кардинала. Это подлый предатель Томас Уолси, краснолицый под стать своему кардинальскому одеянию, он избегает встречаться со мной взглядом, и слабовольный кардинал Лоренцо Кампеджо. Все три физиономии, короля и его приспешников, отражают глубокое смятение.

Они думали, что, запуганная, запутавшаяся, разлученная с дочерью и друзьями, я не появлюсь перед судом. Они думали, я утону в пучине отчаяния, как моя бабка, или сойду с ума, подобно моей сестре. Сделав все возможное, чтобы разбить мне сердце, они представить себе не могли, что у меня хватит духу предстать перед судом и с полным ощущением своей правоты смотреть им в глаза.

Они забыли, кто я такая. Слушаются советов этой Болейн, которая никогда не видела меня в доспехах, не знает, что за люди были мои матушка и отец. Я для нее — старая королева Екатерина, богомольная, раздобревшая, скучная. Она понятия не имеет, что глубоко внутри я по-прежнему Каталина, инфанта Испанская, прирожденная королева, с пеленок приученная к борьбе. Я женщина, которой пришлось боем брать все, что у нее есть, и я буду бороться до конца. Своего не отдам и выйду из борьбы победительницей.

Они не представляют, на что я способна, чтобы защитить себя и наследие своей дочери, моей обожаемой Марии, имя которой дал когда-то Артур. Неужто я допущу, чтобы мою Марию отодвинул какой-то выродок, выношенный этой Болейн?

Это их первая ошибка.

Кардиналов я полностью игнорирую. Так же игнорирую и прочих судейских — секретарей, помощников, писцов, которые сидят на скамейках по стенам, скребут перьями по пергаментным свиткам, запечатлевают этот фарс для потомства. Я игнорирую суд, город, даже людей, которые с любовью шепчут мое имя. Я смотрю только на Генриха.

Я знаю его как свои пять пальцев. Лучше, чем кто-либо еще на свете, и, уж конечно, лучше, чем его нынешняя фаворитка. Я видела его и мальчиком и мужем. Я помню его десятилетним, когда он приехал встретить меня на пути к жениху и так забавно выпрашивал в подарок берберского скакуна. Маленького Генриха так легко было завоевать лестью и подарками! Я видела его глазами его брата, который говорил, и совершенно справедливо, что избалованный ребенок вырастет в избалованного мужчину и станет опасным для всех. Я видела его юношей и заполучила себе место на троне тем, что подпевала его тщеславию. Я была для него самым желанным из призов и позволила ему этот приз выиграть. Я видела мужчину тщеславного и надутого, как павлин, когда отдала ему всю славу за мою победу над шотландцами, самую славную победу в английской истории.

По требованию Артура я солгала. Солгала низко, как только может солгать женщина, и буду тверда в своей лжи до гробовой доски. Я инфанта Испанская — если уж дала обещание, его выполню. Мой любимый, Артур, на смертном одре потребовал от меня клятвы, и я ему поклялась. Он просил меня объявить, что мы никогда не были любовниками, приказал выйти замуж за его брата и стать королевой. Я выполнила все, что обещала. За все эти годы ни на секунду я не усомнилась, что на то была Господня воля, чтобы я стала королевой Англии, и королевой я буду, пока не умру. Именно я спасла Англию от нашествия шотландцев — Генрих был слишком молод и неопытен, чтобы повести армию в бой. Он бы предложил Якову рыцарский поединок, проиграл битву и погиб при Флоддене, а его сестра Маргарита заняла бы мое место на английском троне. Этого не случилось, потому что я не позволила, я, королева, которой пребуду, пока не умру.

Я не раскаиваюсь в своей лжи. Я придерживалась ее неуклонно и заставила поверить в нее всех, какие бы сомнения они ни питали. По мере того как Генрих вырослел и лучше узнавал меня и других

женщин, он, несомненно, убеждался в том, что не девственницей стояла я с ним у алтаря, что я его обманула. Однако за все двадцать лет брака лишь единожды, в самом начале, он нашел в себе мужество заговорить об этом. Сейчас, стоя в зале суда, я уверена, что и сегодня ему не хватит духу спросить меня снова. Даже сейчас! Моя сила зиждется на уверенности в том, что он слаб. Видя меня перед собой, вынужденный смотреть мне в глаза, он не посмеет утверждать, что я пришла к нему не девственницей, что до того я была женой и возлюбленной Артура. Его тщеславие не позволит ему признать, что я любила Артура с истинной страстью, а Артур — меня. Что, по правде говоря, я живу и умру женой и возлюбленной Артура, так что брак с Генрихом можно с полным основанием аннулировать.

Нет, он не столь мужественен, как я. Если я встану гордо, прямо и снова повторю свою великую ложь, он ни за что не посмеет сказать правду.

— Суд вызывает Екатерину Арагонскую, королеву Англии, — глупо повторяет герольд, между тем как все могли видеть, что я уже в зале и, как испытанный боец, стою перед троном.

Это меня они вызывают. Это мой титул. Надежда моего умирающего мужа, желание моей матушки и воля Господа Бога состояли в том, чтобы я стала королевой Англии, и во имя их и во имя этой страны, которую я полюбила, я буду ею, пока не умру.

— Суд вызывает Екатерину Арагонскую, королеву Англии!

Это я. Это мой час. Это мой боевой клич.

Я делаю шаг вперед.

От автора

Екатерина Арагонская жила и умерла королевой, а ее дочь, принцесса Мария, унаследовала трон Англии. Многие говорят в пользу того, что ее брак с Артуром был консумирован и в первую брачную ночь, и позже, однако она сама это отрицала. Мой роман — попытка реконструировать обстоятельства, вызвавшие к жизни такую необыкновенную ложь. Благодарю за помощь сотрудников Альгамбры в Гранаде и замка Ладлоу. Более подробная информация об исторических реалиях и героях книги представлена на моем сайте www.PhilippaGregory.com

notes

Примечания

1

Маргарита Бофор — внучка внебрачного, но впоследствии узаконенного сына основателя дома Ланкастеров, Джона Гонта. Вышла замуж за Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда. В 14 лет, через несколько месяцев после смерти мужа, родила единственного ребенка — будущего Генриха VII. В это время уже шла Война Алой и Белой розы. Овдовевшая графиня Ричмонд еще дважды выходила замуж за видных сторонников дома Ланкастеров, второй из них, Джон Стенли, впоследствии помог пасынку, изменив Ричарду III в битве при Босуорте. (Здесь и далее примеч. переводчика.).

Генрих Тюдор, наследник по женской линии ланкастерской ветви династии, по существу, прав на трон не имел, так как со стороны и матери и отца имел незаконнорожденных предков, он и Ланкастерам мог наследовать весьма условно. Генрих стал королем благодаря победе в битве при Босуорте. Это сражение произошло в 22 августа 1485 г. на Босуортском поле в Лестершире. Авангард армии короля Ричарда под командованием герцога Норфолка атаковал авангард Тюдора под командованием графа Оксфорда. Норфолк, опытный и мужественный командир, почти сразу погиб, что, вероятно, повлияло на исход боя. Затем силы лорда Стенли перешли на сторону Генриха. Чтобы переломить неблагоприятно складывающуюся ситуацию, Ричард III в лучших традициях рыцарства решил сам возглавить атаку, убить претендента, — и тем самым решить исход боя. Атака началась успешно — королю удалось убить знаменосца Тюдора, сбросив на землю его штандарт, но тут напавшие на Ричарда сзади солдаты из отряда Стенли убили монарха. После его гибели остатки королевской армии сдались на милость победителей. Это был последний в истории Англии случай смерти короля на поле сражения.

Начало возвышению династии Тюдоров (1485–1603) положил рыцарь Оуэн Тюдор (ум. 1461), женившийся в 1422 г. на Екатерине Валуа (1404–1438), дочери французского короля Карла VI (правил в 1380–1422 гг.) и вдове английского короля Генриха V Ланкастера (правиле 1413–1422 гг.). Их сын Эдмунд Тюдор (ок. 1430–1456) в 1455 г. вступил в брак с Маргаритой Бофор (1441–1509), представительницей младшего колена династии Плантагенетов-Ланкастеров. От Бофоров к Тюдорам перешло графство Ричмонд. Сын Эдмунда и Маргариты граф Генрих Ричмонд (1457–1509) после свержения Ланкастеров Плантагенетами-Йорками и убийства Генриха VI заявил (1484) о своих правах на английскую корону как старший из оставшихся в живых членов дома Ланкастеров, хотя ветвь Бофоров была исключена из порядка престолонаследия королем Генрихом IV.

Брат Изабеллы, Энрике IV Бессильный, был женат дважды. Первый брак Папа Римский расторг ввиду того, что он не был консумирован (после тринадцати лет брака королева осталась девственницей). Спустя шесть лет после заключения второго брака родилась дочь Хуана, в отцовстве которой подозревали придворного Бельтрана де ла Куэву, фаворита короля. И среди современников, и в истории она осталась под прозвищем «Хуана Бельтранеха». Впоследствии Изабелла воевала с ней за право наследовать кастильский трон.

Педро Гирон, глава католического военного ордена Калатравы, имел большую власть над королем Энрике IV Бессильным. Пытаясь расположить к себе орден, король хотел женить монаха Гирона на своей сестре, будущей королеве Изабелле. Этот брак был дозволен Папой и не состоялся только из-за смерти жениха.

6

Брак с Фердинандом был заключен 19 октября 1469 г., предполагается, в Вальядолиде. Бракосочетание было тайным, так как король Энрике не дал на него своего разрешения. Свита жениха прибыла в Кастилию, переодевшись купцами. Кроме того, так как жених и невеста были кузенами, требовалось разрешение от Папы. Необходимый документ был сфабрикован, разрешение получено задним числом. Фердинанд, наследник трона Арагона, в силу брачного договора обязывался жить в Кастилии, соблюдать законы страны и ничего не предпринимать без согласия Изабеллы, становясь, таким образом, принцем-консортом при будущей королеве.

По традиции, это стихотворение приписывается Абд ар-Рахману Первому (ок. 734–788), эмиру с 756 г., основателю династии кордовских Омейядов и эмирата на Пиренейском полуострове, по прозвищу «ад-Дахиль», что значит «Пришелец». (Перевод В. Потаповой.)

8

Трастамара — королевская династия, правившая в Кастилии (1369–1555), Арагоне и Сицилии (1412–1516), Неаполе (1435–1516), Наварре (1425–1484).

9

Скрытный и коварный, умело использовавший ошибки и слабости противников, Фердинанд заслужил высочайшую похвалу Макиавелли: «Есть в наше время один государь... который, кроме мира и верности, никогда и ничего не проповедует. На деле же он тому и другому великий враг; и верно — храни он верность и мир, уже давно лишился бы и славы, и государства» («Государь», гл. 18).

10

Говарды — знатный шотландский род, из которого происходила Екатерина Говард, пятая жена Генриха VIII.

Ранним утром 28 февраля 1482 г. небольшой отряд испанцев под командованием Хуана де Ортиги штурмовал крепость Альгаму, входившую в кольцо укреплений вокруг столицы мавров Гранады. После ожесточенной схватки испанцы овладели городом. Эмир Гранады Абу-ль-Хасан попытался отбить Гранаду и 5 марта 1482 г. сосредоточил под ее стенами 50 000 мавров. Однако испанцы храбро оборонялись; и 29 марта Абу-ль-Хасан, встревоженный приближением испанских сил под командованием короля Фердинанда, снял осаду.

12

Абенсеррахи — благородный мавританский род, потомки Юсуфа ибн-Серраха; представители этого семейства были вероломно убиты около 1460 г. в Альгамбре халифом Абу Хасаном.

Джаспер Тюдор (1431?-1495) — известный также как Джаспер из Хэтфилда — младший брат отца Генриха VII, Эдмунда. При Генрихе VI стал графом Пемброком. Активно участвовал в междоусобице сначала на стороне Йорков, потом — Ланкастеров. В изгнании опекал вдову брата и племянника, будущего Генриха VII. В 1486–1494 гг. правил Ирландией. Подавил мятежи Ловелла и Симнела, возглавил вторжение во Францию в 1492 г.

Дочь Елизаветы Вудвилл и Эдуарда IV; родилась в 1466 г.; была сначала помолвлена с французским дофином, будущим Карлом VIII, но брак этот, по воле Людовика XI, не состоялся. Ричард III заключил ее в темницу. Елизавету освободил Генрих VII. Их брак (в 1486 г. положил конец долговременной борьбе йоркской и ланкастерской партий (Войне Алой и Белой розы).

Согласно легенде, внедренной в массовое сознание Томасом Мором и Уильямом Шекспиром, после смерти Эдуарда IV брат его Ричард сделался опекуном двух его малолетних сыновей и правителем государства. Не довольствуясь неполной властью, прибегнув к ряду убийств, он добился престола, стал английским королем Ричардом III и повелел задушить заточенных в Тауэре несчастных сыновей Эдуарда IV.

Захватив в 1066 г. власть над Англией, герцог Вильгельм Завоеватель, ставший с того момента королем Вильгельмом I, основал Нормандскую династию, правившую почти век — до 1154 г. После смерти бездетного короля Стефана на трон под именем Генрих II взошел дальний свойственник Стефана — Готфрид Красивый, граф Анжуйский, за обыкновение украшать шлем веткой дрока (*planta genista*) прозванный Плантагенетом и передавший это имя наследникам в качестве династического. Восемь венценосцев этой династии правили больше двух столетий.

Эдуард IV был женат на Елизавете Вудвилль (1437–1492), вдове лорда Грея, которая была старше его; страсть его объясняли разными причинами, вплоть до колдовства.

Гиень — старая французская провинция, часть Аквитании, некогда герцогство, главный город — Бордо. С 1154 г. в английском владении, в 1453 г. завоевана Карлом VII и присоединена к Франции.

Уолси Томас (1473–1530) — канцлер английского королевства в 1515–1529 г.; архиепископ Йоркский с 1514 г.; кардинал с 1515 г. До 1529 г. считался самым могущественным человеком в Англии после короля Генриха VIII, держал в своих руках, по сути, всю внешнюю и внутреннюю политику страны и нажил огромное состояние. Попав в опалу в связи с отказом Папы санкционировать развод короля с Екатериной Арагонской, лишился титулов и удалился из столицы, однако был взят под стражу как государственный преступник и отправлен в Лондон. Уолси умер по дороге к королю в Лестерском аббатстве.

Согласно историческим источникам, 25 апреля 1512 г. у Леконке (при входе в Гулэ-де-Брест) лорд Говард, 35-летний верховный адмирал, был серьезно ранен, прыгнул за борт, чтобы избежать плена, и утонул. Английский флот, деморализованный его гибелью, снял осаду и вернулся в Плимут.

16 августа 1513 г. отряд французской кавалерии, посланный на помощь Теруану, осажденному англичанами под командованием Генриха VIII и австрийскими войсками Максимилиана I, был обращен в бегство. Французы бежали столь стремительно, что схватку окрестили «Битва шпор».

К утру 9 сентября 1513 г. шотландские войска встали хорошо укрепленным лагерем на западном берегу реки Тилл в Нортумберленде. Английская армия, продвигаясь по восточному берегу реки, форсировала Тилл, застав шотландцев врасплох. Они были вынуждены оставить лагерь и занять Флодденские холмы. Численность армий противников была примерно равной — по 20 000–25 000 человек, однако артиллерия шотландцев была тяжелой и неманевренной. Похоже, впервые в истории военного дела именно артиллерия решила исход боя: легкие и точные корабельные орудия англичан быстро разбили громоздкую артиллерию шотландцев. Начался дождь, по слякоти лучники и конница стали бесполезны, сражение пошло врукопашную и длилось до глубокой ночи. Шотландская армия понесла огромные потери, до 10 000 человек, что втрое превысило потери англичан.

Table of Contents

[Принцесса Уэльская](#)

[Дворец, Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года](#)

[Лондон, ноябрь 1501 года](#)

[Замок Ладлоу, январь 1502 года](#)

[Ладлоу, март 1502 года](#)

[Замок Ладлоу, 2 апреля 1502 года](#)

[Ожидание Зима 1503 года](#)

[Апрель 1503 года](#)

[Уайтхолл, июнь 1503 года](#)

[Снова принцесса 1504 год](#)

[1509 год](#)

[Гринвичский дворец, 11 июня 1509 года](#)

[Лето 1509 года](#)

[Екатерина, королева Англии Лето 1509 года](#)

[Осень 1509 года](#)

[Вестминстерский дворец, январь 1510 года](#)

[Весна 1510 года](#)

[Гринвичский дворец, май 1510 года](#)

[Весна 1511 года](#)

[1 января 1512 года](#)

[Весна 1513 года](#)

[Лето 1513 года](#)

[Вальсингам, осень 1513 года](#)

[Блэкфрайерс-холл Заседание в присутствии папского легата по
бракоразводному делу короля Июнь 1529 года](#)

[От автора](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

